

Красный волк

Свидрицкая Н.

Н. Свидрицкая

Красный волк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69822853
SelfPub; 2023

Аннотация

Невероятное везение, сумасшедшая решимость, авантюризм и интеллект – вот, что характеризует Анну Мессейс, бывшую Полонскую, и ее странных родственников, двойников самого ненавидимого существа в Известной Вселенной. Сколько их, зачем они понадобились, и к чему приведут все невероятные повороты судьбы и происки неявных сил? Обложка и иллюстрации созданы автором с помощью нейросети Кандинский 2.2

Н. Свидрицкая

Красный волк

«Мифология мероканцев настолько древняя, что к моменту Ухода можно было обнаружить только остатки её в Гамах и суевериях Интравертных каст. Проведя длительные и тщательные исследования, я * обнаружил, в частности, следы культов Ти и Мерц, демонов, чьи имена носят луны Мерака.»

«Мерц – женское божество, демон мщения, любви, войны и закона. Её символом является ромб с точкой внутри, который со временем превратился в часть кастового знака Реалистов, Касты судей и бунтарей. Так же это голубая луна Мерака, которая находится так далеко от планеты, что не имеет фаз. С Мерц связан и Красный Волк, тотем Военной Касты. Он олицетворяет

неотвратимость мести, но и благородство сурового демона».

« Ти – двуполое божество, андрогин, и так же двойственна природа его силы и влияния. Видный в небе Мерака и но-

чью и днём, Ти стремительно меняет свои фазы. То тёмный, то светлый, исчезающий и снова возникающий, Ти всепроникающ, но бесстрастен; изменчивый, себе он не изменяет даже противореча. Отчасти Ти является символом мировоззрения мероканцев, заключённого в строгие кастовые рамки, но внутри этих рамок абсолютно свободного. В отличие от Мерц, покровительствующей и закону, и мести, Ти олицетворял водную стихию и был душой музыки».

* Здесь и далее будут цитироваться работы Гэвэнто Мессейс, кроме отмеченных особо работ других авторов.

Предисловие

Моя непреодолимая страсть поумничать подстрекает меня к написанию предисловия ко второй части моей книги. Впрочем, если кто-то не любит длинные предисловия, может спокойно пропустить его, на сюжет это не повлияет. Здесь я, во-первых, хочу объяснить, почему мои герои разговаривают так обычно, применяя обычные современные словечки, фразеологизмы и идиомы. С самого начала передо мной встала дилемма: переводить дословно, или сохраняя только смысл и настроение? Во втором случае теряется вкус и шарм чуждого языка, его особенности и очарование, а так же неявными становятся проблемы геройни, изучающей его. Но с другой стороны, и я, и читатели утонут в сносках и пояснениях.

ниях, а так же, что важнее, потеряется смысловая, эмоциональная составляющая, которая кажется мне намного важнее. Так что речь героев – это не перевод. Это вольный пересказ.

Во-вторых, я считаю совершенно невозможным, описывая целую планету, изображать её чем-то вроде провинциального портового города, как делают это большинство авторов, описывающих инопланетье. Это хотя и очень удобно, но и нелогично, и не умно. Из-за педантичности моей натуры я не могу поступить подобным образом, да и, зная столько о Корте и других планетах Союза, как я могу писать о них так убого?

С другой же стороны, это просто невозможно: рассказать о целой планете ВСЁ. Я вполне отдаю себе отчёт в том, какая скука обуяет иного читателя при чтении даже и этого скромного предисловия; если же я начну географический отчёт.... Даже моё собственное нутро восстаёт против этого тяжкого бессмысленного труда. И всё-таки без какого-то предисловия не обойтись. Так как основное действие развернётся на Корте, я попытаюсь дать самое общее представление хотя бы об этой водяной планете. Увы, и Кинтана, и Шхар, и Бард, и особенно Раббе, о которой, к стыду своему, я знаю совсем мало, в это предисловие не попадают.

На Корте воды даже больше, чем на Земле. Материк на Корте всего один, но очень большой: как Европа, Азия и

Африка, вместе взятые, только сильно вытянутые Африкой вдоль экватора. Ожерелья и созвездия самых разнообразных островов и архипелагов разбросаны по всей планете, но меньше всего их на севере, в мега океане Корты, пустынном, буйном и загадочном. На островах южных морей множество различных народов, цивилизаций, религий и культов – такое множество, и такое разнообразие, что одно перечисление имеющихся там племён заняло бы несколько страниц. Так вышло, что кайнозойская эра совпала на Корте с развитой цивилизацией, и это, несомненно, является её самой главной и интересной особенностью. Динозавров на ней нет, но океан скрывает совершенно немыслимых и по большей части загадочных существ, а животные Корты очень похожи на кайнозойских животных Земли – кто знает, какие монстры бродили тогда по поверхности нашей планеты, поймёт, что я имею в виду.

Кортианская цивилизация, насчитывающая более пяти тысяч лет – я имею в виду то же, что на Земле называют Нашей Эрой и не упоминаю времена, предшествующие этому, – зародилась в Чаре. Это единственный супермегаполис Корты, не являющийся мероканским. Как Иерусалим на Земле, Чара является символическим центром планеты. Говоря: «На западе», – кортианин имеет в виду часть планеты, что к западу от Чары, то же и Восток. Каждый камень древних улиц Чары свят для миллионов кортиан, и к её святыням по сей день стекаются паломники с самых отдалённых островов.

вов.

О религиозной Корте я умолчу по той простой причине, что почти ничего об этом не знаю. У тысячи народов и почти трёхсот тысяч мелких народностей Корты религия разная, и не в человеческих силах хотя бы упомянуть их все. Правда, насколько я знаю, Творец у них один, и, как и у мероканцев, акт творения не завершён. В основе всех до единой религий Земли и некоторых других человеческих планет – Барда, например, – акт творения завершён, Бог создал всё сущее, и дал чёткие указания, как именно следует его творением пользоваться. В основе религии мероканцев, кортиан и кинтаниан лежит вера в то, что Бог творит постоянно, усовершенствуя и усложняя своё творение каждую секунду. И полагаться вечно меняющемся мире человек может только на свой род, свою семью, на таких же, как он. Фраза: «Враги человека – домашние его», – на любой из этих планет прозвучала бы жуткой ересью. Вот, собственно, и всё, что я могу сказать по этому поводу. В какой-то степени это объясняет преданность мероканцев Дому, а так же их отношения с кортианами, не испортившиеся нисколько за четыреста лет соседства на одной планете.

Официальная Корта заключается в пределах пяти супер-мегаполисов: Луаны, Дины, Плеоны, Аны и Чары. Там находятся представительства кинтаниан и других рас Союза; военные консульства кипов, выполняющие и полицейские функции, и союзные информационные центры. Кинтаниане

не живут на Корте, плохо переносят её влажный жаркий климат, и предпочитают Гешт, спутник пятой планеты Ларсии, Трефа. Там же, на орbitах Трефа, располагаются военные объекты и терминалы кинтаниан.

Туристическая Корта, несомненно, самая выдающаяся из планет Союза. Мангровые болота западного побережья П'инманы, кишащие кайнозойскими тварями, Великие Равнинны в центре материка, по которым мигрируют стада самых экзотических животных, южные вулканические острова с роскошными пляжами и лагунами влекут к себе всех без исключения в Союзе – даже надменных шхарианцев и равнодушных бардиан.

Мероканская Корта тоже давно уже имеет своё лицо. К моменту начала этого повествования мероканская Община насчитывала более сорока миллионов человек, и две трети их жили в мегаполисах. Очень малая часть расселилась по маленьким городкам Корты, мероканским и даже кортиано-мероканским. И кастовые, и расовые различия за четыре сотни лет не стёрлись и не растворились благодаря крайнему консерватизму мероканцев; и это сильно сказалось на топографии городов и разнице в укладе жизни отдельных районов. Так как повествование это – в основном о мероканцах, то более о кортианах я говорить не буду. В течение всего повествования будут то и дело всплывать различные новые подробности, дополняющие уже сказанное. Я же здесь расскажу помимо прочего только о Луане.

Луана – центр мероканской Общины и всего моего повествования. Находится она на юго-западе Г'яваильы, южнее Чары; если прикинуть на Землю – на западном побережье Индии. Просторные южные плато огибают широкой плавной дугой юго-восточные джунгли, мангровые болота с их кошмарными кайнозойскими тварями, долину ветвистой реки Дин, такой же опасной и загадочной, как Амазонка, и на западе вздымаются к морю Мозаичными горами, с которых низвергаются каскадами водопадов красивейшие кортианские реки: Ана, Нео и Луан.

Роскошнейшим водопадом спадая с мраморных уступов, бурные воды Луан разбиваются о множество островов из пёстрого мрамора и подмывают широкое естественное плато, на котором расположился Верхний, или Старый, город, с его старинными дворцами, кортианскими святилищами, павильонами и стелами; далее по течению они становятся медленными, успокаиваясь в долине, намытой ими же за долгие тысячелетия, и плавно омывают поросшие джунглями и окаймлённые блестящими от разноцветной мраморной крошки пляжами острова Дельты, на которых расположился Нижний город – Венеция Корты, цепи хрупких, ажурных домов на сваях, мраморные набережные и широкие лестницы, уходящие прямо в воду.

Не смотря на древние кортианские корни, Луана – город почти стопроцентно мероканский. Именно здесь, прельстившись идеально напоминающим Мерак пейзажем и клима-

том, а так же местоположением города, расположенного, как это принято было на Мераке, в месте впадения большой реки в морской залив, мероканцы основали свою первую колонию, Мелару, долгое время изгнания ограниченную Луаной. Кортианское название Луаны – Хор, – сохранилось только в старых хрониках. Добродушные кортиане с удовольствием переняли мероканское название. Луана сохранила первые цитадели двенадцати высоких Домов, башни, расположенные на самом большом острове Верхнего Города, Ваэ. Весь остров имеет правильную ромбовидную форму, что позволило распланировать мероканские улицы-соты вокруг башен и площадей в идеальном порядке. С четырёх сторон от высоких мраморных набережных к воде спускаются лестницы; папоротники и гигантские ураганные пальмы бросают на их ступени узорчатые тени в любое время дня. После гибели высоких Домов и сам остров, и его башни отошли в собственность Общины; Ваэ – её административный центр, её столица. Он считается территорией Мерака, и неподвластен кинтанианам, что не позволяет им влиять на принимаемые Общиной на острове Ваэ решения. Правда, функции Высоких Домов присвоил себе Лорд Понтифик, но для того, чтобы воспользоваться этим, он обязан лично присутствовать на мероканском Совете, а законы Кинтаны запрещают ему покидать планету.

Жизнь Общины текла по издавна проложенному руслу спокойно и ровно. Молодёжь, как ей и положено, периоди-

чески протестует то против обязательного Знака Касты – за сотни лет этот значок несколько раз перебирался с виска на запястье, с запястья на другие части тела и обратно; – то против другого безобидного обычая, но на общее течение мероканской жизни молодёжные бунты практически не влияли.

За последние сто лет только три события встряхнули Общину основательно и ощутимо: рождение мерокано-кинтианского полукровки лорда Корина, трагедия в Геште и бунт Волков.

Третье событие было следствием второго. Две Высокие интравертные Касты давали огромное количество романтических союзов и полукровок, такое, что уже заходила речь о слиянии Каст в одну, событие для мероканцев эпохальное. Военные, которых многие на Мераке называли древним именем Волков, видели свой идеал в безумии сердца и холодном разуме Реалистов, а те, в свою очередь, никогда не могли устоять против лихого гусарского шарма Волков. Когда таких людей объединяло взаимное чувство, ничто не могло встать между ними, и Касты медленно, но верносливались в одну. В результате взрыв в Геште уничтожил не только Реалистов, но и почти всю их Кровь Военных Домов, а Община осталась практически без двух высоких Интравертных Каст. Выжили подростки и совсем маленькие дети, которых не взяли с собой; людей среднего и старшего возраста выжило меньше десятка. Около двадцати лет, пока уцелевшее поколение росло и мужало, Военная Каста практически

не участвовала в жизни Общины. Но молодёжь возмужала и как-то очень неожиданно для всех дала понять, что Кастой Волков их называют отнюдь не зря.

Эта Каста издавна давала авантюристов, бунтарей, космонавтов, разведчиков, экстремалов и, увы, преступников. Эти люди, сильные и непокорные, подчинялись Порядку Озакха с трудом, и только в том случае, если их неуёмная энергия была направлена в нужное русло. Как только первой волне молодых Волков перевалило за двадцать, у Общины появились забытые было проблемы. Не сдерживаемые старшими, практически предоставленные самим себе, молодые Волки отрастили волосы, по древнему, полузабытому обычаяу Военной Касты сделали себе на плечах татуировки Красного Волка, и придумали себе особую форму одежды, напоминающую старинную мероканскую военную форму, что сильно скандализировало чувствительных к таким вещам кипов. Особый шик, свойственный людям этой Касты, настолько очаровал остальную мероканскую молодёжь, отвыкшую от таких вещей, что те начали во всю подражать им. Волки стали кумирами всей Корты, даже кортиане не устояли перед их шармом. И для Общины наступило трудное время, потому, что внешними формами протеста Волки не ограничились.

Пока существовали Высокие Дома, кипы были вынуждены мириться с автономией мероканцев внутри Союза. Но после гибели первых их функции присвоил себе Понтифик, а отсутствие Военных упростило кипам бескровный захват

последних бастионов равенства. Теперь мероканцы очутились в положении остальных рас Союза, равноправных чисто номинально. За двадцать лет это успело утвердиться и стать догмой; но Волки испокон веков были противниками догм. Их лидеры, Тарва Заэм и Адрейн Вера, праправнук дяди Кайла Ивайра, восстали против сложившегося положения вещей, напомнили о свободе острова Ваэ, и потребовали от кипов возврата автономии. Тарва одержима была ни много, ни мало, а созданием собственного мероканского военного флота, который дал бы мероканцам возможность военной карьеры, равняющей бы мероканских Военных с кинтанианскими военными лордами. Кипы хотели этого меньше всего, но недооценили противника – такие же молодые, как и Волки, они не помнили, каковы их теперешние оппоненты. Те подняли всех мероканцев в едином протесте. По призыву Адрейна и Тарвы мероканцы в полном составе уволились из кинтанианской армии. В городах Корты начались яростные стычки между кинтанианами и мероканцами, к которым не остались равнодушны и кортиане, всегда поддерживающие последних, что бы ни произошло, и остановить это, не прибегнув к жёстким карательным мерам, не представлялось возможным. К мерам этим кипы прибегнуть не посмели, и мероканский военный флот начал своё существование, как объективная реальность, данная Кинтане не в самых приятных ощущениях.

Впрочем, когда неспокойные молодые люди устремились

в армию и смысл своей жизни стали видеть в соперничестве с кипами, буря улеглась гораздо быстрее и бескровнее, чем боились обе стороны. Молодые кинтанианские военные быстро сообразили, что жить стало если не лучше, то намного веселей, имея стимул в лице мероканских соперников. Престиж военных вырос в несколько раз, лорды ринулись на службу с новым пылом. Трудновато представить себе соперничество гусар и римских легионеров, но именно это и происходило меж кипами и Волками. Железная выпрека кинтаниан и кураж и шарм мероканцев сделали союзную армию необычайно популярной в последние годы перед Войной.

Бывшие бунтари, возмужав и войдя в Совет Общины, успокоились, показали себя людьми дисциплинированными и здравомыслящими, и жизнь Общины снова потекла по привычному руслу. Давно решилась проблема полукровки Корина, выбравшего Кинтану; ни теракты Агой, ни давняя угроза войны с Лигой не могли поколебать спокойного и размеженного хода вещей. Но в последний перед войной год напряжение незаметно, но неотвратимо начало нарастать. Те, кто верил в Циклы, связывал это с мистикой роковых лет, и со страхом ждали прихода года Красного Волка, года катастроф и переворотов. То, что кризис назрел, понимали даже те, кто не был суеверен: слишком уж тугой завязывался узел. Грозными вестниками были беспредел на пограничных терминалах, взрыв Пскема, вести о похищении Грита, нелепая измена в высших кругах Кинтаны, участившиеся исчезнове-

ния людей и зверские убийства женщин-клонов на Шхаре и терминалах.

Неукоснительно соблюдая мероканский календарь, Община праздновала Новый Год дважды: с Кортой и утраченным Мераком. Долгожданный и пугающий, год Красного Волка пришёл в свой срок, и после захода Ларсии в мероканских городах начали вспыхивать фейерверки, один за другим, по мере продвижения сумерек на запад. В небе над Луаной вспыхнули и погасли девять ортодоксальных символов Волка, и вдруг в придачу к ним загорелся десятый. Впервые за без малого тысячу лет преданный забвению Нападающий Волк, символ смутных времён Мерака, символ вендетты, ощерился на планету и в космос, полыхнув огнём и золотом. И не успел он рассыпаться огненным дождём, как молодые мероканцы к ужасу консервативных луанцев приветствовали его древним боевым кличем, не звучавшим тысячу лет. Как пренебрежительно говорили потом кипы, наконец-то мероканцы созрели для войны, но истинного положения вещей не представлял себе тогда никто.

Барон Ариги
Глава первая

Только что было так хорошо и уютно, и вдруг всё кончилось. Он ещё ощущал в себе остатки этого блаженства, но неприятное чувство усиливалось. Будучи пока существом,

которое ощущает, но не осознаёт, он попытался вернуться в положение, в котором ему было хорошо, но от совершённого усилия дискомфорт только увеличился. Терпеливое пережидание тоже ничего не дало: становилось всё хуже. Что-то надавливалось на него со всех сторон, медленно, но неумолимо, возрастило удушье. Смутно соображая уже, что принятых мер недостаточно, он напрягся, инстинктивно дёрнулся, с большим трудом, с хрипом и свистом втянул в себя воздух и отчаянно закашлялся: горло и лёгкие были полны какой-то пенистой субстанции. Кашель и вымотал его в первые же секунды, и пробудил сознание. Сначала он понял, что тяжесть, давившая его, это он сам, тяжесть его собственного тела, которого до этого момента он не ощущал. Осознав это, он попытался пошевелиться, и с огромным трудом, потратив массу сил и времени, перевернулся на живот. Из лёгких продолжала идти пена, которую он выплёывал, едва не утыкаясь лицом в жидкость, окружавшую его со всех сторон, которая быстро исчезала куда-то, так, что когда он выбился из сил, отплевавшись достаточно для того, чтобы дышать относительно свободно, то уже смог лечь ничком, прижавшись всем телом и щекой к какой-то мягкой, влажной, пористой поверхности. Несколько минут затем он просто лежал и дышал, приходя в себя и восстанавливая силы.

Отдышавшись и более-менее отдохнув, он пришёл в себя окончательно. Сначала мелькнула мысль, что ничего подобного с ним никогда не случалось, и в тот же миг он вспом-

нил, кто он и что с ним произошло. Тело налилось холодным свинцом при мысли, где он теперь и в чьей власти. Он всё-таки остался жив! Каким чудом он выжил, и зачем его спасли, гадать смысла не было. Что бы там ни придумал для него Лавайр, это всё равно конец. Только более мучительный, чем он надеялся.

Проверяя себя, Ив упёрся руками в поверхность, на которой лежал, изо всех сил, но их явно не хватало: подняться он не смог. Больно закусил губу, пережидая приступ слабости и отчаяния. Его учили, что проигрыш нужно принимать достойно. Но он всегда поступал по-своему – и вот результат!

Почти сразу он подумал и о том, что его враг где-нибудь рядом, и наслаждается его беспомощностью и страхом; это придало ему сил и пробудило злость, всегда влиявшую на него благотворно. Но приподняться он не смог. Он был слишком тяжёлым и слишком слабым: настолько тяжёлым и настолько слабым, что сам для себя был непосильным грузом. Новая попытка привела к тому, что он упал и даже потерял сознание.

Снова прия в себя, он уже не пребывал в блаженном забытии ни секунды. Открывая глаза, он знал, кто он и что с ним. И малодушно пожелал прежнего беспамятства... Что-то изменилось, стало не так, и это вызвало новый приступ страха. Лишь подавив его, Ив понял, что изменилось: он видел. Где-то рядом находился источник тусклого зеленоватого света, идущего откуда-то снизу, в котором Ив, повер-

нув голову, увидел собственную руку, лежавшую перед самым лицом. Неизвестность становилось непереносимой, и, собрав все силы и всю злость, Ив сумел-таки сесть. Это вызвало новый приступ кашля, который едва не повалил его обратно, Но, в конце концов, прошёл, и Ив, выплюнув солидную порцию пены, попытался оглядеться.

Всё, что его окружало, не имело ни чётких очертаний, ни каких либо узнаваемых признаков. И всё-таки кое-что он сообразил, исследуя пространство вокруг себя. Во-первых, ему было тесно: он мог помещаться там, где находился, свернувшись клубком, либо поджав ноги, но уже протягивая руки вперёд или назад, натыкался на какую-то эластичную, упругую и прочную преграду. Она чуть подрагивала под его ладонью, и его это смущало. Всё вокруг почему-то казалось живым, и внушало лёгкое отвращение. Он даже вспомнил детские страшилки о живых пещерах или гигантских астероидах, которые оказывались монстрами и съедали целиком космические корабли. Вспомнил, и мимолётно усмехнулся собственной глупости. Продолжая изучать окружающее пространство, он поднял голову и прямо над собой, очень близко, увидел совершенно не опознаваемую смутную массу, и свисающую с неё гибкую трубку, которая, покачиваясь, вздрагивала в такт со стенкой и высыхала практически на глазах. Пока Ив смотрел на неё, пытаясь понять, что это, она высохла совсем, с неприятным тихим чпоканьем оторвалась от основы и упала на колено Иву, который с от-

вращением отбросил было её, но тут же потянул к себе, чтобы рассмотреть. Трубка совершенно точно была органического происхождения. От неё даже пахло чем-то живым, мало приятным. Ив снова отшвырнул её от себя, чувствуя, что не в силах пока объяснить себе происходящее и начинает по этому поводу тихо паниковать. Только мысль, что его враг, возможно, сейчас наблюдает над ним и смеётся, дала ему силы взять себя в руки и продолжать осматриваться. Потянулся, чтобы поближе рассмотреть и потрогать тёмную массу над собой, но ему что-то помешало. Когда он понял, что это такое, новый приступ паники едва не опрокинул его: это были его собственные волосы!

Когда-то иметь длинные волосы было его голубой мечтой. У молодых людей его Касты считалось особым шиком носить татуировку Красного Волка на левом плече – символ его Касты и жизненного кредо, – и длинные волосы, причём саисцы и островитяне с Синардий заплетали их в сложную мужскую косу из восьми прядей; глерванцы носили их распущенными, а гардианцы собирали в хвост. И только те, кто, как Ив, большую часть жизни проводили в космосе, могли о таком украшении только мечтать, потому, что вынуждены были каждый раз оставлять любовно подращенную во время полёта шевелюру в карантине. Ив вернулся из внезапно прерванного полёта за три недели до ранения, и волосы у него были совсем коротенькими, но то, что он нашарил сейчас, было не короче его самого! Он даже дёрнул пару раз эту

массу, проверяя, но боль помешала продолжать и убила сомнения. Тело снова налилось холодным свинцом, и вопросы: «Что происходит? Где я?» – Стали почти паническими. Сам поразившись тому, что не проверил этого до сих пор, Ив коснулся живота и груди, где плазмер выжег недавно большие куски плоти, но ничего не нашупал, ни рубца, ни шрама, только тёплая и влажная кожа.

Не было не только шрама. Не было и того, что при любом раскладе, в любом случае должно было быть: у него не было пупка! Ив начал поспешно обследовать себя, но всё осталось было на месте, всё...или почти всё. Не было шрама на бедре, на месте была потеряная во время аварии мочка левого уха, выпрямились искривлённые в той же аварии пальцы левой руки, и на месте выбитого в юношеской драке глазного зуба, который заменял искусственный, теперь был новый, вполне настоящий. Никакой приемлемой идеи в голову не приходило. Ив несколько секунд сидел и тупо смотрел перед собой. Он клон? Но клоны – как новорожденные дети, их мозг хранит смутные тени воспоминаний только на подсознательном уровне. А он – всё помнит, он вполне осознаёт себя, как личность, как мероканца... или нет?

А что, если это синтезированная плоть? О возможностях гуманоидной науки ходили самые разные легенды. Или её нарастили каким-то образом, пока сам он был, положим, в анабиозе? Это наверняка долгий процесс, и тогда понятно, почему такие волосы...

Но сколько тогда времени прошло?! Что стало с его бежавшими на Корту соотечественниками, с мирами, против которых начал свою агрессию Л:вар, с Кинтаной? Каким стал мир теперь? И не всё ли ему равно, раз он здесь и совершен-но беспомощен?

И едва он подумал об этом, как возле него произошло какое-то шевеление, которое он уловил краем глаза и тут же развернулся, как ужаленный, упав на руки. То, что он увидел, едва не лишило его мужества, которое он и так сохранял из последних сил: на него смотрели самые жуткие глаза из всех возможных, самые подходящие глаза для самого ужасного монстра! Хрустально-прозрачные, без белков, с бесформенными рваными зрачками, они были невероятно разумными и в то же время совершенно бешеными. И в этом опаснейшем в мире сочетании и заключалась их главная жуть. Ив сохранил внешнее спокойствие только благодаря шоку – он был слишком поражён, чтобы отреагировать.

– Хорошо. – Сказал обладатель взгляда. – А теперь попробуй что-нибудь сказать.

Теперь Ив хорошо разглядел и обрамление глаз: массивная шишковатая голова, треугольное отверстие вместо носа, свисавшая почти до подбородка заячья губа. Кроме того, во тьме угадывался непомерно толстый живот, тонкие руки гуманоида – без плеч, с четырёхпальными кистями. Разглядывая всё это, Ив даже не понял вопроса, снова посмотрел в глаза монстру.

– Говори что-нибудь. – Снова приказал тот. Ив попытался, но пена помешала, забулькав в горле. Он закашлялся, а монстр сказал:

– Ясно. – И нажал что-то. Короткая, но дикая боль пронзила Ива, от чего он закричал, падая и сворачиваясь в узел. Прекратилась боль так же внезапно, и через пару секунд Ив уже лежал на боку, тяжело дыша и бессмысленно глядя прямо перед собой.

– Говори что-нибудь. – Снова приказал монстр. Ив напрягся, и из горла его вырвались хриплые звуки пополам с пеной.

– Уже лучше. – Констатировал монстр, и снова нажал что-то. Приступ боли был дольше, но когда он прошёл, Ив задышал полной грудью, пены больше не было, и сказать он смог достаточно внятно, хоть и севшим от ярости голосом:

– Кто ты такой?!

– Кажется, не плохое тело. – Сказал монстр, не обращая никакого внимания ни на его вопрос, ни на его ярость. – Но нужно ещё проверить. Сейчас оболочка растает, и ты встанешь на ноги. – Он произнёс это так, что Ив понял: если он не встанет сам, его заставят встать, как только что криком заставили прочистить лёгкие. Поэтому Ив приготовился встать во что бы то ни стало. Оболочка растаяла довольно быстро, Ив почувствовал это по прикосновению более прохладного воздуха к влажной коже, которая тут же съёжилась в ознобе. Острый запах солевого мутанта ударил в ноздри.

ри. Это был мутант, не принимавший чистый пска, который убил бы его в несколько месяцев, а вдыхающий очищенный фильтрами дым – такой наркоман терял свой первоначальный облик, но продлял свою жизнь на много лет и даже столетий. Этому мутанту могло быть и сто лет, и триста, и тысяча. А ещё – и Ив содрогнулся, подумав об этом, – солевым мутантом, говорят, стал уже Л:вар.

Повинуясь его знаку, Ив сел, напрягая все свои силы, спустил ноги со ставшей неожиданно холодной и неприятной основы и так, сидя, сполз на пол, который оказался совсем близко – это мутант был всего лишь по пояс самому Иву. Прислонившись к основе, и на всякий случай опершись о ней руками, Ив стоял и смотрел на мутанта, а тот, отойдя чуть в сторону, стоял и смотрел на него.

- Тебе холодно? – Спросил, насмотревшись.
- Да.
- У тебя что-нибудь болит?
- Нет.
- Ты чувствуешь себя слабым?
- Да.
- Тебя тошнит?
- Нет.
- Голова кружится? В глазах двоится?
- Нет.
- Видишь меня хорошо?
- Да! – Закипая, отвечал Ив. – Что происходит? Почему

ты спрашиваешь меня об этом?

— Выпрямись. — Не обращая внимания на его вопросы и возмущение, потребовал монстр. Ив, помня о том, как его вынудили прокричаться, выполнил приказ, с трудом, но выпрямился.

— Отличное тело. — Повторил монстр. — Это усилие должно было тебя утомить. Можешь сесть и отдохнуть. Через несколько минут за тобой придут.

— Кто??!

Мутант и не подумал ответить. Повернулся и ушёл. Свет загорался в полу и гас под его ногами, и совсем исчез, когда мутант скрылся в каком-то мгновенно возникшем и пропавшем проёме. Ив бессильно сполз на пол и закрыл глаза. Он был встревожен, возмущён, но при этом страшно слаб. Сколько он так просидел, он не заметил, не почувствовал. Придя в себя, он огляделся. В темноте светился только маленький клочок пола, на котором он сидел; светился слабо, тускло, так, что он еле — еле мог рассмотреть контуры своего тела. Что было вокруг, он не видел, и его это напрягало. Несмотря на слабость, он смог приподняться, потом встать. Немного постояв возле опротивевшей, но надёжной опоры, Ив решился и сделал шаг. Пол под его ногой засветился немного сильнее, он отпустил основу и пошёл. Ноги плохо слушались его, и двигался он медленно и неуверенно. В слабом зеленоватом свете он увидел камеру, возможно, похожую на ту, в которой он сам проснулся, и, движимый

почти болезненным любопытством, Ив подошёл к ней ближе. В мутно – зелёной жидкости, до краёв наполнившей камеру, плавало что-то совершенно непонятное; подойдя к камере почти вплотную, Ив понял, что здесь тоже есть знакомая трубка, на конце которой висит что-то, больше всего напоминающее клубок внутренностей, который ритмично подрагивал вместе со всей камерой. Ив в сильном смущении и даже испуге отпрянул от камеры, и заметил, что стало как-то светлее.

– Нельзя подходить к другим офтам. – Раздался позади него голос, говоривший на лингве Бехидже. – Нельзя светить.

Ив быстро развернулся. Высокий, почти с него ростом, Бехидже протянул ему серую одежду, пахнущую какой-то гадостью.

– Что это? – Спросил Ив. – Здесь, в камере – что это?!

– Офту нельзя говорить. – Бесстрастно продолжал Бехидже. – Нельзя шуметь возле других офтов. Нарушается покой.

Ив прикусил губу. Кажется, такое обращение с ним здесь было нормой. Всё равно он что-то узнает, не сейчас, так после. Он молча оделся, страдая от резкого запаха одежды, и пошёл вслед за Бехидже к стене, в которой при их приближении обозначилась светлая полоса. Бехидже провёл перед ней рукой, в которой зажата была какая-то пластина, и его с Ивом принял крохотный тамбур. По тому, как приподнял-

ся в нём желудок, Ив понял, что поехали они вниз. Не удержался и спросил у Бехидже, куда они едут, и, конечно же, не получил никакого ответа. Снова прикусил губу. Двери тамбура открылись, и Ив зажмурился от яркого света, который принял вначале за дневной. Бехидже потянул его за собой, и Ив послушно пошёл, спотыкаясь и пытаясь рукой нащупать хоть какую-то опору. Прошло какое-то время прежде, чем непривычные к свету глаза проморгались и стали видеть более – менее отчётливо. Ив увидел, что они идут по просторному и пустому коридору без окон, и что светится ярким белым светом потолок. Ноги перестали его держать, и он сел прямо на пол. Бехидже повернулся к нему, сказал так же бесстрастно:

– Нельзя сидеть. Ты не готов.

– К чему? – Уныло спросил Ив, но уже скорее у самого себя, чем у кого-то ещё. Он смертельно устал, он устал даже тревожиться за себя и, возможно, с облегчением принял бы сейчас даже неизбежную смерть. Всё, чего он хотел – это отдохнуть. Но пришлось встать и снова идти, правда, теперь уже совсем недалеко. Бехидже остановился и открыл с помощью той же пластины квадратную дверь.

– Заходи. – Сказал лаконично. Ив двинулся к двери, с трудом отлепившись от стены, на которую опирался, спросил – не потому, что надеялся на ответ, а потому, что не мог не спросить:

– Что вы собираетесь делать со мной?

К его удивлению, ответ прозвучал:

– За тобой должны явиться друзья.

– Не понимаю? – Растерялся Ив.

– Те, кто заказал тебя Шитахе, твои друзья. Мероканцы.

Ив даже покачнулся, схватившись за стенку. Разве он не у

Л: вара?! Облегчение было мучительным, как боль. Закрыв глаза, он пытался дышать ровно и глубоко, чтобы успокоиться. Машинально повиновался Бехидже, который направил его внутрь маленького тесного помещения, услышал, как позади с тихим шипением закрылась дверь, поднял голову. Ни окна, ни прочих излишеств, два метра на полтора, помещение с жёсткой узкой лежанкой и клозетом в углу. Но он был один и мог отдохнуть, а больше ему в этот момент ничего не было нужно. Ив со стоном опустился на лежанку, свернулся клубком, обняв колени. Как бы ни было здесь голод, убого и унизительно тесно, он был тут один. Не в силах больше отгораживаться от своей боли, он впустил себя в неё и растворился в ней. Один! Для мероканца не было трагедии ужаснее. Один – в мире, где не существовало одиночества! У мероканцев не существовало даже понятия «сирота», так как если мероканец терял родителей, у него оставался Дом, Кровью или Силой которого он был. Но все они погибли: и родители, и двоюродные, и троюродные братья и сёстры, и бабушка Паа, и сестра Кеа, и братья матери, и сестра отца... Если кто-то и остался, где они сейчас? Как их приняла Корт, и уцелела ли эта планета, смогли ли кипы остановить Лигу?

Все эти мысли крутились в голове Ива на фоне постоянной и такой сильной боли! Никого больше нет... никого! Даже его планеты нет больше. Это было так страшно, что он почти не верил, что сможет это пережить. Но это нужно было пережить! Пока есть хоть самая мизерная надежда отомстить, он будет держаться за жизнь и искать возможности сделать всё лучше, чем в первый раз. Он будет держаться и сможет носить эту боль в себе, не поддаваясь ей.

Но это умение придёт только со временем. А пока он просто лежал в полузыбытии и старался не умереть от горя.

Пробуждение было внезапным и бесцеремонным. Его разбудил громкий противный звук. Ив вскинулся на своей лежанке, зажал уши руками, но звук проникал прямо в голову и пилил мозг так, словно кто-то пытался таким образом свести его с ума. И вдруг выключился, и в ушах тоненько и противно зазвенело от неожиданной тишины. Ив отнял руки от головы и увидел давшего мутанта.

— Ты спал достаточно, — сказал тот, — чтобы тело твоё успело отдохнуть. Ты ещё не завершён, и должен быть очень послушным, чтобы завершение прошло нормально.

— Что это значит? — Настороженно спросил Ив. В хрустальных глазах мутанта что-то сверкнуло.

— Кто ты такой? — Спросил он.

— Кайл Ивайр, мероканец из Москеры. — настороженно ответил Ив.

– Какой сейчас год?
– По мероканскому летоисчислению, или всеобщему?
– Последнее.
– Три тысячи восьмой.
– Что последнее ты помнишь?
– Как я был ранен из плазмера на терминале Л:вара, возле Мерака, когда тот добивал мою планету. Я должен был сопровождать транспорт на Кинтану с последними беженцами, но не смог улететь. Я дал клятву мести.

– Ты не был ранен. – Возразил Шитаха. – Ты был убит. Твоё тело умерло в три тысячи восьмом году, и от него почти ничего не осталось. Ты должен вспомнить то, что было с тобой после.

– Как? – Растерянно спросил Ив. – Убит? А кто я теперь?
– Ты офт. Существо, восстановленное из крохотного отросточка в твоём мозгу. Сейчас три тысячи четыреста две-надцатый год, мероканец. Ты мне не веришь. – Заметил он. – Зря. Посмотри на свои руки!

Ив посмотрел на свои руки, не понимая ещё, зачем.
– Видишь, какие гладкие ладони? У тебя ещё нет линий на руках. Они ещё не появились. У тебя нет пупка, потому, что не было пуповины. У тебя нет изъянов, которые возникают неизбежно при родах, при травмах, при различных внешних воздействиях. Ты вырос, изолированный от всего этого, и ты совершенен. Во всём, кроме твоей памяти. Здесь произошёл какой-то изъян, возможно, от того, что мне пришлось очень

долго и кропотливо освобождать твой мозг от чужеродных вкраплений. Но ты обладаешь информацией, чрезвычайно важной для меня, и ты вспомнишь, я сделаю всё возможное для этого. Не сопротивляйся, это тебе не поможет. Не пытайся покончить с собой, я просто снова выращу твоего офта, только и всего. Не пытайся бежать, это бесполезно. Ты ещё не завершён, и должен выполнять всё, что тебе укажут, так как только в этом залог удачного офта. Ты будешь послушен?.. Думаю, что будешь, это в твоих интересах. И в наших общих интересах – добиться того, чтобы ты вспомнил всё, что произошло с тобой после твоего ранения. Твои друзья не явились за тобой, и я их понимаю. Цена была чрезмерна, а твоя ценность для них не так уж велика. Но мои затраты нужно возместить. Их возместит твоё знание. А сейчас я собираюсь сделать твою голограмму, чтобы отправить её кое-кому на Биафра. Ты мой первый человеческий офт, и вполне удачный офт, и я хочу, чтобы о тебе знали. Я ожидаю множество новых заказов. Твоя раса сентиментальна в отношении своих биологических родственников. Будь покорен, и не будет больно.

Ив молчал, стоя неподвижно перед ним. Всё это было так чудовищно, что он даже не расстроился – он просто в это не верил. На него словно столбняк напал от шока. Он послушно демонстрировал для будущих покупателей самого себя, поворачивался, садился, вставал, показывал живот, руки, говорил, что велели, и только оставшись в одиночестве, начал

приходить в себя. Перед ним стоял контейнер с жёлтой желейной массой, горкой тостов, и горячим бурым напитком. В неистовом приступе ярости Ив смахнул поднос, схватил чашку, но она оказалась мягкой. Мягкими оказались контейнер, ложечка и даже стены комнаты. Тогда он в отчаянии нахмурил на шею собственные волосы и попытался задушить сам себя, но несколько Бехидже тут же ворвались к нему и силой уложили на лежанку, у которой оказались зажимы для рук и ног. Не смотря на боль в запястьях и щиколотках, Ив продолжал вырываться, пока доза чего-то успокаивающего не лишила его сил и сознания.

И из этого забытья его вырвал резкий звук. Он чувствовал страшную слабость и тошноту; запястья кровоточили, Ив чувствовал, как на них подсыхает липкая кровь. Слегка пошевелив рукой, он почувствовал жжение и боль от прикосновения к открытой ране.

— Нужно уменьшить дозу. — Услышал он бесцветный голос Вэйхэ. — Он не переносит даже такого малого количества. Мы не учли того, что теперешние мероканцы адаптированы к Корте и более выносливы, а этот — чистый, у него гормона,нейтрализующего наркотические вещества, нет вообще.

— Как же Л:вар выжил, он ведь тоже был мероканцем? — Хрипло, чуть шепелявя, спросил Бехидже.

— У него была аномалия в крови, не типичная для Мерака. Возможно, от предков Озакх. — Будешь давать этому бесцветный раствор — ему вполне будет его достаточно.

– Зачем вообще ему наркотик?

– Он должен вспомнить. Он обязан вспомнить. От его воспоминаний сейчас зависит всё.

Шитаха сказал, что тело вышло безупречное. Но его нужно хорошо кормить, кости ещё хрупкие. Следите за позвоночником!

Ив неслышно перевёл дух. Всё это было просто бредом. Но кое-что он уловил. Хорошо, что когда-то отец заставил его выучить лингву Бехидже! Значит, теперешние мероканцы? И всё правда. Или не всё? Может, прошло гораздо меньше лет, чем сказал Шитаха? Хотя какая разница? Он один. Ив пытался взять себя в руки, унять панику, составить какой-то план. Узнать побольше было нереально: никто не отвечал на его вопросы. То, что он мог почерпнуть из разговоров Бехидже, было плачевно мало для того, чтобы хотя бы сориентироваться в обстановке. Единственное, что он понял через три дня: место, где он находится, в глубоком космосе, что это терминал или станция, но не корабль, и что он продолжает строиться. Это внушало некоторую надежду и в то же время казалось абсолютно безнадёжным. Надежду внушало то, что на терминале в космосе, где все свои, вряд ли есть усиленная охрана или изощрённая система слежения. Безнадёжной казалась всякая попытка бежать отсюда одному – времени действительно прошло не мало, пусть даже меньше, чем говорил Шитаха, и вряд ли Ив сможет в одиночку справиться с современным кораблём. Но бездейство-

вать Ив не мог. Он был из тех, кто начинает действовать порой безо всякого плана, в надежде, что в процессе действия начнут открываться новые возможности. И потом, без действовать было нельзя. Шитаха твёрдо вознамерился вырвать из памяти Ива то, что представляло для него, судя по всему, огромную ценность, и стимулировал его память наркотиками, которые медленно сводили Ива с ума, электрошоком и прочими радикальными средствами. У него появились шрамы на запястьях и ногах оттого, что зажимы иногда слишком впивались в кожу; и память стала играть с ним злые шутки: он начал забывать то, что произошло только что, зато стали всплывать какие-то совершенно фантастические вещи. Видимо, то, что иногда мелькало в памяти Ива, было не то, что интересовало Шитаху, потому, что попытки заставить его вспомнить становились всё более и более жестокими день ото дня. В конце седьмого дня – Ив, чтобы не сойти с ума, вёл счёт дням очень прилежно, – он почувствовал, что Шитахе уже всё равно, выживет ли он в итоге всех его попыток. Он должен был что-то узнать, и его не волновала цена.

Зато она очень волновала Ива. Он не мог относиться к возможности восстановить его в виде нового офта так же просто, как Шитаха. Он уже умирал однажды и не хотел этого опять. А во-вторых, его пугала фанатичная настойчивость Шитахи. Кого он мог выдать мутанту Вэйхэ, что рассказать? Собственные бессилие и бесправие мучили его чрезвычайно. Спустя несколько дней он уже знал, что что-то действи-

тельно было в его жизни помимо того, что он помнил так хорошо. Он вспоминал чувства, эмоции, каких-то людей, чаще всего – женщину. Она мучила его не меньше, чем всё остальное, а может, больше. Он не помнил её лица и имени, но в то же время знал про неё безумно много: как она улыбается, как хмурится, как плачет, как злится, и всё это было так важно! Помимо этой женщины было ещё что-то важное, чего он вспомнить не мог, но что постоянно вертелось где-то в преддверии памяти. Шитаху бесило его бессилие что-либо вспомнить, но больше всего его бесила эмоциональность тех крох, что он сумел выдрать из памяти Ива в конце концов. У Ива очень скоро не осталось никаких иллюзий и сомнений в том, что Шитаха уничтожит его. И не только его. В конце первой недели он сумел выяснить, что кто-то заказал Шитахе его офта, и этот кто-то, возможно, находится в большой опасности со стороны самого Шитахи. Нужно было действовать. Ив не знал, сколько у него времени, и решил действовать как можно скорее.

Чёткого плана у него не было и тогда, когда он принял окончательное решение. Он решил действовать по обстоятельствам; всё равно он ничего не терял. От наркотика и прочего, что проделывал с ним Шитаха, у него начались галлюцинации и сильнейшие головные боли, но он больше не отвечал ни на какие вопросы Вэйхэ. Не смотря на все попытки принуждения и угрозы, он продолжал молчать и накапливать информацию о терминале, на котором находился.

Молчание его Вэйхэ терпели ровно два дня. На третий за ним пришли трое Бехидже, сделали инъекцию наркотика и повезли куда-то прочь с уровня, на котором находились офты. Ив получил давно желанную возможность немного ознакомиться с терминалом: он увидел, каким образом Бехидже открывают двери, как пользуются лифтом, который двигался не только по вертикали, но и по горизонтали, как активируют переходы. Да, времени прошло достаточно: для многоного из того, что он видел здесь, Ив не мог подобрать слов в своём языке. Без союзника нечего было даже думать выбраться отсюда. Вырваться, вернуться в офт, – рассуждал он, ведь пока его везли, он успел заметить десятки дверей, подобных той, за которой находился и он сам, – попытаться вскрыть эти двери... Все двери и переходы, и даже лифты, Бехидже вскрывали с помощью одной и той же пластины с желобками, зубчиками и стержнями, прозрачной, по которой то и дело пробегали огоньки и разряды. Она помещалась в ладони, но при желании Бехидже становилась длиннее или шире. Ив наблюдал за нею сквозь полуопущенные ресницы. Наркотик действовал, и он чувствовал себя, как человек слегка навеселе, но это и помогало: лишало страха и ненужных сомнений. Он совершенно забыл о том, что его тело не прежнее, тренированное и послушное, а совершенно новое, можно сказать, с иголочки; но это было и к счастью. В последствии, если бы он хоть на секунду усомнился в себе, то неминуемо погиб бы.

В помещение, куда Ив был доставлен буквально за

несколько минут, Бехидже не допустили. Вэйхэ, которые приняли его там, говорили на своём языке, который Ив совершенно не понимал; но всё, что находилось в этой лаборатории, было красноречивее всяких слов. Как-то сразу он понял, для чего предназначено устройство с идеальной режущей поверхностью, и догадался, что Шитаха решил привести в действие свой первоначальный план: извлечь его мозг и вырастить нового офта. Отчаяние придало ему сил: как только его освободили, чтобы уложить в камеру, он ухватился руками за края носилок и ногами ударил в грудь ближайшего к нему Вэйхэ. Тот отлетел к дальней стенке, свалив и второго, а Ив волчком крутанулся на носилках и сшиб с ног третьего, который уже наставил на него какой-то крохотный чёрный предмет. Спрыгнув с носилок, Ив навалился на него, обхватил ладонями длинную лысую голову и стукнул ею об пол. Хрупкие кости гуманоида неприятно хрустнули в руках, Ив в отвращении отшатнулся и развернулся, учуяв движение за спиной. Упал спиной назад за носилки, увидев нападающих Вэйхэ. Он был так близок в этот момент к поражению, что Вэйхэ не сомневались в этом и упустили возможность позвать на помощь. Ив, лёжа на спине, сцепленными вместе руками наотмашь вмазал первому из них так, что кровь брызнула на пол и стену веером мельчайших капелек; с невероятным проворством увернувшись от падающего тела, Ив вскочил на ноги и, схватив второго Вэйхэ в охапку, швырнул его в камеру.

Та приняла жертву безразлично и надёжно. Вэйхэ отчаянно вырывался, и камера ввела ему успокаивающее, рассчитанное на человека, не на гуманоида. Реакция была мгновенной и такой ужасной, что Ив отвернулся, с трудом подавляя позывы к рвоте. Только теперь он вдруг осознал то, о чём должен был подумать раньше: что он стал намного сильнее и быстрее, чем был прежде, чем это вообще свойственно человеку. Он и опешил слегка, и испытал нелогичный в этой ситуации мальчишеский восторг. Проверяя свою силу, подошёл к камере, стараясь не смотреть внутрь, легко отломил стержень с режущим диском, и почувствовал себя увереннее, вооружившись. Когда-то в прошлой жизни он владел техникой боя, являвшейся достоянием Дома Кайлов: Бойца теней, – и теперь сильно рассчитывал на это, да ещё на то, что с его времени не поменялось золотое правило: никакого оружия в помещениях космических объектов, кроме чистого металла и собственной силы и ловкости. Обшарил тела, забрал две пластины, подобные тем, с которыми ходили Бехидже, маленький чёрный предмет, которым угрожал ему Вэйхэ, тонкий стержень, наполненный светло-зелёным огнём, контакты на пальцы, и плоский серый жетон. Вышел в коридор, готовый, если нужно, драться, но никого не было. Слегка приободрившись, Ив направился обратно в офт

Открывая одну за другой одинаковые двери, он начинал постепенно впадать в отчаяние: везде были только гуманоиды. Бехидже, Бехидже, Бехидже... несколько вранов, два

келта, один клоп – никому из них Ив довериться бы не решился. Он вспомнил, как Шитаха говорил, что он первый человеческий офт, и начал было уже подумывать об альянсе с клопом, как вдруг за очередной дверью обнаружил пристёгнутую к лежанке женщину – Агой.

Нужно сказать, что во времена Мерака вражда мероканцев с Агой ещё не приняла такого абсолютного характера. Ив помнил ещё времена, когда Агой и мероканцы были союзниками; сам он относился к рыцарям Агой с большим уважением. Поэтому он ничуть не испугался; проник внутрь и закрыл за собой дверь. Агой зашипела и ощерилась на него, забившись на лежанке в бессильной ярости, но Ив прижал тыльную сторону запястья к губам, призывая её к молчанию. Агой притихла, удивив этим саму себя. Смерть, каждую секунду которой она помнила сейчас, ярость, возраставшая в ней день ото дня, и постепенно охватывающее её отчаяние многое в ней изменили. Сначала она лишилась родичей, потом – чести и корабля, и ещё потом – жизни и свободы. После всего этого мероканец, призывающий её к молчанию, был такой мелочью!

– Хочешь вырваться отсюда? – Шёпотом спросил мероканец на слегка изменённом диалекте Биафра. Жёлтые глаза Агой полыхнули, мускулы под гладкой серой кожей напряглись снова.

– Скажи «Да», сестра.

– Да!

– Это не тот ответ. – Возразил мероканец. Показал ей свои израненные запястья, и она наконец-то обратила внимание на его серую одежду офта, такая же была и на ней. И ненависть исчезла. Кто бы они ни были прежде, но ужас смерти и воскрешения объединил и примирил их.

– Шах, брат. – Ответила она, и он улыбнулся. Этот жалкий оскал никчёмных человеческих зубов, как она знала, считался у этой расы знаком приязни, а не угрозы, поэтому она отреагировала должным образом: сжала собственные губы, скрывая великолепные острые и длинные клыки. Он тоже был осведомлён. Не мешкая больше, он освободил её от пут и дал оружие: стержень с режущим диском.

Едва в руках рыцаря Агой очутилось оружие, как она на глазах расцвела: серая тусклая кожа налилась бронзой, чернью и позолотой, глаза вспыхнули змеиным огнём.

– Как? – Коротко спросила она.

– Не знаю. – Ответил мероканец. – Сможешь вести корабль, если мы его захватим?

– Смогу. – Она почувствовала, что мероканец, возможно, достоин её уважения.

– Если не вырвемся, то умрём. – Сказал мероканец, окончательно покорив её. – Терять мне нечего. Ты со мной, сестра?

– Шах! – Ответила она, уже не скрывая своего восхищения.

Прихватив лёгкую лежанку, Ив первым вышел в коридор,

и вовремя: к ним уже спешили несколько Бехидже и боевых андроидов. Прикрывшись лежанкой от первого залпа шокеров, Ив швырнул ею в них, посеяв лёгкое замешательство, которого для Агой было достаточно: воин из клана Сакирш-ш, она была рождена для битвы, и показала это в те несколько секунд, что ей потребовалось, чтобы самым жестоким образом буквально порвать в клочья всех, кто противостоял им в коридоре. Светлые стены и пол были забрызганы кровью и мозгами, когда она опустила своё оружие и повернулась к мероканцу:

– Что дальше, брат?

– К лифту. – Ответил тот, ничуть не шокированный, как было бы большинство его соотечественников. Это Агой понравилось: он не был слизняком, как остальные люди, привыкшие к чистому убийству и презгущие его грязной стороной.

В лифте Ив внимательно изучил панель, вспоминая, что здесь делал Бехидже, за которым он наблюдал. Панель лифта, как и в его время, была разноцветной, и он, чуть колеблясь, подумал о колер-кодах своего времени. Если и тогда они были древнее всех человеческих цивилизаций, почему бы им не действовать и теперь? Приёмники терминалов, ангары и шлюзы имели колер-код Г: от жёлтого до зелёного, и Ив выбрал тот участок, который был нужного цвета. Сбоку на пластине были зубчики, которые идеально подходили для идущих поперёк цветных квадратов выемок, и он вста-

вил его в зелёный квадрат. Вся панель, по которой бежали огни, потухла, освещённым остался только зелёный участок. Лифт двинулся, сначала вбок, потом вверх, потом снова в бок, и наконец вниз, а Ив торопливо выспрашивал у Аши про теперешний мир. Сначала она отняла у него последнюю надежду, подтвердив слова Шитахи: теперь шёл три тысячи четыреста двенадцатый год. А потом обрадовала, рассказав о существовании Союза, мероканской Общины на Корте, о том, что Биафра по-прежнему процветает, и Ив принял решение лететь туда, если побег удастся. Стоит ли связаться с мероканцами, Ив не знал; вся душа его требовала этого, но было страшно. Пока он не хотел надеяться и строить планы. Он не знал, как и где он существовал все эти четыреста лет, что делал, что сохранило его мозг для офта? Но главное – от Агой он услышал, что Л'вар жив; что соль изуродовала, но не убила его, и что у него по-прежнему есть шанс отомстить. Это следовало переварить, но Ив не мог себе позволить думать. Ощущение, которое сейчас несло его, было похоже на вдохновение, и было залогом какого-то успеха, если на успех можно было рассчитывать там, где он оказался.

Возможно, это был ангар – даже скорее всего, это был ангар или приёмник. Или и то, и другое вместе. Но вместо того, что Ив привык видеть, здесь было то, что он не мог даже описать. Даже Кейвар Мессейс, родившийся на четыреста лет позднее Ива, когда-то не смог идентифицировать всё, что увидел на Гонвед, что же говорить об Иве? Даже Агой

чуть не изменила её выдержка, но презрение к малосильным гуманоидам было столь велико, что она презрительно оскалила зубы на ближайший шар, полный жидкого огня, и отвернулась от него, испытывая, тем не менее, неприятный холодок в спине. А мероканец, тот вовсе не скрывал своего удивления, к великой печали Агой, которая, всё-таки, назвала его братом. Но решимость его не пропала, что, подумав, она всё-таки решила уважать.

Существ в ангаре было много: гуманоидов, андроидов и даже людей. Агой шёпотом сообщила Иву, что как раз идёт разгрузка какого-то корабля, судя по всему, человеческого, скорее всего, Странника Биафра.

Это хорошо или плохо? – Так же шёпотом спросил Ив.

И то, и другое, брат. Странник Биафра может забрать нас с собой, но на открытое столкновение с Шитахой он не пойдёт. Как нам проникнуть туда незамеченными?

Мы уже столько сделали, сестра. – Ответил Ив. – Сделаем и это.

Они начали по возможности скрытно приближаться к космическому челноку, скрываясь среди толстых невероятно высоких колонн, в которых, как в шаре, медленно ворочалось ленивое голубое пламя. Кто знает, как бы закончилось это их предприятие, если бы Ив не увидел стоящего на возышении возле челнока человека, и не забыл обо всём на свете...

Потому, что там стоял Лавайр Мессейс.

Только что Ив слышал, что соль изменила и изуродовала его; но он видел теперь: ничего подобного! У Лавайра было то же породистое лицо с тонкими чертами, свойственными Старой Крови северных Высоких Домов, те же глаза, то же тело. Мгновенно позабыв про всё остальное, Ив двинулся в сторону своего врага, движимый единственной мыслью: убить его, пока никто не успел его остановить. А потом он сам умрёт, уже не жалко. Он не слышал шипящего предупреждения Агой, не видел спешащих наперерез Вэйхэ и боевых андроидов. Но едва он вышел на открытое место, как его враг заметил его тоже. Они встретились глазами, и Ив, продолжая приближаться, вдруг с обескураживающей ясностью понял, что это не Лавайр. Он был страшно похож, и совершенно точно был Мессейс, но не Лавайр! И едва Ив понял это, как сумасшедшая решимость покинула его, и он остановился, не зная, что делать дальше. Он словно очнулся; стали так очевидны полное отсутствие перспектив и полная безнадёжность его побега. Ему нигде нет места; его никто не ждёт. Он не знает никого в Известной Вселенной, кому он мог бы быть нужен. Ив прижал острые стрежни, которыми заканчивалась пластина, к тому месту на шее, где билась сонная артерия, но надавить не успел – кто-то крепко схватил его сзади и вырвал пластину из рук. Вся новая незаурядная сила Ива оказалась ничем против силы этого существа, но тепло живого тела и дыхание, которое Ив ощущал на своей шее,

говорили о том, что это не андроид. Судя по росту, это мог быть... Ив развернулся, едва хватка ослабла, и увидел перед собой кинтанианина, кипа, из южан, с раскосыми коралловыми глазами и белыми волосами альбиноса, выдававшими в нём уроженца провинции Аю-хо: сбритые на висках, они были зачёсаны назад и свисали на спину множеством тонких косичек. В этот миг погоня была уже рядом, и Вэйхэ произнёс на лингве Биафра:

- Отойдите в сторону и верните нам оружие.
- Это мероканец. – Угрожающе произнёс кип. – Я готов защищать его.
- Это не мероканец. Это сбежавший офт. Он убийца; он крайне опасен. И он собственность Гонвед, пока за него не заплачено.
- Кинтанианин обнажил клинки, почти такие же, какими они были во времена Ива: широкие, короткие, с шипами на гарде. С другой стороны подоспела Агой, и вдвоём они представляли своеобразную и опасную пару.
- Я знаю, что такое офт. – Сказал кип. – Но он мероканец, и я беру его под свою защиту.
- Я тоже! – Прошипела Агой. – Тот, кто первым прикоснётся к нему, не забудет боль смерти и через тысячу перевоплощений!
- Стойте! – Воскликнул похожий на Лавайра мероканец, и, перемахнув через перила, тоже оказался рядом. – Чтобы недоразумений не было, я покупаю этого офта.

- Я не один. – Сказал Ив.
- За него уже уплачен задаток. – Сказал Вэйхэ.
- Я понимаю. Я хочу говорить об этом с Шитахой.
- Я не один! – Повысил голос Ив. Мероканец посмотрел на него – глаза у него были ярко-зелёные, как молодая трава, зеленее, чем были у Лавайра, и волосы имели редкий для мероканца золотистый оттенок. С виду ему было лет тридцать, может, меньше, но взгляд и линия губ выдавали натуру властную.
- Со мной рыцарь Агой. – Ужетише произнёс Ив. Взгляд мероканца обладал способностью смирять любой пыл.
- Агой я тоже покупаю. – Сказал он.
- Этого офта купить возможно. – Сказал Вэйхэ. – Мероканца – нет. Это особенный офт.
- Что ж. – Устало ответил мероканец. Повинуясь какому-то знаку, возле него возникли ещё один кинтанианин, два шхарианца и кортианин – все вооружённые. Кортианин бросил Иву нож, и тот поймал его, ещё не веря в свою неожиданную удачу. Некогда было раздумывать, почему эти люди решились на такое. Повинуясь командам мероканца, Ив и Агой отступили к шлюзу космического челнока. Краем уха Ив уловил команду, отданную мероканцем кому-то по имени Ст, но смысла не понял – для него это прозвучало тарабарщиной, потому, что касалось каких-то новейших технологий. Ст должен был обеспечить челноку отрыв от Гонвед, это только и смог понять Ив. Кип практически в одиночку

обеспечил их отход к челноку: он сражался красиво, быстро, чисто и зрелищно. Иву и остальным пришлось только отбиться от нескольких андроидов-охранников.

— Время! — Крикнул мероканец. Вся его команда была в челноке в считанные минуты. Все нервничали — не смотря на сдержанность побывавших во многих переделках людей, это чувствовалось. Шхарианцы и не скрывали этого — один ругался шёпотом, другой злобно поглядывал на Ива.

— Эй, Рэн. — Окликнул он кипа, — что-то я не вижу, чтобы соль покрывала этого мероканца с ног до головы. Зачем...

— Заткнись. — Сказал мероканец. — Дело сделано.

— Никто не уходил от Гонвед!

— Я уйду. — Самонадеянно ответил мероканец. — Я всегда ухожу.

На это никто не возразил, видно, это была неоспоримая истина. Через несколько минут челнок состыковался с каким-то кораблём;стыковка была долгой для натянутых нервов команды.

— Командир, — раздался в челноке холодный женский голос, — имеет место быть зона перехода. Какой-то киборг пришёл к Гонвед.

— Это же здорово. — Сказал мероканец. — Маре меня закусай, нам опять повезло. Я наверх; новеньких по каютам. Мероканца — в бывшую конуру Гэма, этим займётся Г'упра; для Агой комнатку подберёт Кмоль. Пообщаемся, когда уйдём и будем в безопасности. Все остальные — как обычно.

Он первым покинул челнок и скрылся в лифте. Ив оглядывался, пытаясь понять, куда его занесло. Ангар был больше, чем ангары кораблей его времени, хотя когда-то мероканские корабли были самыми большими в известной Вселенной. Больше примерно раза в три. Он не узнавал одежду окружающих его людей; форма челнока, из которого они все вышли, удивила его, но и привела в восхищение, как механика.

— Я — Г'упра. — Сообщил симпатичный кортианин, кладя руку ему на плечо. — Поехали со мной, покажу тебе свою конную. Там жил Гэма, кортианин, как и я, только с севера; он был нашим механиком, но не так давно повздорил не в том месте, не в то время и не с теми существами, как следовало бы. В общем, и каюта, и вакансия механика свободны, и если... впрочем, решать барону.

— Кто это?

— Ну, ты даёшь! Шен, барон Ариги. Наш командир. Мероканец?

— А кто его знает. Родился-то он не на Корте, хотя это не факт. Но об этом нельзя говорить, он сам скажет, если захочет. — Г'упра завёл его в лифт. — Вообще не стоит болтать о нём. Он не любит этого. Он самый знаменитый из Странников Биафра, но говорят о нём мало, не то, что о других. Он мало даёт пищи для болтовни. Нам не высоко. — Сам Г'упра, судя по всему, молчаливостью не страдал. — А как тебя зовут? Моё имя ты уже знаешь, я с Корты, из Рам'ина, это на

юго-востоке. Знаешь?.. Может, и знаешь. Сам-то ты откуда? Из Луаны? Или Дины? Таких теперь мало, я имею в виду, таких светлокожих, хотя я сам видел похожих, но большинство мероканцев почти такие же коричневые, как я. Так откуда ты, говоришь? Впрочем, если не хочешь, не отвечай. Командир сам с тобой поговорит. – Он вывел Ива в коридор, светлый и достаточно широкий, чтобы в нём разминулись четыре человека. – А вот и твоя комната. Зацени! – Он открыл дверь и картинно отступил в сторону, сделав типично кортианский жест гостеприимства. – Надеюсь, тебе понравится. Я бы посоветовал тебе помыться, ну, и переодеться тоже. Гэма был примерно твоего сложения, хоть и пониже, но думаю, тебе его шмотки подойдут, само собой, они тебе переходят по наследству, как и комната, и конечно...

– Спасибо. – Вежливо сказал Ив, почувствовав, что словоизвержение кортианина само собой не прекратится. – Ты мне ещё успеешь всё рассказать. Сейчас я хочу последовать твоему совету.

– Роскошные волосы! – Подмигнул Г'упра, когда дверь начала закрываться. – Если их ещё и расчесать...

– Разумеется. – Вздохнул Ив. Дверь закрылась, и он очутился в тишине и одиночестве. Закрыл глаза, привыкая к этому ощущению. Возможно, оно было кратковременным, но тем важнее было насладиться им в полной мере. Покой. Возможность вымыться. Переодеться. Ив огляделся, подумав об этом. Помещение было не очень большим, лишь

немного больше, чем было на его корабле четыреста лет назад, и как и там, всё было складным и выдвижным: кровать, которую можно было превратить в игровой или обеденный стол; компьютер, проектор, стул, массажёр, пара тренажёров. Помимо этого здесь были встроенный шкаф и маленькая душевая кабина, в которой Ив и закрылся, едва обнаружил её. Выбросил ненавистную одежду офта в утилизатор, и с наслаждением смыл с себя все запахи Гонвед. Прикосновение воды к телу показалось ему неземным блаженством. Почти час он провёл в душевой, отмывая последние воспоминания об офте, и тщетно пытаясь распутать и расчесать волосы. В конце концов ему пришлось обрезать их, оставив чуть меньше половины, но и этим он был доволен. Расчесав их наконец, он вышел из душа и открыл шкаф.

Выбор одежды был небольшим, но для Ива вполне достаточным. Он узнал кортианскую замшу, из которой были сшиты штаны и куртка; таких в его время не носили, но в то же время ничего необычного или неприемлемого в них не было. Предшественник Ива любил щеголнуть – целая обойма обильно украшенных серебром и платиной поясов говорила об этом, – и гордился своим телом, о чём говорили майки и кофты в обтяжку и сильно открывающие руки и плечи. Два тренажёра так же говорили о том, что он следил за собой. Ив надел майку с высокой горловиной и глубокими проймами, и остался вполне доволен. В такой одежде он вряд ли бы привлёк внимание в любом обществе и на

любой планете людей, хотя пояс был достаточно харизматичен. Немного подумав над странной пряжкой, Ив без труда застегнул её; на поясе было место для лазерного пистолета и ножей. Завязав волосы, Ив посмотрел на себя в зеркало. То, что он увидел, ему понравилось. Он никогда не считал себя красавцем, хотя знал о своей привлекательности; но теперь даже самому себе он не мог не понравиться. Может, у офта и были недостатки, но не физические! Услышав сигнал, он надел космические ботинки с магнитом в толстой подошве и вышел в коридор.

Где его, конечно же, ждал Г' упра.

Часом раньше Шен, хозяин корабля, которого команда называла бароном Ариги, дал команду своему киборгу уходить в гипер, воспользовавшись прибытием другого корабля, и вызвал по внутренней связи лорда Рэна. Тот появился быстро – видно, ждал вызова.

– Говори. – Коротко потребовал Шен. Он был зол и озабочен.

– Это он. – Ответил лорд Рэн. – Бывший киборг – убийца с Биэлы. Тот, кого похитили вместе с Гритом.

– Откуда ты знаешь?

– Я встречался с ним лицом к лицу на Пскеме. Это было недавно, и я хорошо помню его лицо. Это он.

– Ты хоть понимаешь…

– Понимаю. Ты не понимаешь.

– Нет, выходит, чего-то не понимаешь ты. – Шен был в бешенстве. – Мы не потянем такую игру, лорд. Ты что, не знаешь, какие силы стоят за этим?! Гонвед, Лига, Союз! И жалкая Арига с её жалкой командой, которую я, между прочим, собирал десять лет!!! Ты хоть знаешь, ты хоть понимаешь, что мне стоило купить этот киборг?! Мне, саваляину, человеку без имени, родины, семьи и даже планеты?! Ты знаешь... а, мэрэ вас всех побери! – Он отошёл в сторону. – Что теперь. Я сделал это.

– Ты отдашь его Шитахе?

Нет, конечно. – Шен пожал плечами. – Он теперь мой, и прежде я поговорю с ним. Может, выкину где-нибудь. Может, продам.

– Я останусь с ним.

– Почему?! – Гневно спросил Шен.

– Я умею быть благодарным. – Сказал Рэн. – Он... не то, чтобы спас меня на Пскеме, нет. Но он не бросил меня на произвол судьбы, когда я заслуживал этого. Теперь моя очередь.

– Понятно. – Скривился Шен. – Поступишь, как знаешь. Сначала я поговорю с ним. Возможно, тебе не придётся строить из себя героя.

– Я ничего не строю из себя. – Очень тихо сказал лорд Рэн. Шен дёрнул ноздрями, но промолчал. Отвернулся. Вел Ариге вызвать Г'упру.

– Мероканец моется. – Весело ответил тот. – Ему это

очень необходимо.

– Когда оденется, приведёшь его в крипт. Сам останешься внизу. Понял?

– Да, командир. – Слегка поник кортианин.

– Не подслушивать! – Строго напомнил Шен. Г'упра хитро блеснул белками выпуклых глаз:

– Как можно! – И сам ухмыльнулся своей неискренности

Ив как раз стоял возле него, и сам слышал всё, что сказал Шен. Кортианин пожал плечами очень выразительным и эффектным жестом, сделал жест в сторону лифта:

– Всё время вверх, не заблудишься.

– Благодарю. – Ив вошёл в лифт. Пока поднимался, смотрел через прозрачные стены, пытаясь понять, где очутился, и что значат трубы и провода вокруг. Почему-то ему казалось, что он знает это, и стоит слегка поднапрячься, как он всё вспомнит... Но лифт остановился слишком быстро. Ив вышел на площадку перед криптом, и замер ненадолго, поражённый тем, что увидел внутри.

– Страшно? – Посреди пустоты, наполненной звёздным светом, стоял Шен. – Никогда не был в крипте? Странно.

– Это проекция?

– Конечно. На самом деле там, вокруг, муть гипера.

– Я так и думал. – Ив, почти не дрогнув, вошёл внутрь и остановился напротив Шена.

– Кто ты такой?

– Мероканец. Я умер в три тысячи четвёртом году, был убит из плазмера на терминале, сжигавшем Мерак. Не имею ни малейшего понятия, что я был, и где я был до сегодняшнего дня. Знаю только, что Шитахе до зарезу нужно было вырвать из меня воспоминания об этом.

Шен долго смотрел ему в глаза. Ив не мог понять выражения его лица – сочувствие, злость, досада, колебания?

– Как тебя зовут? – Спросил он с выражением усталой обречённости в глазах.

– Озакх.

– Это значит – Волк?

– Да.

– Ты уверен?

– Да. Моё прежнее имя умерло четыреста лет назад.

– И ты в самом деле не помнишь абсолютно ничего?

– Нет. – Напрягся Ив. – Шитаха делал со мной страшные вещи, чтобы вырвать эти воспоминания. У него ничего не вышло. Хочешь попробовать?

– Да нет. – Шен чуть усмехнулся. – Я влиз в очень нехорошую историю с тобой, Волк. Что ты умеешь?

– Я гениальный механик. Думаю, мне не понадобится много времени, чтобы освоить теперешние технологии, если у меня будут необходимые материалы и источники. Так же я был экспертом по налаживанию контактов с чужими. С любыми чужими, в том числе и не гуманоидами.

– Ну! – Шен деланно обрадовался. – Это же меняет дело.

Материалы у тебя будут, не сомневайся. Мы потеряли хорошего механика, и если ты заменишь его, я пересмотрю свой взгляд на сложившуюся ситуацию.

— Можно мне спросить? — Поколебавшись, обратился к нему Ив.

— Рискни.

— Кто ты такой? Мне знакомо твоё лицо, и я… не понимаю, кто ты, что это за корабль, почему такая разнородная команда?

— Всё в своё время, Волк. Через два часа ужин, там и познакомимся. Отдохни пока. Судя по всему, у тебя был тяжёлый день.

— Спасибо. — Пробормотал Ив. Он и в самом деле смертельно устал.

Он ушёл, и тогда в крипту вошла примечательная маленькая женщина. Маленькой она была за счёт коротких, слегка кривых ног; тело у неё было вполне нормальное и даже изящное. Коричневая абсолютно лысая от природы голова была эффектно повязана шарфом из тяжёлой блестящей ткани; в общем, это была бардианка, представительница малочисленного пустынного племени Барда. Тонкое, высокомерное её лицо было бесстрастно, тёмные глаза без блеска, словно нарисованные тушью, не выражали абсолютно ничего — как чёрные дыры, они, казалось, поглощали свет. Холодный, прекрасный и мелодичный голос принадлежал ей.

– Ты имеешь знание об этом человеке, барон? – Спросила она.

– Да.

– Он будет иметь благодарность, если ты скажешь.

– Нет. – Покачал Шен головой. – Не будет. Будь я проклят, но мне жаль его. Ты презираешь жалость, пустынная кошка, верно? – С улыбкой посмотрел он в глаза, которые не изменили выражения при этом, так же, как и лицо. – Я тоже стараюсь обходиться без этого, но этого парня мне жаль. Не хотел бы я быть в его шкуре! И сам себе я тоже не завидую. Мы в страшной заднице, Моанна. Вэйхэ Шитаха не оставит нас в покое, пока он с нами.

– Я не имею страха перед Вэйхэ. – Красивые вычурные ноздри дрогнули, великолепно отобразив презрение одним мимолётным движением. – Я не имею страха, и ты, барон, не имеешь его. Ты знал, когда забирал этот человек с Гонвед. Ты не испугался. Моанна восхищается тобой.

– Ты права. – Улыбнулся Шен. – Я всё знал. Мы найдём выход, как обычно.

Кейв и Рокел быстро оправились после прыжка, но оптимизма это никому не прибавило. Колебания в силе тяжести и перепады энергии говорили о том, что с Гритом всё очень плохо, а что делать, они не знали. Кейв не знал; ещё меньше знали Анна и Рокел. Посольский уровень Грит не отключал, но оставаться там стало опасно: в любой момент могли от-

ключиться системы очистки воздуха и терморегуляторы, постоянно мигал свет, – и Кейв с Анной и Рокелом перебрались на лабораторный, где особые системы поддерживали беспребойную работу всего комплекса до самого конца, то есть, до гибели корабля. На лабораторном уровне жить было можно: есть, где лечь, есть, чем питаться, – но Грит был прав, долго протянуть они здесь не могли. Пища была облегчённой и целиком синтетической, безвредной, но и бесполезной. Здесь были реанимационные помещения; предполагалось, что восстановительные процедуры и питание обеспечат жилые уровни. Можно было вводить необходимые вещества в виде инъекций, но в условиях глубокого космоса это грозило нервными расстройствами и депрессией, бороться с которыми в сложившейся обстановке будет нереально… Во всяком случае, так утверждал Кейв, и у Анны не было причин ему не верить. Выяснив всё это, трое пассажиров Грита некоторое время сидели в своём временном прибежище и молча переваривали каждый свой. Лаборатория была большой, обставленной предельно скучно. Все было очень бледным, бирюзовым и белым, стерильным, линии – простыми и чёткими. Свет – ярким. Само по себе приятное сочетание цветов заранее почему-то наводило тоску, может быть, потому, что они уже предвидели проблемы. Ну и, конечно, привыкли-то они, все трое, к роскоши своих апартаментов, к комфорту и простоте бытия, и изменения принимали неохотно, с большим душевным напряжением. Пользоваться лифтами тоже

было опасно, но Кейв всё равно раз в день поднимался на посольский уровень, чтобы получить еду и сок в «Хинаян». Иначе, считал он, проблемы с желудком и иммунной системой им обеспечены.

Он был страшно зол на Анну. Раздражение было таким сильным, что он с трудом удерживал его в себе. Он даже хотел бы, чтобы сейчас всё стало ещё хуже, чтобы сказать ей: «Ну, и что ты наделала?!» Это восклицание терзало его горло, пока он не произнёс его вслух:

— И что же ты наделала, отдав ему корабль?! Ты видишь, что происходит?! Если бы ты не отдала корабль киборгу, сейчас мы не сидели бы в таком дерьме!

— О, да! — Ответила нервно Анна. — И где бы мы были?! Где была бы я, где был бы Грит, если бы этот киборг не пожалел меня, не вытер мои слёзы и не сказал: «Я не брошу тебя»?! Где был бы ты, если бы на Пскеме он заботился только о том, чтобы забрать соль и скрыться с нею и со мной?! Кто сейчас упрекал бы меня?!

— Я знаю, что меня не было с тобой, когда ты принимала решение! — Кейв был сильно уязвлен, и на какие-то мгновения отбросил свою сдержанность. — Я не могу упрекать тебя за преданность другу, но ты должна была, мать тебя со жри, думать о том, что ты делаешь! Грит — не безделушка, не вещь, не домашняя зверушка, он — страшное оружие, способное перевернуть Вселенную! Зачем ты так сделала?!

— Ты знаешь. — Устало произнесла Анна. — Мы обсуждали

это тысячу раз. В тот момент это казалось самым разумным решением, которого в любом случае никто не ожидал. И потом... я хотела защитить Ива. А сейчас я просто не знаю, — она не выдержала, и по щекам побежали слёзы, — что делать, как вытащить его с Гонвед, как найти, если он уже не там?! Мне так страшно, Кейв!

Сердце Кейва мгновенно смягчилось. Он не переменил своего мнения, и злился на решение Анны по-прежнему, но на Анну злиться не мог. Он так редко видел слёзы! Вид блестящих капель, просочившихся сквозь её ресницы и побежавших по щекам, его растрогал и испугал; он сразу же сдался.

— Я понимаю. — Сказал виновато. — Прости, я просто растерялся и испугался вместе с тобой.

— Какой смысл, — философски спросил Рокел, радуясь примирению, — теперь спорить о том, разумно было отдавать Грита киборгу, или нет? Мы всё равно ничего не изменим. Ведь правда?.. Нужно решать, как исправить положение. Я снова предлагаю позвать на помощь. Мероканцы могут найти нас, и помогут починить Грита.

— А где гарантия того, что они одни примут сигнал Грита? Что Л: вар не примет его первым? Одно верно: он починит его, не сомневаюсь! — Возразил Кейв. — Вся Вселенная прослушивает каналы связи, ожидая хотя бы эха сигналов Грита. Да, Грит способен вести переговоры через гипер; но создал-то эту способность Л: вар! Где гарантия того, что он не

продублировал эту способность и уже не прощупывает гиперточно так же, как он делает это с обычным пространством?

— Гарантии этого нет. — Анна вытерла слёзы, отстраняясь от него. — Я думала уже об этом. На помошь звать нельзя, но без помоши нельзя тоже. Кто-то должен полететь на Корту. На линейном корабле.

Она уже знала, что полетит сама, но решила, предвида возмущение Кейва, дать им выговориться и самим отвергнуть собственные кандидатуры. Рокел, естественно вызвался первым, не скрывая страстного желания попасть скорее на Корту.

— Ты, конечно, с Гритом напрямую никак не связан, — согласился Кейв. — Если бы можно было добраться отсюда на Корту с одной только остановкой на какой-нибудь маленькой станции, мог бы лететь прямо сейчас. Но остановки придётся делать как минимум две; на первой тебя узнают, и пока ты добираешься до второй, выяснится, что ты тот мероканец, что без вести пропал на Пскеме в тот самый день. Улавливаешь мою мысль? И скорее всего, до дома ты не доберёшься. Думаю, заберут тебя кипы; это не самое страшное, что может случиться, но нам это не нужно абсолютно. В данной ситуации чем позже кипы узнают, где Грит и что с ним, тем лучше. Это чисто эгоистичное желание: я, как Мессейс, да и Анна, как двойник, пострадаем за своё родство в первую очередь.

— Если уж меня свяжут с Гритом, то тебя-то уже точно. — Огрызнулся Рокел. — Узнать в тебе Орина, улетевшего на

Грит, раз плюнуть. Тебя повяжут на первой же станции, по-верь мне.

– А меня – нет. – Наконец-то рискнула высказаться Анна.

Глава вторая

Канувшие в бездну

Ив спал несколько часов. Никто не захотел его будить к обеду; только к ужину, когда любопытство команды достигло апогея, Г'упру командировали за ним. Сигнал в первый миг испугал Ива – он взметнулся на постели, подумав, что всё ещё на Гонвед, но увидел вокруг непрятательный уют каюты, и перевёл дух.

– Ну, ты и спать! – Радовался Г'упра. – Ты проспал обед, но на ужин мы решили тебя разбудить. Все хотят познакомиться с тобой, просыпайся.

Ив плеснул в лицо водой, заглянув в душевую; он не выспался, но при упоминании об еде у него всё заныло внутри, захотелось бежать со всех ног в столовую и хватать всё, что дадут. Выйдя из душа, он заметил, что на кортианине такая же майка, как на нём, а плечи украшает шикарнейшая татуировка. Спросил завистливо:

– Кто это тебе такую сделал?

– Рэтха! – С радостной улыбкой ответил Г'упра. Он уже просочился внутрь, и беззастенчиво разглядывал Ива. – Хороший человек! Если захочешь, он и тебе такую сделает. А

тебе идёт кортианская одежда. Гэма сильно гордился своими данными, всячески их подчёркивал, ты понимаешь, о чём я. Но до тебя ему далеко. Видал я симпатичных мероканцев, но ты всех их заткнёшь за пояс. Это потому, что ты офт, или ты всегда таким был?

- Потому, что офт. – Не очень тепло ответил Ив.
- Ты правда, со Старого Мерака?
- Правда. Из Москеры.
- Ух, ты! – Название, видно было сразу, кортианину ничего не говорило. – Ты и Рогатого помнишь человеком?
- Кто это?
- Ну, как же! Л:вар!
- Почему Рогатый?
- Ну, как же. От соли, говорят, у него рога выросли, вот тут. – Он показал, где. – Прямо из позвоночника.

И снова Ив испытал что-то вроде мстительной радости. Зло улыбнулся, застёгивая космические ботинки:

- Ну, и красавчик он, наверное!

В общей столовой было тесно, но уютно. Там, кроме Шена, собралось одиннадцать человек, мужчин и женщин разных рас, но гуманоидов не было. Была только Агой, сидела отдельно от всех с очень надменным, но не враждебным видом. Она уже оценила качество шхарианских татуировок, и, заручившись согласием Рэтхи сделать ей такую, почувствовала что-то вроде расположения к присутствующим.

Едва Ив вошёл, как все повернулись к нему, и Шен сказал:

– Вот и он. Если кому-то не нравится присутствие меро-канца в нашей команде, пусть засунет своё недовольство глубоко в задницу и посидит на нём. Авось, что вылупится.

Никто не изъявил желания высаживать птенцов из собственного недовольства, и Шен продолжал:

– Первыми представляю тебе кинтаниан, Волк. Это – твой знакомец, лорд Рэн, наш навигатор; ему ты обязан тем, что покинул Гонвед. Благодаря его талантам в области навигации, мы до сих пор живы и богаты. Это всё, что о нём следует знать. Этот толстяк – полирам Нер из Низкой Торговой Касты, дерзнувший получить на Барде образование психолога и аналитика. Был сослан за это на терминал в системе Бэты, но не захотел собирать цветы ветра, бежал на Биафра и вскоре очутился у меня в команде. Лучше него никто не умеет ладить с трудными клиентами и заключать выгодные сделки, но не вздумай подраться с ним, он целуется взасос со всяkim, кто смог его побить. Этот здоровяк – Ра из Средней Касты Артистов. Как и Нера, выращивание садовых растений его не прельщало, он скрытно изучил кинтанианские боевые искусства, тоже был наказан и сослан за это, и тоже бежал. Какое-то время он проходил службу в Лиге, понял, что это не его, и бежал оттуда, на прощанье устроив теракт, и это делает его довольно симпатичным в наших глазах. Он отвечает за боевое прикрытие команды; втайне я мечтаю сделать Агой его напарницей, но нет, так нет.

– Я не сказала «нет». – Надменно откликнулась Агой.

– И это вселяет надежду! – Немедленно отреагировал Шен. – В самом деле, имея такого боевика, команда Ариги не убоится и самого Рогатого. Так, кинтаниан я представил?.. Ах, прошу прощения, прекрасная Гера, загадочная Гера, – он указал на некрасивую и холодную, как все кинтанианки, но очень надменную молодую женщину с восточными чертами, белой кожей и узкими коралловыми глазами. – О ней нам ничего не известно; но она подруга Ра и отвечает за вооружение Ариги. Теперь кортиане. Г'упра, твой приятель: многохёнец. Бежал не от закона, а от мести некоторых ортодоксально настроенных жён и их родни мужского пола. Он отвечает за архивы и сбор информации. Не смотри, что с виду он простоват, этот хитрец знает всё обо всём. Эта бестия – Ст. – Ив удивлённо взглянул на юную и хорошенькую, как котёнок, кортианочку, которая чувственно улыбнулась ему пухлыми тёмными губами. – Ст. – гений, и этим сказано всё. Она не только пользуется самыми совершенными технологиями, как бог, она сама их творит буквально из ничего. За это и осуждена на Корте три года назад, когда поменяла полярность в стволах основы одного из терминалов, чтобы «посмотреть, что будет». Погибло больше сорока человек, насколько мне известно, у сотни с лишним были неприятности с сердцем и давлением. Но это она не со зла. А из своего гениям безразличия к толпе. Переходим к шхариянцам. Это – Кмоль, вдовец. Впрочем, он утверждает, что

смерть его жены – несчастный случай, и я ему верю. Все мы слышали про шхарианских жён. Кмоль тоже отвечает за вооружение Ариги. Это – Рэтха. Он жену не убивал, он просто сбежал от неё, и рад этому. Рэтха отвечает за воздух Ариги и всё, чем мы дышим, что едим, что пьём. Он биохимик. На нём так же ответственность за питание самой Ариги; помимо того, он выполняет сейчас вместе с Г'упрой обязанности механика, которые очень надеется переложить на тебя. Рабиане: эта изящная дама – Аэла, наш врач. Она прекрасный врач, но однажды перепутала команды и размазала своего пациента по барокамере. По несчастной случайности он оказался старым недругом её клана, и всё приняли за вендетту, что, конечно же, не верно. Её муж, Рэма, не виноват ни в чём, как младенец, и просто разделяет с женой судьбу, а заодно присматривает за нашими растениями и кормит нас всех. А вот эта дама, – Шен торжественно представил бардианку, величаво сидевшую отдельно от всех, – моя помощница, Монанна. Выслали с Барда её за то, что она по старинному прекрасному обычью своего племени, который кипы почему-то запретили, отрезала кое-что у мужчины, который пытался её обидеть, и бросила его в пустыне истекать кровью. Так что придержи своё восхищение, которого она, несомненно, достойна, при себе. Потому, что если она только заподозрит тебя… нет, не буду говорить, чем это грозит.

А это, – обратился теперь Шен к команде, – офт мероканца, который родился на Старом Мераке и умер пол тыщи лет

назад; понятия не имею, где Шитаха выкопал его мозг. Он тоже. Ничего, кроме мгновения своей смерти, он не помнит, но был в своё время гениальным механиком, и надеется стать им снова в самое короткое время. Я решил дать ему такую возможность, поэтому все вопросы и претензии по поводу его присутствия на борту – ко мне одному.

– И как тебе далёкое будущее, кхем Волк? – Кокетливо спросила Стая.

– Не знаю. – Ответил Ив. – Но на Гонвед было погано.

– Да и здесь только преступники и отщепенцы вроде нас. – Хихикнул рыжий Кмоль. – А о себе ты не упомянул, Шен. Скажи, ты откуда?

– Список моих преступлений, – серьёзно ответил Шен, – так пространен и ужасен, что я намерен посвятить ему отдельный вечер. А теперь давайте есть.

Ив так давно не ел ничего вкусного, и постоянно с момента своего пробуждения в офте испытывал такой голод, что набросился на еду, как голодный волк. Еда была кортианская, как и язык, на котором говорила команда Ариги, много мяса, много овощей, нежные побеги папоротника со вкусом зелёного яблока, сладкие фиолетовые орехи кортианской пальмы, сок кортианского молочая, сладкий и густой, с ванильным привкусом, и хлебцы наподобие земного хвороста, из муки клубневого растения, похожего на земной картофель. Ив ел и не мог остановиться, пока, опустошая последнюю тарелку, не понял вдруг, что никто уже не ест, и все

смотрят на него. Покраснел.

– Здорово же гумики его кормили! – Радостно рассмеялся Г'упра.

– За пятьсот лет не так оголодаешь. – Заметил Ра.

– Ешь, сколько влезет. – Разрешил Шен. – Еды много.

– Ещё бы! – Вмешался Кмоль. – Арига перерабатывает в еду всё, что получает от нас. Каждый раз, садясь за стол, я молюсь, чтобы это были не какашки Моанны! – И расхихикался, увидев выражение лица Ива, а Моанна произнесла своим хрустальным голосом:

– Ты же понимаешь, кхем Волк, что это тщетное кривляние не есть истина. Тем, что Отрыжка Гуманоида назвал «какашка», Арига удобряет наш прекрасный сад. Мы там делаем отдых, когда позволяет распорядок. И когда ты придёшь в наш прекрасный сад, и увидишь самый грустный образец, имей знание, что ему сделано удобрение какашкой Кмоля.

Ста радостно рассмеялась, а Кмоль вспыхнул до корней волос, как краснеют все рыжие люди во всех мирах, и бросил на неё пугливый взгляд.

Рэтха охотно согласился сделать Иву татуировку, и Ив на конец смог расслабиться немного. Кажется, ему опять дико повезло. Эти люди, об общении с которыми он когда-то не мог бы и подумать без содрогания, приняли его неплохо, чего он, вроде бы, пока и не заслужил?.. Но на что он вообще мог рассчитывать в данной ситуации?

Сразу же после ужина его забрала к себе Аэла, чтобы проверить его состояние, и по дороге, заметив, с каким интересом он оглядывается, предложила проводить его по всему кораблю.

— Арига — киборг последнего поколения, выращенный на Биафра. — Поясняла она по пути своим грудным мягким голосом. — Он очень большой и удобный для тех, кто длительное время живёт на нём. Хотя он и не сравнится с киборгом Лиги Гритом, который сейчас похищен. Грит огромен, как говорят; сама я не видела даже его изображений. Хотя мне нравится Арига. Это мой дом, и дом Рэмы. Здесь хорошо. Шен хороший командир. Мы пришли. Проходи.

В лаборатории Аэла, большой, чистой, с раббианскими растениями в запаянных сосудах, Ив послушно лёг в камеру, и Аэла, нежно касаясь его тонкими и гибкими, словно бескостными, пальцами, наметила места, куда будут подключены датчики.

— Насколько мне известно, человеческих офтос Вэйхэ ещё не делали. Я специально интересовалась этим предметом, и покупала у Бехидже всю доступную информацию на этот счёт. Это немного, но очень интересно. Кстати, эта информация труднодоступна, и я сомневаюсь, чтобы в человеческих мирах много знали об этом. Так... слухи, предположения. Странно видеть восстановленного человека. Ты помнишь всю свою жизнь?

— То, что было до моей... до моего ранения — да. После

– ничего.

– Удивительная вещь. Как ты себя сейчас чувствуешь?

– Нормально. Переел немного.

– Это пустяки. Что с твоими руками? – Аэла нежно потрогала его запястья.

– Не лежалось на месте. – Неохотно ответил Ив.

– Понимаю. На Гонвед было тяжело?.. Я могу уничтожить следы.

– Нет. Я не хочу. Пусть будут. Так я больше похож на человека. Может, мне это только кажется, но... пусть будут.

– Понимаю. – Повторила Аэла. – Сейчас будет немножечко больно... потерпи.

Ив чуть вздрогнул, когда кожу ужалили датчики, но тут же всё прошло, и он расслабился. Аэла считывала сведения о его состоянии, слегка нахмурилась.

– Не хорошо. – Заметила, наконец. – Следы наркотика в твоей крови – очень не хорошие. С его помощью людей сводят с ума. Сколько ты принимал его?

– Я не принимал, мне его давали. Дней пять, но я не уверен. На Гонвед сложно было считать дни.

– Я могу дать тебе препарат, который будет выводить наркотик из твоего тела несколько дней, а могу избавить тебя от него прямо сейчас, но в этом случае ты должен довериться мне.

– Прямо сейчас. – Ответил Ив, не смотря на воспоминание о размазанном по барокамере пациенте. Аэла тонко

улыбнулась.

– Ты мудрый человек, кхем Волк.

– Всего лишь не глупый. – Ответил он.

– Ну, вот, ты и здоров. – Сказала Аэла через пару минут. –

Прими мои комплименты: ты совершенное существо. У тебя нет изъянов, ты идеален.

– Я не человек, я офт.

– Это ничего не меняет. Аригу ждут странные времена!

Ив был так прост, что не понял, о чём она. Вернулся к себе, прихватив из информационного отсека ролики, подготовленные ему Г'упрой: начала неизвестной ему пока механики. Вывалил их прямо на пол у себя, и, усевшись рядом, включил проектор.

Ничего непонятного для себя он, не смотря на новизну, не увидел на двух первых роликах, и это подняло его настроение. Потягивая освежающий напиток, он как раз перешёл к следующему, более сложному, разделу, когда раздался сигнал и вошёл Шен. Непринуждённо уселся напротив на пол.

Кивнул на ролики:

– Как успехи?

– Мне нравится то, что я вижу. И пока что ничего сильно сложного для себя я не нашёл.

– Рад слышать. А я пришёл поговорить. Нам есть, что сказать друг другу. Я не прав?

– Не знаю. – Осторожно сказал Ив, отставив напиток. – Мне показалось, что ты что-то знаешь обо мне. Может быть,

то, что так пытался вырвать из меня Шитаха?

- Нет. Этого, судя по всему, не знает никто, а ты забыл.
- Этого – чего?
- Откуда это могу знать я?
- Вот именно. – Ив встал. – Откуда?
- Я могу предполагать, Волк. – Шен тоже встал. Он был на пол головы выше Ива. – Но без доказательств это пустые предположения. Я научился быть осторожным за свою жизнь.
- Ты не можешь себе представить. – Сказал Ив. – Насколько мне нужно знать хоть что-то.
- А ты, – тем же тоном сказал Шен, – не можешь себе пока представить, что даст тебе это знание. Я успел кое-что увидеть в твоём лице. Жизнь научила меня разбираться в людях.
- Зачем ты пришёл?
- Силы, которые схлестнулись сейчас между собой в Известной Вселенной, способны в порошок стереть такую мелочь, как Арига. Вполне возможно, что ты – пересечение этих сил.
- Каким образом?
- Ты думал о том, что твоего офта Шитахе кто-то заказал?
- Я знаю это. Шитаха мне сообщил. Но заказчик передумал и не явился за мною в срок. Решил, что я того не стою. Кто этот заказчик, я не знаю; Шитаха не просветил меня на этот счёт. А ты? Ты, вероятно, тоже этого не знаешь?

- Точно. Я понятия не имею, кто бы это мог быть, в сложившейся ситуации это мудрено.
- Не надо играть со мной. Говори.
- Единственный ровесник Л: вара со Старого Мерака в этой Вселенной, – сказал Шен, – его киборг, который убивал и устраивал теракты на всех планетах и терминалах, враждебных Лиге.
- Это смешно. – Холодно сказал Ив. – Я знаю, что такое киборг.
- Этого киборга, – продолжал Шен, – не так давно похитили у Рогатого вместе с кораблём, Гритом. Вся Вселенная уже почти год сходит с ума, потому, что Грит изредка мелькает то здесь, то там, но чей он, кем похищен, какие цели преследуют похитители, кто стоит за этим – не известно абсолютно никому. Грит – киборг уникальнейший. Арига перед ним – шавка. Те возможности, что ему приписывают, сами по себе фантастика, а реальность, говорят, вообще превосходит всякое понимание. Десять с лишним недель назад Грит появился возле Пскема, уничтожил большинство из последних месторождений пска, от чего соль подскочила в цене настолько, что стала доступна разве что самому Шитахе. Десять недель растёт офт.
- Ив молчал.
- Лорд Рэн был на Пскеме в тот день, когда там появился Грит. – Продолжал Шен. – Он видел киборга. Он узнал тебя на Гонвед.

– Нет. – Сказал Ив. Но без пыла и веры. Шен говорил то, что выглядело чудовищно логично в сложившейся ситуации. Это объясняло всё, в том числе и стремление Шитахи во что бы то ни стало вырвать из Ива информацию об этом корабле.

– Это не всё. – Продолжал Шен. – Ты не знаешь, не помнишь, что такое киборг вроде Ариги или Грита. Это не корабль, который подчинится любому, кто умеет им управлять. Киборг – живое, мыслящее существо, он распознаёт своего капитана по многим личным и биохимическим параметрам. Он особым образом застрахован от клона, как раз на случай похищения. Вдвойне был защищён Грит. Короче – украдь Грита у Л: вара мог только сам Л: вар.

– Абсурд. – Прошептал Ив. Он побледнел; ему было дурно.

– Не для Вэйхэ Шитахи. Он тридцать с лишним лет экспериментировал с генами, чтобы получить совершенного двойника. Посмотри на меня: я неудачный вариант, и в этом моё преступление против Союза. Изменяя родителей, Вэйхэ добивались нужного результата в потомстве, которое клоном уже не являлось. Судя по тому, что Грит всё-таки похищен, двойник существует. Судя по тому, как бесится Шитаха, он затеял собственную игру и кинул Шитаху, как последнего лоха. Грит – разрушительная сила, равной которой в Известной Вселенной нет. Если эту силу заполучит Союз, это перевесит чашу весов в его сторону в назревающей войне с Лигой, или, в любом случае, сравняет шансы. Которых сейчас у

кипов и мероканцев просто нет. Если он заполучит двойника, то тот будет отмычкой для всех терминалов, структур и кодов Лиги, настроенных на Рогатого. Понимаешь, о чём я?

– Да. – Прошептал Ив.

– Тот, кто владеет информацией о происходящем на Грите, владеет Вселенной.

– Я ничего не помню. – Ив закрыл глаза. – Ничего. Шитаха рвал эти воспоминания из меня едва ли не калёными щипцами, но ничего не смог.

– Видно, твой мозг был перегружен жучками и электроникой. – В голосе Шена прозвучало неприворное сочувствие. – И это наложило свою печать. Но есть другое.... Тот,

кто не побоялся рискнуть, воруя с Пскема соль и обращаясь к Шитахе ради твоего офта, уже конечно, не смирится с тем, что не найдёт тебя на Гонвед. Даже потеряв память, ты останёшься приманкой для Грита и двойника. Понимаешь?

– Ты для этого меня забрал?

– Я мероканец! – Гневно воскликнул Шен. – Как бы я не был рождён, я не клон, не бледная копия Рогатого, я самостоятельная личность, со своими историей, памятью, с собственными волей и разумом! И я мероканец, маре тебя сожри!!! Я понятно выражаясь?

– Да.

– Я взял тебя в команду, и теперь ты под нашей защитой. Я не хочу участвовать в этих гонках за Грит. Мне это не по зубам; это не моя игра. Если бы я мог повернуть всё назад, я

улетел бы от Гонвед со всей скоростью, на которую способна Арига, едва ты появился на горизонте. Но это невозможно! Ты здесь. Я хочу договориться с тобой. Ничего о том, что я сказал тебе, никто больше из моей команды знать не должен. Ты не будешь высовываться на терминалах, куда мы залетим по дороге на Биафра. Не знаю, какие у тебя планы относительно твоего будущего, но пока придётся тебе их отложить. Я намерен подождать, пока не прояснится ситуация с Гритом – а это должно рано или поздно произойти, – и тогда действовать по обстоятельствам. До этого момента, Волк, или как там тебя зовут, сиди тихо, как мышка, изучай механику, слушай меня, как бога, и может быть, мы все останемся живы. Я понятно говорю?

– Да! – На этот раз голос Ива прозвучал твёрже. – Я всё понял.

– Я не боюсь Шитахи. – Добавил Шен. – И пока не боюсь того, что он выдаст тебя. Если бы ему было это выгодно, он давно сдал бы двойника, но он молчит. Мало кто вообще знает, что изначально Грита похитили Вэйхэ, и что двойника создали тоже они. Нужно быть осторожнее, только и всего. На Гонвед больше соваться не стоит; жаль терять такого выгодного заказчика, но ситуация с солью меняется, и возможно, в недалёком будущем мы сможем помириться. Я не отчиваюсь. Не отчивайся и ты.

Ив поднял на него глаза, но промолчал.

– Правда. Арига не худшее место в этой Вселенной. И то,

что ты оказался здесь, не самое худшее из того, что могло с тобой произойти. Сомневаюсь, чтобы Шитаха просто так выпустил бы тебя с Гонвед, даже успей прилететь за тобою Грит.... Это очень хитрая, абсолютно нечестная и жестокая тварь, и я очень сомневаюсь, чтобы у твоего друга всё удалось. Это была, наверняка, авантюра чистейшей воды. Хотя я уважаю его мужество, кто бы он ни был.

– Друга? – Переспросил Ивайр.

– А кто ещё стал бы заказывать офта? Не нового киборга, который был бы более выгоден и полезен, да и более дешев, а офта? Новорожденного младенца, с которым возни будет больше, чем с роботом? Сам подумай. – Шен похлопал его по плечу. – Может, всё не так уж и плохо? Ну, сравнительно не плохо?

– Да. – Повторил Ив. Шен вышел. Ив сел на кровать и долго, очень долго сидел неподвижно, опершись локтями о широко расставленные колени и скав в ладонях голову. При мерно то же самое он чувствовал, когда покинул офт и лежал в своей конуре на Гонвед, пытаясь не умереть от горя. Только теперь он даже не пытался. Постепенно им овладевало тупое безразличие ко всему, хотя слова Шена о друге что-то всё-таки заронили в душу, крохотную искру тепла в океане холодной боли. Неужели это возможно? Неужели Лавайр мог так поступить с ним: сделать из него киборга, убивающего по его приказу? Но что ему могло помешать после того, как он сжёг собственную планету? Смешно! И всё-таки

ки. Всё-таки, кто-то в этой Вселенной хотел ему помочь, искал средства для этого, рисковал, или нет? Но вывод напрашивался сам собой: и Шен, возможно, сам того не заметив, всё объяснил. Шитаха ясно сказал, что человеческих офтов не делал. Для того, кто был на Грите, превращение Ива из киборга в новорожденного, да ещё и потерявшего память, оказалось неприятным сюрпризом. Такой, Ив ему просто не был нужен... Как сказал Шитаха? Цена оказалась велика, а ценность ничтожна?

А чего ещё можно было ожидать? Тот, кто был на Грите, был двойник. Двойник самого мерзкого из предателей и самого чудовищного из убийц. Ив стиснул зубы так, что они скрипнули; сморщился от боли и ненависти. Предатель однажды – предатель всегда, мразь в любом своём воплощении, достойная только презрения и смерти. Найти и убить, и использовать ситуацию для того, чтобы добраться до Л: вра... Но как? Как узнать, где получить хоть какую-то информацию?!

Лорд Рэн! – Ив вскочил на ноги. Конечно, Шен же сказал, что лорд Рэн был на Пскеме и узнал его; кип знает, кто был там ещё, и расскажет ему об этом. С этой мыслью Ив покинул свою каюту и отправился искать кипа.

С утра ветер гнал с залива серые, переполненные дождём тучи, которые цеплялись за склоны Мозаичных Гор, запутывались в кронах пышных растений и проливались на Луану.

некончаемым тропическим ливнем. Время от времени что-то рокотало в недрах туч, но до настоящих гроз было ещё далеко – не сезон. Тем не менее, улицы уже превратились в реки, по которым стремительно неслись потоки воды; Луан потемнела, распухла, покрылась рябью. Под шум воды мероканский и кортианский певцы переговаривались над городом с экранов, начиная свою самую популярную на данный момент песню, «Повсюду в нигде». Синтез мероканской и кортианской музыки покорил весь Союз, и вполне возможно, что эту самую песню сейчас слушали на всех планетах и терминалах людей. Луанцы, передвигающиеся в надземном транспорте в верхних ярусах города, с удовольствием вдыхали аромат дождя и слушали любимую музыку. Все люди во всех мирах любят дождь, подобие водного хаоса изначальных времён, породившего жизнь; любили дождь и мероканцы. В луанском доме Адрейна Вера, занимающего в мероканском космическом флоте должность, соответствующую генерал – лейтенанту земной армии, царило радостное оживление, усиленное дождём и звуками музыки за раскрытыми настежь французскими – а у мероканцев гардианскими, – окнами. Папа на целую неделю вернулся из космоса домой, и вся его не маленькая семья была в восторге.

Дом Вера традиционно был многодетным: у самого Адрейна в своё время, до трагедии в Геште, было одиннадцать братьев и три сестры, из которых в живых остались только младшие, Кейсар и Ва. По некоему генетическому капризу,

в семьях Военной Касты на шесть мальчиков рождалась одна девочка, и семья Адрейна была хрестоматийным тому примером: у него было шесть сыновей и одна дочь, к тому же младшая – ей ещё не исполнилось пяти лет, но, как истинная принцесса, она уже вполне осознала своё величие. Поэтому сейчас она единолично оккупировала отцовские колени, предоставив братьям жаться рядом и завидовать.

Адрейн ждал Ва, которая предупредила, что везёт что-то сверх важное и суперсекретное, и коротал время, играя с любимой дочкой. Жена сидела напротив, довольная, что заполучила мужа в полное своё распоряжение аж на целую неделю. Немного её тревожило сообщение Ва, как бы оно не заставило Адрейна снова сорваться с места, но сейчас ей не хотелось думать о плохом. За окном лил дождь, а прямо напротив неё сидел обожаемый муж с обожаемой дочкой на коленях, и ничего, более приятного, Оэ просто представить себе не могла. Она не была честолюбива, а своими ортодоксальными взглядами на жизнь и своё место в ней, слишком консервативными для свободных мероканок, вполне могла бы удовлетворить какого-нибудь свободомыслящего земного мужчину. Она никогда не летала в космос и предпочитала домашние тихие радости. Её мечтой было – родить мужу десять детей, а если повезёт, то и больше, и чтобы хотя бы половина из них были девочки... Женщин Военной Касты было так катастрофически мало! Прежде мужчины этой Касты находили себе подруг среди Реалисток, но этой Ка-

сты больше не существовало на Корте, и Оэ, как многие Военные, боялась, что в будущем начнётся смешение Военной Касты и касты Интуиторов, которую так же многие называли кастой Старых дев. Она очень не хотела, чтобы это произошло с её старшими мальчиками; но где иначе они будут искать подруг, даже представить себе не могла, хотя сейчас у неё были серьёзные подозрения, что старший, Ойн, увлечён племянницей Тарвы Заэм, Ивой, и это была уже причина поговорить об этом с мужем. Неотложных проблем накопилось так много! Она хотела отправить старших детей в Дину, к Гемам, её тревожили странные отношения Кейсара с Тиброй Заэм, сестрой Тарвы, она сомневалась, стоит ли сейчас покупать остров на востоке, короче, дел и забот было так много! Но сначала пусть поговорит с Ва и покончит со всеми делами, кроме домашних. Если Ва мчится с самого Гешта, чтобы что-то рассказать, это наверняка важно.

Корта

Так получилось, что все трое старших Вера были незаурядными людьми и играли в жизни Общины заметные роли. Адрейн, как уже сказано было в предисловии, на пару с Тарвой Заэм создавал мероканский флот; Кейсар был самым

знаменитым в Союзе нейрохирургом, вдобавок, не смотря на свой невысокий для мероканца рост, считался эталоном мужской красоты и идеалом мероканца; а Вы была лучшим навигатором-спасателем и очень яркой личностью. Работа у неё была странная, но страшно важная: имея свой собственный корабль, спроектированный и построенный мероканцами в последние десять лет, Рьюкан, она находила в космосе по какой-либо причине попавшие в сложное положение корабли. Рьюкан был спасательным кораблём, и был надёжён собственным псевдо-интеллектом: не живой, как киборг, он был способен, как самые совершенные компьютеры, мыслить, принимать решения, обучаться, общаться и узнавать командира. Проблема союзных кораблей всегда была в том, что координаты космических терминалов и станций были обычно так засекречены, что знали их от силы два-три человека. Компьютерам они не доверялись, и кодировались неизменно раз в сутки заново. Это делалось во избежание терактов и диверсий Лиги и Агой. Если что-то происходило с навигатором, или происходил какой-то сбой, корабль оказывался в открытом космосе. На помощь такому кораблю и отправлялась Вы, со своей командой: пилотом и механиком Тайнаром Гем и координатором Роном Леа.

Помимо своих талантов навигатора и математика, Вы была просто сама по себе яркой и броской личностью, и характером, и внешне поражая всякого, кто встречался с ней впервые. Её братья были оба не очень высокими, Кейсар – тот

просто маленьким; как все Вера, они были скорее худощавого телосложения, темноволосые, светлоглазые и светлокожие. Ва же статью и внешностью пошла в Гемов, из Дома которых была их мать: очень высокая, крупная в кости, смуглая, с тёмно-синими, почти чёрными волосами, которые, казалось, не возьмёт никакая расчёска, с тёмными, непонятного цвета, но очень большими и блестящими глазами, большим ртом, вечно ослепительно улыбающимся, Ва всем своим видом излучала сногсшибательный оптимизм и здоровье. Фигура её была воплощением подростковых фантазий: очень тонкая талия, очень большая грудь и очень крутые бёдра. Всё это многих на Корте сводило с ума, но характер обладательницы всей этой роскоши мог отпугнуть кого угодно. Шумная, бесцеремонная, небрежная в поведении и одежде, Ва мало заботилась о том, чтобы людям было приятно общаться с нею и совершенно не заботилась о впечатлении, которое производит на окружающих. Правда, малое число близких и друзей обожали её и считали совершенством; зато огромное число пострадавших от её бесцеремонности просто содрогалось от одного упоминания о ней.

Необыкновенная осведомлённость Ва в делах, являвшихся порой секретом даже для членов Высокого Совета, объяснялась её дружбой с Логиком Роном Леа, который помимо всего прочего выполнял секретные поручения лорда Корса, Наместника Понтифика на Корте. Частенько Ва улетала с ним на Биафра или на какие-то отдалённые термины

лы, участвуя в делах, о которых не рассказывала даже главе Дома. И теперь, вероятно, узнала что-то страшно важное, потому, что даже голос её, обычно жизнерадостный и громкий, звучал почти неузнаваемо. Оэ не ждала ничего плохого, но насчёт важности сообщения не сомневалась, как и её муж – Ва не сутилась по мелочам. Только бы Адрейну не пришлось никуда улетать! С нежностью глядя на мужа, Оэ в который раз подумала, как ей повезло с ним. Она любила его с раннего детства, даже не мечтая, что когда-нибудь сможет привлечь внимание такого блестящего и знаменитого мужчины – она была не очень красива и слишком скромна, чтобы самой проявить инициативу, а на то, что он когда-нибудь хотя бы посмотрит в её сторону, она и не надеялась. Как это произошло, когда? Она до сих пор не могла понять этой улыбки судьбы, но была счастлива и не пожалела ни об одной минуте, прожитой с ним. Какой он был роскошный в юности, когда носил ту вызывающую форму и дрался с кипами в порту Луаны! Старшее поколение осуждало их, а тихая Оэ умирала от обожания и восторга перед его непримиримой смелостью, и от безнадёжности этого обожания… теперь даже то безнадёжное чувство вспоминать было приятно, оно оттеняло её теперешнее блаженство.

Грохот космических ботинок разрушил гармонию. Ва посадила флаер на крыше виллы и ворвалась в комнату, как была: в лётной куртке, но цветастой кортиянской юбке и тяжелых космических ботинках. Как ни быстро она влетела под

крышу, волосы её успели намокнуть, и, рассыпая брызги и улыбаясь до ушей, она воскликнула:

– Привет, Адик! Оэ, дай тряпочку!

Небрежно промокнув лицо и оставляя лужи на полу, Ва плюхнулась в кресло, поджав под себя ногу в грязном ботинке. Встряхнула волосы, и они облаком встали вокруг головы.

– Видела сейчас в порту трёх чудил из Кла. Стоят на смотровой площадке, рты пораззявили: «А которая, говорят, из этих городов Луана?» Прикиньте! – Ва рассмеялась, и мальчишки тоже. – Они решили, что у нас на каждом острове по городу!

– Бывает же. – Хмыкнул Адрейн. Оэ тихонько подтолкнула старших Вера, которые приготовились слушать любимую тётку, к выходу. Они скучсились, но послушно пошли, прихватив младших, выражавших свой протест более ясно.

– Я с «Адрии». – После их исчезновения Ва сразу посерьёзнела. – Так и прилетела на военном истребителе, чтобы не рисковать. Готовы к кошмарному сообщению?

– Что случилось? – Сразу посуворев, спросил Адрейн, а Оэ слабым эхом добавила:

– С кем?

– Кажется, дорогие мои, – Ва достала крохотный прозрачный диск, вставила в домашний проектор, – у нас появился родственник, и весьма старинный.

– Ты о чём?

– Смотрите.

Запись была очень плохой, но видно было, что повреждена она была уже после того, как сделана. На записи были трое людей, идущих по коридору к записывающему устройству: лорд Ош, ади и мероканец в чёрной форме. Лорда Оша можно было разглядеть отлично, ади была обыкновенной ади: широкие одежды, пышные волосы, бельма в глазах, – а мероканец ухитрялся двигаться так, что лицо его всё время оставалось не в фокусе, и рассмотреть его было не легко. Только перед самой дверью он замер, прикоснувшись к руке ади, и лицо его стало возможно рассмотреть. В этот миг Ва остановила запись, и увеличила лицо.

– Быть того не может! – Воскликнул Адрейн. – Святые небеса, кто это?!

– Тот самый киборг. – Сказала Ва. – Это Пскем, тот самый день, ты меня понимаешь? Я сначала подумала, что это нарочно Лавайр дал киборгу лицо одного из нас, но Рон напомнил мне, что этот киборг стар, как и сам Рогатый. Тогда мы с ним сунулись в архивы Общины. Портрета каждого мероканца там, конечно, нет, но мы исходили из того, что Дом Вера был одним из самых знаменитых и влиятельных на Мераке в то время. Понадеялись на удачу. И вот... – Она снова запустила запись, но теперь та была более качественной. То же лицо, только молодое, улыбающееся и самоуверенное. «Я не знаю, что сказать. – Сказал мероканец приятным низким голосом. – Что может быть достойным вечности? По-моему, это глупо».

– Прошу любить и жаловать. – Зло сказала Ва. – Кайл Ивайр, сын Кайла Пайвара, судьи и члена Высокого Совета Десяти в последние годы Мерака, и Ивы Вера, Командора мероканского военного космического флота.

– Может, это не он? – Жалостливо спросила Оэ. – Такой славный! И наша Кровь...

– Вот здорово. – Сказал Адрейн. – Киборг – убийца – наша Кровь!

– Это всё, по-вашему?! – Фыркнула Ва. – Как бы не так! Сегодня, когда мы вышли из гипера, Рон прислал мне любопытную запись, и сказал, что её может купить любой на Биафра. Любуйтесь!

Теперь это был целый коротенький фильм, тот самый, что несколько дней назад сделал Шитаха в рекламных целях.

– Нравится? – Спросила Ва.

– Нет. – Коротко ответил Адрейн, а Оэ гневно воскликнула:

– Да как можно так поступать с мероканцем... Кто бы он ни был, он мероканец!

– И наша Кровь. – Добавил Адрейн. – Каковы бы ни были его преступления, пока что он не лишён ни чести Силы, ни прав Крови. Вэйхэ забыли, что такое мероканская вендетта!

– Такое оскорбление! – Согласилась Оэ. – Во имя Ти и Мерц, вы посмотрите на него! Я не могу поверить, что он преступник. И как же ему плохо, святые небеса! Адрейн!

Ва поспешило выключила запись. С минуту все сидели и

ждали, когда заговорит глава Дома.

– Кто знает об этих записях? – Спросил он наконец у Ва.

– О последней – кто угодно. Две первые связали между собой пока только мы с Роном.

– Никто больше не должен ничего знать. Возможно, кто-то из кипов и знает, как выглядел наш дед, а может, и нет. Не факт, что многие увидят первую запись; ещё меньше вероятность, что её увидит кто-то, кто свяжет её с нами, но ничего исключать нельзя. Рано или поздно станет очевидна связь киборга… бывшего киборга, – с нашим Домом. Мы должны найти его прежде. Если кто и осудит его, так только его собственная Кровь.

– Может, он ни в чём и не виноват. – Рискнула произнести Оэ. – Мы же не знаем, что сделал с ним Лавайр. Он же был почти машиной. А машиной легко управлять…

– Я этого не исключаю. – Согласно кивнул Адрейн. – Тем более, мы должны отыскать его. Как я понял, Рон в курсе?

– Да. К сожалению.

– Подключи его к поискам. Это, может, и к лучшему, а тайны хранить он умеет. Нужно начинать искать прямо сейчас, пока никто не очнулся и не понял, кто он на самом деле. Кайсар где?.. Летиши на Биафра, там нужно выяснить, как связаться с Шитахой. – Адрейн с тоской посмотрел на дверь, за которой скрылись его дети, впервые в жизни пожалев, что их так много. – Если мы встанем на его защиту, против нас ополчится вся Вселенная.

Ва и Оэ молчали, глядя на него. Адрейн смотрел за окно, где красноволосая красавица рассказывала всем желающим, какая погода сейчас на юго-западных островах. В душе его шла сильная борьба. Не нарушая законов Крови, уберечь свой Дом от мести и нападок многих и многих было нельзя. И ради кого? Ради того, кто убивал его собственных родных?!

Но если сейчас он, Вера Адрейн, отступится, и пожертует своей Кровью – даже такой! – то рано или поздно это станет известно. И если сейчас, опасаясь мести Домов, мероканцев не трогают даже на отдалённых терминалах, то после этого освящённый веками страх исчезнет. И мероканцев станут похищать, убивать и продавать, как товар, как сейчас сделали с этим вот мероканцем, а он, судя по его ответам Шитахе, вообще не помнит, кто он такой. Сейчас он ощущает себя самым обычным мероканцем, да ещё и со свежей памятью о гибели Мерака в сердце. Как Адрейн мог его судить, не выслушав? И как он мог оставить его, зная, что тот – тоже Вера? У мероканца нет ничего, помимо его Дома, но у Дома тоже нет никого, кроме его Силы и Крови! Сегодня Адрейн пожертует ради своего дома одним, а завтра кто-то другой пожертует его детьми ради кого-то ещё? И во что тогда превратится Дом? Для кого будет эта сложная, освящённая тысячелетиями, система – ради себя самой? Она будет пожирать их одного за другим, как кинтанианская военная машина, превращая каждую уникальную личность в жертву

себя самой; когда незаменимых нет, нет и ценных. Всякая Кровь свята, и не ему это менять. Адрейн посмотрел на Оэ, и понял, что она на его стороне.

— Конечно, мы не можем его оставить. — Сказал он, и Ва посмотрела на него с благодарностью. — Я думаю, его заказал двойник; возможно, он уже выкупил его, и Ивайр сейчас на Грите. А может, и нет. Мы должны прежде всего выяснить это; а потом уже будем действовать по обстоятельствам. Нужно собрать нашу Кровь, прямо сегодня, и обсудить, кто что возьмёт на себя.

— И главное, — добавил он, — ни в коем случае не афишировать наши поиски как можно дольше. Это единственный залог успеха.

Рэн запустил Ива не сразу — тому пришлось постоять возле двери, но он своего дождался. Кипу пришлось открыть дверь, хотя он не скрывал, что сделал это неохотно. Но от Ива не так-то просто было избавиться, если он решил что-то выяснить, и Рэн, видимо, это понял.

— Я знаю, чего ты хочешь. — Сказал, наливая ему напиток. — К сожалению, много я тебе рассказать не могу.

— Расскажи всё. — Ив сжал стакан в руке. — Кто я был? Шен сказал, что киборг, убивающий по приказу Л: вара. Это так?

— Да. — Рэн отвернулся. — Боюсь, ничего утешительного по этому поводу тебе никто сказать не сможет. Ты был ужасом и проклятием всех человеческих миров все эти годы. Ты про-

никал на все самые удалённые терминалы, как бы ни были они засекречены, оказывался в центре городов на Кинтане, Корте или Барде, и убивал, и похищал, кого хотел. Мне очень жаль. Но список твоих жертв покрыл бы немалую площадь.

– Я готов был к этому. – Сказал Ив. – Не скажу, что способен в это до конца поверить, но пусть так. Я хочу, чтобы ты рассказал мне про Грит и Пскем. Ты ведь был там?

– Был. – Рэн жестом предложил ему сесть. – Это короткая история. Я служил там у Наместника, лорда Оша. В тот день мы ждали преподобную ади, которую был должен сопровождать мероканский офицер. Когда они прибыли... ты прибыл вместе с женщиной, которая выдавала себя за ади, – встречал вас сам Ош; я был на нижнем уровне, когда получил приказ.

– От кого?

– Я не могу этого сказать. Это не важно, поверь. Я получил приказ убить. Оша, эту женщину, ади. Тебя. Это было... я не мог с этим справиться. Естественно, у меня ничего не получилось, но я видел тебя, видел достаточно хорошо, чтобы узнать теперь. Я был с тобой вот так же, как теперь, лицом к лицу. Поверь, ты почти такой же, но тогда выглядел старше, увереннее в себе, жёстче.

– А женщина?

– Не ясно было под гримом и одеждами ади, кто она такая. В сущности, это мог бы быть и молодой мужчина, достаточно гибкий. Голос вроде бы женский, но низкий, так что... Да, это мог быть и мужчина. Скажу только одно: я был ранен и

совершенно беспомощен, когда случилось нападение мутантов. Это было ужасно, Волк. Они взломали стены средних уровней и лезли в проломы, как пауки, сплошной лавиной. У них не было инстинкта самосохранения, они не чувствовали боли, и обычное оружие им не причиняло большого вреда. Всё, чего они хотели – это уничтожать людей. И они это делали, я скажу тебе! Спаслись только гражданские, которых лорд Ош успел отправить в спасательных капсулах в космос. Кипы погибли все, кроме меня, Оша и тех, кто в этот момент был в космосе и на терминалах. А мы с Ошем спаслись только благодаря тебе. Ты не бросил меня на произвол судьбы, хотя после того, что я сделал, это не было бы излишним. Поверь мне. Ты потратил время, которое мог бы использовать для себя, чтобы обезопасить меня и защитить от мутантов, и я этого не забыл.

– Что ещё ты знаешь?

– Вы улетели с лордом Ошем на Грит. Через две недели он вернулся, но ничего не сказал. Никому. Он до сих пор молчит, насколько мне известно, хотя за своё молчание поплатился, и очень серьёзно. Вот он хорошо должен знать, что происходит на Гrite, кто там есть, и так далее.

– Лорд Ош. – Пробормотал Ив. – И где он теперь?

– На Савале.

– Что это?

– Это планета, где в большом количестве добывается сырьё, которым питаются корабли-киборги. Она находится на

самой низкой ступени развития, но ради этого сырья кипы вступили с ними в контакт и заключили дипломатические соглашения; Оша отправили туда помощником посла, и считается, что ему очень повезло, так как всё-таки он племянник леди Факиа. Я ничего больше не знаю, Волк. Мне жаль. Если бы можно было избавить тебя от этого, я не сказал бы ни слова.

– Я должен был знать. Скажи, – Ив помедлил, – что самое страшное из того, что я должен помнить о себе?

– С чего начать?

– Даже так?

– Думаю, трагедия в Геште была апогеем твоих деяний.

– Трагедия в Геште?..

– Гешт – комплекс развлечений на спутнике Трефа, ты знаешь?

– Я знаю про этот спутник.

– Там находился самый большой в системе Ларсии зал, где мероканцы Высоких каст решили устроить День Поминовения в годовщину сожжения Мерака. Там собрались все, поверь мне. Все мероканцы Высоких Каст, вся их Кровь Средних, почти все Военные, многие Ортодоксы. Погибли все. Прости. Нет, несколько человек выжили… Нита Эшен, Интуитор, например. Были там и кинтаниане, друзья кого-то из мероканцев, которые тоже погибли. Единицы из тех, кто остался, были уничтожены тобою же потом. На Корте больше нет Высоких Домов, мероканец, и это твоих рук дело.

Прости. – Тихо добавил он. – Теперь ты это знаешь. Думаю, хуже этого быть уже ничего... не может.

– Дом Вера был там? – Спросил Ив.

– Наверное. Не знаю. Сейчас на Корте есть Вера, я лично знаю одного, Адрейна. У него, кажется, есть братья и сёстры, и дети. Это твоя Кровь?

Ив не ответил. Он узнал достаточно на сегодня. Было ли что-то, что не обрушилось на него в эти дни? На какое-то время даже его обычное позитивное отношение к проблемам взяло тайм-аут. Всё было черно и пусто; он не видел никакого просвета и не знал, где его искать. Не обращая внимания на попытки Рэна окликнуть его, он пошёл прочь, уронив стакан и даже не заметив этого.

Через пару минут после его ухода Рэн сообщил Шену, что у одного из их команды серьёзные проблемы.

– Я рассказал ему кое-что. – Признался он. – И боюсь, что ему это не по силам. Как бы не случилось беды.

Шен ничего не стал говорить кипу, хотя на язык просилось многое. Дав Ариге команду найти мероканца и показать ему картинку, он, в принципе, готов был ко всему. И когда Арига дала ему изображение, отыскав Ива на площадке над шахтой, Шен в первый миг подумал, что все его самые мрачные опасения вот-вот воплотятся в жизнь: Ив сидел на самом краю, согнувшись, одной рукой обхватив колени, а другой то и дело совершая резкие и странные жесты. При этом

он разговаривал сам с собой на неизвестном Шену языке; некоторые слова походили на мероканские, и Шен догадался, что это один из мероканских языков, существовавших до Бегства, и слившихся на Корте в один. Надел клипсу, и постепенно, слушая, расслабился: Ив был в шоке, речь его была бессвязной, но не бессмысленной. Он не сошёл с ума, он просто был потрясён и разбит. Но всё говорило за то, что он борется со своим стрессом изо всех сил, пытаясь найти что-то, что выведет его из этого состояния.

— Я справлюсь. — Твердил Ив. — Это больно, но это пройдёт; это боль, неизбежно; только выждать. Завтра будет уже завтра. Только вытерпеть. Я ничего не знаю, я ничего не знаю! Есть объяснение; будет завтра. Будет иначе. Ты же веришь себе? Я верю. Я выясню. Ты же не мог это делать? Я этого не делал, и я верю. У тебя есть друг. Узнай! Но не зацекливаться! Разочарование смертельно. Найди кого-то, кто знает больше. Этого лорда с Савалы. Но разочарование смертельно! Я не убийца! Стоп. Это пройдёт. Это бессмысленно. Я себе верю. Я верю! Завтра будет иначе; завтра станет легче. Холодно!

Его действительно начинало трясти от холода, царившего в шахте, но Шен решил, что трогать его не нужно. Снял клипсу, отключил экран. Ему было жаль мероканца, но, судя по всему, стресс тот переживёт. Холод, физическая нагрузка, злость, даже физическая боль — всё пойдёт ему сейчас на пользу, а вот жалость и сочувствие могут сломать. Поэтому

Шен выждал несколько минут и вызвал его к себе. Достаточно грубо напомнил обещание заняться механикой, не прозрачно намекнул, что Ив уже второй день даром ест хлеб, и он, Шен, этого не потерпит; и порадовался гневной искре, загоревшейся в потухших глазах. Облик красивого и мягкого юноши был натянут на прочную основу. Когда Шен снова велел Ариге показать ему мероканца, тот был в тренировочном зале. Шен хотел отключиться, окончательно успокоившись, но заинтересовался и задержался: такого оружия, с которым тренировался мероканец, он никогда ещё не видел. На обеих руках у того были кастеты, по бокам которых крепились полумесяцы лезвий. Немного посмотрев на технику мероканца, Шен решил, что тот серьёзный противник, и со-перником его Шен быть не хотел.

– Где он раздобыл оружие? – Спросил он у Ариги.
– Заказал пол часа назад.
– Понятно... Что бы ты ни говорил, но ты, однако, прирожденный убийца, Волк. – Пробормотал он, выключая экран.

Ив закончил тренировку, связался с Рэтхой и напомнил его обещание насчёт татуировки. Тот пригласил его подойти на другой день, в свободное время, когда вся команда отдохнула после выполнения утренних обязанностей перед тем, как перейти к вечерним. Договорившись, Ив включил компьютер и вошёл в архивы. Его интересовала теперешняя си-

стема Вселенной.

Через несколько часов – он даже не заметил, сколько именно, – он разобрался в том, что из себя представляют Лига, Союз, Биафра и отдельные уцелевшие миры вроде Чог, мира клопов, Риох, Агой. Биафра оставалось нейтральным и играло ту же роль, что и прежде; то же самое происходило с Мехротрой и Ло. Ив особенно тщательно просмотрел всё, что касалось Савалы. Он принял решение. Ему не осталось ничего, кроме мести, а в этом ему мог помочь двойник. Шен прав, этот человек был отмычкой ко всей гигантской сети, созданной Л: варом, и проводником к нему. Чтобы найти двойника и Грит, Иву нужен был лорд Ош.

Вот теперь у него появился чёткий план. Он полагался на помошь Агой, но если она не захочет, что ж. Он справится один.

Час за часом он лежал без сна, и единственное, что хоть как-то смягчало боль, так это мысль о том, как он убьёт Лавайра. Только предвкушение этого, красочное, многократное и подробное, слегка притупляло боль и было чем-то вроде наркотика для его раненого сердца. Остальные мысли были слишком тяжелы и беспросветны, чтобы он мог зацикливаться на них. Его Кровь должна была ненавидеть его; мероканцы считали его преступником, таким же, как Л: вар; у него не было ни единой отдушины во всей Вселенной. Ничего и никого, к кому он мог бы потянуться сердцем, отча-

янно нуждающимся в тепле. И меньше всего он склонен был верить Шену. Л: вар предал его уже несколько раз, в последний – в лице своего двойника. Ив не хотел давать ему ещё одну возможность для этого. Да, он помнил слова Шена о том, что он самостоятельная личность, и не желает, чтобы его сравнивали с кем-то и принимали за кого-то. Он даже согласен был с ним где-то, но видеть в двойнике врага было проще. У него осталась месть, и, не в силах оставаться совсем одному, он посвятил себя Мерц, как это делали в далёком прошлом его предки, рыцари ордена Волка. Почему-то в полуслне он представил себе Мерц, как высокую женщину с платиновыми волосами и зелёными глазами. Сердце его сжалось и сладко запело, когда он почти увидел её на границе сна и яви.

– Я никогда не оставлю тебя, Кайл Ивайр. – Услышал он её голос, мучительно знакомый. Прошептал:

– Ты не представляешь, как ты мне нужна.

Придя к Рэтхе на другой день, Ив попросил сделать себе татуировку Нападающего Волка.

– Не принятая символика. – Со знанием дела заметил Рэтха. Сам он был покрыт татуировками с головы до ног, самыми разными, были там и мероканские Волки, правда, вперемешку с драконами, кортианскими львами и бардианскими пустынными кошками.

– Самая подходящая для меня. – Возразил Ив. – Символ

моей мести.

– Страшное дело – эта ваша мероканская вендетта. – Покачал головой Рэтха. – Сколько уже случаев было – и решаются же люди! Я не слышал ни об одном случае, чтобы мероканцы не нашли в конце концов виновного. Кроме одного... – Он устроил руку Ива в специальных тисках, – но это не её вина.

– Её? – Спросил Ив.

– Ну, да. Удобно?

– Вполне. Что это за история? – Он видел, что Рэтхе хочется рассказать, а ему было интересно.

– Когда я был совсем маленьkim, – Рэтха впрыснул обезболивающее, и кожа на предплечье Ива онемела, – Высокие Дома ещё существовали. Если я не ошибаюсь, их было не то одиннадцать, не то двенадцать, не много, в общем, но и не мало. Впрочем, это не важно, да?.. И Высоким Советом руководила женщина, Рэа Лита, глава Дома Рэа. Вот её я и видел однажды у нас, на Шхаре, почти как вот тебя. Шикарная была женщина! На что наши женщины бывают рыжими, но она вообще была огненно – красной. И с яркими, как камни, синими глазами – я это запомнил на всю жизнь. Она так и стоит у меня перед глазами – никого красивее я никогда не видел! Она, эта Рэа Лита, добивалась того, чтобы мероканская Община объявила вендетту Л'вару, и сама это сделала, подала пример. Её попытались убить, сразу же, практически на другой день после её клятвы, тогда кипы, которые поддер-

живали её, дали ей телохранителя, прима – офицера и родственника Понтифика, тогдашнего лорда Оша. Ну, я скажу тебе, это был скандал!

Ив чуть заметно вздрогнул, услышав это имя. Спросил:
– Почему?

– Он влюбился в неё, как щенок, хоть у него были жена и сынишка, крохотный совсем. И это бы ничего, кипы легко смотрят на такие вещи. Но и она полюбила его, вот в чём был скандал. Она не собиралась этого скрывать; такая была женщина. Ей было всё равно, что скажет Община. Они жили вместе на её вилле; она ушла из Совета, когда тот её осудил. Собственный Дом потребовал, чтобы она образумилась, но она и Дом проигнорировала. Весь Союз только о них и говорил. А потом Л:вар прислал своего киборга – убийцу по их души. Он, знаешь ли, говорят, тоже мероканец, ровесник Л:вара. Он не терпел неудач! Ош был убит, а она похищена. Слышал я такое, что Л:вар её не убил; некоторые говорят, что она жива до сих пор. Точно известно, что в Лиге создают её клонов, и продают, как рабынь, некоторым... хм, падким до мероканок существам.

Ива передёрнуло – как он ни был далёк от подобных вещей, но Рэтху понял. Замолчал. Спрашивать дальше расхотелось; но рассказ произвёл впечатление. Не смотря ни на что, он в душе остался романтиком, а рассказ был невероятно романтичен. Красавица с синими глазами была в плenу у Л:вара, и что-то в душе Ива переворачивалось, когда он

думал об этом.

Шхарианец был истинным художником: волк вышел, как живой, от его оскала озnob бежал по коже. Ив долго рассматривал своего волка в зеркале, и остался доволен. Программа – минимум на ближайшее время включала в себя овладение современной техникой, тренировки, налаживание контактов. Он собирался покинуть Аригу на ближайшей большей станции и отправиться на Савалу; там он рассчитывал найти лорда Оша и расспросить. Что делать дальше, он собирался решать после этого – всё зависело от того, что он узнает. Шену пока ничего не говорил. Он был благодарен ему, но не считал себя его должником. Он был должен лорду Рэну – именно его заступничество заставило Шена взять Ива и Агой с собой на Аригу; если бы не боязнь потерять хорошего навигатора, он вряд ли бы это сделал. Поэтому Ив готов был его покинуть с лёгким сердцем.

На тренировки и на учёбу он тратил всё свободное от еды и сна время. Учиться было на удивление легко; иногда, копаясь во внутренностях какого-нибудь навороченного механизма, он ловил себя на том, что руки сами делают то, что ещё не до конца усвоила голова. Это было ещё одним доказательством тому, что в его памяти хранится что-то, что ему пока не подвластно, но что само приходит и уходит в какой-то момент. Уже через неделю Ив полностью заменил Г'упру, освободив его для исполнения собственных немалых

обязанностей; ещё через несколько дней он в принципе готов был заняться Аригой, но в гиперпространстве трогать киборга было нельзя, он существовал в особом режиме. Пока что Ив работал в имитаторе с виртуальным киборгом, наблюдал в ускоренном режиме постройку корпуса, выращивание внутри него мозга и развитие нервной системы, её врастание во все самые крохотные частички машины. Восхищение его росло; он не мог оторваться от того, что ему открывалось, и чувствовал сильное, почти мальчишеское, желание самому командовать таким кораблём. Воображение порой рисовало ему такие реальные картинки! Он чувствовал себя командиром такого корабля с той же силой, с какой мечтает подросток; мечта его приобретала почти осязаемую вещественность, он видел детали, ярко, подробно. Иногда воображение дорисовывало женщину. Она стояла, закрыв глаза, чтобы не видеть, как он уходит, и слёзы бежали по её щекам. Он хотел, чтобы у неё были красные волосы и синие глаза, но не получалось. Он не видел её лица, как ни старался в своём воображении нарисовать его; все его попытки терпели крах. Он не видел её! Он только чувствовал её, иногда ему казалось, что он почти вспомнил, почти увидел, но всё ускользало.

Иногда она была совсем близко – и тогда почему-то ему становилось страшно...

Кейв упирался, но почему-то не так активно, как опаса-

лась Анна. В самом деле, её логика была проста: никто женщину не ждёт. Все уверены, что двойник мужчина, и на женщину не обратят большого внимания, не больше, чем на любую другую мероканку в такой ситуации. Рокел с ходу придумал легенду, которая объясняла её появление в глубоком космосе: она могла летать на отдалённый научный терминал, проведать жениха или родственника. После долгих споров остановились на женихе. Во-первых, это объясняло бы её нежелание ничего объяснять, если объяснение потребуется – все научные терминалы и их персонал были засекречены. Это же объясняло бы и смену маршрута, ведь на станциях она появится впервые.

– Мероканцы очень общительны между собой, – объяснял Рокел Анне, пока Грит готовил корабль, – иногда даже через чур, особенно экстраверты, и при встрече с ними у тебя могут возникнуть проблемы, но, с другой стороны, даже если мероканец тебя заподозрит, он сдаст тебя только Общине, а это в нашем положении не страшно. Зато с инопланетянами, особенно с кинтанианами, мероканцы общаются крайне неохотно, и на лишние вопросы реагируют неприязненно. Ты можешь ответить: «А в чём вы меня подозреваете?» – как можно высокомернее, и это будет воспринято, как должное. Запомни, пожалуйста, вот этот код – с помощью него будешь расплачиваться, если захочешь приобрести больше того минимума, который оплачивает Община.

– Какого минимума? – Удивилась Анна.

– Существует минимальный уровень потребностей, который Община оплачивает за каждого своего члена. Заправка корабля, обед или там завтрак и ужин, вода, воздух – на терминалах они тоже оплачиваются, – ну, и кое-что ещё, – за всё платит Община. С терминала только сообщается на Корту, что какой-то мероканец воспользовался всем этим; имя не сообщается. Считается, что мероканцы не лгут.

– Но я не член Общины...

– Ты мероканка. Так что, это вопрос времени. Ну, а если захочешь что-то купить, развлечься, или получить особую информацию, расплатишься из фонда моей невесты. Я потом поговорю с нею; как-нибудь сочтёмся. Дом РОС – один из самых состоятельных на Корте, думаю, ты их не разоришь.

Они с Кейвом создали ей в имитаторе внутренности двух станций, которые ей предстояло посетить, и она за пару часов довольно хорошо научилась ориентироваться в них. Вроде бы, всё должно было получиться. Они прокручивали всё снова и снова, и каждый раз всё проходило достаточно гладко. С кораблём проблем не должно было быть: Анна брала с собой Ликаона, который скачал программу пилотирования и навигации; помимо того, курс должен был корректировать Грит. Он каким-то образом рассчитал моменты, когда можно будет выходить на связь, не боясь, что их засекут, и казалось, что никаких сюрпризов быть не должно. Анна должна была приземлиться в Дине, на Корте, на воздушном трамвае полететь в Луану и там направиться прямиком к судье

Таш, бабке Рокела. Всё нужно было проделать очень быстро, нигде не задерживаясь, чтобы опередить неизбежно возникнувшие вопросы и подозрения. Когда она будет в Луане, под защитой Общины, судья Таш возьмёт всё на себя – Рокел утверждал это с такими гордостью и верой в свою бабку, что Анна и Кейв не усомнились в этом ни на секунду. Вроде бы, всё получалось. Риск всё равно был – риск был всегда, – но шансов, что всё пройдёт гладко, было больше.

Всё это время Анна мучительно раздумывала, не пришло ли время вторично воспользоваться стержнем, который отдал ей Ив, и без него совершить передачу Грита Кейву? Казалось, что необходимость этого была очевидна и бесспорна. Но... Что будет с Ивом?.. А с другой стороны, Грит в реальной опасности, сами они – тоже, и передача Грита сейчас может их спасти?.. Она дошла до того, что в какой-то момент зажмурилась, как могла крепко, и свела пальцы, но не вышло, в самый последний момент её окликнул Рокел и поинтересовался, что это она такое делает?.. Анна чертыхнулась про себя, но повторять попытку не стала, так же, как и объяснять. Она считала попытки гадания проявлениями слабости, к тому же вредоносными. Но сомнения не оставляли, страхи тоже: страшно было за Кейва и за Ива, за Грита, за себя; в конце концов, если бы Кейв сказал, что знает, как исправить повреждения, она отдала бы ему стержень. Но обращаться за помощью пришлось бы всё равно, и она, в конце концов, решила отложить всё до того момента, как помочь

прибудет и Грит будет наложен. А чтобы не было соблазна, она рискнула подняться на посольский, пошла в апартаменты Л: вара и бросила стержень в аквариум с медузами. Достать его оттуда теперь было можно, только разбив аквариум и уничтожив сложный механизм. Постояла, положив ладони на поверхность и любуясь перламутровыми переливчатыми созданиями; потом неохотно повернулась к голограмме Л: вара. Сказала:

– Ты и это предвидел? Или нет? Каково тебе теперь, когда игра вышла из-под твоего контроля?.. Или ты ничего не утратил? Когда-нибудь мы с тобой поговорим, я это чувствую. Не знаю, когда и где.... Но без этого не обойтись.

В конце концов, когда Грит вышел к звезде, у которой собирался накопить энергию, Анна собралась лететь. Не смотря на то, что ей очень хотелось этого, в последний момент стало как-то страшновато; она бросилась Кейву на шею перед тем, как забраться в корабль, крепко-крепко стиснула, пискнула:

– Я буду скучать без тебя, Кейв! Береги себя, и жди, я вернусь обязательно!

– Я тоже буду скучать. – Ответил он, тронутый её порывом. – Будь осторожна. Не потеряйся в космосе!

– Я вернусь. – Ответила она убеждённо. – Вернусь, как договорились, точно в срок.

– Конечно. – Он отпустил её, немного задержав руку в сво-

ей, что для него было равносильно пылким объятиям. – Иначе я бы тебя не отпустил.

Анна забралась в крипту корабля, уселась и пристегнулась в кресле, помня о невесомости. Ликаон, сидевший рядом, забегал пальцами по панели. Тихо загудело, корабль дёрнулся, пошёл вниз, в шлюз, поехали в темноте ряды огоньков. Невесомость ворвалась в корабль вместе со звёздным огнём; Анна непроизвольно вцепилась в кресло.

– Береги своих пассажиров, Грит. Это не приказ, конечно, это большая просьба. Ивайр тоже бы этого хотел.

– Я знаю. Я всё сделаю, как надо, Анна.

Анне неожиданно стало страшно, когда она отвела взгляд от Грита и посмотрела в пылающую бездну, куда направлялся её корабль. Страшно за себя, за друзей, от сознания взятой на себя ответственности. Но переигрывать было поздно. Она зажмурилась, чтобы задержать слёзы, скопившиеся в глазах, сказала:

– До ухода в гиперпространство осталось двадцать минут. Если хотите мне что-то сказать, мальчики, скажите сейчас.

Глава третья

Въерра.

В общем и в целом, жизнь Ива на Ариге оказалась не такой уж и плохой, и довольно – таки интересной. Он очень любил всяческую технику, и она отвечала ему взаимностью – самые безнадёжные механизмы и приборы оживали в его

руках, словно по волшебству. А так как, не смотря на мрачные мысли и решение, сам по себе человек он был не мрачный, он не мог каждую минуту думать о плохом и выглядеть соответственно; он мог и хотел и посмеяться, и пошутить, и поучаствовать в общих развлечениях. Команда Ариги была дружной командой, даже шхарианцы, слывущие в других мирах людьми не очень приятными, оказались на деле симпатичными. Они уже давно были вместе, и это чувствовалось во всём: и в том, как они щутили, и в том, как подхватывали шутки, и как заканчивали друг за другом начатые фразы, но особенно в том, как они работали. Шен был хорошим капитаном, он подобрал себе людей, которым не нужны были ни напоминания, ни контроль. Иву тоже это не было нужно, поэтому он быстро вписался в команду. Он, не смотря на дружелюбие, ни на секунду не забывал о своей Касте, но это никого не задевало. Все приняли это, как должное.

Что всех удивляло, а мужскую часть команды даже немногого задевало за живое, так это отношение к Иву женщин. Все женщины Ариги, кроме, может быть, Агой, которая называла себя Ашой, испытывали непреодолимое влечение к меро-канцу, и с трудом держали себя в руках. И Аэла, и холодная Моанна, и Гера, и Ст, о которой мечтали почти все мужчины команды, но которая до сих пор никому не оказывала предпочтения – все они так и вились вокруг Ива. Когда у него выдавалась свободная минутка, у всех них оказывались дела в одном помещении с ним. Они вдруг полюбили трени-

ровки, то и дело отирались в ангаре, стекались в сад, когда там решал отдохнуть Ив; все, кроме него самого, это видели и наблюдали с интересом и не без ревнивой зависти. А сам он, имея со всеми дружеские отношения, тягу испытывал только к кипу, лорду Рэну. Они были ровней по Касте, но и не только – Иву просто он был интересен, как человек немного странный, даже загадочный, но очень привлекательный. Его всегда тянуло к сильным, ярким, неординарным людям – как всякий мероканец высокой Касты, он признавал и искал только равенства в любых отношениях. Ведь всякое неравенство порождает зависимость, либо ответственность; в любом случае оно лишает личность доли свободы, которая слишком дорога была мероканцам, и особенно Волкам. Все прочие члены команды, кроме самого Шена, уступали Иву во многом, не только в происхождении. Он не мог общаться с ними на равных, при всём своём уважении к ним. А на Шена он был слишком зол; хотя.... Иногда он всё-таки ловил себя на том, что его тянет и к Шену тоже. Он замечал, что ему не всё равно, улыбнётся Шен, или нет, его новой шутке, заметит он его новое достижение в работе и что скажет по этому поводу. Но тем сильнее была его обида на капитана, упрекнувшего его в дармоедстве в самый чёрный момент его жизни.

Зато лорду Рэну он был только благодарен, и хотел, чтобы эта благодарность принесла тому какую-то пользу. Лорд Рэн избегал общения, и не только с ним – он вообще старался не

общаться ни с кем. Постоянно чем-то занят, постоянно один. Ив чувствовал, что его угнетает что-то, точно так же, как его самого, и полагал, что между ними много общего. Он искал случаев и, не смотря на неохоту кинтанианина общаться с ним, старался растопить лёд изо всех сил. У него не было комплексов по поводу себя самого; он никак не мог поверить в то, что узнал о себе, и ощущал себя прежним. А прежний Ив был многим симпатичен и всем приятен.

Когда лорд Рэн сам подошёл к нему после рабочих часов, которые Ив провёл в шахте, Ив счёл это своей первой победой. Кинтанианин попросил его посмотреть приборы.

– Во время предыдущего выхода в гиперпространстве произошёл какой-то сбой. – Пояснил он. – Я не совсем понимаю, что происходит. Может, приборы барахлят. Очень надеюсь на это.

– Почему? – Поинтересовался Ив.

– Не хотелось бы думать, – чуть усмехнулся Рэн, – что это я теряю квалификацию; или, что того хуже, что-то происходит в космосе. Верно?

– Конечно. А что может происходить в космосе?

– Теоретически – что угодно. – Улыбка Рэна стала явственнее. – Знаешь старое правило? Вселенная полна чудес. Даже отсутствие чудес – чудесно.

– Знаю. – Ив тоже улыбнулся. – Этому правилу тысяча лет.

– Тем оно справедливее. – Улыбка Рэна погасла. – Я рас-

считываю на тебя. Шен говорит, ты просто маг и волшебник. Не успел освоиться, а уже превзошёл всех наших предыдущих механиков, вместе взятых.

– Шен так говорит? – Переспросил Ив, не сумев скрыть удовольствия. Лорд Рэн внимательно посмотрел на него. Неожиданно коснулся пальцами татуировки на его плече:

– Люди твоей Касты до сих пор делают такие татуировки, но Нападающего Волка я никогда на живом теле не видел. Не принятая символика.

– Это символ моей мести. – Неохотно ответил Ив. – Я отомщу, или сойду с ума.

– Ты хороший человек, Волк. – С непонятным выражением на лице: смесью жалости, досады, уважения, симпатии, – сказал лорд Рэн. – Такой хороший, что даже подонки вроде нас делаются людьми возле тебя. Но это и опасно для тебя.

– Почему? – Искренне удивился Ив.

– Разлад в душе... Невыносим. Трудно уже не делать зло, но и делать... на твоих глазах – погано.

– Но... – Ив был слегка шокирован, – я полагал, что все вы в прошлом оступились, и только.

– Знаешь, чем были заняты Кмоль и Рэтха на предыдущем терминале? Они купили себе женщину – клона, и с ней... нет, этого я тебе не скажу. То же самое, только по-разному, все остальные, кроме, пожалуй, Шена, да пары раббиан. Ну, и Моанна, жестока, холодна, но по-своему чиста. Стая, невинная крошка, переплюнет нас всех по всем пунктам. Ты зна-

ешь... а, нет. Такому, как ты, незачем знать подробности.

– А ты?

– Я в каком-то смысле хуже всех. – Лицо лорда Рэна исказилось. – Хотя сейчас от моего порока не страдает никто, кроме меня. И я хочу, чтобы это оставалось так и впредь. Мне не нужны... мне не хочется... – Он мучительно искал слова, чтобы выразить свою мысль. – Мне не нужны привязанности, которые... я не могу позволить себе.... Это разрушило жизнь всем, кто прежде был связан со мной. Если я – раб своего порока, то пусть это буду я один!

– Это соль?! – Догадался Ив. Он и раньше замечал неладное, но по природе своей не мог думать о человеке плохо без веских тому доказательств. Кинтаниане не мутировали от соли, и угадать в них наркомана было сложно. Но кое-какие признаки были, и Ив внезапно понял, что замечал их и прежде, только не отдавал себе в этом отчёта.

– Это уже намного хуже. – Сильно побледнев, сказал лорд Рэн. – Ты представить себе не можешь, до чего это страшно. Пусть ваши демоны ночи, Ти и Мерц, хранят тебя от этого! А я прошу тебя.... Очень прошу: избегай меня. Если я вдруг позову тебя к себе, не приходи. Я опасен тебе, смертельно опасен, Волк. Я твой самый страшный враг! Беги от меня; берегись меня! Я полюбил тебя, и не хочу причинить тебе зло. Это убьёт меня самого... хотя давно пора бы.

– Я не верю во власть этой дряни над человеком. – Решиительно произнёс Ив. – Люди моей Касты всегда верили, что

воля и разум способны победить всё.

— Вы всегда были романтиками. — Устало произнёс Рэн, глядя на Ива почти с нежностью. — Мир переменился с той поры, и даже наркоманы уже не те. Мы с тобой поздно встретились, друг мой. Может быть, в иной жизни нам повезёт больше?

Ив никак не мог смириться с тем, что Рэн наркоман. Раздумывая о способах помочь ему, Ив отправился к Аэла и спросил о том, как можно избавить от зависимости человека, принимающего пска очень давно.

— Никак. — Печально ответила Аэла. — Ты имеешь в виду лорда Рэна? Ему помочь невозможно. Он пытался, и не один раз, как-то избавиться от своего порока, как-то облегчить свою жизнь, но это уже больше не порок. Соль не приносит ему наслаждения, он не получает от неё того драйва, ради которого начал всё это. Соль нужна ему уже просто для того, чтобы не умереть. Ты знаешь, чем коварен пска?

Ив знал, но был так потрясён услышанным, что промолчал, и Аэла продолжала:

— Химические процессы в организме принимающего пска необратимы, и ведут к тому, что весь кальций исчезает из организма, и заменяется пска. Отсюда чудовищные мутации наркоманов всех прочих рас. Но соль хрупка, и быстро вымывается прочь. Поэтому мутанту каждый день необходимы огромные дозы. Если его лишить соли, или хотя бы умень-

шить дозу, кости его будут ломаться от простого нажатия, а мучения, которые он испытывает, просто невыносимы. Это страшно, скажем Волк.

– Что-то же можно сделать. – Прошептал Ив.

– Теоретически да. – Кивнула Аэла. – Пару лет назад двое мероканцев, Тибра Заэм и Кейсар Вера, провели операцию над кинтанианином – мутантом, заменяя пска в его организме на кальций буквально по атому. Но это происходило долго, было безумно сложно, и прошло не очень удачно. Никто ещё не решился на повторную операцию.

– Почему?

– Соль пациенту больше не нужна, он не наркоман, но у него искусственные почки, и каждые две недели он проходит полный, очень сложный курс лечения. Его нельзя назвать здоровым человеком, и карьера его кончена.

– И всё-таки я не верю, что никакой надежды нет. – Упрямо произнёс Ив. – Понимаешь? Я не верю, что хорошего человека, который раскаялся в своих ошибках, нельзя спасти! Пусть это будет сложно и долго, но что-то можно сделать, я уверен!

Выйдя от Аэла, Ив прямиком направился к лорду Рэну. Чувства его были противоречивыми, а намерения – неясными, но он чувствовал потребность поговорить, пообщаться, просто его увидеть.

Сигнал говорил, что Рэн у себя, но дверь опять не открывалась. Ив проявил упрямство, и через несколько минут Рэн

— таки впустил его. Всё помещение было заполнено розовым дымом; Ив слишком поздно уловил знакомый тяжёлый запах, и понял, что это соль, и что он успел вдохнуть дозу, скорее всего, смертельную для себя. Попятился, теряя почву под ногами, выпал в коридор и провалился в беспамятство.

Десять дней — максимум того, что может провести в гиперпространстве механический корабль, — Анна так скучала в его ограниченном пространстве, что мечтала даже об опасности или небольшой и неопасной аварии, только бы не маяться в крохотной каюте. Когда Грит вышел на связь в первый раз, Анна бросилась к передатчику, как чёрт за невинной душой; по голосу Кейва, который говорил с нею, она поняла, что они с Рокелом пребывают в такой же тоске и скуке. Новости были неутешительные. Грит накапливал энергию очень медленно; Кейв бился по двадцать часов в сутки, чтобы хотя бы в шахте, с питанием мозга Грита, не было никаких проблем, но колебания силы тяжести, перепады температуры и энергии случались так же часто, как и в первый день. Они не могли понять, в чём проблема; Грит с ними не разговаривал, и действовать приходилось наугад. Анна тоже не могла его расспросить, времени было мало, они только успели перекинуться парой слов.

И снова потянулось томительное ожидание, теперь вдвое томительное, чем прежде. Медленно, но корабль приближался к небольшому терминалу Девять — два, где Анне не

грозила встреча с риполианами или вранами – единственными существами, с которыми одинокой мероканке встречаться было ни в коем случае нельзя; худшая встреча, которая могла бы произойти здесь – это с клопами, мусорщиками и сплетниками Вселенной. Грит специально проложил её курс через максимально безопасные станции. Теоретически она могла бы полететь через Въерру, мегаполис открытого космоса, на котором, как на перекрёстке всех дорог, можно было встретить кого угодно, но там она могла даже не дождаться заправки своего корабля. Риполиане не боялись мероканской вендетты и убивали мероканцев при любой возможности; останавливало их только то, что их извечные враги не путешествовали в одиночку через станции, на которых могли столкнуться с ними. Рокел утверждал, что с недавних пор, как только на Въерре поменялся хозяин, там стало намного безопаснее, но рисковать никто не хотел. Анна в положенный срок состыковалась с маленькой, компактной станцией, похожей на колесо с большим круглым фасетчатым ядром, тонкими круглыми спицами и толстым круглым фасетчатым ободом. На все вопросы ответила сдержанно, но правильно, и без запинки назвала свой стыковочный код. Не смотря на лёгкий мандраж, ей не терпелось попасть на станцию и осмотреться; ей было ужасно скучно и очень любопытно.

Как мероканку, её даже не встретил возле шлюза патруль, она была вольна идти, куда хочет, и делать, что хочет. Только кинтанианин Средней касты спросил у неё код платёжной

карты, и она назвала тот, который дал ей Рокел.

– В первый раз в таком глубоком космосе? – спросил он, заметив её волнение, и она совершенно искренне ответила:

– Да! – Даже и не соврать. – Я никогда ещё не летала одна; проводывала жениха. – Подкупающе улыбнулась, и кинтанианин выпрямился, сделав попытку втянуть живот.

– Похвальная нежность. – Сказал, тоже сделав попытку обольстительно улыбнуться. – Так трогательно. С ним всё в порядке?

– Скучет по мне. – Ответила Анна. Кинтанианин дал ей жетон:

– Чувствуйте себя, как дома, кама. Здесь масса возможностей хорошо отдохнуть и расслабиться.

«Хорошо всё-таки, что кинтаниане так любят мероканок». – Думала Анна, заказав своему галиту общий техосмотр и энергонаполнение, а себе – отдельное помещение, ужин и ролик с последними новостями. С удовольствием принял душ в недурном и просторном номере на одного, она поужинала кортиянской едой, упала на постель и, сунув под живот валик, включила новости. Просмотрела и прослушала стандартный набор, похожий на земной, за исключением рекламы, манеры ведущих вести себя, и того, что большинство ведущих были мужчины – Интуиторы. Что-то в этом напоминало ей земной декаданс начала двадцатого столетия, как она его себе представляла. Нита Эшен, который рассуждал о наслаждении прекрасным, наиболее полном там, где красота

соседствует с самым отвратительным уродством, выглядел в точности как аристократ из какого-нибудь ночных клубов; ему не хватало только кокайновой палочки и краски на глазах и губах. Всё остальное, вплоть до тонких усиков, идеально уложенных волос и тонированных стильных очков, вполне соответствовало образу. Тонкий, с правильными и утончёнными чертами лица, с некоторой томностью в голосе и манерах, он показался Анне извращенцем, но понравился. Он же рассказал о предстоящей миграции морских быков из южных широт в северный мегаокеан Корты; рассказ сопровождался настолько потрясающим видео, что у Анны дух захватило. После этого уже не очень было интересно слушать о том, что космодром Луаны вновь принимает грузовые корабли класса бра; забавно было посмотреть на необычное небесное явление в небе Плеоны и послушать рассуждения кортианских учёных по этому поводу; совсем не интересно было послушать про то, что малые советы мероканских городов закончили распределение студентов – практикантов по космическим объектам, а опоздавшие могут подать заявки в Луану, на остров Ваэ. Потом пошли сведения о погоде в различных районах Корты, о состоянии магнитосферы, солнечных бурях и сейсмической обстановке на юго-западных островах. Как догадалась по обилию многочисленных сложных терминов Анна, кортиане и кортианские мероканцы были людьми очень грамотными. Ведь новости обычно ориентируются на средний уровень. Кое-чего она совсем не поняла, особенно

того, что касалось космоса, и взяла на заметку: надо будет подучиться, вернувшись на Грит. Потом она услышала просто удивительно красивую песню: «Повсюду в нигде», которую пели красивый, как таитянин, кортианец Рам и пожилой, но весьма интересный мероканец с лиловыми глазами, имя которого Анна прослушала. Музыка звучала так необычно! В ней было что-то индийское, что-то латиноамериканское, что-то европейское враз; и странно было слышать от экзотичного Рама чистый европейский тенор, а от светлокожего мероканца – знойный африканский баритон. Анне понравилась кортианская флейта: она умела петь и вскрикивать почти человеческим голосом. То чистая, то знойная, она способна была свести с ума, и напоминала Анне то армянский дудук, то флейту перуанских индейцев, то вообще ни на что не походила, а кортианские барабаны пробирали до самых печёнок. Анна заказала себе по внутренней связи целый ролик подобной музыки, а новости тем временем продолжились. Мероканские учёные, Солан Ти и Тибра Заэм, говорили об офтах, и Анна даже села, перестав грызть орешки, настолько интересно ей было послушать про это. Слухи, упорно циркулирующие по Известной Вселенной, видимо, стали особенно назойливыми в последнее время, и мероканские учёные посвятили час эфира этой теме. Как поняла Анна, точно не известно было ничего. Слушая её, Анна подумала про Ива. Если бы про офтов было правдой – можно было бы вернуть ему жизнь, отнятую Л: варом когда-то. Но не успе-

ла она помечтать, как учёные вынесли свой вердикт: офты – это очередная легенда; помешанные на гуманоидной науке профаны всегда приписывали гуманоидам открытия, далеко превосходящие все человеческие, и таким образом нагнетали панику и страх перед ними. Тибра Заэм, сестра уже заочно знакомой Анне Тарвы, синеглазая брюнетка с тонким (для мероканки) ртом, ещё немного порассуждала о том, кем следовало бы считать офта, если бы таковой появился, каковы были бы его гражданские права. Рассуждения её были до того злыми и холодно – безжалостными, что Анна вознавидела её от всей души. Она отрицала всякое сохранение личности после разрушения тела, и утверждала, что офт – не более, чем клон, чей статус не совсем определён; лично она против всяческого клонирования, дублирования, офтирования, и чего угодно ещё, и достаточно логично мотивировала свою позицию. Анна даже поймала себя на том, что если бы её не касалось это всё так близко, она, пожалуй, встала бы на её сторону. Солан Ти на этот счёт отозвался мягче; Анна его почти полюбила. Но не могла не признать, что синеглазка была ярче, убедительнее, эмоциональнее. За каждым её безжалостным словом про офтов Анна видела живого человека, своего друга, и каждое это слово было для неё, как острый нож.

Это было невозможно, но Ив видел это своими глазами: синее озеро под ослепительным голубым небом было знако-

мо и до боли в сердце любимо. Он лежал на берегу, у кромки воды, и крупный, желтовато-белый и прозрачный песок прилип к щеке и ладоням, когда он приподнялся, упервшись в землю руками. Это был саисский пляж, с детства знакомый ему каждым своим изгибом, каждым камешком. Рыже – зелёные пальмы вздымали из песка свои мощные оплывшие корни, меж которыми он с сестрой и друзьями играл в детстве, прячась за бахромой жёстких, как медь, вычурно изрезанных листьев, а на отмелях нежно и ярко алели водяные цветы, облюбованные мелкими белыми и голубыми мотыльками. Солнце грело и ласкало кожу, запахи мокрого песка, воды и цветов не позволяли усомниться в реальности происходящего. Стая чёрно – синих ихтиорнисов промчалась низко над водой, своими резкими криками подтверждая Саис, радость, воду, отдых. Конечно, – думал Ив, – это не может быть не правдой! Долгое время он, раненый, находился в бреду, и всё это время ему мерещились всякие ужасы. За это время Л: вара уничтожили, Мерак спасли, его, видимо, тоже... Он был так счастлив, что немедленно простил своих неведомых врагов, и, легко поднявшись, пошёл к воде.

Он всегда умел и любил плавать, но никогда плавание не доставляло ему такого наслаждения, как теперь! Движение не стоило ему никаких усилий, тело стало послушным, лёгким, практически невесомым. Всё было прекраснее, чем в мечтах или снах, чувства обострились и дарили невероятное блаженство. Вынырнув недалеко от берега, он откинулся от ли-

ца мокрые волосы, и вдруг почувствовал, что рядом – она. От этого ощущения стало горячо, волна радости захлестнула его и погнала на берег. Не успел он очутиться на пляже, как увидел её: она выходила из воды ему навстречу; мокрые волосы тёмными полосами изгибались по груди, плечам и спине, с них ручейками стекала вода, поблескивая на влажной коже. Ловя солнечные искры, на плечах и груди сверкали капли; в зелёных, с дымком, глазах плясали чёртики, дразня его. Не говоря ни слова, она подошла к нему вплотную и остановилась. Ив знал и любил её безумно давно, и знал это в тот миг совершенно точно. Они когда-то были светом одной звезды, рассеявшимся по Вселенной в момент новы. Он по-прежнему не видел её лица, но видел чёртиков в глазах, видел, как приоткрылись в ожидании красные мягкие губы, к которым прильнул, испытывая невозможную наяву страсть. Пределов ей не было; Ив не чувствовал ни усталости, ни пресыщения, с него слетели все запреты. Они делали все безумные и возбуждающие вещи, снова и снова, не в состоянии ни утомить, ни утолить друг друга до конца. В перерывах между ласками Ив вплетал в её блестящие платиновые волосы водяные цветы и водоросли, писал на её щеках признания в любви, заглядывал ей в глаза, в которых ему было и сладко, и страшно, и больно, и хорошо, целовал её губы, щёки, виски... Песок застревал в волосах, легко осыпался с высохшей кожи от прикосновений, поблескивал на солнце. У Ива было всё, о чём он мог мечтать: родной Саис и женщина, которую он

любил больше жизни.

Всё начало меняться постепенно, он даже не заметил, когда и как. Сначала поднялся ветер, стало прохладно. Он пошёл за одеждой для неё и для себя, и вдруг наткнулся на мёртвую птицу: убитый ихтиорнис валялся на песке, странно выгнувшись, покрытый какой-то липкой плёнкой. Ива зашатнуло, он поспешил отвернуться, и вдруг понял, что остался один. Мало того: он понял, что это не было реальностью. Он под действием наркотика, и всё это было наркотическим бредом. Но сгущаться этот бред и очнуться он не мог. Отшатнувшись от мёртвой птицы, он побрёл прочь, оступаясь на крупных острых камнях. Туман сгущался; воздух стал колючим, едким, драл горло. И вдруг он ощутил ещё одно присутствие, так же остро, как недавно почувствовал её. А спустя секунду уже видел своего врага: в своём прежнем, человеческом облике тот стоял перед ним на камнях, тоже босой, в тёмно-бордовом костюме своего Дома. Платиновые волосы с лёгким голубым блеском свободно лежали на плечах.

– Нападающий Волк! – Усмехнулся он почти нежно. – Бедный мой романтический дурачок, ты совсем не изменился! Считаешь себя мстителем?

– Да. – Ответил Ив. – Моя вера провела меня сквозь всё, даже смерть. Я сохранил главное в себе: любовь к Мераку и ненависть к тебе.

– И как же ты намерен отомстить, а? – Засмеялся Л: вар. – Ты же попробовал уже, и что у тебя вышло?

— Но ведь и ты не смог уничтожить меня! — Дерзко ответил Ив. — Ты даже сломать меня не смог, я остался прежним.

Кожа Лавайра вдруг неуловимо, но очень быстро начала краснеть и сморщиваться, череп облысел и вытянулся, губы исчезли, обнажились жёлтые крупные зубы, конечности вытянулись, спина согнулась и обросла гребнем из шипов, которые вынуждали его смотреть исподлобья, почти прижав подбородок к груди. Но глаза остались прежними, зелёными, дымчатыми... страх охватил Ива, он отступил на шаг.

— А это было бы слишком милосердно и просто! — Почти не изменившимся голосом произнёс монстр. — Это было бы слишком легко, а ты заслужил большего! Я ещё проведу тебя через несколько кошмаров, Ивайр из проклятого Дома Кайллов!

— Мой Дом оказался не по зубам тебе, чудище? — Спросил Ив. — Поэтому ты ненавидишь меня так сильно?.. Я, может быть, удивлю тебя: но зря ты считаешь, будто мог провести меня хотя бы через один кошмар, если бы не воля более могучих сил. Это они захотели, чтобы я выжил, и смог отомстить. Помнишь старую легенду о праведной мести? Мы с тобой — воплощение этой легенды, Л:вар.

Взмахнув когтистой лапой, монстр ударил Ива наотмашь так, что тот отлетел назад, больно ударившись спиной о камни. Монстр снова шёл на него.

— Ты никогда меня не осилишь! — Злобно говорил он. — Ты — болван, кукла без мозгов, и всё, что у тебя есть теперь

– это набор штампов давно сгинувшего мира, который всеми забыт и никому не нужен! Ты клоун, возомнивший себя героем, жалкий и смешной!

– Почему же ты так ненавидишь меня? – С трудом поднявшись, спросил Ив. – Клоунов не ненавидят, над ними смеются! А ты боишься меня, ты знаешь, что я прав, и что я тебя… уничтожу.

– Уничтожишь меня, болван! – Воскликнул Л:вар. – Никто и никогда этого уже не сможет! – Новым ударом он вновь швырнул Ива на камни. – Наивный дурачок, тебе даже военным пилотом стать не позволили, побоялись твоей глупости! А как ты попал ко мне?! Будь у тебя хоть капля ума, ты улетел бы на Корту!

Ив снова встал, вытирая кровь с лица. Слова Л:вара язвили почти так же сильно, как и удары, но он понимал: дураков не ненавидят! Ненавидят тех, кого боятся, и злоба эта – от страха. Мысль об этом придала ему сил и мужества, он выпрямился, чувствуя кровь, бегущую по спине. Сказал:

– Если бы я улетел на Корту, я не смог бы отомстить. А теперь… посмотри вокруг и запомни хорошенько это место. Клянусь Ти и Мерц, что не знаю, когда, но я буду здесь наяву вместе с тобой, и убью тебя тогда.

– Так попробуй прямо сейчас! – Засмеялся Л:вар, нисколько не стушевавшись. – Вот место, вот я, а вот ты! Чего тянуть? Всё реально, всё на самом деле, ты же знаешь! Отсюда моя сила, дурачок. Все в этой Вселенной, отправляясь

за наслаждением, приходят ко мне! Все наркоманы человеческих миров принадлежат мне, и заставить их сделать так, как я хочу, не трудно, поверь! Они всегда знают, что вернутся сюда, и каждый знает, какой ад уготован не подчинившемуся.

– Это невозможно. – Ответил Ив. Л:вар расхохотался:

– Невозможно?!! – И так ударил его, что у Ива что-то оглушительно лопнуло в голове.

Очнувшись, он увидел себя в каком-то полутёмном пустом коридоре возле раздвижной двери. Было тихо, так тихо, словно он был здесь совсем один. Ощущения были странные, как во время синдрома: словно это был и не совсем он. Как-то сразу он понял, что это не на какой-то планете, а в космосе – как опытный космонавт, он легко ощущал едва уловимую разницу, как бы ни было комфортно и просторно место, где он сейчас находился. Дверь в соседнее помещение вдруг раздвинулась, и в полумраке возникла знакомая громоздкая фигура с четырьмя рогами на загривке. Ив уверен был, что убьет его, просто подняв руку, но рука не поднималась. А мутант произнёс насмешливо:

– Ничего не выйдет! Неужели ты всерьёз на что-то надеялся? Неужели думал, что я не предвидел такого развития событий? Сихтэ никогда не понимали людей, но ты должен был знать меня лучше!

Послушное этому голосу, всё ещё человеческому, даже приятному, тело Ива стало совсем чужим и не желало пови-

новаться ему. Ужас и ярость были сильными, но похороненными в нём, как в могиле.

— Слово освободило тебя, и слово закабалило снова. — Продолжал Л:вар. — А ты уже вновь было возомнил себя кем-то? Иди, — он положил когтистую уродливую руку на панель ближайшей двери. — Убей её. Убей медленно, насладись её смертью.

Дверь быстро и бесшумно раскрылась, и Ив послушно пошёл туда, хотя внутри него всё отчаянно сопротивлялось этому. Не обращая внимания на предупреждающие сигналы и сильные энергетические разряды, он вырвал чип обслуги. Повалил сильный едкий дым, свет замигал. Ив вошёл в спальню, где на синих простынях спала она — женщина, которую он только что любил на берегу саисского озера. Краем сознания он отмечал каждый изгиб её тела, нежные тени от ресниц на щеках, мерцание платиновых волос. Треск и дым разбудили её, она села в постели, убирая волосы от лица назад очень нежным жестом, от которого горло Ива перехватил спазм. Она посмотрела на него недоумённо, но доверчиво, спросила:

— Что случилось? Что произошло, Ивайр?

Он хотел сказать: «Беги!», хотел остановиться, хотел умереть, но не мог. Его собственная рука взяла её за горло, и он вынужден был смотреть, как в её глазах недоумение сменяется ужасом и болью, и чем сильнее были его попытки остановиться, тем сильнее сжималась рука.

С отчаянным криком он вырвался наконец из тисков кошмарса, но вновь очутился лицом к лицу с Л: варом. Только то, что он только что сделал, лишило его воли и сил к сопротивлению. Он хотел умереть и мечтал о том, чтобы тот убил его; ему было плевать на месть, плевать на жизнь. Всё равно жить с воспоминанием о том, как свет мерк в её глазах, он не сможет!

— И что же такое ты вспомнил, дурачок ты мой? — Ласково спросил Л: вар. — Ты сам на себя не похож! Где кураж, где гонор, где жажда мести? Такое ощущение, что тебя щелчком сейчас прибить можно. Вспомнил одно из своих убийств?

Ив молчал, слишком потрясённый, чтобы возражать, гордо угрожать. Он ждал и хотел смерти, но неожиданно между ним и Л: варом возник лорд Рэн.

— Оставь его! — Потребовал хрипло. — Не тронь, хватит!

— Героический кип? — Спросил Л:вар с угрозой. — Ты надоел мне. Уйди прочь, не то...

Его внимание, пусть не надолго, переключилось на другого, и это позволило Иву провалиться в спасительную тьму. Воля Л:вара больше не удерживала его, и он вырвался из тисков кошмарса, очутившись в каком-то блаженном ничто.

Очнулся он от звука собственного голоса. Ломило все кости, тошило, а голова болела так, что даже приподнять веки было невозможно.

— Что такое анна? — Спросил рядом тихий женский голос

с раббианским акцентом.

– Не знаю. – Чуть слышно ответил он, но и это усилие всколыхнуло в голове такую боль, что он едва снова не потерял сознание.

– Ты меня слышишь, Волк, ты здесь? – встревожено спрашивала женщина, но ответить Ив уже не мог. Больше суток он лежал совершенно неподвижно, не открывая глаз и не реагируя на вопросы и прикосновения, и только к исходу этих суток начал приходить в себя.

– Мы уже боялись, что потеряли тебя! – Призналась Аэла. – Ты вдохнул слишком много даже для наркомана, а ведь ты мероканец!

– Я офт. – Возразил Ив.

– Это тебя и спасло. – Согласилась Аэла, и нежно провела ладонью по его влажному холодному лбу. – Что произошло, Волк? Что ты сделал?

– Ничего. – Ответил он. – Я вошёл... вдохнул дым... и начался сон.

– Я так и сказала Шену. Что доза была так велика, что наверняка свалила тебя с ног в первые же секунды. Я поклялась, что иначе не могло и быть.

– Зачем? – Ив с усилием разлепил веки и посмотрел на неё. – Какая в этом была нужда?

– Ты видел лорда Рэна?

– Я не успел его увидеть. Что с ним?

– Ничего. – Аэла внезапно переменила тон. – Лежи. Ты

едва не умер. Ты весь избит, у тебя были синяки, кровоподтёки, кровь на спине и лице.

— Это... там, во сне. — Ответил Ив. — Л:вар бил меня... Он говорил, что всё по-настоящему.

— Как бы там ни было... — Аэла смотрела на него как-то странно. — Тебе сейчас нужно лежать. Ты был так плох, что уйдёт какое-то время на восстановление. Дня два. Не меньше. Я позабочусь о тебе.

Ив закрыл глаза. Самым ужасным было то, что он помнил всё, происходящее с ним в наркотическом бреду: и наслаждение, и убийство. И знал, что забыть не сможет. Жить с таким грузом он не хотел.

Он всё ещё был сильно болен, когда Арига состыковалась с маленьким терминалом Девять — два. Шен и полирам Нер вошли в приёмник терминала через три часа после Анны, и встретились с тем же кинтанианином. Шен отправил Нера к хозяину терминала, а сам заказал себе отдельное помещение и заказал связь с Въеррой. Ждать пришлось больше часа. К его неприятному удивлению, хозяин у Въерры был теперь другой. Молодой кинтанианин Средней Касты с искусственным глазом улыбнулся ему через слабые помехи экрана внешней связи:

— Не ждал? Какой приятный сюрприз для нас обоих!

— Где Вотт?

— Умер. Здесь была скоротечная эпидемия — воздух испортился. Очень многие пострадали. Теперь на Въерре всё

не так, как прежде, но барона Ариги встретят, как подобает. У тебя дело ко мне?

— Дело срочное. — Вынужден был сказать Шен после минутного колебания. — Мне нужен навигатор, хороший навигатор. Мог бы поискать на Биафра, но туда в один присест не долетишь. Боюсь ошибки в расчётах. У тебя есть кто-нибудь?

— Найдём. И передай Кмолю, если этот негодяй ещё жив, что у меня есть парочка образчиков его любимого товарца.

— Конец связи. — Отрезал Шен. Он знал, что за товарец любил Кмоль, и его это бесило. Лезть в личные дела шхарианца он не имел права, но обсуждать их и знать подробности брезговал.

Закончив со всеми немногочисленными делами, которые могли быть у него на этом крохотном непопулярном терминале, он спустился на первый уровень — на терминалах уровня отсчитывались снизу, — и в обширном приёмнике, дожидаясь Нера, увидел высокую молодую мероканку с голубовато-пепельными волосами. Невольно засмотрелся, любуясь её статной осанкой, точёными плечами, профилем чётким и нежным, словно вырезанным из кости. Не было в Известной Вселенной женщин красивее, нежели красивые мероканки! Шен видел всяких, и готов был отстаивать свою правоту где угодно. Она шла в его сторону, и Шен не без приятности улыбнулся ей, чувствуя в то же время непонятную тревогу. Что-то было не так, что-то очень важное, чего он не имел

права не знать.

Вблизи она показалась ещё красивее, чем была, благодаря выразительности лица и глаз. Настолько яркие и выразительные лица попадаются одно на сотню, Шен хорошо это знал. Возможно, именно то, что она была женщиной, и обольстительной женщиной, затмило ему рассудок, и он не понял выражения её глаз; а между тем она смотрела на него со страхом. В какой-то момент, приближаясь, она едва не поддалась панике, но сдержалась. Нервно улыбнулась ему, проходя мимо, и скрылась в шлюзе. И только вернувшись на Аригу, и продолжая думать о ней, Шен вдруг осознал то, что сразу встревожило его и напугало её: да они ведь были на одно лицо! Её женские прелести взволновали его, не знавшего женщины уже больше года, настолько, что он не увидел главного – а она увидела! Включив зеркало, Шен некоторое время изучал своё лицо, сравнивая с отпечатавшимся в памяти лицом мероканки. Они были не просто похожи, факт. Они были почти близнецами, её лицо было нежнее, тоньше, но черты были практически одинаковыми; а глаза, которые смотрели из зеркала на Шена, словно перекочевали в его зеркало с её лица: тот же цвет, разрез, выражение.

– Женщина! – Сказал он вслух. – Неужели?! Но никто никогда не думал, что двойник может быть... – Он не договорил, стало страшно.

Анна перевела дух, только очутившись в своём корабле,

но продолжала нервничать до того момента, как он оказался в гиперпространстве. Ей даже думать не хотелось о том, кто был этот светловолосый мероканец, так похожий на Кейва, что она едва не бросилась к нему в первый момент. Хорошо, что у неё было отличное зрение, и она вовремя поняла, что ошибается! Она продолжала раздумывать об этом все дни, что прошли до следующего момента связи; сразу же рассказала обо всём Кейву.

— Это Шейнан, барон Ариги. — Ответил Кейв. — Только он. Он с Савалы — я рассказывал тебе о савалянских двойниках. Просто чудо, что он выжил; кипы никогда не нашли бы его, но он сам пришёл в Рюэль, когда ему было пятнадцать. Смелый был мальчишка, предприимчивый и изобретательный. Он с детства знал, что не савалянин, ему многие говорили, что он якобы сын пришельца; а матери своей он не знал. Кинтаниане забрали его, но что делать с ним, не знали. Он оказался не полноценным двойником, всего лишь генетическим родственником, как и я, но ведь родственником Лавайра, а как кинтаниане относятся к родству, ты уже знаешь. Использовать его было нельзя; убить — не гуманно. Кипы решили запрятать его на какой-нибудь терминал, но он оказался умнее, почувствовал неладное и сбежал с кем-то с Савалы. Только лет через десять стало известно, что он не сгинул, собрал собственную команду, с которой купил себе на Биафра киборг Аригу и стал вольным торговцем, их ещё называют Странниками Биафра. Кипы продолжают охотить-

ся за ним, но очень осторожно, они не хотят оглашать истинную причину. Очень не многие знают, кто он на самом деле.

— Он наверняка понял, что я похожа на него. Если я поняла...

— Да, это проблема. — Согласился Кейв, но больше ничего сказать не успел — Грит оборвал связь.

Кейв прикусил губу, поняв, что больше ничего Анне сказать не может. Он не мог бы даже высказать сейчас, до чего боялся за неё. Такое с ним происходило впервые: он никогда не боялся ни за кого. Жизнь научила его быть жёстким, держать себя в узде и не тратить сочувствие и эмоции ни на себя, ни на других. Он любил свою кинтанианскую семью — по-своему, — но не считал её своей настоящей семьёй. До последнего времени он думал, что и Анну такой не считает, но теперешний страх подсказывал, что это не так. Что-то зацепилось за его сердце, и причиняло боль. Он впервые в жизни думал о том, что Анну могут не только убить или ранить, но и... обидеть. Это было странно и мучительно — знать, что он бессилен ей помочь, защитить, оградить от зла и обид.

— Я ненавижу космос. — Признался он Рокелу в тот же вечер. — Настоящую свободу человек может иметь только на планете, своей собственной планете, где он дома, где он волен есть и пить, купаться в море, загорать под солнцем; где он не зависит ни от механизмов, ни от лекарств. Как я хочу свободы, Рок! Я устал быть в плену. Знаешь, о чём я мечтаю? Прилететь на Корту, забраться на самую высокую гору, что-

бы не видно было края земли. Лучше над морем. И дышать, и не видеть вокруг никаких стен, и не бояться, что кто-то увидит меня без линз!!!

– Мозаичные горы. – Тут же откликнулся Рокел. – Они самые высокие.... Хотя Великие Равнины по части простора любое другое место на Корте за пояс заткнут.

Шен заглянул к Аэла, проведать Ива. У него были вопросы к мероканцу по поводу странной смерти лорда Рэна, но Аэла охраняла мероканца, как пустынная кошка котёнка, утверждая, что он на волосок от гибели, и любое усилие может его прикончить. Только сегодня ей пришлось Шена к своему подопечному подпустить; ноказалось, что шансов добиться от него связных ответов пока действительно мало-вато. Цвет кожи мероканца был зеленоватый, как у гуманоида, под глазами пролегли глубокие страховидные тени, разбитые в кровь и высохшие губы неприятно потрескались и покрылись белым налётом.

– Как он? – Спросил Шен у Аэла.

– Лучше. – Ответила она тихо. – Возможности офта кажутся мне неисчерпаемыми.... Эта доза убила бы любого, не только мероканца. Он выживет, теперь я уверена. Кровь очищена; дальше всё пойдёт хорошо, и с каждым днём лучше.

– Что он сказал про Рэна?

– Он ещё не знает, что тот мёртв. – Перешла Аэла на шёпот. – Спрашивал, что с ним... Я не рискнула сказать истину. Боюсь, что он совсем потеряет волю к жизни, у него и так с нею проблемы.

– Ты выяснила, от чего умер кип?

– Да. От... от внутреннего кровотечения. В его тканях столько пска, что очень трудно исследовать их...

– Это могло произойти само?

– О, да. Он, возможно, пытался не принимать соль, и в его организме возник её дефицит. Он уже делал это прежде. А ты знаешь, чем это чревато для наркомана. Просто порвались ткани.

– Проклятье. – Чертыхнулся Шен. – Я знал, что с наркоманом будут проблемы, но он был классным навигатором, и человеком не плохим. И всё равно, выглядит это подозрительно: кип умирает от внутреннего кровотечения, а мероканец валяется в коридоре у его двери с наркотическим отравлением и весь в синяках.... Весьма подозрительно. Но я верю тебе, Аэла. Раз ты говоришь, что соль свалила его сразу же, я верю. Может, он набил себе эти синяки, падая. Может, успел войти, и Рэн сам вышвырнул его прочь, немножко не рассчитав силу. Скорее всего, это так. Да, – сказал он уже самому себе. – Нет смысла настаивать на другой версии. В конце концов, он сам всё расскажет, когда очухается; мероканцы не лгут.

Ив не хотел жить. Он принял видение за воспоминание, и теперь был уверен, что убил женщину, которую любил, по приказу Л:вара. Думать о том, что он убивал мероканцев, было ужасно; думать о том, что он убил любимую женщину, поцелуй и прикосновения которой помнил каждую секунду, вообще было невыносимо. Даже мысли о мести не приносили больше облегчения. Никакая месть не могла вытеснить из его памяти её глаза, в которых гасла жизнь. И он по-преж-

нему не видел её лица! Но теперь ему казалось, что он знает причину: он убил её. Не смотря на самую нежную опёку Аэла и тщетные страдания Стэ и Моанны, Ив не чувствовал себя лучше и на третий день, хотя у Аэла были все основания ожидать значительного улучшения. Он не хотел пить, не хотел есть, не отвечал на вопросы и не хотел даже посмотреть на неё. Лежал и смотрел вверх, и глаза его казались совсем погасшими. А против этого недуга бессильны были все лекарства и всё оборудование Ариги.

Он не знал, сколько пролежал так. Может, он дремал; может, был без сознания. Аэла не было. В лаборатории стояла полная тишина. Ив несколько секунд смотрел на потолок, потом, почувствовав чьё-то присутствие, повернул голову, и вздрогнул: возле него сидела... она? Он плохо видел её лицо; но волосы, линия плеч и спины, и особенное ощущение, ощущение её присутствия, были знакомыми. Заметив, что он открыл глаза и смотрит на неё, она нагнулась, прошептала:

— Всё хорошо. — И осторожно прикоснулась губами к его щеке. Он почувствовал запах корицы и мяты, сердце забилось сильно — сильно.

— Ты — мой бред? — Спросил он.

— Конечно. — Ответила она. — Как и то, что так мучает тебя. Всё было бредом. Всё — ложь.

— Но это могло быть. — Сказал он.

— Поэтому ты и увидел это. — Прошептала она, почти ка-

саясь губами его уха. – Это твой страх. Ты боишься этого больше всего на свете; разве нет?

– Но ты есть?

– Есть. – Ответила она. – Ты меня найдёшь.

– На Корте?

– Где-нибудь уж точно. Спи. – Горячая рука легла на лоб, он послушно закрыл глаза.... И вдруг, вздрогнув, широко раскрыл их, даже попытался приподняться. Ощущения были слишком реальны, он знал разницу между бредом и явью! Но никого не было. Лаборатория была пуста.

Видно, сработали какие-то датчики, потому, что почти сразу же вернулась Аэла. Сказала, войдя:

– Пахнет корицей. Что с тобой, Волк?

– Ничего. – Медленно ответил он, опускаясь назад. Что-то было не так. – Я хочу пить.

Безумно обрадовавшись, Аэла захлопотала вокруг него; он молча лежал и размышлял, пытаясь собраться и решить, бред это, или нет? Запах корицы оставила его гостья, или призрака гости по какой-то неведомой ассоциации породило его воображение из-за запаха корицы? Могло быть и так, и эдак, и поручиться за себя в таком состоянии он не мог.

Но с этого момента он начал поправляться. Призрак, даже если он был плодом его воображения, был прав: пока он не узнал наверняка, реальное ему вспомнилось событие, или же это был его страх, незачем было сходить с ума из-за этого. Ему так хотелось верить, что найти её – реально!.. Меро-

канцы не имели ничего против внебрачных связей, и смены спутников жизни, но его Каста гордилась своей верностью. У Волка была только одна подруга, и это было не законом, но более того – обычаем Касты, которым они гордились безмерно. Ив умер, не успев найти такую подругу. Может, виной тому было время, проводимое им в космосе – больше половины своей жизни он проводил там. У него была тайная симпатия, Таи Руэл; но она не обращала на него никакого внимания, и в любом случае у них ничего не было. Они даже были едва знакомы. Но женщины Старой Крови ему нравились. У него не было идеала, скорее, смутное его ощущение – он чувствовал, что узнает свою женщину, как только встретит её. И ёщё он знал, что она будет принадлежать к одному из Домероканских Высоких Домов – он сходил с ума от их холодной нежности, строгой красоты, особого, холодного, академического шарма. Даже у самых юных из них в глазах была бездна тысячелетий, из которой на Мерак пришли их предки, и его это повергало в трепет.

Она – и Ив это знал, хоть не помнил её лица, – была такой женщиной. Он видел внутренним взором её глаза, в которых были искры, были бесенята, дразнившие его, была бездна. Они были, как порыв ветра, как прыжок из тьмы, в них были все печали и все радости Вселенной. Они могли смеяться и могли обжигать; могли приласкать и могли убить. Он не мог это выдумать – она не была плодом его воображения. Она была реальна, она существовала где-то, если только его кош-

мар не был правдой; и он не мог забыть о том, что чувствовал, прикасаясь к ней. Это было...

И это будет! – Нашёптывала ему соль. – Это так легко! Не надо искать, отчаиваться, напрягаться. Всего-навсего раздобыть пол грана соли, и все мечты станут реальностью. Мутация происходит не сразу; один – два раза наркоманом его не сделают! И даже если сделают – какая разница? Сон лучше реальности, и какая разница ему ВО СНЕ, как выглядит его спящее тело? Он не нужен никому; он – офт, копия себя самого, бывший киборг – убийца, ожившая реликвия. Шен боится его; вся остальная Вселенная ненавидит. Зато соль даст ему всё: забвение, Мерак, любовь. Даже смерть – и её он хотел. Этот соблазн почти лишил его воли. Были моменты, когда он принял бы соль, если бы знал, где её взять. Теоретически, соль была у лорда Рэна, но о его смерти Ив уже знал. Значит, соль была у Шена. Часть его знала, что соль искушает и лжёт; но ему было так тяжело, что даже тень облегчения казалась желанной. Он думал о соли всё время, пока Аэла лечила его. Едва он смог подняться, как решил, что украдёт немного соли у Шена. Раз его не убила даже такая большая доза, то совсем маленькая не убьёт и подавно; разве нет? Он – офт, не человек.

Он сам не ожидал, насколько легко ему будет узнать, где может находиться соль у Шена, и проникнуть к нему. Но не ожидал он и того, что Шен будет поблизости и застанет его за этим занятием. Никогда в жизни не было ему так стыдно,

как в тот момент, когда он увидел Шена!

– Не переживай. – Неожиданно спокойно, и даже мягко сказал Шен. – Я знаю, что такое соль. Тот, кто раз её попробовал, душу продаст за вторую попытку. А ты столько вытерпел за последние недели. Я знал, что ты придёшь, и пустил тебя сам, но для того, чтобы ты не вздумал больше делать это. Ты мероканец; ты слишком хорош для этой дряни.

– Я хотел... – Ив запнулся. – Я действительно не могу устоять перед искущением. Сам не знаю: умереть или повторить то, с чего начинался мой сон?

– Рэн говорил мне: наслаждение великолепно, но быстро. За ним приходят кошмары, и они бесконечны.... Зачем это тебе?

– Я не знаю. – Тихо ответил Ив. – Зачем я вообще?

– Завтра мы будем на Въерре. Это самая большая станция в Известной Вселенной после Биафра, там можно недурно провести время. Хочешь посетить её?

– Хочу. – Подумав, ответил Ив.

– Осмотрись, познакомись с некоторыми сторонами теперешней жизни.... Это тебя развлечёт. Ты просто слишком давно в космосе, Волк.

– Спасибо. – Уже у выхода, повернувшись на миг, сказал Ив.

– Не за что. – Устало ответил Шен.

«Рьюкан», корабль Ва Вера, состыковался с Въеррой за

несколько минут до Ариги. Одновременно с ними Въерра приняла ещё добрый десяток кораблей и два киборга странников Биафра. Это действительно была уникальная станция, самая большая, мегаполис в открытом космосе, многоуровневый, расположенный в нескольких корпусах, соединённых между собой сложной системой переходов и шлюзов. Им пользовались все, кто путешествовал в космосе: Въерра находилась практически на одинаковом расстоянии от Биафра и многих планет Союза и Лиги. Ближе всего к Въерре – в пяти днях пути, – была Зевра, планета келтов; семь дней было до Корты, столько же – до Савалы, восемь – до Риох, девять – до Биафра; Кинтана и Биэла были в десяти днях пути. Здесь можно было, почти как на Биафра, пополнить запасы питьевой воды, добыть продукты, нанять нужного специалиста, купить что угодно, от новостей до клонов, отремонтировать и даже заказать корабль, и многое другое. Официально терминалы были свободны, но неофициально все они контролировались либо Союзом, либо Лигой. Въерра контролировалась Союзом; её хозяином всегда был кинтанианин, якобы порвавший гражданские связи с Кинтаной, но это делалось лишь для того, чтобы не провоцировать Лигу. Шена немного беспокоила смена хозяина. Он хорошо знал Вая Атта, нового хозяина Въерры, и был невысокого, если не сказать хуже, мнения о нём.

Вай происходил из богемной Средней Касты Артистов, но характер имел покруче, чем обычно ожидается от таких лю-

дей. Разведение декоративных растений, планирование садов и парков и постройка павильонов его не прельщали; как большинство кинтаниан Средних и Низких Каст, он мечтал о военной карьере, которая была для него закрыта. Л:вар давно научился играть на этой особенности кинтаниан, чтобы заманивать их к себе на Биэлу – благодаря своим мутациям, они были идеальными солдатами. Вай тоже в своё время попал в Лигу, но одумался, и бежал оттуда, взорвав напоследок целый терминал, где тренировался вместе с сотнями других новобранцев. Это лишило его глаза, создало определённую славу и в некоторой степени примирило с кипами – они простили его и сквозь пальцы смотрели на его существование на терминалах Союза. Шен знал его в то время, когда он поправлялся после ранения и искал средства, чтобы вставить себе глаз и отремонтировать некоторые повреждённые органы; знал он его и позже, когда Вай нашёл какую-то свою нишу и стал видной фигурой среди Странников. То, что он стал хозяином Въерры, доказывало, что он весьма преуспел и заслужил некоторое признание у кипов. Вообще-то, беря на себя командование терминалом, он сильно рисковал: вряд ли Л:вар забыл взорванный терминал и погибших рекрутов. Но лично Шена волновала не вражда Вая с Лигой, а его дружба с кипами. И он никогда не рискнул бы сунуться к нему, не будь у него, к счастью, достоверных сведений о таких делишках Вая, которые кипы не простят ему при любом раскладе, даже если он взорвёт всю Биэлу вместе с Рогатым. Но всё-

таки он не хотел, чтобы вся команда потянулась за ним...
Что-то его напрягало.

Порядка, нельзя было не признать, стало больше; Шен заметил это в первые же минуты пребывания здесь. На Въерре постоянно жили какие-то люди, какие-то гуманоиды, которые по разным причинам не могли вернуться на свои планеты; чума основательно подчистила их ряды, а Вай завершил чистку. Много стало охранников, кинтаниан и андроидов. Некоторые из кинтаниан так удачно подделывались под кипов, что разницу почувствовать было очень сложно. Пожалуй, их выдавали только глаза: кипы были увереннее в себе. Ну, и так нагло демонстрировать своё презрение никакой кип себе не позволил бы никогда, они были вежливы и корректны со всеми без исключения, умея оскорбить именно вежливостью, если только им хотелось того. Солдаты же Вая явно давали понять вновь прибывшим, кто они такие: третировали гуманоидов, презирали шхарианцев, облизывали кинтаниан и были нейтрально-вежливы с мероканцами, не смея затрагивать их, не смотря на неприязнь. Когда-то Каста Волков научила их уважать себя, и урока кинтаниане не забыли по сей день.

Странников Биафра теперь на Въерре встречали тоже по-другому. Команду Шена заставили пройти карантин, потом отняли оружие и всячески дали понять, что они – не то, что нормальные граждане Союза, и при малейшем нарушении Устава терминала будут выдворены прочь с волчьим би-

летом. И только после того, как команда Ариги достаточно усвоила эту мысль, двое кинтаниан проводили Шена к Ваю.

Шен уже сам не рад был, что сунулся сюда. Но отступать было некуда, да и навигатор был сильно нужен. Поэтому он без всяких возражений сдал охране оружие и один прошёл к Ваю.

Устроился тот удобно, даже роскошно; в его просторных и светлых апартаментах было всё, что только можно было себе пожелать. Шен отмечал все мелочи, так, на всякий случай. То, что Вай не предложил ему ни выпить, ни вымыть руки, его опять насторожило, и сильнее, чем прежде, но он решил подождать развития событий.

– Твои дела пошли в гору, Вай. – Сказал он, увидев хозяина. – Приятно видеть. Когда я расставался с тобой в последний раз, ты мечтал продать кому-нибудь почку, и твой искусственный глаз многих выводил из себя.

– Ты здорово помог мне тогда, Шейнан. Я это не забыл.

Он был красавчик. Как все его соотечественники, весь словно присыпанный золотистой пылью; это сияние, исходящее от всех кинтаниан, делало их похожими на эльфов. И нужно было иметь очень трезвую и независимую голову, и очень закалённое сердце, чтобы побороть невольную симпатию, общаясь с таким, как Вай. Но у Шена как раз и были такая голова и такое сердце. Он смотрел на Вая холодно и выжидающе, и чарующая улыбка последнего сменилась такой же холодной деловой гримасой.

- Я в каком-то смысле твой должник, Шейнан.
- Не стоит. Я поступил так не ради тебя. Сейчас я хотел бы видеть твоего навигатора и говорить с ним.
- А что с Рэном?
- Соль добила его.
- Ах, даже так. Всегда жаль, если это случается с хорошими людьми.

Шен промолчал. Вай пожал плечами, снова чарующе улыбнулся, произнёс подкупдающе:

- У меня есть для тебя отличный навигатор, лучший из возможных. Сейчас мы его увидим. Но сначала окажи мне честь, выпей моего вина.

Шен отказать не мог – по этикету это означало бы вызов хозяину, – но сам Вай с ним не пил, и это всё больше не нравилось барону Ариги. Едва он осушил бокал, как Вай стремительно поднялся и сказал:

- Ну, так идём.... Посмотрим на нового члена твоей знаменитой команды.

Через несколько минут он завёл Шена в одну из секретных лабораторий Вьеरры и гордо сказал:

- Вот он, твой навигатор. Лучше не бывает! Срок годности, правда, ограничен, но отдача во время эксплуатации абсолютная. Нравится?

Глава четвёртая
Корабль – призрак.

Неизвестно, почему, но Анна вдруг решила, что до сей поры ей слишком везло, и нужно проявить осторожность. Интуиция уже столько раз выручала её, и она так привыкла верить ей, что занервничала, ещё ничего опасного или странного не заметив на маленьком терминале, последней её остановке перед Кортой. Этот терминал посещали только люди, путешествующие, в основном, с Раббе на Корту. Всё было очень мирно, почти, как в земных залах ожидания: люди, немного странные, но и только. Народу было совсем мало: Анна увидела несколько кинтаниан Низких Каст, экзотических, через чур отличающихся от других людей, бардиан, тоже несколько, даже с парочкой детей; раббиан, на фоне высоких кинтаниан казавшихся совсем карликами. Все они обратили внимание на одинокую мероканку, но не особенно пристальное. Мероканцев Анна пока не увидела. Не заказывая себе ничего, она велела Ликаону ждать себя в корабле, а сама, пока корабль заправлялся энергией, зашла в кабину и отправила на Корту, судье Зиле Таш, послание, составленное Рокелом. Здесь уже было достаточно близко для такого послания, и судья Таш должна была получить его через три часа.

Дожидаться шесть часов ответа Анна здесь не собиралась. Если всё пойдёт, как надо, она сама через двое суток с небольшим будет на Корте. Эта мысль, как и всегда, взволновала её. Стоя перед панелью, на которой видно было, как

заряжается её корабль, Анна снова думала о том, как прилетит в мир, который должен стать ей родным, если ей повезёт. В это трудно было поверить, и страшно было немногого – как встретят её, инопланетянку, её новые соотечественники? Всякая, даже самая невинная ложь исключалась, и трудно было надеяться, что ей удастся что-то скрыть, просто избегая вопросов и разговоров. Но всё-таки, предвкушение было приятным. Всё-таки, она летит на самую удивительную из планет Известной Вселенной, где Кайнозойская эра совпала с развитой цивилизацией, и реликтовые гиганты бродят по равнинам, где проложены рельсы и над которыми летают космические корабли. Замечавшись, Анна воображала себя зоологом, который изучает в диких кайнозойских джунглях, скажем, ископаемого носорога… или пещерного медведя? – и чуть не забыла, что нужно иногда посматривать по сторонам. Шума в кабине не было слышно, поэтому суматоху возле одного из шлюзов она заметила чисто случайно, повернув голову в ту сторону. Несколько молодых кортиан поспорили с риполианами. Вот уж кого Анна совершенно не ожидала здесь увидеть! Она мгновенно вспомнила того мужчину, Шейнана, который не мог не догадаться, кто она такая. Значит, он кому-то сообщил о ней! Это была не очень умная мысль, но единственная, которая пришла ей в этот момент в голову. Она не испытывала ни малейшего желания остаться здесь и посмотреть, чем закончится ссора кортиан и риполиан. Нервно оглянувшись, она покинула кабину и, стараясь

не торопиться, пошла к лифту, не очень пока понимая, что будет делать. Шум у шлюза нарастал, и Анна сильно хотела прибавить шагу, но сдерживала свой порыв до последнего момента, пока не увидела, что лифт открывается. Через миг она увидела молодого кинтанианского лорда, который готовился выйти, но замер, увидев её, и то, что было позади. Молниеносно выхватил широкие кинтанианские клинки. Кто-то схватил Анну за плечи и прямо-таки влетел с нею в лифт, который тут же закрылся и полетел наверх.

— Мы не нарочно, кама. — Произнёс кто-то позади неё по мерокански. Она обернулась, и на миг потеряла дар речи. Перед нею стоял самый красивый мероканец, какой только мог привидеться в самой сладкой мечте. Светлые, пепельные волосы были голубоватого оттенка, глаза — почти фиолетовые, тёмные; кожа смуглая. Он был Средней Касты, Логик — Анна уже научилась узнавать, — возможно, из Дины.

— Мы встречались? — Спросил он, заметив, как она смотрит на него.

— Вы из Дины? — Спросила она в ответ. Он улыбнулся, не разжимая губ, ответил:

— Конечно. Жаль, что вы из-за нас попали в такую пердрягу, кама. Вы одна здесь?

— Да.

— Уже легче, но всё равно жаль. Меня зовут Рон Леа, возможно, вы слышали обо мне? А это лорд Корин, полагаю, вы знаете.

Анна не успела придумать подходящего ответа, когда лорд Корин возразил:

— Я не столь уж знаменит, вдобавок, заочное знакомство не считается. Я племянник Наместника Корты, лорда Кора, кама...

— Анна. — Обречённо ответила она. Они молчали — ждали, когда она назовёт свой Дом. Она тоже молчала, не в силах произнести «Мессейс».

— Как видите, — прервал молчание лорд Корин, — по нашу душу прибыли риполиане, на целом киборге Лиги. Мы здорово встряли, и так вышло, что и вы тоже.

— Так это за вами! — Воскликнула Анна и запнулась, почувствовав, как вспыхнули уши. А за кем?! «Вот дура! — за поздало выругала она себя под их внимательными взглядами. — Не за тобой же, невинной жительницей кортианской глубинки!»

— На этот раз за нами. — Мягко произнёс Рон Леа.

Ив, опекаемый на Въерре Аэла и Моанной, без особого восторга любовался миром далёкого будущего. Всё переменилось: люди, одежда, голоса, языки. Дизайн, мода, манеры. То, что было стильно и круто в его время, теперь показалось бы в лучшем случае старомодно и наивно. Порой проскальзывали моменты, практически неотличимые, и в то же время другие. Иву было интересно, но не более того. Он никогда не мечтал покинуть ни планету свою, ни своё время. Его заста-

вили это сделать способом, который вызывал у него отвращение и ненависть; он не дожил свою жизнь, не успел ничего добиться, а теперь у него уже не было шанса. Теперь перед ним было чужое время, где всё следовало начать сначала, и иначе, чем он когда-то хотел и планировал.

Он видел группу молодых мероканских Военных, и не мог отвести от них глаз, с жадностью слушая отголоски их разговора, пока Аэла почти насильно не увлекла его прочь. Не сразу он повернулся к ней, а повернувшись, застыл и утратил дар речи: по нижнему залу шла Она.

Ив узнал её мгновенно, узнал линии и движения тела. Всё его существо откликнулось на это движение, словно она позвала его вслух; он подался в её сторону, не веря ещё своему счастью, но уже зная, что это она, ещё до того, как она повернула голову. Она была в незнакомой чёрной одежде, смахивающей на форменную; платиновые волосы собраны в простой хвост. Она целеустремлённо шла по залу к какому-то шлюзу; но на миг повернулась, словно для того, чтобы он лучше рассмотрел её. Он увидел чёткий прекрасный профиль, словно вырезанный из кости, усталые большие глаза, длинные изогнутые ресницы, красный рот. Ив едва не задохнулся от счастья. Она была жива, и с нею мир вновь ожил для Ива, наполнился счастьем и любовью. Наверное, пытаясь заговорить с нею было нелепо, опасно, но она владела не только его сердцем, она владела его прошлым. Забыв в один миг о всякой осторожности, Ив бросился к лестнице, едущей

вниз, пытаясь не потерять её в толпе, пока спускается, расталкивая людей и неизбежно привлекая к себе внимание.

Естественно, не уследил. Пока проталкивался уже внизу сквозь толпу юных и шкодливых кортиан, она уже исчезла. Возле шлюза никого не было, понять, какой корабль был за этим шлюзом, Ив не мог. Оглянулся в поисках существа, объяснившего бы ему значение символов на табло, и внезапно встретился глазами с высокой кудрявой мероканкой Военной касты. Растроился – она смотрела на него так, словно узнала. Девушка, кажется, тоже растроилась; но быстро пришла в себя. Ив не шевельнулся, когда она двинулась в его сторону – он не мог бежать от мероканцев. Но наконец-то его догнали Моанна и Аэла, и потащили прочь, чтобы скорее смеяться с толпой. Ив не сопротивлялся, но перед глазами стояла эта мероканка, на открытом плече которой он успел увидеть татуировку Бегущего волка.

С третьего яруса он, не слушая упрёков своих дам, снова посмотрел вниз, отыскивая взглядом бегущую Волчицу. Она что-то возбуждённо говорила группе других мероканцев и показывала в ту сторону, куда он ушёл.

– Ты что, издеваешься? – Спросил Шен. Его обычно безмятежное лицо исказилось от гнева. Вай откровенно – издевательски ухмылялся на этот гнев:

– А что тебя не устраивает? Или ты не знал о таких навигаторах? Ты заказал мне товар, я предоставил его тебе. Я по-

нёс расходы, рисковал. Ты хочешь сорвать мне сделку? Намерен нарушить договор?!

— Я заказывал навигатора, Вай! Навигатора, нормального человека, мужчину или женщину, но не отправленного солью полуумного, у которого через месяц сгорят мозги!

— Купишь нового. — Продолжал издеваться Вай. — Это недорого; дешевле, чем содержать мужчину или женщину. И что значит: «нормального человека»? Чем этот тебе ненормален? Мы это не обговаривали!

Так разговаривая с ним, Вай не мог не понимать, что приобретает себе серьёзного врага. Все, кого это касалось, знали, что насмехаться над бароном Ариги нельзя. Стало быть, Вай уверен в своей безопасности и в безвыходности положения самого Шена.

— Я не возьму его. — Сказал Шен.

— Ты возьмёшь его! — Перестал улыбаться Вай. — Ты возьмёшь его, оформив сделку, как подобает, или на Биафра тебя и близко не подпустят.

— Подпустят. На Биафра свои правила; скорее всего, туда не подпустят тебя, так как условия сделки нарушаешь ты. Ты знал, что я его не возьму. Хочешь подставить меня, а, Вай?

— Возьмёшь. — Повторил Вай. — Только в таком случае твоя команда сможет вернуться на Аригу и улететь. Ты, естественно, останешься. Кипы заберут тебя за торговлю живым товаром, упятут на далёкий терминал, и все будут счастливы.

- Вот какой ценой ты стал хозяином Въерры, да, Вай?
- Это не твоё дело.
- Моя команда умеет постоять за себя. Я им не нянька. И сделку с тобой я заключать не стану.
- У тебя нет выбора. – Вай больше не улыбался. – Так, или иначе, но повод забрать тебя у кипов будет. Они скоро уже будут здесь. Не усложняй всем жизнь.
- Что ж. – Шен улыбнулся, но очень не хорошо. – Выполняй свою задачу, красавчик.

В условленный срок команда Ариги собралась в приёминике перед шлюзом своего корабля. Шхарианцы бурно обменивались впечатлениями с Г'упрой; Ста купила новую игрушку и демонстративно углубилась в неё – она смертельно обиделась на Аэла за то, что та оттеснила её от Ива; кинтаниане выглядели самыми недовольными, более того, полирам Нер не скрывал тревоги.

– Всё не так! – Ответил он на вежливый вопрос Аэла. – Почему Шен заключает сделку с навигатором без меня? И где он по сию пору, интересно мне?

- Алахи имели грубую наглость в отношении нас. – Отчётливо произнесла Моанна. – Вы могли это ощутить тоже.
- Некоторые изменения замечены были. – Признала Аэла. – Им в оправдание скажу: хозяин сменился.
- А что ты скажешь в оправдание тому, что наш лифт давно проехал шлюзы и шпарит неизвестно, куда? – Резко спро-

сил Ра, и все встрепенулись, только теперь осознав этот факт.

– Я не могу это оправдать. – Зачем-то растерянно произнесла Аэла. – А вы?

– И Шен имеет задержку. – Сказала Моанна, и вот теперь не осталось сомнений, что происходит что-то нехорошее. Лифт не останавливался; по неписаному закону Въерры все были безоружны.

– Маре сожри эти традиции! – Озвучил общую мысль Ра. – Хоть какое-то оружие, хоть ножичек бы!

– Люди! – Насмешливо фыркнула Аша. – Вам бы пищать да жаловаться!

– Есть предложения? – Огрызнулся Ра. Аша зашипела на него, и начала извлекать из тайников собственной, обысканной охранниками, персоны оружие: три ножа, два кастета, шокер, лазерную гарроту, метатель игл... Ра оживился, любовно огладил доставшиеся ему ножи; остальные, обнадёженные, потянулись к Агой. Арсенал Аши казался неисчерпаемым: средствами самозащиты и нападения она оделила всех. Стая в это время запустила в воздух крохотного «жучка», вставила в ухо передатчик и достала маленькую удобную планшетку. Жучок поболтался в воздухе, прошелестел по стенам, и вдруг исчез, словно растворился в стене. Стая сосредоточилась на планшетке, над которой прямо в воздухе возникла крохотная копия лифта с фигурками внутри. Переплетение цветных линий, из которых были сотканы фигурки, при желании можно было расшифровать: структура тканей,

температура тел... чётко просматривались металлические детали, светились магнитные пластины внутри космических ботинок. Лифт стремительно обрастал деталями: шахта, этажи, коммуникации, траектория движения, конечный пункт. Фигуры: один человек и шесть андроидов; их оружие; поддержка со стороны систем слежения и защиты. Тонкие пальчики Сты с вращеными в них контактами, выдвигающимися, как кошачьи когти, двигались с непостижимым проворством. Слегка нахмурив брови, она заняласьнейтрализацией систем слежения; члены команды, вплотную столпившись возле неё, разглядывали своих потенциальных противников. Кмоль создавал защитный щит на случай, если стрельба начнётся сразу; Ра и Аша создавали план атаки. Ясно было, что в подобную ситуацию команда попадает не впервые, и каждый знает, что делать, без приказов и объяснений. Ив, как часть этой команды, вооружился ножом и гарротой. Он никогда прежде не думал, что ему придётся драться с кинтанианином насмерть, но выбора не было. Лифт остановился, и сразу же произошло множество вещей: крохотными искорками брызнула и рассыпалась голограмма Сты, распахнулись двери, полыхнули залпы лазерных пистолетов, поглощённые поставленной защитой, и Аша бросилась в атаку.

Кожа рептилии оказалась нечувствительной к слабым разрядам оружия, допустимого внутри космических объектов, благодаря чему Аша, пробив защиту, на необходимые доли секунды заслонила собою остальных и справилась с бли-

жайшими андроидами, одному оторвав голову, а другому вырвав горло любовно заточенными для этих целей когтями. Ра, прыгнув вперёд и стремительно крутанувшись на одной ноге, другой снёс голову ещё одному андроиду; человек стал противником Ива. Уйдя от мощной, но слишком прямолинейной атаки, Ив пропустил его немного вперёд и сзади, единым молниеносным движением, свалил замертво. Всё произошло в считанные мгновения. Когда Ив повернулся, всё было кончено, они были в коридоре одни. Передышку команда использовала для короткого совещания. Ра настаивал на том, что нужно вытаскивать Шена; Ста предлагала прорваться на Аригу и оттуда захватить контроль над всем терминалом; шхарианцы горели жаждой мести и наживы. Но, по давней договорённости, в отсутствие Шена власть переходила к Моанне, которая быстро навела порядок. За Шеном она отпускала Г'упру, Ива и Ашу; Ра должен был прикрывать отход остальной команды. Ста должна была установить контроль над всей транспортной системой Въерры, над шлюзами и средствами слежения; судя по самоуверенному виду Сты, она не считала эту задачу непосильной для себя. Она же, по возможности, должна была облегчить поиск Шена. Моанна предупредила Г'упру, что помогать им Арига будет именно по возможности; то есть, рассчитывать они будут только на себя. И в этом была своя логика: если сейчас Арига сможет вырваться и уйти, то над Ваем повиснет угроза мести и остракизма со стороны остальных Странников Биа-

фра, чего он должен был бояться, как огня. Оставляя Шена здесь, Моанна помогала ему вернее, чем рискуя командой и кораблём.

Ста снова развернула схему терминала, по переплетениям коридоров, переходов и шлюзов которого зелёной нитью протягивался маршрут команды. Г'упра должен был искать дорогу сам, но, поддерживая связь со Ста, мог рассчитывать на помошь при разблокировке дверей и открытии шлюзов. И трёх минут не прошло, как они разошлись: Моанна повела своих в одну сторону, Г'упра – в другую.

– Послушайте! – Взмолился маленький коричневый бардианин, когда лорд Корин с Роном Леа и Анной представал перед ним с просьбой о помощи. – Мне не нужны неприятности! Там, снаружи, риполианский киборг Мандра с четырьмя боевыми Крыльями на борту; если я откажусь вас выдать, они же меня взорвут!

– Если тебя не взорвут риполиане, то взорвут кипы за то, что выдал нас. – Возразил лорд Корин. Бардианин не сдался:

– Кипы накажут одного меня. Терминал-то уцелеет!

– Это делает тебе честь. Но нам помочь ты обязан. Я, и кхем Леа, мы имеем сведения настолько важные для всего Союза, что они могут поспорить в своей важности с важностью этого терминала. И потом, мы не собираемся тебя представлять. Выпусти нас в космос, а там ты уже за нас не отвечаешь, ни перед Союзом, ни перед Лигой.

- На чём вы вылетите? Они заблокировали ваш корабль.
- У меня есть корабль, и его никто не блокировал. – Напомнила Анна. – И истребитель на борту, класса «Биэла». Так что шансы есть.
- Выпусти нас. – Сказал лорд Корин. – Выпусти нас, а их немного придержи; совсем немного, и останешься цел и сейчас, и потом.
- Хорошо. – Страдая, согласился бардианин. – Сорок минут вам хватит; я включу аварийное питание в девятнадцатом секторе и отключу два вентилятора, когда вы будете их проходить. Вы же не подставите меня, ведь правда же?
- Не подставим, Лысенский, не волнуйся. – Впервые подал голос Рон Леа.
- «Биэла», вот как? – Уже в коридоре заметил лорд Корин. – Элитная штучка. Не слышал, чтобы на Корте был хоть один такой.
- Теперь будет. – Пожала плечами Анна. – Это военный трофей; правда, не захвачен, а скорее украден, как и сам корабль. Подробности я расскажу на Корте, Совету Общины.
- Понятно. – Совсем по-человечески произнёс Корин, так, как говорят, когда не поняли ничего, но подозревают многое. Очень не понравилось Анне, как он это сказал! Но прояснить ситуацию было некогда. Терминал Лысенского был маленьким в масштабах космоса, но никак не по факту. За сорок минут им предстояло преодолеть огромное расстояние, и всё по мало приспособленным для передвижения

людей местам.

– Мне очень жаль, дорогая кама, что вам пришлось рисковать с нами вместе. – Говорил на ходу лорд Корин. – Я должен вам сказать честно, что от киборга Лиги мы уйдём вряд ли, даже на вашем корабле. Так получилось; и надеяться, что этот терминал отобьётся от киборга вроде Мандры, не приходится. Мы бежим с терминала потому, что наши воспоминания и теперешние знания ни в коем случае не должны достаться Лиге. В космосе нас ждёт только гибель, а на терминале мы рискуем не избежать плена. А так как вы оказались здесь, и какое-то время общались с нами...

– Я понимаю. – Перебила его Анна. – Но разве диар не может немного сравнять шансы?

– Диар? – Переспросил Корин. – Не понимаю...

– Где вы тренировались? – Спросил Рон Леа.

– В космосе.

– На каком-то терминале?

– Вроде того. – Анна поняла, что сейчас она отвертится, но если им повезёт, и они окажутся в безопасности, ей придётся отвечать на многие вопросы. И не мероканцам, а кипам... Чего они любой ценой хотели избежать.

«Вот и влипла-таки». – Подумала с тоской. Почему ей так не повезло?!

После шестнадцатого уровня Анна потеряла им счёт. Они спускались в служебные недра терминала, к самым шлюзам. Структуру терминала Анна представляла себе слабо, поэто-

му полностью положилась на своих спутников, которые уверенно двигались вперёд, где быстрым шагом, где бегом, если позволяло покрытие пола. Космические ботинки грохотали так тяжело и громко, что не верилось в скрытность их передвижения. Лорд Корин шёл впереди, за ним Анна. Позади – Рон Леа. Миновали первый вентилятор – целый тоннель, – и едва покинули его, как он заработал, со свистом перегоняя через себя воздух. Лорд Корин проверил время и предложил ускорить шаг. До следующего вентилятора бежали бегом; миновали его с небольшим запасом и очутились, наконец, в ангаре терминала, на самом его дне. Высоко вверху они видели днища двух кораблей, хотя слово «днище» плохо подходило для нижней части этих сооружений. Корабль Анны, способный летать в атмосфере и приземляться на планету, выглядел всё-таки немного гляже, нежели монстр рядом, летающий только в вакууме; он выглядел, словно кое-как слепленные вместе детали детского конструктора. Неровные поверхности, изглоданные вечным холодом звёздных пространств, казались хрупкими, но Анна знала, что прочнее этих биохимических сплавов нет ничего. Всё это висело над самым нижним уровнем терминала, где теперь находились трое беглецов, примерно на высоте седьмого этажа, и Анна заробела, прикинув, сколько им придётся подниматься к своему кораблю. Она всегда боялась высоты.

– Пока что нам везёт. – Сказал лорд Корин. – Если звёзды сегодня благоволят нам, будет везти и дальше. – И сунул ла-

зерный пистолет в гнездо на поясе. Рон Леа подмигнул Анне, протянул какой-то стержень, сказал:

— Мне кажется, вам это будет интересно. — И первым полез вверх.

Очутившись в корабле, Анна поручила своих неожиданных попутчиков Ликаону, а сама бросилась к истребителю. Корабль выходил из приёмника терминала, и Анна готова была покинуть его, как только они окажутся в космосе. Противником её была Мандра, уже знакомый Анне киборг предпоследнего поколения, управляемый, по словам лорда Корина, самым знаменитым риполианским пилотом и воином; его киборг был не менее знаменит, чем он сам. Анна помнила его по тренажёру, сражаться с Мандрай было сложнее всего. Но она не единожды взрывала её в имитаторе, и потому совершенно не боялась.

Это был первый настоящий бой Анны, но всё было в точности, как в имитаторе, и она не чувствовала разницы. Над маленьким пыльно-оранжевым спутником, вокруг которого вращался терминал, нависал неполный туманный диск газового гиганта, на фоне которого отчётливо виднелись энергостановки и изящная сигара киборга, опутанная щитками, лабиринтами обманных систем, энергонакопителей и щитов. Мандра была гораздо красивее Грита, слишком огромного и почти бесформенного; сейчас она грациозно разворачивалась от терминала навстречу неожиданному противнику.

нику в линейном корабле, совершенно игнорируя одинокий глупый истребитель. Анна направила истребитель в сторону станции, сделала обманный манёвр, словно собираясь атаковать энергонакопители, чтобы помочь своему кораблю – что, кстати, было бы не лишним, – и вынудила-таки капитана Мандры обратить на себя внимание. Когда пошло искажение, свидетельствующее, что Мандра собирается выпустить боевые машины и снимает защиту, Анна устремилась прямо к ней с опасной скоростью диара.

И даже тогда капитан Мандры не заподозрил неладное. Нисколько не встревоженная, Мандра открыла огонь по маневрирующему кораблю, а через несколько минут реагировать было поздно: Анна поразила цель.

Ослепла не только Мандра – ослепли и все, кто находился внутри неё. Погасли все проецирующие экраны, стали чёрными стены крипта, исчезла голограмма боя. Едва Мандра ослепла, как впала в обычную для киборга в таких обстоятельствах панику. Она начала палить во все стороны без разбора, и вынудила терминал вступить в бой. Лишённый маневренности, терминал, тем не менее, обладал огромной боевой мощью, и прямое попадание его боевых установок могло уничтожить киборга в считанные минуты. Ослепшая Мандра оказалась в большой опасности, и её капитан выпустил боевые Крылья, чтобы сделать их своими глазами, оценить обстановку и отбиться от противника. Увлёкшаяся Анна оказалась отрезанной от своего корабля, но это её

не встревожило. Скорее, обрадовало. Она сильно опасалась необходимых и неизбежных объяснений с кипами; оставаясь вне корабля, она, по её мнению, не слишком рисковала: отобьётся, вернётся на терминал, дождётся прихода мероканских военных кораблей, которые наверняка придут на помочь терминалу, ведь Корта отсюда ближе всего, и с ними попадёт в Луану. Анна была уверена, что рассудила правильно. И в ответ на призыв лорда Корина ответила бодро:

— Вызовите помошь и летите на Корту, я справлюсь! Ли-каон, лети на Корту, это мой приказ! И постараитесь добраться туда, куда мы собирались; и сделать то, ради чего всё это было затяжно, если я по какой-то причине задержусь. Не беспокойтесь за меня! — И она с неоправданной лихостью врезалась в боевое Крыло риполиан, разбила его пополам и ринулась в сторону спутника. Естественно, риполиане бросились за ней, посчитав одинокого пилота, хоть бы и диара, лёгкой добычей. Злые за свой корабль, и повинуясь неписаному закону этой войны: уничтожать вражеских пилотов — асов при любом удобном случае, — риполиане доставили Анне множество неприятных минут. Её спасло только лётное мастерство, на семьдесят процентов основанное на интуиции. Гуманоиды не в силах были предугадать её манёвры или осмелиться на то, на что осмеливалась она; и один за другим взрывались в каньонах безымянного спутника. Лорд Корин прокричал в передатчик, что они вызвали подмогу и уходят в гипер, и отключил связь. Анна, запутав в ущельях двух последних

своих преследователей, затаилась между камней, выключив антигравитатор и сбросив боевой избыток энергии. Это сделало её невидимой для любых средств слежения. Тихо, как мышка, она сидела в кабине своего истребителя и смотрела, как в серых небесах рыщет риполианская машина, то спускаясь к самым камням, то взмывая вверх и подолгу застывая на одном месте. Всё это было бы забавно, если бы не ощущение полной глухоты. Она не знала, что происходит в космосе, но что-то начинало сильно беспокоить её. Подмога не могла подойти так рано, но оба риполианских истребителя одновременно, словно повинуясь какому-то зову, прынули вбок, и ушли в космос. Это могла быть ловушка, и Анна колебалась, когда совсем рядом кто-то тихо, но отчётливо позвал её:

– Анна!

Она вздрогнула так, что качнулась чувствительная машина.

– Что? – Спросила растерянно. В кабине никого не было, но на миг ей почудилась тёмная фигура на безжизненных камнях каньона. Фигура указывала вверх. Не раздумывая больше, Анна послала истребитель в небо. Включила связь – тишина стала угнетать её, – и услышала переговоры киборга и пилотов. Языка она не понимала, а клипсу сняла, но в голосах гуманоидов слышалась неподдельная паника. Анна, хоть и не понимала ещё причины этой паники, сама почти поддалась ей. Ощущение опасности стало невыносимым. И тут во второй раз уже ставший знакомым голос тихо оклик-

нул её:

– Анна!

Терминал Въерра был образованием не просто большим – гигантским. Он создавался не один год, и не одно поколение живых существ монтировало и строило его. В результате следующих одна за другой в последние несколько лет эпидемий, поломок и смен власти не все уровни содержались в идеальном порядке. Ничего подобного неконтролируемым трущобам старых фантастических фильмов Земли здесь, конечно, не было, но безлюдные помещения, где можно было скрыться от любых средств слежения, здесь имелись. Г'упра, кладезь знаний всяческого рода, знал и эти помещения, и увёл своих спутников на такой уровень, чтобы сориентироваться и составить план.

– Шен где-то на двадцатом уровне. – Говорил он. – Он самый надёжный в смысле защиты и безопасности. Нам туда ни за что не прорваться, если не придумаем что-нибудь поистине гениальное...

– Как насчёт того, чтобы просто подняться в лифте и войти? – Фыркнула Аша. Г'упра восхищённо уставился на неё:

– Это самый гениальный план, какой я только слышал за свою длинную двадцатипятилетнюю жизнь!

Намерения Аши были просты до идиотизма, но именно потому это должно было сработать. Агой до сих пор прибегали в своей войне террора к таким идиотически простым

решениям, которые неизменно срабатывали там, где давно позабыли о простых вещах. Наплевав на штучки Ст, Аша вырвалась в коридор двадцатого уровня с шумом, в споне искр, и буквально оторвала голову первому же охраннику, а второму – вырвала внутренности ударом когтей. Варварская жестокость этих убийств тут же сломала кинтаниан, обученных скорее выводить из строя, нежели убивать. Начались паника и беспорядочная драка на поражение, во время которой Ив и Г'упра быстро завладели более совершенным оружием охраны. Когда Аша захватила пленного, он ни секунды не строил из себя героя: тут же выложил, где находится Вай и где может быть Шен.

А Шен не дожил бы до сегодняшнего дня, и не был бы тем, кем он был, если бы сам не умел выходить из подобных ситуаций. Он не верил, что Вай отпустит его команду, и не строил иллюзий по поводу его благородства. Возможно, кто-то из них погибнет. Жаль, конечно, но все они взрослые люди и умеют постоять за себя. А он намерен был выбраться, и имел для этого кое-что в рукаве.

А ведь такой крутой парень, как Вай, должен был бы знать, что в Известной Вселенной уже появились всякие фишки на такой случай! Скромному, на первый взгляд, костюму Шена люто позавидовал бы сам земной агент 007! Шен и жив был по сей день потому, что никогда не жалел средств и не боялся иметь дело с такими опасными существами, как Шитаха,

чтобы становиться обладателем таких штучек с опережением остальных Странников хотя бы на год. Вай отобрал у него оружие, но раздеть не догадался; теперь, небось, кусал локти. Потому, что Шен с лёгкостью фокусника избавился от магнитных наручников, разблокировал достаточно хитрый замок и сделался невидимым для боевых охранных устройств. На мониторах слежения его могли лицезреть, сколько угодно, но датчики боевых устройств на него не реагировали. Шен отлично знал Въерру, и уверенно передвигался по коридорам двадцатого уровня, то и дело меняя направление, чтобы не быть перехваченным. Он искал Вая. Свойственная всем двойникам Лавайра Мессейс мстительность наполняла его холодным бешенством и требовала утоления. Этот подонок посмел стоять и ухмыляться ему в глаза! Если он ещё успеет похвастаться этим кому-нибудь, Шен не сможет смыть подобный позор даже кровью Вая. Бешенство, переполнявшее его, придало сил и энергии его телу, сделало его во сто крат опаснее, чем обычно, и стало гарантом достижения цели. Шену не нужно было тратить время на поиски – он чувствовал своего врага, как авр или пайп, и, петляя, неизбежно приближался к нему.

Охраны Вая – трех андроидов и одного человека, – оказалось недостаточно для того, чтобы задержать барона Ариги. В своих апартаментах Вай воспользоваться опасным оружием не посмел, понадеялся на своё боевое искусство, но Шен с ним в драку вступать не собирался. Сделав роскошный вы-

пад, Вай наткнулся на искусственную защиту Шена и рухнул, парализованный. Шен рывком поднял его, швырнул на умывальник:

– Не хочешь снова ухмыльнуться мне, Одноглазый?!

Елеем пролился на гордость ужас в единственном глазу Вая. Шен взял его за душистые ухоженные волосы, поднял голову над умывальником:

– Это последнее, что видит твой живой глаз, кинтанианин. За насмешки надо мной нужно платить!

Парализованный Вай кричать не мог, но Шен ощущил этот вопль всей кожей, вырывая ему последний глаз. Сунул его в бокал с вином, поставил на видное место посреди апартаментов, и направился к выходу, где столкнулся с Г'упрой и Ивом.

– Барон!!! – Завопил кортианин, бросаясь к нему в исключительном восторге. Шен остановил его:

– Потом обнимемся. Команда? Арига?

– Ушли. Ставь...

– Пусть улетают. Выберемся сами. – Шен поймал взгляд Ива, брошенный на окровавленное лицо Вая:

– Жалеешь??

– Только тебя. – Сказал Ив. – Ты же мероканец.

– А это? – Шен указал на татуировку.

– Это... – Ив смеялся. Вспомнил мечты о мести и способы, которыми в своём воображении наказывал Лавайра. Шен усмехнулся, отворачиваясь.

Зато Аша была в восторге. Увидев Вая и его глаз, она произнесла довольно:

– Шах, барон! Для женщины Агой честь быть твоим рыцарем! – И сделала жест почтения и службы.

– Скорее, Волк. – Сказал Шен. – Сюда летят кипы, и нам обоим не следует встречаться с ними.

На таком большом терминале, как Вьеrra, где постоянно жили, и постоянно прибывали и убывали сотни разумных существ, подобное намерение вполне реально было осуществить. Вырвавшись на уровня приёмников и больших распределительных залов, Шен и его спутники решили, что самое трудное уже позади, но недооценили надобность Вая в Шене. Кто его знает, что грозило ему в случае, если он упустит барона Ариги, но видно, что-то более страшное, чем вырванный глаз, потому, что Вай решился на беспрецедентные меры. Оправившись и понимая, что время потеряно, он приказал изменить полярность в одном из стволов основы – то есть, сделал то, за что в своё время была осуждена Ст. На какое-то время в приёмниках воцарился хаос; у людей в буквальном смысле этого слова пол уходил из-под ног. У раббиан стали лопаться сосуды, у многих стало плохо с сердцем. Началась паника. В этом хаосе нормальным казалось присутствие большого количества боевиков – кинтаниан, шхарианцев и андроидов. Вай объявил, что на Вьеrrе произошла диверсия, заявил, что среди посетителей присутствуют

террористы Агой, которым помогает барон Ариги, после чего Шен, которого сопровождала Аша, мгновенно оказался в центре внимания. Все лифты были заблокированы, через каждые две минуты повторялось сообщение, что оказывающие сопротивление будут подвергнуты чрезвычайному воздействию независимо от расы и статуса. Началась облава, и тут совпало множество факторов, способствующих тому, что в итоге произошло. Не последнюю роль сыграло стремление мероканцев во что бы то ни стало разыскать своего родственника и неожиданная встреча Ива с Ва – зная, что он на Въерре, она предположила, что на самом деле идёт облава на него, и бросилась на поиски. Так же на Въерре (хоть Вай этого и не знал), на самом деле в этот момент присутствовали боевики Агой, с намерением именно сегодня устроить здесь теракт; естественно, они решили, что облава устроена на них. Паника и тревога подвигли всех вышеперечисленных на отчаянные действия, что чрезвычайно затруднило всем действующим лицам достижение своих целей: Шену – проникнуть в шлюзы, на какой-нибудь уходящий корабль; мероканцам – найти своего блудного родича; Агой – совершить задуманное; Ваю – поймать Шена. Пока Арига не покинула приёмник, Ста успела разблокировать шлюзы и лифты, и началось хаотичное передвижение всех и вся куда попало, лишь бы вырваться или, наконец, найти искомое. Некоторые личности, отношения к основной истории вообще не имеющие, тоже ринулись по своим делам, в частности, надеясь что-ни-

будь выгадать или урвать, усугубляя хаос. И тогда Вай объявил повальная облаву, и приказал использовать бластеры.

Шен со своими к этому моменту был уже в распределителе, и углядел какого-то капитана Биафра, чем-то обязанного ему. Они начали пробиваться в его сторону, решив, что основные проблемы уже позади, когда в распределителе раздался рёв бластеров и крики сгорающих заживо людей и гуманоидов. Стрельба велась от нескольких лифтов сразу; люди метались под огнём, сбивая и топча друг друга. Эта паника, огонь, крики что-то разбудили в Иве, что-то пережитое прежде, но очень надёжно забытое. На какие-то минуты он стал совсем другим существом; а так как его возможности на самом деле далеко превосходили возможности обычных людей, то он, под прикрытием не боявшейся огня Аши, быстро очутился возле ближайшего лифта. Боевики и андроиды были в защитных костюмах, но лазерная нитка гарроты легко преодолевала сопротивление любой брони. Через несколько секунд Ив уделался в крови, как мясник, и это привело его в чувство. Пока Аша и Г'упра вели огонь по другим лифтам, Шен торопливо и довольно удачно уводил из-под огня тех, кого ещё можно было увести, собирая их к свободному лифту.

И получаса не прошло, как Шен очутился в самом дерзком положении, в какое когда-либо ставила его судьба. Мало того, что он рисковал жизнью и свободой, лишился корабля и части своей команды; он вдобавок обзавёлся целым

стадом перепуганных гражданских лиц разных рас и возрастов, обречённых на убийство благодаря ему же самому. С ним вместе здесь было человек сорок; немного, если поместить их в зале приёма большого терминала, но неимоверное количество, если забить ими большой грузовой лифт. Среди них были раненые; были совсем потерявшие голову от страха; были желающие стать героями и спасти себя и всех. И те, и другие раздражали Шена одинаково.

— Тихо, все! — Властно крикнул он, когда они очутились в сравнительной безопасности. — У нас есть половина стандартного часа до прибытия союзного киборга Треф. Мы это знаем; и Вай это знает. Если к моментустыковки мы будем живы, Ваю конец. Поэтому он приложит все силы, чтобы нас найти и прикончить. Мы, в свою очередь, приложим все силы, чтобы нас не нашли. Мы будем оставаться в живых всеми возможными и невозможными способами. Я надеюсь, что мы это сможем. Но! Никакой самодеятельности. — И он мрачно посмотрел на тройку юных бодрых кортиан. Не получившие ни единой царапины, они рвались в бой и горели желанием сражаться и спасти мир.

— Я понимаю ваш порыв, но профессионалы — мы, и ваша задача — нам не мешать.

— Кипы схватят тебя. — Тихо сказал ему почти в ухо стоявший рядом Ив.

— Они схватят и ТЕБЯ. — Возразил Шен. — На твоём месте я больше думал бы об этом.

- Я не боюсь.
- Зря. Нельзя всерьёз надеяться на то, что никто не опознает тебя. Рэн смог, сможет и ещё кто-нибудь.
- Я не брошу тебя. – Поколебавшись, сказал Ив упрямо.
- И ничем мне не поможешь. А вот если вырвешься отсюда, сможешь потом найти меня.
- Каким образом?
- Ты шустрой и удачливый, Волк. Как бы ты не парился по поводу своих несчастий, ты везунчик, каких мало. И ты кое-чем обязан мне...
- Я помню.
- Кипы не убьют меня, но и не отпустят. Я исчезну на каком-нибудь тюремном терминале, в глубоком космосе, а я этого не хочу. Ты мог бы помочь мне выбраться оттуда.
- Каким образом?
- Используя маяк. Есть такая штука, она настроена на Мессейс; киборг вроде Ариги или Грита может найти меня с помощью такой штуки. Я неудачный двойник, но я чувствую этот маяк, когда прилетаю на Савалу, а он чувствует меня, поэтому я не люблю там бывать. Он на Савале, в Рюэль, в посольстве кипов. Возьми с собой Г'упру, и летите на Савалу, прямо сейчас. Мы с Ашой справимся, нам сейчас не боевики нужны, а удача и скрытность.
- Хорошо. – Сказал Ив. – Я найду тебя и вытащу, Шен. Не беспокойся.
- Я уже спокоен. – Усмехнулся Шен. – Давай. Будь осто-

рожен, и полагайся на Г'упру. Он тоже шустрый малый.

— Эй, барон... — Ив уже пошёл прочь, но остановился и обернулся. — Кое-кто назвал однажды меня дармоедом...

— Что ж. — Ухмыльнулся Шен. — Нормальная порция здоровой злобы не была тебе лишней, не так ли?..

Уже потом, много позже, Ив узнал, что Шена спасли мероканцы, разыскивающие на Въерре его самого. А в тот миг он был далёк от мыслей о ком-то, кто мог бы искать его. Несколько раз они с Г'упрой сталкивались с перепуганными и мечущимися в панике, или целенаправленно передвигающимися куда-то людьми; один раз наткнулись на боевиков, но тут же отбились. Г'упра собирался смеяться в панике с толпой и попасть на какой-нибудь корабль, удрать с Въерры, а там уже добраться до Биафра и либо купить небольшой корабль, либо наняться на чужой, летящий на Савалу. Вообще-то кипы якобы контролировали космос над Савалой, препятствуя проникновению туда инопланетян, но на деле довольно сложно было уследить за всеми малыми кораблями, особенно принадлежащими Вэйхэ — их корабли никак не проявлялись на радарах и прочих устройствах слежения. Так что добраться до Савалы было реально; дальнейших планов они пока не строили и не обсуждали — не успевали. В предпоследнем шлюзе они, наконец, столкнулись с мероканцами: давешней кудрявой девушкой и молодым мужчиной.

— Кайл Ивайр, не так ли? — Спросила девушка, глядя жёст-

ко и требовательно. Ив замер.

— Простите, кама, — очаровательно улыбнулся кортианин, оттесня Ива в сторону, — а не пойти ли вам по своим делам?

— Да, я Кайл Ивайр. — Ответил Ив. — А кто ты?

— Ва Вера, правнучка Кайсара Вера, брата твоей матери.

Прежде, чем Ив подумал, что это значит лично для него, лицо его вспыхнуло от радости. Пусть его дядя давно уже умер, но каким счастьем в этот миг было узнать, что тогда, в страшные дни гибели Мерака, кто-то из его детей спасся, и умер в мире, оставив потомков! Улыбка осветила его лицо, и отразилась на смягчившемся лице Ва.

— Вижу, ты понимаешь, о чём я. — Сказала она уже приветливее.

— Конечно. — Ответил он. — Но если вы узнали меня, то вы знаете и то, чем я был.

— Вот это и хочет выяснить твоя Кровь. — Сказала Ва. — Мы не отреклись от тебя, пока не отреклись. Но мы хотим, чтобы ты вернулся на Корту и кое-что объяснил нам, прежде чем мы решим, что нам с тобой делать.

— Я бы тоже этого хотел. — Честно ответил Ив. — Но у меня есть долги, которые я должен раздать прямо сейчас.

Ва бросила взгляд на его Волка, сказала:

— Понимаю. Но пойми и ты. Мы в сложном положении. У нас мало времени. Мы узнали обо всём недавно; ещё несколько дней, и об этом узнают все. И тогда на наш Дом обрушится гнев очень многих. Мы хотим знать, ради кого

мы подставим себя под удар, и станем ли мы это делать.

— Я офт. Если вы отречётесь от меня, это будет правильно. Никто не скажет вам ни слова...

— Так, вы про что? — Встрял Г'упра. — Я чего-то не понимаю. Ты же четыреста лет был мёртв?! А теперь вдруг выясняется, что у тебя есть дяди, племянники и мари его знает, кто ещё?! Как вас понимать?

— Прости. — Ответил Ив. — Я не лгал, но это и не вся правда. Я не помню, что я делал эти четыреста лет, но я не был мёртв. Я был чем-то... другим. Не знаю. Не помню. Но она — знает. И Шен знал.

— Так ты... — Г'упра отступил на пару шагов, — ты кто?!

— Я человек! — Не выдержал Ив. — Я мероканец! И если кто-то вынудил меня быть чем-то ещё, и делать то, что я ненавижу, он заплатит мне за это!

— Он нам всем за это заплатит. — Сказал молодой мероканец с татуировкой Стерегущего Волка. — Но мы обо всём поговорим, выбравшись отсюда, идёт? Здесь творится неизвестно, что; и скоро здесь будет Треф. Что мы скажем о нём кипам?!

Упрёк был верный, но слегка запоздалый: пока они общались, до шлюза добрались боевики. Люди, возможно, не решились бы тронуть мероканцев, да ещё Волков, но андроидам было плевать на расовые различия, и они сразу же открыли огонь. Мероканцы не ожидали этого; и если бы Ив не повалил Ва на пол, погибли бы оба. Ва дико завизжала, когда

её родственник мгновенно обуглился и рухнул на решётку пола. Ив, удерживая её, ногами в тяжёлых космических ботинках ударил ближайшего андроида, увернулся от падающего тела, вскочил, сильно толкнув Ва, чтобы не встала, подхватил оглушённого андроида, заслонившись им, бросил на остальных. Раненый Г'упра перехватил бластер, и, отступая вместе с Ва, открыл огонь. Ив высоко подпрыгнул, оттолкнувшись ногами от стены, повалил нападающих, схватил тяжёлый бластер и наотмашь ударил им по забралам шлемов – одному, другому. Мерзкий треск и хруст – и никто больше не двигался.

– Тин! – Кричала Ва. – Они убили Тина!!!
– И нас убют. – Обнял её, увлекая за собой, Ив. – Бежим!
– У меня корабль! – На бегу призналась Ва. – Мы сейчас совсем близко!

Резкое падение силы тяжести помешало Иву ответить: вес вдруг пропал, ботинки прилипли к полу, рванув тело, а желудок взлетел к горлу. Передвигаться, помогая и раненому кортианину, стало сложно.

– Мой корабль, Рьюкан. – Повторила Ва. – Он в соседнем шлюзе. Что происходит, Ивайр?!

– Понятия не имею. – Честно ответил Ивайр.

– Они стреляют в мероканцев!!! Кинтаниане – в мероканцев! Но почему?!

– Я не разбираюсь в теперешних взаимоотношениях рас. Я только вижу, что твоя жизнь в огромной опасности. Мне

жаль Тина. Кто-то ответит за это.... И мне тоже.

– А ты не такой, как я думала. – Они наконец-то добрались до шлюза. – Я рада этому. Дело за малым – стартовать отсюда.

– Я лечу на Савалу. – Ив посмотрел ей в глаза. – Это дело чести. Я должен помочь другу, спасшему меня с Гонвед.

– Ты должен лететь на Корту.

– На Савалу, Ва. Я прилечу на Корту, как только отдаю долги. Не беспокойтесь обо мне.

Ва ответила ему долгим взглядом. Она всегда поступала по-своему, не считаясь ни с кем, если полагала, что поступает правильно. В этот миг она увидела, как поступить, в глазах мероканца из далёкого прошлого. Сказала:

– Хорошо. Оставим твоего друга на безопасном терминале и летим на Савалу. Не спорь! – Быстро прижала пальцы к его губам. – Ты младенец, Ивайр, а я бывала на Савале раньше. И мой корабль достаточно маленький, чтобы сесть там.

«Рьюкан» стартовал уже на виду у Трефа, и Ив получил возможность полюбоваться большим боевым киборгом, похожим на полевой бинокль, двигающийся боком. Сооружение было внушительное; Арига рядом с ним выглядела щенком. Боевая установка была размером с остальной корпус и состояла из цилиндра и нескольких колец. Еле видная издали сеть опутывала цилиндр, и, ненавязчиво напоминая о мощи киборга, искарила иногда накопленной боевой энерги-

ей. Внушительный и неторопливый, киборг приблизился к терминалу. Мероканский корабль не вызвал у него никаких особых подозрений; Ва ответила на запрос, назвала своё имя и Дом, ответила, что с нею на борту её Кровь и раненый кортианин, которого она собирается доставить на Два – шесть.

– На Вьеरре действительно использовали бластеры? – Спросил лорд Таэр, командир Трефа.

– Да, лорд. – Ответила Ва. – там ужас, что творится, лучше бы вам поспешить. Конец связи! – Ва выключила передатчик.

– Какой корабль! – Восхитился Ив. – Какой огромный!

– Говорят, Грит в несколько раз больше. – Пожала Ва плечами.

– Ты видела его?

– Его никто не видел. Хозяин Лиги создал его совсем недавно.

– Зачем?

– Чтобы уничтожить нас всех.... Говорят, Грит способен взорвать планету.

Тяжёлый металлический звук, слышный по всей Вьеरре, сказал о том, что терминал состыковался с киборгом. Автоматически отключились все системы терминала; с этой минуты он полностью контролировался Трефом, начиная от работы вентиляторов, и заканчивая дверями лифтов. Шлюзы открылись, лифты остановились, все двери всех помещений

распахнулись, все боевые установки «умерли»; сила тяжести нормализовалась. По всему терминалу зазвучал властный уверенный голос:

— Говорит лорд Тар, прима — офицер Кинтанианской гвардии, командир Союзного киборга Треф. С этого момента и вплоть до отмены чрезвычайного положения терминал Въерра находится в полном моём расположении и под моим контролем. Прекратите панику, вы находитесь под защитой лорда Понтифика. Любое неповиновение будет наказано; любое проявление агрессии будет считаться проявлением агрессии в адрес Лорда Понтифика, и караться соответственно. Оставайтесь на своих местах.

Первой в приёмник вышла Челюсть: два офицера в тёмно — бордовой форме, с нарисованными поперёк лиц сине-белыми клыками двигались на несколько шагов впереди остальных; они были вооружены двумя широкими короткими клинками с шипами на гардах. При виде их все замирали; у кого было оружие, роняли его на пол и поспешно разводили руки в стороны ладонями наружу: этих офицеров боялись панически, и даже самые отчаянные головы всех рас, включая Агой, в здравом уме и твёрдой памяти не посмели бы ввязаться с ними в бой. Высоченные, выше двух метров, но стройные и стремительные, они двигались с нечеловеческой грацией; их лица хранили спокойное, даже отсутствующее выражение, они смотрели как бы поверх всех присутствующих, но иллюзий по этому поводу никто не посмел бы пи-

тать. Кинтаниане были мутантами; техногенная катастрофа, разразившаяся на их планете несколько сотен лет назад, изменила их весьма своеобразным образом. Внешне оставшиеся людьми, они не совсем были ими. Они слышали, видели и обоняли острее и совереннее, чем остальные представители человеческих рас; их выносливость, малая чувствительность к боли и быстрота реакций превосходила всё, чего могли добиться самые лучшие из всех прочих миров. А клык – офицеры Челюсти были на несколько порядков быстрее и выносливее своих. При захвате таких вот объектов или кораблей, клык – офицеры действовали безжалостно и быстро, убивая всякого, кто оказывал хоть какое-то сопротивление, мгновенно, зреющим, так, чтобы у остальных пропадала всякая воля к сопротивлению. О них и их возможностях ходили легенды; встретиться с ними в рукопашном бою один на один опасались даже рыцари Агой.

Следующая за ними Челюсть – четверо офицеров – секунда, – была менее страшна, они не убивали, скорее, выводили из строя и захватывали в плен. Но они уже не пропускали никого – те, кто бросил оружие при появлении клыков, мгновенно обследовались ими, получали метки, и по обстоятельствам проверялись и задерживались остальными кипами. Офицеры – секунда оставляли подозрительных существ живыми, но обездвиженными и помеченными.

Но одно было несомненно: все, кто был безоружен, и подвергался опасности быть убитым или сгоревшим в общей су-

матохе, с этой секунды вздохнули с облегчением. Вера в то, что ни один кип не причинит вреда безоружному, была также абсолютна, как вера в клик – офицеров. Паника мгновенно улеглась; хаос прекратился. Въерра была спасена.

Анна нервно оглянулась, так, что послушная машина качнулась по дуге. Вокруг по-прежнему никого не было, и это начинало смахивать на прогрессирующий психоз. Точнее, смахивало бы, если бы не корабль, казавшийся призрачным в серой дымке неживых небес затерянного мира, величественно проплывающий над ним на границе его жидкой атмосферы. Анна и потом, много времени спустя, не могла понять, почему полетела к нему. С какой стороны не глянь, её поступок был верхом идиотизма. Этот корабль мог быть человеческим, а мог и не быть; он мог быть чьим угодно, и всё-таки Анна полетела к нему, влекомая каким-то здорово смахивающим на предчувствие побуждением, которого позже так и не смогла понять. Уже подлетая к кораблю, она никак не могла определить его принадлежность – не было никаких сигнальных огней, не видно было никакой символики, а формы Анне были совершенно не знакомы, не смотря на обширные уже познания в боевой современной технике. Правда, когда она подлетела совсем близко, огни вдруг вспыхнули по всему корпусу, и механический голос прозвучал в кабине:

– Неопознанный транспорт, назовите себя.

Говорили по-мерокански, и Анна вздохнула с облегчением. Так же по-мерокански ответила:

– Боевая машина потеряла связь со своим кораблём и просит принять её на борт.

Ответом было молчание, но шлюз корабля, большой, прямогоугольный, открылся и осветился изнутри. Колер коды Анна ещё на Гrite выучила назубок; эти цвета означали, что её принимают, и что корабль... мероканский. Уже влетая в шлюз, Анна поразилась этому кораблю: он был обглодан вакуумом до того, что потерял чёткие очертания, но казался громоздким и крепким, как старая вещь. Анна едва ли не впервые в жизни перекрестилась, и ввела машину в шлюз.

Как и положено, машину взял приёмник; её тряхнуло, ощутимее, чем обычно, что-то заскрежетало, так, что заныли зубы, но сработало исправно. Раздалось шипение горячего пара, машину резко приподняло, снова тряхнуло, и, наконец, крепко опустило на подпорки. Анна снова на всякий случай перекрестилась, и чуть дрогнувшей рукой включила определители: температура нормальная, воздух пригоден для дыхания, сила тяжести близка к нормальной. Сама у себя спросила:

– Как думаешь, вылезать стоит? – И сама же себе ответила:

– Раз уж полезла сюда, так иди до конца! – И решительно открыла люк. Выбралась наружу, спрыгнула на настил, и ноги подкосились: никогда ещё она ничего подобного не видела.

ла! Всё здесь было не таким, как надо, и на первый взгляд даже не поймёшь, чем именно. За год без малого, проведённый на Гrite, Анна научилась понимать разницу между гуманоидной техникой и человеческой; дело было в особенностях дизайна, основанных на разнице в физиологии: у гуманоидов было другое зрение, другое строение позвоночника, рук. Анна уже научилась определять эту, порой едва уловимую, разницу с одного взгляда, и готова была поклясться, что это не гуманоидный корабль. И что именно казалось ей здесь таким чуждым и страшным, она не могла сказать. Может быть, именно с таким чувством смотрел бы мероканец, к примеру, уже хорошо знакомый с техникой Земли 21 – го века, на галеру века 18 – го, или паровоз начала 20 – го, не понимая, чем они ему так странны. Всё здесь было странным, незнакомым, и каким-то нежилым. Заброшенный дом всегда вызывает гнетущее чувство, даже если он содергится в относительном порядке; и такое же чувство вызывал этот корабль. Часть ламп в ангаре горела, часть давно погасла, а некоторые даже висели из своих гнёзд. И мёртвая тишина, которая царила здесь – от неё хотелось выть. Но кто-то же позвал её из этого корабля! И позвал по-мерокански. Преодолевая детское желание спрятаться обратно в истребитель, Анна огляделась и позвала:

– Кто здесь?.. Есть здесь кто?

Голос её прозвучал так жалко, что она замолчала, испугавшись эха, породившего массу звуков, отзывов и призра-

ков эха. Кроме этого неприятного шума, ответа она не до-
ждалась никакого.

Ангар был сделан совсем по-другому, нежели везде, где
она успела побывать до сих пор. Открытый, прямоугольный,
с гнёздами для больших плоских машин, одна из которых
и сейчас была на своём месте. По сетке настила, сквозь ко-
торую жутковато просвечивали внутренности корабля, Ан-
на подошла к ней и присела возле неё. Знаний в этой обла-
сти у неё было уже достаточно, чтобы понять: эта машина,
манёвренная, но наверняка с большой инерцией, побывала
в хорошей переделке. Правые двигатели обгорели, и Анна
осторожно, словно боялась сделать больно, погладила хруп-
кую от страшного жара, опалившую её, поверхность. Кабина
была открыта и пуста, а значит, тот, кто прилетел в ней по-
сле жаркого сражения, покинул её сам, или с чьей-то помо-
щью, и был жив. И это почему-то Анну страшно обрадовало.
Она встала и решила осмотреться. Место было странным,
загадочным; любопытство пересиливало опасения и здоро-
вый скептицизм.

Лифта или чего-то вроде она не нашла. Между тремя ря-
дами гнёзд для боевых машин – по три в каждом ряду, – про-
ходили два настила. Каждый упирался в стену с элементар-
ной металлической лестницей. Колебалась Анна не долго.
Вообще-то, разумнее всего было бы покинуть этот корабль
как можно скорее, пока он не унёс её далеко отсюда, к чёрту
на кулички, в открытый космос, откуда она уже никогда не

вернётся и где её никто никогда не найдёт. Но любопытство было сильнее, и к тому же она не думала, что этот корабль движется с такой уж большой скоростью. Один – то час у неё в запасе наверняка был. Пообещав мысленно Кейву, чей укоризненный взгляд она всё время чувствовала на себе, что будет очень осторожна, Анна прихватила из кабины лазерный пистолет и пошла к лестнице.

Лестница казалась крепкой, и Анна быстро поднялась по ней до люка, который сам открылся от первого же прикосновения. Через люк Анна попала в тамбур с тремя дверями, едва ли не копиями земных дверей, тех, что в подводных лодках, с устрашающего вида винтами и кнопками. Анна попыталась повернуть одно из колёс, но оно даже не шелохнулось. Тогда она нажала бирюзовую кнопку – у мероканцев бирюзовый цвет был тем же, чем зелёный на Земле, – и дверь открылась. Заглянув в коридор, Анна завизжала и шарахнулась обратно: он был завален скелетами. Через минуту дверь снова закрылась, и Анна, ноги которой предательски подкашивались, сползла по стеночке на пол.

Но пережитый ужас был ничто по сравнению с тем, что она испытала, когда не смогла открыть люк на лестницу. Что она только не делала, чтобы сделать это! Даже пыталась стрелять по нему из пистолета, но только всё испортила окончательно. Единственный выход был – поискать второй люк; ведь из ангаря она видела вторую лестницу. Но для этого нужно было войти в коридор... Анна глубоко вздохнула, на-

бинаясь решимости. Воздух был спёртый и затхлый, но вони, неизбежной, если бы скелеты были хоть сколько – нибудь новыми, не было. Может, ей померещилось?.. Анна поднялась на дрожащие ноги и снова нажала на кнопку.

Нет, ей не померещилось. Но первый ужас улёгся, и Анна смогла присмотреться и оценить обстановку.

Они и правда были старыми, настолько, что кости походили на пемзу, тёмного, почти зелёного цвета. И запаха не было никакого, словно они на самом деле были из пемзы. Неизвестное Анне оружие, напоминающее разные заморочки из земных фантастических фильмов – такое же массивное и вычурное, – валялось между костей. Никакой одежды не осталось, только какие-то клочья до того неопределённого и ветхого вида, что опознать их не было уже никакой возможности. Большинство скелетов принадлежали гуманоидам, Анна рискнула даже предположить, что это риполиане; но были и люди – она разглядела несколько черепов с продолговатыми мероканскими затылками и длинными клыками хищников. Анна подумала, что этого не может быть, слишком фантастично. А что-то уже нашёптывало внутри: это правда, и она влипла так, как никогда в жизни. Это корабль мертвецов, корабль – призрак, дрейфующий в космосе. Ивайр когда-то рассказывал ей про такие корабли. Правда, он говорил, что в них ничто не могло работать, и воздуха не было; но здесь каким-то образом всё уцелело достаточно для того, чтобы человек чувствовал себя нормально... Может, – подумала Ан-

на, – добраться до крипта и попытаться повернуть этот корабль к терминалу? Космос – не океан; корабли и киборги, совершающие свои рейсы в гиперпространстве, не наткнутся на этот корабль НИКОГДА.

Ужас, охвативший Анну при этой мысли, был куда больше, чем страх перед костями. Осторожно ступая, она миновала их и вошла в следующий коридор, узкий, длинный и низкий. Внутренности этого корабля тоже не были похожи на всё, к чему Анна уже привыкла. Всё это, как и оружие, больше походило на корабли из земных фантастических фильмов – видно, общего между людьми разных рас всё-таки было больше, чем различий. Половина светильников не горела, и в коридоре было полутемно. Анна некстати вспомнила «Чужого», нервно поёжилась. Звуки, антураж, атмосфера места – всё напоминало стандартный фильм ужасов, только было взаправду. И Анне почему-то было совсем не до иронии по этому поводу. Внутренне она была готова к тому, что откуда-нибудь вытаращится какое-нибудь чудище, и ничуть не удивилась бы этому. У неё начались приступы головокружения – воздух в покинутом корабле был далёк от нормы. Во-вторых, её начала терзать жестокая жажда. А в-третьих, у неё возникло ощущение, что она здесь не одна. Кто-то ещё был в этом корабле, кто-то живой и наверняка опасный; кто-то, кто поддерживал здесь системы жизнеобеспечения.

Коридоры заканчивались шлюзами, которые открывались

в такие же коридоры. Анна начинала тихо паниковать: она уже не знала не только того, куда ей идти, но и того, куда возвращаться, не помнила. В горле першило, в груди незаметно возникла и усилилась давящая боль.

– Если ты здесь сдохнешь, Полонская, – сказала она себе, – ты всего лишь получишь то, что заслужила, за свою дурость. – А в голове прозвучала, очень кстати вспомнившись, мрачная поправка Ивайра, сделанная, правда, по другому поводу: «Не если, а когда».

Это была ситуация, когда любая надежда должна была неизбежно сдохнуть. Но Анна продолжала двигаться куда-то; может, просто из упрямства. Просто сесть и умереть было не в её характере. Лягушка, которая тонула в сливках, тоже ведь не знала, что они превратятся в масло?

Эта дурацкая мысль о лягушке и сливках была последней, которую Анна запомнила, теряя сознание в одном из коридоров. Сколько она пролежала там, Анна не знала; в себя её привёл жестокий кашель, терзающий пересохшее горло. Пахло мятым и корицей; что-то гудело, не противно, но настойчиво. Анна приподнялась и села обратно: она находилась в крипте!

Сомнений не было: это был крипт, или кабина управления, что в данном случае, наверное, было точнее. Но Анна пока не могла ничему удивляться – взгляд её был прикован к панели справа от кресла: символ этой панели ей был хорошо знаком, на терминале, где она была перед этим, такой сим-

вол стоял там, где можно было получить чашечку спа. Вряд ли это до сих пор работало; ну, а вдруг?.. Здесь был воздух, горел свет, работал приёмник. Анна подошла, села в кресло и нажала на панель. Чашка с горячим напитком выскользнула из открывшейся ячейки, как по волшебству, прозрачная, круглая, с несколько неудобной ручкой-крючком. Анна едва не прослезилась от счастья, забирая её. И только прикончив её, и сразу почувствовав себя лучше, она осознала произошедшее и похолодела. Как она попала сюда? Ладно, – поспешила она себя успокоить, – отравленная этим неживым воздухом, она могла притащиться сюда и в бреду. В конце концов, может, она упала в паре шагов от двери и открыла её нечаянным прикосновением. Но спа?! В то, что механизм мог быть исправен, она могла поверить; но в то, что продукты сохранились так долго – ведь даже кости и вещи истлели в прах! – в это поверить было нельзя. Возможно ли, что здесь на самом деле был кто-то?! Жил в этом корабле, полном скелетов, дышал этим воздухом, слушал эту тишину?!

– Я сошла с ума. – Сказала себе Анна, поднимаясь из кресла. – Какая досада. – Оглянулась, подошла ко второй двери, которая так же легко, как и прочие, открылась от одного прикосновения. Выглянула наружу и чуть не закричала: под нею был ангар! Лестницы, по одной из которых она поднялась наверх, были напротив; сюда от стены вёл над ангаром узкий металлический мостик. И она могла в бреду пройти по этому мостику, не заметив этого?!

— Ой, мама... — Пропищала она, уже почти не владея собой, повернулась, и теперь уже завизжала: мёртвый пульт вдруг ожил, по нему последовательно побежали разноцветные огоньки. При первом же звуке, раздавшемся в кабине, Анна, даже не поняв, что это, замертво рухнула на пол.

Когда взрыв негодования миновал, лорд Корин заметил, огляdevшись:

— Странный корабль. И очень странная женщина. Хоть и мероканка.

— Принято. — Согласился Рон Леа. — А корабль классный. Как ты думаешь, из самой Лиги или с Биафра?

— Где можно было его украдь? И как?

— А ты, лохматый, что скажешь? — Обратился Рон Леа к Ликаону.

— Я суперклассный андроид всех времён и планет. — С достоинством ответил Ликаон. — Мне было дано имя, а не присвоен номер, это много значит для андроида, не так ли? И потом, я прекрасно воспитан, и служу настоящей даме, а потому вульгарные обращения типа «лохматый, железка, лысый» и тому подобное меня оскорбляют. Оскорблений я не склонен сносить с малодушным снисхождением, а готов дать отпор вся кому, кто считает, что белковый мозг и несколько килограммов протеина сомнительного качества дают право...

Окончание его речи потонуло в жизнерадостном смехе

Рона Леа, который таким образом отлично разрядил обстановку.

– Прости, я не над тобой. – Виновато заметил он, отсмеявшись. – Я просто нервничаю; нам неприятно, что пришлось оставить твою хозяйку на этом терминале. Ты полагаешь, что она тоже прилетит на Корту, если спасётся?

– Я это точно знаю. – Ледяным тоном отрезал Ликаон. – Моя хозяйка из тех, кто добивается своего.

– Это я заметил. Она классный диар; таких немного даже среди самих диаров. Где она учились летать? Она что-то сказала, я не запомнил.

– У меня нет права разглашать подобную информацию.

– А какую информацию ты мог бы разгласить? – Осторожно спросил лорд Корин. – Я так понял, что она опасается преследования со стороны Лиги; это означает, что у нас общий враг, и мы на одной стороне.

– Я никакую информацию не стану разглашать. – Подумав, сказал Ликаон. – Я имею представление о способностях человеческого мышления и о гибкости живого интеллекта. Я могу посчитать невинной информацию, которую вы используете моей хозяйке во вред.

– Но если она обычна мероканка с Корты, какой вред ей могут причинить мероканец и кип?

Ликаон задумался, но вдруг Рон, который что-то сообразил, сам поспешно произнёс:

– А вообще-то, не говори ничего! Я думаю, лучше будет

расспросить её, когда она вернётся на Корту. Сама всё и объясnit. Где мы здесь можем отдохнуть? Я не спал трое суток. Жутко хочу спать!

– Говори. – Потребовал лорд Корин уже в крохотной, но уютной каюте. – Я по твоему лицу вижу, что ты всё понял!

– Это наши...мероканские дела.

– Я сам попробую догадаться. Я слышал о якобы спрятанном ребёнке Высокой Касты. Так слух – правда, и это она?

– Многое сходится на этом. – Неохотно признал Рон Леа. – Военные все наперечёт; такую яркую женщину я бы не просмотрел. И она Старой Крови; поверь, это совершенно очевидно для того, кто хоть раз видел это раньше. Таких лиц на Корте нет уже давным-давно. Последними были Руэл, но они смешались с Волками, это слегка испортило породу. А она – идеальна. Волосы наверняка крашеные, на самом деле она не темнее меня.

– Об этом и я подумал... – Пробормотал лорд Корин. Чувства его охватили двойственные. Для кинтаниан возвращение высоких Домов было не желательно; но почтение к Высокой Касте было у него в крови, оно передалось ему с молоком мероканской матери. – Что же мы натворили, оставив её там?..

– Думаю, что ничего особенного. Она права: вернётся на терминал и дождётся подмоги. Это, скорее всего, будет мероканский киборг.

- Если только первыми не появятся выродки Лиги.
- Что ж, тогда нам придётся вернуться туда и убедиться, что всё в порядке. – Решительно произнёс Рон. – Мне придется связаться с Ва и с её помощью искать эту Анну.

Битва между терминалом и Мандрай была в самом разгаре, когда совсем неподалёку из гиперпространства вышла Арига, которой по-прежнему необходимы были вода, энергия, продукты и навигатор. Моанна привела киборга сюда потому, что терминал был ближе всего к Въерре. Обстановка показалась ей достаточно ясной; обычно Странники Биафра не ввязывались в драки, чтобы не нарушать нейтралитет, что поссорило бы их с одной из сторон. Полирам Нер, который был советником Шена во всех сложных вопросах, предложил Моанне увести Аригу за планету – гиганта и подождать исхода схватки, но Моанна только презрительно посмотрела на него своими непроницаемыми тёмными глазами с узкими зрачками. Широкие вычурные ноздри тонкого носа хищно изогнулись, презрительная усмешка пробежала по губам:

– Я имею знание о вашей трусости. Лига убила моих друзей и воевала с моей планетой. Мне нет дела до Кинтаны, но мой Бард – Союз. И этот терминал – тоже Союз. Арига, пока я имею командование ею, будет воевать за Союз!

– Лига не простит тебе этого. – Сокрушённо предупредил Нер, но спорить с бардианкой не посмел. Она только насмешливо щёлкнула пальцами, и отдала приказ Ариге на кашля-

ющем языке своего племени. Арига прекрасно поняла её и ответила стандартным:

– Выполняю приказ.

Киборги, изготовленные на Биафра, мало уступали в боевой мощи киборгам Союза и Лиги, а маневренностью даже превосходили их. С изяществом яхты Арига маневрировала вокруг Мандры, пользуясь её слепотой, неповоротливостью, повреждениями, и изматывала её чувствительными залпами. В тот момент, когда казалось, что достаточно ещё пары – другой залпов, и Мандре конец, и Арига, и терминал одновременно заметили зону перехода недалеко от места битвы. Никто так и не узнал, что это был за корабль. Может быть, один из Странников, таких, как Арига; может быть, спешащий на помощь Мандре киборг Лиги. То, что это не мог быть ни один из кораблей Союза, потом выяснилось абсолютно точно. Как бы там ни было, залп слепой Мандры угодил прямо в центр зоны.

Такое происходило за всё время использования гиперпространства два или три раза, и последствия были ужасны. То, что следовало в космосе вслед за взрывом в зоне перехода, условно называлось Шквал; люди с искусственными органами, слабыми сосудами и проблемным сердцем умирали мгновенно; так же раббиане с их хрупкой нервной системой и все гуманоиды, кроме риполиан. Сложная электроника Шквала не выдерживала тоже; киборги его переживали, но все упомянутые живые существа внутри них всё рав-

но умирали. Малые корабли, и особенно истребители с их сложной системой антигравитации лопались бесследно, как мыльные пузыри. Все здесь, кроме двух киборгов, были обречены; мгновенно всем стало не до битвы. Мандра поспешила пошла прочь, по дороге подбирая истребители, которые успевали за ней. Моанна в этой ситуации поступила предельно благородно: состыковалась с терминалом и пригласила всех перебраться на её борт.

Зона перехода, не успев раскрыться полностью, сомкнулась, и несколько минут ничего не происходило. Люди с терминала поспешили перебираться в Аригу, Мандра шла прочь, за планету.

Конечно, успели не все. Ослепительно полыхнуло в космосе, настолько ярко, что вспышку видели на Корте и Барде. Взрыв породил катастрофы на планетах системы, в которой расположился терминал, вывел его из строя и уничтожил все истребители, не успевшие спастись на борту своего киборга. Он стоил жизни всем раббианам, – даже на Ариге Аэла и её супруг Шквала не пережили. Он стоил бы жизни и Анне, распылив её на молекулы вместе с истребителем, но она к этому моменту как раз покинула систему в корабле – призраке. Погибли почти все люди, которые остались в терминале; погибли все гуманоиды в Мандре, кроме риполиан. Через сутки прибыли спасатели, мероканцы и кортиане, проникли в погибающий терминал, в котором отказали почти все системы жизнеобеспечения, чтобы спасти тех, кто

сумел выжить. Моанну не посмели тронуть. Она знала многое о Шене и Въерре, но её благородство сделало её героиней. Кипам, прибывшим на место немного позже, пришлось отпустить её, поблагодарив.

Лысенский не выжил, и рассказать кипам, что диаром, ослепившим Мандру, была зеленоглазая мероканка, было некому, Рон Леа и лорд Корин в этот момент находились на пути к Корте, в гиперпространстве, где всякая связь была пока невозможна. Впрочем, они тоже не помогли бы: узнав о случившемся, они решили, что Анна погибла. Да и как можно было думать иначе? Она не вернулась на терминал, и на Ариге её не оказалось тоже.

Глава пятая

Мероканцы.

Проснувшись, Анна сладко потянулась и тут же упёрлась ногами в стенку: её постель оказалась коротковата для неё. Перевернувшись на спину, она потянулась ещё раз, чувствуя себя выспавшейся и здоровой, и только тогда вспомнила, что случилось, села. Голова слегка закружилась от резкого движения, но в целом она чувствовала себя нормально. Каюта, в которой она проснулась, была маленькой, новой, уютной, симпатичной и совершенно точно мероканской: все детали обстановки и устройство удобств говорило за то. Поднявшись, она заглянула за дверцы. За одной оказался встроенный шкаф, за другой – душ, опять же с мероканскими современными наворотами. Решив пока не удивляться, Анна

помылась, (с огромным удовольствием), и заглянула в шкаф с одеждой. Вся одежда была современная, но чужая, её собственных вещей нигде не было. Анна надела то, что нашла в шкафу: брюки, обтягивающую маечку с рукавами до локтя, куртку, – обулась в стандартные космические ботинки, и попыталась открыть дверь. Тут же на пороге, как по волшебству, возник молодой мероканец, самый замечательный из всех, кого до сих пор приходилось видеть Анне, если не считать Ивайра и Рона Леа. Так вышло, что большинство кортианских мероканцев принадлежало к коричневой синардийской расе и походило на земных индусов: очень смуглые, широконосые, губастые; немного поменьше было красных саисцев: эти походили на перуанских индейцев. Голубой гардианской расы, и на Мераке не очень многочисленной, на Корте почти не осталось. И вот Анна видела лучшего её представителя: у мероканца были тёмно-синие, почти чёрные, волосы, прозрачная оливковая кожа, сквозь которую так красиво просвечивают тонкие вены, синие глаза, породистое лицо, рот по-мерокански большой, но очень благородный, даже интеллигентный. Он напомнил ей Ивайра, только Ивайр был метис, и кожа его была смуглее.

– Меня зовут Тайнар Гем. – Сказал он очень приветливо, и даже более чем приветливо, глядя на Анну с нескрываемым интересом. – Наконец-то вы проснулись!

– И умираю от желания узнать, где именно я проснулась. – Призналась Анна. – Потому, что засыпала в таком месте, про

которое вспомнить страшно. Со мной такие странные вещи произошли, что я даже удивляюсь больше не могу.

— Судя по тому, где мы вас нашли, с вами действительно произошли странные вещи. А сейчас вы на Адрии; мы забрали вас с мёртвого мероканского корабля, очень старого, времён Войны Лиг. Это было три дня назад; всё это время вы спали. Вам понадобилась медицинская помощь, и карантин, конечно.... Наш врач едва не обстриг вам волосы; я его еле уговорил.

— Спасибо. — Улыбнулась Анна. — Надо же, я и не знала, какой опасности подвергалась.

— Опасность, и, правда, великая. — Улыбнулся в ответ Тайнар. — Такие волосы, это же настоящее богатство. На Корте волос такого цвета нет ни у кого.

— Теперь, наверное, я должна рассказать о себе? — Нерешительно произнесла Анна. Тайнар улыбнулся шире, вокруг глаз собирались симпатичные морщинки, сделав улыбку солнечной:

— Конечно, но мы не звери. Поешьте, познакомьтесь с Командором.

— Тарвой... Заэм?

— Точно. — Он деликатно приобнял её за плечо, когда они очутились возле входа в столовую.

Команда Адрии сгорала от любопытства, и под различными предлогами побывала в столовой, пока Анна ела, в полном составе. Анна раньше почему-то полагала, что большин-

ство мероканских космонавтов и военных принадлежат к Касте Волков; но здесь, на Адрии, из двадцати человек команды Военных оказалось только трое. Большинство были Служащие, пара Логиков и один Интуитор. Некоторые из них представились и перекинулись с Тайнаром и Анной парой слов; некоторые только заскакивали, извинялись и исчезали. Тайнар смущённо и весело посматривал при этом на Анну, которой это тоже было забавно. Мероканцы ей нравились. Они напоминали земных индийцев не только внешностью, но и некоторыми манерами, живостью движений и жестов. И как же она была благодарна сейчас Рокелу за все сведения, которыми он успел с нею поделиться! Она с лёгкостью смогла определить принадлежность большинства Домов. Она хорошо знала так же, кто такие Гемы; они были в родстве с Домом Вера и Руэлами. Так что Тайнар был ей ровня по всем статьям. И почему-то ей это было очень приятно.

Командор ждала их в крипте. Она удивила Анну: оказалась хрупкой маленькой брюнеткой, очень красивой, но с холодным, даже злым взглядом синих, как лёд, глаз. Она была той же расы, что и Тайнар, но кожа её была ещё светлее, почти белой, как у Анны. Её Дом, Заэм, тоже был древним, домероканским Домом; изначально это был Высокий Дом, но на Корту прилетели только полукровка Ойн Заэм и его жена Военной Касты; через сто лет это был уже Военный Дом. Но гены Старой Крови ещё давали знать о себе, и порождали удивительную внешность и прямо-таки мистическую кра-

соту. Но почему-то у Анны возникло ощущение, что Тарва стыдится своей внешности и намеренно старается произвести неприятное впечатление. На Анну она смотрела так же неприязненно и холодно, как и на остальных, но Анна не испугалась. В конце концов, Тарва была не страшнее Сихтэ или охотника на Авельянде.

– Меня зовут Анна Мессейс. – Сказала она совершенно спокойно. – Я мероканка, хоть родилась и выросла не на Корте. Больше я пока не могу рассказать, мне необходимо встретиться с судьёй Зилой Таш. Она уже должна знать обо мне, так как я отправляла ей сообщение.

– Судья скоро будет здесь. – Тарва смотрела на Анну, как на привидение, забыв о своей агрессивности. – Скажете ей всё, что сочтёте нужным, а мы хотели бы знать про этот корабль, на котором мы нашли вас. Как вы там очутились?

– Я была на терминале Три – восемь, это последняя моя остановка на пути к Корте. Там же в тот момент очутились лорд Корин и Рон Леа; их пытались схватить риполиане с Мандры, может, вы об этом уже слышали?.. Я предложила им свой корабль и свою помощь.

– Мы узнали об этом сегодня утром. – Перебила её Тарва. – Рона я ещё не видела, но он уже на Корте. Я так поняла, что вы погибли возле Три – восемь во время Шквала; во всяком случае, Рон уверен в этом. А вы здесь... но как?

– Здесь – это где? – Осторожно спросила Анна.

– Мы подобрали вас у Трефа. Там неожиданно вышел из

гиперпространства корабль – призрак времён Войны Лиг. Вы были в своём истребителе, в ангаре, без сознания. Осмотреть корабль мы не успели, он включил аварийное предупреждение, а когда мы покинули его, вместе с вами, он снова исчез в гипере. Странное происшествие, не так ли?

– Я не понимаю… – Анна была в шоке. – Я не понимаю! Я помню, и всё, что я помню, было совсем не так…

– Расскажите про этот корабль. – Попросил Тайнар. – Как вы попали туда?

– Конечно… – Анна в растерянности пригладила волосы, как делала это ещё маленькой девочкой. – Ослепив Мандру, я ввязалась в бой с риполианским Крылом, чтобы отвлечь его от корабля, на котором улетали лорд Корин и Рон Леа. Я не хотела лететь с кинтанианином; в настоящее время мне незачем контактировать с кипами, сначала я хочу познакомиться и переговорить с мероканцами. Мне показалось, что лучше будет, если я дождусь мероканцев, которые наверняка прилетят на подмогу терминалу. И осталась там. Там есть небольшой спутник, вокруг которого и вращается терминал, и я спряталась в каньоне этого спутника от остатков Крыла. Просто хотела переждать, выгадать время. Но потом произошло что-то странное. Риполиане начали спешно возвращаться на свой киборг, и мне стало тревожно. Я отключила связь, поэтому не знала, что происходит, но впечатление было такое, что что-то не очень хорошее. Мне даже померещился чей-то голос. А потом я увидела над собой этот корабль. Он

заговорил со мной по-мерокански, возможно, в памяти моей машины осталось это обращение. Не очень умно было с моей стороны залетать в его шлюз, но я это сделала, честное слово, не понимаю, зачем, сама.

Тайнар и Тарва переглянулись, но промолчали. Анна продолжала:

— Я уже в шлюзе поняла, что попала не туда, куда надо. Но мне захотелось осмотреться. Корабль летел медленно, и я подумала, что около часа времени у меня есть. Понимаю, это было глупое ребячество. Но всё было так любопытно. Я впервые видела такой корабль, такую технику, ну, вы понимаете — вы же это видели. Я поднялась по лестнице, и через люк попала в верхний уровень корабля; а вот назад выбраться не смогла, люк заклинило. И там... там был полный шлюз скелетов, гуманоидов и мероканцев, очень древних. Я пытлась найти второй люк в ангар, но заблудилась и упала там в обморок. Как я очутилась в ангаре, и как этот корабль три дня назад оказался возле Трефа, я понятия не имею. Поверьте, последнее, что я помню — это как я упала в обморок в кабине управления этого корабля. Мне кажется, что я пила там спа, но я в этом не уверена. Мне было очень плохо, и это могла быть галлюцинация... — Она не решилась рассказать о своих подозрениях и страхах, сейчас они казались ей нелепыми.

— Выходит, что вы каким-то образом заставили этот корабль прыгнуть через гипер, или и вовсе — через Гроома, так

как через три стандартных часа после Шквала вы были здесь.

– Нет. – Произнесла Анна. – Я не могла бы сделать это даже в бреду, потому, что не знаю, как это делается! Я только рассчитывала попытаться повернуть его к терминалу...

– Вы знаете, что такое Шквал?

– Нет. – Анна, и правда, не знала.

– Если бы вы оставались возле терминала в момент Шквала, этот корабль просто взорвался бы. А ваш истребитель вместе со всем, что находилось в нём, превратился в молекулярную пыль.

– Но тогда... Тогда он ушёл в гиперпространство сразу после того, как я оказалась на борту? – Спросила Анна. Тёмная фигура на камнях... Голос, произнёсший: «Анна!». Ощущение чьего-то присутствия. Спа. Кто-то сделал это для неё. Она не сумасшедшая, и чудес не бывает, даже в космосе.

– Что вы думаете обо всём этом? – Спросила Тарва.

– Я боюсь... боюсь, что вы сочтёте меня сумасшедшей. – Нерешительно произнесла Анна. – Но я думаю, что там кто-то был.

– Вы кого-то видели?

– Нет, но я... чувствовала. Это мог быть бред, я не уверена. Но ощущение присутствия было... таким реальным.

– Всё это более чем странно. – Решила Тарва. – Это не последний наш разговор, я полагаю.

– Я не отказываюсь от разговора... – Произнесла с неприятным чувством, что ей не верят, Анна. – Но по этому во-

просу я ничего более того, что уже сказала, сказать не могу.

Спасла от дальнейшей беседы её судья Таш. Адрия сообщила, что та уже на борту и поднимается в крипт.

– Удачно посадились! – Заметил Ликаон после того, как его корабль, войдя в атмосферу Корты под опасным углом, промазал мимо космодрома и рухнул с ужасающим воем в джунгли за Диной. Оба его пассажира, не выдержав перегрузок, обмякли в креслах; у Рона Леа носом шла кровь. Гуманный Ликаон оказал им обоим первую помощь и покинул корабль как раз перед тем, как к нему подоспели спасатели. Скрылся в кустах, торопясь удрать подальше и сориентироваться на местности. У него был приказ Анны: сделать то, что собиралась сделать она, то есть, добраться до судьи Таш и попросить помощи для Грита. Поэтому он избавился от людей, которые могли задержать его и создать проблемы, и решил добираться самостоятельно.

Всё, что он знал – это имя судьи, и то, что она жила в Луане. Сейчас он находился в Дине; больше Ликаон ничего не знал. Он был порождением космоса и замкнутых пространств, и не знал, что такое планета. Так же слабо он представлял себе всё многообразие мира живых существ, поэтому попытался вступить в контакт сначала с гленками, которые проявили лестную общительность, но помочь не смогли, а потом – с круглоухим бесхвостым кортианским псом. Пёс набросился на него с самозабвенным лаем, демонстрируя са-

мую что ни на есть явную агрессию, и Ликаон укоризненно обратился к нему:

— Должен сказать, что как представитель своей планеты, встречающий инопланетного гостя, ты неприветлив, груб и чрезвычайно агрессивен. К тому же, либо ты выражаяешься до неприличия невнятно, либо твой язык мне не знаком, как слишком примитивный и не включённый даже в реестр необязательных диалектов. Поэтому контакт с таким существом я считаю унизительным и бесполезным для андроида моего класса!

Но псу было плевать на все упрёки. Во всю силу лёгких он продолжал вопить на единственном доступном языке «кар-ул!», предупреждая всех добрых людей о вопиющем безобразии: неживое, но ходячее и говорящее, а значит, опасное. На его беду, ни добрых людей, ни даже других собак поблизости не было, только гленки верещали в кустах, да маленькие ящерки бегали по стволам папоротников вверх и вниз, посвистывая протяжно и удивлённо. Пёс оставался один на поле боя, но это нисколько не обескураживало его. Подпрыгивая на напруженных лапах, он клацал белыми зубами у самого лица Ликаона, который укоризненно выговаривал ему за это на лингве Бехидже:

— Ты определённо смешон, и пытаешься сделать смешным меня. Это негостеприимно с твоей стороны; более того, это не очень умно, поскольку...

Тут пёс, призывав всё своё мужество, цапнул Ликаона и

рухнул, парализованный, на землю.

– Собственно, именно это я и имел в виду. – Ликаон поправил одежду, сказал напоследок героическому псу:

– Абсолютно дикий, невменяемый туземец! – И приосанился.

– Что ж. – Не без пафоса сказал он вслух. – Встреченный агрессивными туземцами и не упавший духом, я вышел из первой переделки победителем. Теперь можно отправляться в одинокий путь, полный невзгод. А: (как сказала бы моя хозяйка) Я не знаю, куда идти. В: следовательно, я должен сориентироваться на местности. Из следствия следует, что без контакта не обойтись. Только нужно отыскать более дружественных и более вменяемых туземцев.

Так как его представления о туземцах были слишком смутными, он способен был искать контакта с кем угодно: с индрикотерием, например, или с полосатым кортианским львом. Для него равный статус имели все. Но на его счастье, встретился он всё-таки не со львом, и не с другим опасным зверем, а с двумя мероканскими детьми, потерявшими собаку.

Так вышло, что это были уже знакомые нам дети Вера. Они гостили на вилле Гем, у родственников, и, привлечённый шумом космической аварии, Элайр Вера, или просто Элле, удрал из дома, прихватив порученную ему сестрёнку. Она капризничала, хныкала и мешала ему добраться до цели, а тут ещё любимый пёс пропал: только что лаял, и вдруг

затих, и не откликался на призывы, чего с ним никогда не случалось. Это было даже как-то страшновато, но зря, что ли, Элле был Волком, пусть и маленьким?

– Домой хочу. – Ныла, ковыляя за ним, четырёхлетняя Миа. – Хочу есть.

– Вон там ещё посмотрим. – Без всякого раздражения, что любому нормальному десятилетнему мальчику в любом человеческом мире показалось бы извращением, говорил Элле. – Мне кажется, мы уже близко. Он где-то вот тут лаял.

Он был полноватый, пепельный, с голубым отливом, с серо – синими, как у отца, глазами; Миа была смуглая, в мать, с глазами удивительного сиреневого цвета. В данный момент она была ещё и чумазой, с застрявшими в копне кудрявых волос травинками и веточками, и грязными ободочками в углах рта, впрочем, её это не портило.

– Я туда не хочу. – Сказала она вредным голосом.

– Тогда посиди, я схожу один. Я быстро.

– Не хочу! – Повысила голос вредная девочка, цепляясь за брата ещё и второй рукой. – Я с тобой хочу!

Ничуть не раздражаясь вредностью сестры, Элле начал спускаться в ложбину. Заметив, что сестре трудно, он взял её на руки – решение благородное, но не очень умное, так как сам он был ещё мал, а Миа для своих лет была девочкой не мелкой. Элле задирал подбородок поверх головы своей ноши, пытаясь видеть, куда идёт, но это мало помогало. Пара раз он удачно упал; на третий всё-таки свалился в ручей,

откуда выбрался бы в два счёта, если бы решился отпустить сестру хоть не надолго. Любой другой мальчишка давно уже стряхнул бы сестру, выбрался сам и вытащил её, но не Элле. Он сопел, кряхтел, барахтался, прижимая к себе свою ношу, в помутневшей воде, и только производил ненужный шум, к великому переполоху среди заселяющих кустарники гленков. И тут его весьма своевременно спас Ликаон, решив, что это будет неплохой повод для удачного контакта.

К его счастью, мероканские дети были не пугливы. С незнакомцами их учили быть вежливыми; никто не внушал им с пелёнок, что с незнакомыми существами разговаривать нельзя. Элле поблагодарил неизвестное существо, прополоскал одежду, свою и сестры, расстелил на камнях и снова поблагодарил Ликаона. Спросил застенчиво:

– А вы с какой планеты? – Не уверенный, что спасителя этот вопрос не обидит. Миа, та вообще забыла, что вымокла и испугалась: смотрела на Ликаона, разинув рот.

Я не совсем понял вопрос. – Изобразив самое приветливое выражение на лице, сказал Ликаон, и Элле покраснел, как все мероканцы, пятнами.

– Я высококлассный андроид с киборга, название которого пока должно остаться в тайне; а на планете я впервые. Видите ли, я недавно осиротел, – тут Ликаон изобразил скорбь, – моя хозяйка потерялась, напоследок приказав мне исполнить её долг. Мне необходимо выяснить, где я нахожусь, и где относительно меня находится Луана, чтобы вы-

полнить свою миссию.

– Ух, ты! – Обрадовался Элле. – А меня зовут Элайр Вера, я мероканец Военной Касты, мой Дом знаменитее, чем Гем. Меня можно называть Элле. А это моя сестра, Миа, она у нас единственная, из шести братьев. Девочек Военной Касты всего пятнадцать, на все Дома. А у тебя номер, или имя?

– Приятно услышать интеллигентный вопрос. – Одобрительно заметил Ликаон, и Элле снова покраснел, на этот раз от радости. – У меня есть имя, которое поднимает меня на недоступную нумерованным андроидам высоту. Меня зовут Ликаон. Обслужа моего класса обладает собственной личностью, то есть, способна радоваться, скучать и даже страдать, испытывать удовольствие, как, например, сейчас, от общения с культурными и вежливыми людьми. Могу ли я надеяться, что вы не выдадите меня кипам и поможете определиться, где находится Луана и как мне туда попасть?

– Конечно. – Гордясь собой, ответил Элле. – Кипам мы тебя точно не выдадим. А что там была за авария?

– С помощью этой аварии я как раз и сбежал от одного из кипов. Это было не очень гуманно, но другого выхода не было. От быстроты моих действий зависит жизнь людей в глубоком космосе. Они ждут помощи. Но кипы пока об этом знать не должны.

– А эти люди – мероканцы?

– Да! Двое мероканцев, я хорошо их знаю. Симпатичные, культурные люди.

– Луана на юге, а точнее я не могу сказать. – Смутился Элле. – Я ещё не учил географию. Вообще-то, я сам из Луаны, и завтра утром мы туда возвращаемся. Я мог бы взять тебя с собой, если только папа... А может, мы просто тебя спрячем? Мы возвращаемся на катере, по морю. Там просто можно тебя спрятать. Но ты на самом деле не хочешь никого убить или взорвать?

– Помилуйте! – Ликаон молитвенно сложил руки. – Я просто обслуга, оружия у меня нет и не было! Я могу только защищаться, но проявить агрессию просто не способен!

По дороге домой Элле и Миа договорились, что ни за что никому не скажут, особенно взрослым, но за ужином так переглядывались и перемигивались, что родители непременно заметили бы и быстро всё узнали, если бы не были заняты собственными проблемами. Улетая на Савалу, Ва сообщила своим, что нашла их родственника, и улетает с ним вместе. Её поступок казался родным каким-то безумием.

– Хоть бы объяснила что-то! – Злился Адрейн. – Живёт сама по себе, словно у неё нет Дома!

– Неужели Ивайр на самом деле убил столько людей на Вьерре, как говорят? – Сокрушалась Оэ. – Теперь-то он не киборг?

– Ва не стала бы помогать ему, будь это правда. – Возразил Кейсар. – В сестре я уверен: она сумасбродка, но умница и молодчина. Я думаю, она узнала что-то, что расположило её в его пользу, а её трудно обмануть.

– Мир сошёл с ума. – Досадливо отмахнулся Адрейн. – Мероканец из Дома Вера – убийца, член команды мародёров! Что рожицы корчите?! – Набросился он на детей. – Нечего слушать взрослые разговоры! Доели? Спать!

Наутро он опять не обратил внимания на странное поведение детей, собирающихся в дорогу. От Ва больше не было никаких вестей; они знали, что Ва летит на Савалу, но зачем, могли только гадать. Даже Оэ не замечала никаких странностей, опечаленная недовольством мужа. Таким-то образом Ликаон очутился в Луане максимально быстро.

Утром того дня, когда катер Вера входил в залив Луан, Тибру Заэм вызвали из её собственной лаборатории в большом научном комплексе. Гигантские стеклянные оранжереи, заполненные мероканскими растениями и заселённые мероканскими животными, птицами и насекомыми, полные журчания воды и резких и мелодичных криков живых существ, скрывали в себе ещё и вполне удобные лаборатории, стерильные, оборудованные по последнему слову Союзной техники. Подобного комплекса не было даже на Кинтане, и мероканская Община заслуженно гордилась им. Здесь стремились работать учёные со всего Союза, со всех его планет, даже кипы. А Тибра Заэм очень гордилась тем, что в этом комплексе существовала уже три года лаборатория с её именем, что означало особый статус её владелицы. Работать с нею было честью для многих, имеющих вес и имя учёных.

С той самой, знаменитой операции по спасению наркомана – кинтанианина, она прославилась, пожалуй, на всю Вселенную, и теперь напряжённо работала с двумя раббианами и одним кинтанианином над усовершенствованием своего метода. Как известно, тот её пациент больше не был рабом решерша, но и здоровым человеком считаться не мог; а она стремилась к безупречному результату. Последнее время её нервировали разговорами об офтах. Несколько раз её вот так же вызывали из лаборатории среди рабочего дня, чтобы сообщить какие-то «достоверные» сведения о каком-то офтмероканца, умершего тысячу лет назад, и она была раздражена и настроена весьма агрессивно.

Но в этот раз речь вряд ли могла идти об офтах. На выложенной розовым мероканским мрамором дорожке под широкими листьями диффенбахии стояла молоденькая мероканка Военной Касты, высокая, крупная, смуглая, синеволосая, одетаязывающе и своеобразно во что-то пёстрое, обтягивающее, но сшитое словно из лоскутьев и шнурков, и прикрывающего минимум поверхности прекрасно сложенного и развитого тела. Девушка энергично жевала красную смолу, которую обожали кортиане севера П'инманы, и разглядывала окружающие деревья.

– Меня зовут Туе Асте. – Щёлкнув смолой так, что Тибра вздрогнула, сказала девушка. – Я только что приехала. У меня умер Предок, и я, в общем-то, одна.

– А! – Очнулась Тибра. – Конечно. Я знаю. Мы уже запра-

шивали Чару о тебе, но там сказали, что ты уже уехала.

– Вы не очень обидитесь, если я не захочу взять имя Заэм и войти в ваш Дом? У меня есть средства, и я хочу оставить имя Туи.

– А ты хорошо подумала?.. Впрочем, это проблема Тарвы, она у нас старшая. Чем ты хочешь заняться? – Она никак не могла понять, чего в таком случае эта странная девушка может захотеть лично от неё, Тибры? Устроиться на стажировку в комплекс?..

– Я разработала программу восстановления Мерака. – Заявила Асте. – И намерена предложить её Общине.

– О... – Тибра замешкалась. Нелепая девушка, пахнущая смолой, как кортиянка, выглядела абсолютно уверенной в себе. На плече у неё была татуировка Затаившегося Волка – татуировка редкая и особенная, смысл которой по-русски можно было бы выразить в словах «всегда готов!». Тайный же её смысл заключался в том, что действия её обладателя не могут оцениваться однозначно, поскольку имеют далеко идущие последствия. – Но Мерак невозможно восстановить. Он заражён чумой.

– Я знаю. Но неразрешимых проблем нет; эта тоже решаема. Я – Кровь Руэлов, и имею право на часть их имущества. Эту часть я имею право пустить на развитие своего проекта.

– Твоё право. – Тибра решительно не знала, что ей делать со странной девушкой! – Это, конечно, будет решать Община.

– А я хотела поговорить как раз о чуме. С этим вирусом кто-то работает?

– Вообще-то нет. Но образцы у нас есть. Ты хотела бы... сама?

– Нет, в вирусологии я не сильна, к сожалению. А что нужно для того, чтобы эта работа возобновилась?

– Решение Совета. – Тибра начинала чувствовать себя глупо, повторяя одно и то же перед этим амбициозным подростком.

– Спасибо. – Асте оглушительно щёлкнула смолой, и Тибра опять вздрогнула. – Тогда я полечу к судье Таш.

– Это ещё похлеще Ва будет. – Пробормотала Тибра, возвращаясь к себе. Она решила, немного подумав, что о нелепой девчонке можно просто забыть – в самом деле, кто способен принять всерьёз её амбиций? – но, конечно, ошиблась. Асте была очень целеустремлённой и настойчивой девочкой, и уже вечером того же дня очутилась на вилле судьи Таш, перед нею самой и её неизменным спутником, Нита Эшеном.

Судья отнеслась к Асте с гораздо большим вниманием и уважением. Она хорошо знала Предка – прадеда Асте, Туи Сейнара. Он, да его внучка, мать Асте Ива, – вот всё, что осталось от многочисленного, и богатого Военного Дома, правда, не очень древнего. Возник он на Корте, когда Оэ Кайл, единственная, оставшаяся в живых Кровь этого некогда значительного, знаменитого и сильного Дома, вступила

в брак с таким же одиноким Волком Туи. За четыреста лет Дом расцвёл, умножился, приобрёл вес и славу, но погиб в Геште почти полностью. Оставшаяся в живых Ива погибла через семь лет после Гешта, во время очередного теракта, оставив деду крохотную правнучку, дочь Гейна Руэла. Предок не захотел перебираться ни в Луану, ни в Дину из пригородов Чары, где жил с Асте тихо и незаметно до самых последних дней, но связь с друзьями в Луане поддерживал; в частности, не редко общался с судьёй Таш, о чём она и вспомнила сейчас, беседуя с Асте. Начав хвалить Предка, она заметила, как подозрительно заблестели у девочки глаза, и перевела разговор на другое.

— Заэм были бы рады принять тебя к себе. — Сказала она. — При том кочевом образе жизни, который обе они ведут, ты их не стеснишь никогда; а бабушка Туи только счастлива будет компаньонке.

— Я не прихотлива. — Возразила Асте. — Но я хочу сохранить имя Дома. Может, выйду замуж, и смогу возродить его?

— Это похвальное намерение, и Община, конечно, поддержит тебя. А что касается имущества Руэлов... Здесь есть один нюанс. Я прошу тебя подождать один месяц. Это всего лишь просьба, поскольку право твоё законно, и отказать тебе Община не может. Твои собственные средства вполне достаточны?

Асте наморщила лоб, раздумывая.

— Разве есть ещё наследники? — Спросила она наконец. —

Какие ещё могут быть нюансы?..

Судья и Нита Эшен переглянулись. Повисло молчание – недолгое, но красноречивое. Неизвестно, чем бы оно окончилось, но неожиданно на террасе, где происходила беседа, появились три новых персонажа: мальчик с девочкой, хорошо знакомые судье и её другу, и андроид. Этот последний церемонно вышел вперёд, вежливо взмахнул руками и произнёс:

– Приветствую судью Зилу Таш! Я Ликаон, прислуга Анны Мессейс, и у меня есть чрезвычайно важная информация для вас!

Именно так, благодаря двум мероканским ребятишкам, Ликаон вошёл в крипт Адрии вместе с судьёй Таш, и частично успокоил Анну на счёт Грита в первые же секунды. Увидев его, Анна вздохнула с облегчением, улыбнулась, быстро стёрла навернувшиеся слёзы. Не так много времени прошло с того момента, когда она рас прощалась с самой надеждой выжить; и вот, пожалуйста, всё именно так, как она хотела и как планировала с самого начала, а может, и лучше.

Судья подошла ближе, остановилась, несколько секунд разглядывала Анну, потом скрупо, но приветливо улыбнулась в ответ.

– Прежде всего, позвольте принести вам мою бесконечную благодарность за внука. Он всё, что осталось от моего

Дома; мне тяжело пришлось, когда я полагала, что он погиб на Пскеме.

– На Пскеме?! – Переспросила Тарва, резко поднимаясь со своего места. – На Пскеме! Откуда вы?! – Требовательно обратилась она к Анне.

– С Грита. – Ответила та. – Наверное, нет смысла скрывать это теперь.

– От Командора, действительно, скрывать это не зачем. – Поправила её судья. – Но вот от остальной Общины пока необходимо держать это в тайне. По крайней мере, пока вы не покинете Корту. Но вы, наверное, хотите, наконец, покинуть космос? – Обратилась она к Анне. – По дороге я введу вас в суть возникшей проблемы; вас ждут в Луане. Вас ждёт Дом Вера, чтобы узнать кое-что о своей Крови. Для них это страшно важно сейчас.

– О своей… О! – Анна сообразила, о чём, вернее, о ком она. – Конечно. Я понимаю.

Насколько она знала, женщине, которую она сейчас видела перед собой, было сто два года, но выглядела она, как выглядит на Земле очень ухоженная и тщательно следящая за собой женщина едва за пятьдесят. Очень красивая, с лицом индианки, тонким силуэтом и руками пианистки, высокая, изысканная и уверенная в себе – ещё бы, глава высокого Совета мероканской Общины! – она была из тех людей, кто всегда внушал Анне естественную симпатию и уважение, вплоть до благоговения. Её спутника Анна тоже узнала сра-

зу – это был тот самый эстет, которого Анна слушала в новостях, Интуитор Нита Эшен. Она слегка удивилась, когда судья представила его, как своего друга, с оттенком чего-то такого, во что Анна сначала не могла поверить, списав первое впечатление на свою земную испорченность. Уже много позже она поняла, что всё-таки была права: Зила Таш и Нита Эшен любили друг друга очень давно. Он был моложе на пятьдесят лет, и влюбился в неё, будучи совсем мальчиком. Она ответила ему взаимностью, когда ему было уже за тридцать, а она потеряла всю свою семью, кроме внука. Это было необъяснимое влечение, противиться которому было бесполезно и опасно. Поняв это, они сошлись открыто, не пытаясь как-то узаконить свои отношения. Того, что Община бы не приняла – появления на свет скандального полукровки, – можно было не опасаться, и Община приняла их союз благосклонно. В конце концов, они были настолько гармоничной парой, что казалось – они не ссорятся, не надоедают друг другу, не испытывают никаких неприятных эмоций в обществе друг друга... Сколько бы потом Анна не общалась с ними, она не заметила ни разу ничего, что опровергало бы первое впечатление. Должно быть, столько намучившись до встречи друг с другом, они просто не хотели больше тратить время на бесполезные размолвки?

А пока она летела с ними к Корте, испытывая упоительное чувство нереальности и фантастичности происходящего. Долгое время казалось, что катер вообще не движется:

Корта практически не приближалась, хоть заполнила собою уже весь горизонт. Заметно было, как движутся облачные массивы над океаном; воздушные течения из космоса вообще были так очевидны и логичны! С нетерпением ожидая посадки, Анна пыталась отыскать розу ветров, и вдруг поняла, что узнаёт районы планеты, которую так много и так часто изучала в виртуальности.

– Ой, – забыв о сдержанности, восхищалась она, – а там Чара! А это Дин, правда?! Такое ощущение, что она выпуклая, а почему?

– Обман зрения. – Отвечал Нита Эшен, который, казалось, знал всё. – На Великих равнинах, сейчас их скрывают облака, можно наблюдать интересный оптический эффект: в солнечный день до полудня кажется, что море висит над горизонтом, как серебряная полоса. Удивительное зрелище.

– Наверное! – Анна заметила наконец, что они уже совсем близко: неожиданно стали видны детали, леса, дороги, реки, города. Теперь всё стало происходить очень быстро. Катер гасил скорость, но всё равно двигался быстрее звука и миновал верхние слои атмосферы за считанные секунды, во время которых экраны покрылись защитной плёнкой. Быстро проносясь мимо последний облачный слой, и Анна, к восторгу своему, увидела поверхность Мраморного Моря и Нижний Город, приморскую часть Луаны. Красота этого города ошеломила её, хотя в виртуальности она успела почти выучить его. Здания и корректирующие берега лестницы и набереж-

ные были сделаны из местного мрамора, который играл на солнце нежнейшими оттенками и переливами цветов в оправе из тропических растений, изобильно цветущих в эту пору. Катер, плавно тормозя, теперь почти планировал к отвесной скале над Верхним Городом. В вершине этой скалы, аккуратно выровненной, располагался космопорт Луаны; ничего похожего на то, как себе представляла раньше подобные сооружения Анна. Никаких бетонных полей и взлётных полос, на которых бы гордо выселились космические корабли. Серебристая поверхность раскрывалась перед очередным космическим гостем и принимала его внутрь скалы, где гасились за счёт специальных установок антигравитаторы и сбрасывался излишек опасной для планеты энергии. Их пассажиры оказывались в подземных уровнях порта, из которых попадали в залы распределителей и наружу, на смотровые площадки, с которых можно было улететь на лёгких флаерах, большом воздушном трамвае, или спуститься в прозрачном лифте прямо вдоль скалы, мимо грандиозного водопада, к подножию.

Внутренности Луанского порта ничуть не отличались от внутренностей обоих терминалов, на которых успела побывать Анна, только вот запах.... Сначала ей показалось, что пахнет какими-то цветочными духами; потом к этому запаху примешался запах мокрой земли – недавно прошёл дождь. Анна поняла, что это запах тропических цветов, а потом увидела и сами цветы: они в изобилии окружили смотровую

площадку, на которую вывела её судья. Молоденькая кортианка была обвешана гирляндами, которые продавала встречающим кого-то; на ней было так мало одежды, и так она была хороша, что Анна несколько секунд не могла отвести от неё глаз, пока остальные чудеса Луаны не затмили первые впечатления. Корта обрушилась сразу вся и на все органы чувств Анны, так, что голова пошла кругом. Много солнца, много тепла, много цветов, много простора, и резкие, терпкие, сладкие запахи: зелени, близкого моря, цветов, тропических испарений. Именно запахи не позволяли усомниться в реальности происходящего. Шумела Луана далеко внизу, кричали птицы и животные в джунглях, свистели, бегая по камням, ящерки, играла музыка, разговаривали и смеялись люди. У Анны, привыкшей к замкнутому пространству и тишине, голова шла кругом, даже тошнило немного от непривычных запахов, но она не хотела бы сейчас очутиться даже на Грите, ни за что на свете! Душа её, истосковавшаяся по простору и свежему воздуху, металась и ликовала, так, что хотелось смеяться и кричать. Всё вызывало в ней восторг: и шевеление под лёгким ветром буйной зелени, и рябь на поверхности реки, и грохот водопада где-то далеко...

- Вы давно в космосе? – Спросил вдруг Нита Эшен.
- Больше года! – Сказала Анна, и слёзы брызнули у неё из глаз. Пробормотала, тщательно вытирая глаза:
- Простите, я так... перенервничала немного...
- Да что вы! – Возразил Нита Эшен. – Это нормально.

Я всего два месяца провёл в космосе. Когда меня пытались вылечить. И то плакал, как мальчик.

– Вылечить?.. – Анна смутилась, но он не обиделся:

– Я один из немногих, выживших в Геште. Меня буквально из кусочков сшили обратно. Глаза так и не смогли окончательно спасти, но от искусственных я отказался. Каждые две недели мне делают новую операцию. – Он снял очки, и Анна испуганно посмотрела в его глаза: окружённые шрамами, они были разными: один был живым, а второй совершен но мёртвым, тусклым, как камень, глядевшим вверх и чуть в сторону. Судья посмотрела на него с такими нежностью и состраданием, что Анне стало не по себе. Она некстати подумала, что никто не смотрел так на неё, на взрослую, по крайней мере. Разве постоянные операции на глазах – большая плата за такую нежность?

– На Гrite уникальные лаборатории. – Произнесла она несмело. – Я думаю, если всё пойдёт хорошо, и он будет здесь, можно будет...

– Конечно. – Мягко произнесла судья. Нита Эшен усмехнулся, и надел очки. Лифт остановился. Они были у подножия скалы.

Верхний Город теперь был прямо под ними. Заросли лепидоденронов окружали площадку, на которой лифт оставил своих пассажиров; немного выше площадки в скалу врос небольшой старинный кортианский храм. Сравнить его с чем-то земным было сложно; множество тонких колонн и

яйцевидных арок, странные гротескные фигуры, увитые тропической зеленью, множество тонких водяных струй, падающих на мраморные ступени... Анна загляделась на него, а судья сказала:

– Дом Вера приглашает вас пожить у них эти несколько дней, которые уйдут на сборы. Я, разумеется, приглашаю вас тоже. Но вы можете остановиться и в собственном Доме. Что для вас более приемлемо?

– Собственный дом был бы... я не хочу показаться неблагодарной, но мне очень любопытно, понимаете?

– Понимаю. Конечно. Как выяснилось недавно, на имущество Руэлов имеется ещё одна претендентка; по факту она приходится двоюродной племянницей Кейвару. Она знает о вас: ваш Ликаон назвал при ней ваше имя, – и мы полагаем, что ей необходимо на время исчезнуть с Корты. Скажем, полететь с вами на Грит? Она может оказаться полезной.

– Она? – В некотором замешательстве переспросила Анна.

– Туи Асте, очень юная девочка, ей и шестнадцати нет. Я боюсь, что сейчас, когда ситуация начнёт проясняться, она неизбежно попадёт под удар. Мы с Эшем – люди закалённые, и уже очень давно ничего не боимся; Дом Вера – многочисленный и опасный, а она совсем одна. Она, как бы это сказать, нонсенс, сирота, Дом Туи не существует более, но войти в родственный Дом Заэм и утратить имя она не захотела. Это редкое мужество для мероканки – решиться ость-

ся без опёки и защиты Дома, – и мы приветствуем его, но в данной ситуации ей грозит нешуточная опасность. Община, конечно, постарается защитить её, но, не опасаясь мести Дома, заинтересованные персоны могут пренебречь этой защищённой. Такое уже, к нашему прискорбию, случалось. Община не обладает тем эмоциональным полем защиты, какое имеет Дом, мы выполняем долг, и только.

– Я понимаю. – Анна действительно понимала. В её жизни был момент, когда, стремясь защитить сына, она на этой самой эмоции совершила невероятные вещи. Она помнила, как её внутренний порыв подчинял даже эмоции других людей, уступавших в ситуациях, где уступка казалась невозможной. Мысли о Доме становились с каждым часом всё более осозаемыми и конкретными. Она начинала понимать, сердцем, что такое Дом.

«Бедная девочка. – Думала она об Асте. – Бедный Ив».

Флаер изящно спланировал к небольшому острову на границе Дельты, одному из многих, созданных разрезавшей мраморное плато на неравные части Луан. Ещё буйные в этом месте, воды её разбивались о скалистое основание и, пенясь, обтекали его с двух сторон. Меж двух потоков с восточной стороны, защищённая камнями, образовалась тихая уютная заводь. Хозяева острова удачно и с большим вкусом преобразовали её берег, где обработав мрамор и превратив его в карнизы и ступеньки, где оставил, как было, и бухта вы-

глядела просто идеально. Флаер приземлился на берегу бухты, и вверх, по ступенькам, сквозь буйные заросли тропических растений, пришлось подниматься несколько минут. Где-то на середине пути Анна обернулась: панорама Луаны лежала перед нею на фоне бирюзы и жидкого золота залива. Царство воды, пышной зелени и мраморных строений – скорее, Атлантида, чем мегаполис космической эры.

Но ей ещё предстояло увидеть свой дом. Нита Эшен намеренно подлетел к острову так, чтобы она не увидела его раньше времени; чтобы не испортилось впечатление.

Дом был выстроен в старинном синардийском стиле: в форме корабля, «кормой» нависавшего над прибоем. Вход, окружённый тонкими высокими пилонами, был в «носу» – высокие двойные двери из тёмно-красного стекла и чёрного дерева. Два крыла, выходивших из кормы и плавно окруживших бассейны с фонтанчиками и рыбками, были террасами, с множеством тонких колонн, скамейками, вазами, из которых свисали пышные цветы, решётками, по которым вилась пёстрая зелень. Всё было ухоженным, идеальным; площадки сверкали чистотой, дорожки – посыпаны крупным серым песком и тщательно выровнены; зелень ежедневно подстригали и прореживали садовники – андроиды, часть которых трудилась в саду и в этот момент. Но жизни в вилле не было, как в музее: и сад, и дом были полны тоски и воспоминаний.

– Прошу. – Нита Эшен пропустил Анну к двери, и она, не найдя ручки, просто толкнула створки, которые легко сло-

жились в стороны. Из дома напахнуло ароматной прохладой, такой приятной после непривычно-жаркого воздуха. Внутри было такое же чёрное дерево, красное и прозрачное стекло, пёстрый мрамор. Длинный, высокий, на все три этажа, холл пронизал всё здание и оканчивался стеклянной стеной: красной, с большой прозрачной розеткой посередине. Всё сверкало нетронутой чистотой; блики от стеклянного потолка перемежались пятнами солнечного света и ажурными тенями.

— Как же это... — Анна не нашла слов, все казались либо тусклыми, либо высокопарными. Вошла внутрь, первой, огляделась. Несколько лестниц уводили из холла на галереи с множеством дверей. Анна медленно прошла через весь холл, выглянула в окно — розетку. Прямо напротив, вдалеке, но отлично видный, сверкал меж зелени серебром и пеной водопад.

— Когда вы официально заявите себя, как Дом, — сказал Нита Эшен, останавливаясь рядом, — вам придётся устроить приём, на который Кровь других Высоких Домов придёт в костюмах эпохи основания Дома. Вы увидите, как мероканцы менялись на протяжении тысяч лет. У нас есть древнейшие Дома: Мессейс, Гемы, Заэм. Есть совсем новые, кортианские Дома. Вы будете поражены этим зрелищем. Община давно не знала таких торжеств!

— Мне тревожно. — Призналась Анна. — Я пока не чувствую себя дома...

— Дом — он в сердце. — Возразил Нита Эшен. — Зерно люб-

ви, которое согреет любые стены, не только такие же роскошные, как эти. Вы сейчас напряжены, вы в состоянии стресса и защиты. Расслабьтесь. Все страхи – воображаемы, все врачи – призрачны. Где бы вы ни были, вас хранит и защищает ваш Дом.

– Мы с Кейвом встретились так недавно. И жили до этого так по-разному.

– Вы не можете надеяться на него?

– Могу… – Возразила Анна, впервые подумав об этом, и вдруг поняв, что действительно может.

– Могу! – Повторила уже для себя.

– Вот видите. – Улыбнулся Нита Эшен. Улыбка у него была академическая, словно он отмерял её по миллиметру, со-размеряясь с пропорциями всего лица. Анна невольно улыбнулась ему в ответ. Обернулась. У дверей, в дальнем конце холла, виднелась тонкая фигурка судьи. Помахала им рукой.

– У вас два часа. – Сказал Нита Эшен. – Потом кто-нибудь из Вера прилетит за вами.

– А где девочка?

– Она тоже у Вера. Мы опасаемся оставлять её одну, она так беспечна! Истинный волчонок.

– Спасибо вам. – Анна проводила их до двери, но наружи не вышла. Она так привыкла к стерильному воздуху и климату космического корабля, что даже несколько минут на солнце подействовали на неё не лучшим образом.

Ликаон тем временем, исчезнув где-то в недрах дома, на-

чал обживать его. Тихие гудение, щелчки и шевеление говорили о том, что дом включается и оживает. Забили фонтанчики в бассейнах, воздух в доме приобрёл тонкий, почти неуловимый аромат. Задвинулись затеняющие щиты на крыше, холл погрузился в полумрак. Анна всё медлила в дверях. Она думала о ребёнке – о своём ребёнке, который мог бы вырасти в этом доме, играть в этом саду, не зная ни болезни, ни бедности. О себе: о печальной больной девочке, которая не помнила своего детства. Ей было больно, но боль больше не имела власти над ней. Она вылечилась, и чувствовала себя готовой ко всему.

Вернувшись в дом, она целый час только ходила и заглядывала в двери на всех этажах. Первый этаж был предназначен, видимо, для отдыха, вечеринок и семейных трапез: гостиные чередовались с барами, уютными, окружёнными зеленью, ширмами, аквариумами и экранами; второй этаж – для работы, учёбы и других занятий. Там было буквально всё, в основном такое, для чего Анна и названия – то не знала. Третий этаж был жилым. Спальни, ванные комнаты, маленькие гостиные, самые разные, на любой вкус. Анна нашла комнату, из которой виден был залив; просто воплощение её давней мечты: гардианские окна от пола до потолка, балкон, высокие потолки, светлый блестящий пол. Комната не была обставлена; Анна позвала Ликаона, который мигом притащил ей компьютер, с которого она вошла в дизайнерский архив. Просмотрела несколько каталогов, быстренько

смастерила макет в цвете и объёме, сделала заказ. В виртуальности она много раз под руководством Рокела это делала; теперь было так легко! На всякий случай заглянула в архив Руэлов, справилась, какими средствами они с Кейвом располагают. Оказалось, что если она нарядит всю Луану в карнавальные костюмы и покрасит все её лестницы в зелёный цвет, а потом вымоет их – это на средствах Руэлов не отразится практически никак; их всё равно останется нечеловеческое количество: вся нерастраченная прибыль от колосального хозяйства за двадцать пять лет. Это обнадёжило. Анна вернула незнакомой пока Рос средства, что потратила на терминалах по пути на Корту, и вдруг вспомнила про стержень, что сунул ей в руку Рон Леа. Колеблясь, вынула его и посмотрела на свет, как будто это могло ей как-то помочь. Такие стержни были стандартными носителями информации; чистые были зелёными, использованные слегка желтели. Этот был жёлтым. Анна колебалась, испытывая иррациональный страх. Как перед полётом на Пскем – словно после того, как она посмотрит эту запись, её жизнь вновь радикально изменится… Даже хотела отложить просмотр на потом, но, упрекнув себя за нелепую трусость, вставила стержень в нужное гнездо.

Это был снятый Шитахой фильм. Оцепенев, Анна смотрела на Ива, живого, настоящего, но потеряного и оглушённого, и сердце её бешено билось, отдаваясь гулким шумом в висках, лицо горело. Шоком было то, что он теперь – не

робот, ещё большим шоком было то, что они обрекли его на такое унижение и такой позор. Шитаха безмятежно называл его товаром и перечислял его достоинства и преимущества такого товара перед клонированием, а Ив слушал всё это с отрешённым выражением на лице. Он стал другим – Анна не думала о нём никогда Так, – и в то же время это был он, самый близкий её друг, тот, кого она поклялась найти и вытащить во что бы то ни стало. Шитаха лишил его преимуществ киборга, сделав абсолютно беззащитным и зависимым, а она, Анна, не смогла вовремя выкупить его! Что он чувствовал, что думал о ней?! При мысли о его чувствах её охватили ярость, тоска и отчаяние, и гнев, такой сильный, что она едва не разбила ни в чём неповинный проектор. «Что делать?! – Металась она. – ЧТО делать?!» – И плевать было, что когда-то потом она сможет таки его найти. Теперь, сейчас, ему было плохо, а он даже не знал, что его ищут, что его хотят спасти! Именно его страдание и не давало покоя Анне, как всякому, кто хоть раз пережил страх за попавшего в беду близкого человека. Она так поглощена была этим мучительным чувством, что Ликаону три раза пришлось повторить, что внизу её ждёт Тайнар Гем, пока она наконец это услышала. Показать своё отчаяние она Тайнару не хотела, и привела себя в порядок, спустившись к нему с приятной улыбкой и спокойным лицом.

Он переоделся, снял космические ботинки и лётную фор-

му, и являл собой, на вкус Анны, совершенный образец привлекательного мужчины.

– Никогда не был здесь. – Улыбнулся он ей. – Шикарное место.

– А где живут Гемы?

– Везде. – Озорные морщинки собирались у его глаз. – Это очень большой Дом. Но официальная вилла Гемов в Ане. Поменьше, конечно, на окраине города, над водопадом. Очень красиво, в гардианском стиле, просторная, с террасами и маяком. Будете в Ане, зайдёте в гости.

– Спасибо, буду в Ане – зайду обязательно. А где живут Вера?

– В Дине. Здесь у них небольшой дом в Меларе, сейчас мы туда.

Они вышли на свет и жару. Анна немного поколебалась у дверей: как это запирать?.. Но когда они сюда пришли, было не заперто. Наверное, в Луане это не принято? Счастливый мир!

По её просьбе Тайнар повёл флаер по широкой дуге вокруг побережья, чтобы Анна могла посмотреть на город, и полетел на восток, над обширным плато, изрезанным каналами.

– Это Мелара. – Рассказывал Тайнар. – Здесь мероканцы воссоздали кусочек Мерака: срезали верхушки скал, создали идеальное плато, провели каналы и построили первые дома. Видите? Распланировано идеально; и растительность меро-

канская, адаптированная к Корте, а в каналах – мероканские животные. Изначально ведь все мероканцы жили здесь, за силовым барьером. Большинство Домов выглядело так: один – двое взрослых, и несколько детей. В Доме Гем была одна бабушка Оэ, семеро мальчиков и одна девочка. В Доме Вера – две девочки и мальчик, Кейсар, семнадцати лет.

– Это ужасно. – Прошептала Анна, глядя вниз. Мелара, напротив, выглядела прелестно, хоть и казалась чужеродным вкраплением среди кортианской сочной и тёмной зелени: растения Мерака были сизыми, пёстрыми, желтоватыми, кое-где оранжевыми и даже бордовыми. Зелени было мало, и вся она имела весенний, изумрудный оттенок. Очень много было цветов: цвели деревья, живые изгороди, лужайки и поверхность каналов. Видимо, гены были тому причиной, но Анна испытала острое чувство узнавания и ностальгии, у неё даже слёзы навернулись на глаза, как при виде давно покинутого родного дома. Сама того не замечая, она вцепилась пальцами в сиденье, в груди стало тесно, дыхание участилось.

– Вот и я то же самое испытываю, если давно тут не был. – Заметил Тайнар. – Это память предков, она в каждом из нас.

– Я была на Мераке. – Сказала Анна, заглядываясь на ровные ленты каналов. – Там кошмарно теперь.

– Вы были на поверхности? – Немного опешил Тайнар. – Но там же чума?

– У нас есть лекарство, на Грите. Л:вар создал вирус, и

сейчас он у нас.

– Но это... – Тайнар ничего больше не сказал, пока не посадил флаер на просторной посадочной площадке, с которой они спустились в лифте и пошли по узкой дорожке между каналом и живой изгородью.

Вилла Вера стояла в глубине большого парка. На веранде их встретили несколько детей: три мальчика и маленькая кудрявая девочка. У младшего мальчика были глаза и рот Ивайра; у Анны сердце сжалось при взгляде на него. В кустах возбуждённо бормотали гленки, выдавая эмоциональный настрой обитателей виллы.

– А это я привёл вашего Ликаона к судье! – Гордо сказал похожий на Ивайра мальчик. – Меня зовут Элайр Вера, можно просто Элле.

– Отец где? – Спросил Тайнар.

– Все на крыше.

Девочка требовательно протянула ручки к Тайнару, но глядела, слегка насупившись, на Анну. Поперёк высокого лба у неё пролегла тонкая морщинка. Точно такая же морщинка была у обаятельной смуглой мероканки с тёмными глазами, которая вышла к ним, сама взяла девочку на руки и тревожно посмотрела на Анну.

– Здравствуй, Оэ, солнышко. – Тайнар, который был двоюродным братом Оэ, ласково поцеловал её в щёку. – Всё хорошо.

– Все здесь уже. – Нервно повторила она.

Анна её понимала. Увидев детей, она ничего не ждала для Ивайра. Уже заметная беременность Оэ усугубляла это чувство. Но остальные Вера, и их Кровь Домов Гем, Олай и Керв, ни встревоженными, ни смущёнными не выглядели. Помимо родственников, здесь была Тарва, уже знакомая Анне, и судья со своим неизменным спутником. Главным, как сразу же поняла Анна, был высокий худощавый гардианец с голубовато-пепельными волосами, собранными в простой хвост. Анна ещё не научилась определять возраст мероканцев, которые жили до трёхсот и более лет; ему могло быть и тридцать, и около сотни. Он не отличался красотой черт, но был из тех, кого женщины любого человеческого мира безошибочно выделили бы из толпы мужчин, как наиболее мужественного и интересного. Это был Вера Адрейн, самый известный и влиятельный представитель своей Касты, да и всей Общины, наверное. Маленький, тонкий, женственно красивый брюнет с лиловыми глазами и руками музыканта, был Кейсар Вера, лучший нейрохирург Союза. От Гемов были худой старик, Гем Тайвар, – судя по его внешности, ему было далеко за триста, – и Тайнар; от двух других Домов были так же, глава Дома и один из родни. И, наконец, здесь присутствовала Асте – стояла, опершись лопатками о стену, и жевала смолу.

– То, что я расскажу, – начала Анна после того, как судья Таш назвала её имя, – станет очень опасным знанием для каждого из вас. Подумайте и решите, стоит ли рисковать так

сильно.

— Мы уже приняли решение. — Сказал за всех Адрейн. — Именно поэтому здесь сейчас не весь Дом, и не все представители нашей Крови от других Домов. А те, кто здесь присутствует, и так являются постоянными мишенями из-за своего происхождения, своих знаний, своего влияния в Общине. Мы привыкли и не боимся.

— Хорошо. — Кивнула Анна. — Я уже говорила некоторым из вас, кто я на самом деле. Я действительно Мессейс, но не то же, что Кейвар; я настоящий двойник, та, кто украл Грита из Лиги.

Как они смотрели на неё! А потом Кейсар сказал:

— Гениально! Кто ещё мог бы быть полностью идентичным ему, не будучи им самим? Только женщина, его второе «я»! Но откуда вы?

— С планеты, пока ещё неизвестной ни Союзу, ни Лиге; но Вэйхэ о ней знают. Цивилизация на этой планете только-только начала выходить в космос, и о жизни на других планетах там ничего не знают. Я жила долгое время, понятия не имея, что со мной не так — просто не вписывалась в этот мир, пока не нашла маяк, и тогда Вэйхэ забрали меня. Они прислали за мной андроида Зака, которого я приняла за живого человека. Мои дела к тому моменту были такими погаными, что я согласилась улететь, не задумываясь. Сейчас я понимаю, что Зак не сильно и старался, просто мне немного было нужно — внимание и немного заботы. Я даже другом его

считала. – Анна покраснела, но никто не улыбнулся. – Вэйхэ доставили меня на Биэлу; по пути Зак научил меня элемен-тарным вещам: как пользоваться компьютером, как общаться с киборгом. Думаю, их планы на счёт меня этим и ограничивались. – Она перевела дух. – На Биэле какой-то Сихтэ помог нам добраться до Грита и проникнуть в него.

– Сихтэ?! – Переспросила Тарва. – Сихтэ участвовали в похищении!

– Да. – Кивнула Анна. – Они же, как я потом узнала, устроили так, чтобы на Грите в момент похищения почти никого не было, кроме киборга. Зак дал мне курс, по которому я должна была отправить Грита, едва мы проникли в корабль – просто прижал свою ладонь к моей. В крипт я вошла одна. Грит признал меня и выполнил приказ; в этот миг киборг уже у самого крипта убил Зака. Всех Вэйхэ, с которыми мы проникли на Грит, он убил ещё раньше. Он убил бы и меня, но отреагировал на мой голос, как и Грит. Это был Кайл Ивайр, ваша Кровь, точнее, киборг, составной частью которого, и не самой главной, был ваш родственник очень долгое время. В первые часы нашего знакомства он был просто робот – делал то, что я приказывала, отвечал на мои вопросы, не проявлял ни малейшего любопытства относительно того, кто я и что делаю на Грите. Ему было всё равно, что я не его хозяин, хоть он это и видел – на мой вопрос он ответил, что его это не касается, он просто выполняет свой долг. А потом... в одном нашем разговоре я спросила, как его зовут.

Эта фраза, произнесённая мною, стала ключом к его сознанию. Оно освободилось, частично, правда, но он вспомнил, кто он, понял, что он такое, и получил относительную свободу. Он по-прежнему не мог мне перечить, и ему приходилось прилагать много сил для того, чтобы позже сражаться с представителями Лиги.

— Сначала он хотел, — вновь переведя дух, продолжала Анна, — убить себя. Но пожалел меня. Я осталась одна; мне было так страшно! Я не знала, что думать, что делать, куда деться. Я была такой неопытной! Если бы не он, я даже не знаю, где была бы сейчас, и где был бы Грит, и что происходило бы во Вселенной. Он был... я гордилась бы такой Кровью, как он! Я горжусь тем, что стала его другом. Его не сломали ни сотни лет в Зэме, ни служба Л: вару, которого он ненавидит, ни собственное отчаяние, ни безнадёжность. Я видела, как ужасно он переживал то, что делал для Лиги, но даже это не сломало его. Всё, что он делал, как Кайл Ивайр, безупречно. Он помог мне определиться, понять, кто я, зачем, и на чьей стороне; он много раз спасал и мою жизнь, и мой рассудок. Он спас меня от одиночества. Я была настолько чужой! Он был таким терпеливым, и учил меня не только мероканско-му языку.

— Первым моим решением, — продолжила она после паузы, во время которой никто не издал ни звука, — было — лететь по курсу, данному мне Заком. Я просто не могла определиться. Мы прилетели на Т'огл, где находилась заброшен-

ная база Агой, и там нашли блок для перепрограммирования киборга; мы решили, что его оставили Вэйхэ, чтобы сразу же после похищения сделать это; потом на Элва – Маун, где на такой же базе Агой нашли антивирус мероканской чумы...

Тут её впервые перебили. Асте громко щёлкнула смолой, и воскликнула: «Ола!» Кейсар и Тарва одновременно спросили:

– Точно?!

– Да, я испытала его действие на себе. – Чуть покраснела Анна. – Я была на Мераке, подхватила чуму, и Ивайр в очередной раз спас меня.

Теперь даже Тарва смотрела на неё с изумлением, и это Анне польстило.

– После Элва – Мауна мы едва не погибли. Это была моя вина: я хотела больше информации и отправила Грита дальше по курсу, хотя Ивайр был против. Он даже хотел прикончить меня, заподозрив в служении Лиге, но не смог. Мы очутились на терминале Сихтэ Оотэ... Там был ещё один маяк, о котором мы не подумали, и который притянул меня к себе. Оказалось, что Оотэ проводит опыты над людьми, стремясь создать совершенного гуманоида, с интеллектом последнего, но физическими возможностями людей. Она же создавала вирусы, которые должны уничтожить людей окончательно. Ивайр чудом вытащил меня оттуда, убил Оотэ и взорвал терминал. На Грире оказались двое Сихтэ, которые спасались от взрыва; я с ними поговорила... Оказалось, что похищение

Грита организовали именно они, заключив договор с Вэйхэ и предав их. Киборга именно Сихтэ задержали на Гrite. Чего они не могли предвидеть, так это того, что сознание киборга можно разблокировать, и у меня появится союзник – мероканец. У них были свои планы. Они хотят уничтожить Л:вара; украв Грит, они хотели сделать его приманкой, чтобы выманить его с Биэлы и заманить в ловушку. Уничтожив его, они собирались накачать меня пска и выдать за Л:вара, чтобы не было проблем с риполианами.

– Но почему?! – Не выдержал Адрейн. – Это же действительно важная новость! Если риполиане узнают об этом... Ти и Мерц!

Анна промолчала про трансформаторы – сама не знала, почему. Что-то удержало. То, что она уже сказала, и без того было важно, судя по реакции таких мероканцев, как Тарва, судья и Адрейн. Когда собравшиеся поделились эмоциями и попросили её продолжать, она рассказала, как решила наконец изменить курс.

– Ивайр считал, что меня поджидают везде, и лучше не рисковать. Мы искали место для стоянки, и совершенно случайно обнаружили неизвестную человеческую цивилизацию. Пелл. У них случилась катастрофа – Пелл спутник газового гиганта; в результате столкновения с кометой ось планеты – хозяйки сместилась, и Пелл замерзает. Цивилизация гибнет. Я не знала об этом, меня просто разобрало любопытство. Ивайр был против, но я настояла на своём, и, конечно,

мы были захвачены пеллианами. Ивайр был серьёзно повреждён, когда мы попали в ловушку; программа киборга запрещала ему причинять вред офицерам Лиги, но он сделал это, и его это... слегка повредило, поэтому пеллиане смогли в первый момент его захватить. Потом... один молодой пеллианин предложил нам свою помощь в обмен на то, что мы заберём его и нескольких его друзей, и доставим на необитаемую планету, подходящую для них. Я согласилась. – Она снова покраснела. – Ивайр сказал, что не сможет вытащить меня без жертв. Я понимаю, что не должна была этого делать, но в тот момент это казалось единственным решением. Это тоже была большая глупость с моей стороны, мне до сих пор неприятно вспоминать об этом. Когда мы улетели, и пока Грит вёл поиск, этот пеллианин, его звали Гиссар, постоянно пытался повлиять на меня. Присутствие Ивайра его раздражало, он полагал, что если избавится от него, сможет как-то повлиять на меня и использовать меня и Грит в своих целях. Для этого он, когда Грит нашёл самую подходящую планету, полетел осматривать место с Ивайром, испортил связь и столкнул Ивайра со скалы в море. Только опять так получилось, что Авельянда не была необитаемой. Там жил киборг, гаранин, который каким-то образом купил эту планету на Биафра. Не знаю, как его звали...

– Кох Са-ар. – Сказал Адрейн. – Я знаю о нём. В своё время он был самым опасным из Странников Биафра. Контрабанда пска, торговля клонами, навигаторами, захват и

грабёж терминалов и станций. На его совести преступлений столько, что Л:вару он, пожалуй, уступает совсем немного. Он исчез после того, как на Биафра его подвергли ostrакизму за преступление на его территории. Так значит, он купил планету, а ты привела Грита прямо к нему!

– Да. – Просто ответила Анна. – Он купил у Вэйхэ технику, которую Грит поначалу видеть не мог. Он сказал нам, что на планете нет никаких признаков техники, даже самой примитивной. Этот гаранин захватил в плен Гиссара, подобрал Ивайра, а потом схватил и меня. Мне помогло то, что он уже очень давно находился в полной изоляции на этой планете; он не знал даже про похищение Грита. Ему было скучно и он предложил мне сафари, в котором я была дичью… Я согласилась. Тогда меня выбросили в джунглях с лазерным пистолетом, и он пустил за мной андроидов – охотников. Не знаю, сколько. Убила я шестерых. А потом добралась до него, и убила его тоже.

– Ты убила Коха?! – Переспросил Адрейн. – Самого Коха?!

– Ты выбралась из инопланетных джунглей? – Спросила Тарва.

– Мне помогли Грит и Ивайр. – Призналась Анна. – Грит сверху помогал мне ориентироваться, а Ивайр, хоть и был сильно покалечен, ранил киборга. Я вызвала спасательную капсулу и вернулась домой с помощью одной пеллианки, Чьяны. Она призналась мне, что Гиссар обманул и их, обе-

щал, что найдёт планету и вернётся на Пелл за остальными. Я вернулась сама и увезла на Авельянду больше двух тысяч человек. Наверное, я не права, но они действительно погибли. А я ничем больше не могла помочь.

— Мы сообщим на Кинтану о существовании Пелла и о его проблеме. — Сказала судья Таш. — То, что вы сделали, недопустимо, но и ситуация нестандартная. Но продолжайте. Что было с Кайлом Ивайром? Его повреждения были серьёзны?

— Очень. Настолько, что восстановить его полностью оказалось невозможno. Он слышал от Коха о возможности заказать у Вэйхэ новые части для киборга, и, обсудив ситуацию, мы решили, что это выход для нас. Что Шитаха не устоит перед большим количеством соли, и, возможно, поможет Ивайру. Я... — Анна перевела дыхание, понимая, что реакция мероканцев на то, что она отдала Грита Ивайру, может быть такой же, как и у Кейва, — у меня было очень много времени на Гrite. Я учила летать, стала диаром, учила мероканский язык, мероканскую историю, но не только. Я пыталась просмотреть архивы Л:вара, но там оказалось пусто. А в его апартаментах не оказалось ни грана соли, что странно для мутанта, который покинул Грит на короткое время и теоретически не мог бояться, что кто-то может проникнуть туда без его ведома. Получалось, что он подозревал, а может, и знал, что покидает Грит надолго, и что в его отсутствие кто-то сможет проникнуть в его апартаменты и в его архивы. Ивайр говорил, что с момента, как на Гrite стало можно

жить, Л:вар жил там постоянно. Значит, он знал, что Грита похитят? Он допустил это; но сделал так, что вернуть Ивайру свободу воли оказалось необычайно легко. Но если он знал, то зачем допустил это похищение?.. Хотел уничтожить заговорщиков? Думаю, да, но не только. Ему нужно было, чтобы Грит пришёл в Союз. Чтобы Грит и Ивайр очутились здесь. Кейвар разбирается в таких вещах, он биохимик, в теории он знает о киборгах очень много. Он согласился с моими выводами и сказал, что механизм Ивайра можно было запрограммировать таким образом, чтобы он отреагировал на определённую ситуацию, слова, людей даже. Я поняла, и Ивайр был согласен со мной, что пока мы не найдём способ что-то изменить, нам просто нельзя появляться в Союзе. Мы решили тайно проникнуть на Пскем и похитить соль. То есть, это я решила, а у Ивайра не было другого выхода, кроме как согласиться со мной. Мы выдали меня за ади с Мехротры. Но так совпало, что там произошло нападение мутантов. Мне кажется, что это как-то связано с нашим появлением там, только не знаю, как. Просто мне снился сон перед тем, как мы прилетели туда... – Она в который раз уже покраснела. – Мне снились подземелья. И сам момент нападения. За день до того, как мы очутились там.

– На Пскеме мне опять повезло: мы нашли раненого Орина. Он был смертельно ранен, потерял много крови и отравился грязным пска. Если бы лорд Ош отвёз его на медицинский терминал кипов, там мгновенно выяснили бы, что на

самом деле он мероканец, которого семья Оша всё это время прятала у себя, выдавая за лорда Орина. Что он не просто мероканец, а двойник... Кейвар Мессейс.

– Ох, вот оно... – Воскликнула Тарва, прикусила губу под взглядами остальных. Вот что скрывал Ош! Вот, почему он молчал. Вот, почему леди Арина помогла ему совершить обряд. Они скрыли от всей вселенной мероканского мальчика.... Сделав его кипом!

– Лорд Ош помог нам бежать с Пскема, прикрыл нас, а потом вернулся на Кинтану, чтобы защитить свою семью. Он очень благородный человек. Своим молчанием он спас и Кейва, и свою семью, и меня, и Ивайра тоже. Потому, что я... я отдала Грита ему. Хозяин Грита – он. Если кто-то узнает это сейчас, когда Ивайр неизвестно, где... если бы об этом узнал Шитаха, когда мы заказывали ему офта... Я просто не знаю, понимаете, что закрутилось бы вокруг него.

Снова повисло молчание. Общую эмоцию озвучила Тарва:

– Зачем ты сделала это? С ума сошла?

– Я хотела защитить его. – Честно ответила Анна. – Владея Гритом, он становится более значимой фигурой, и не так беззащитен, как был бы сам по себе. Ну, и, во-вторых, пока Грит принадлежит мне, он принадлежит и Л:вару. Я хотела нарушить его план, но в тот момент просто не знала, как.

– Хотел бы я иметь такого друга! – Сказал Кейсар Вера. – И не хотел бы обрести в вас врага. Теперь я понимаю, как

Лавайр Мессейс стал тем, кем он стал. Закинь судьба любого из нас сейчас в инопланетные джунгли против Коха и его андроидов, с одним лазерным пистолетом, и кто бы мы были?

– Никто! – Поднял руки Нита Эшен. – Согласен с вами; счастлив, что кама Мессейс на нашей стороне.

– Сейчас мы решаем судьбу не Мессейс. А нашего родственника. – Возразил Адрейн Вера. – После того, что кама Мессейс рассказала нам, я не вижу причин отказать Кайлу Ивайру в защите и покровительстве его Крови. То, что он – наша Кровь, волнует меня гораздо больше, чем то, что он капитан Грита!

– А меня волнует как раз это. – Откровенно заметила Тарва Заэм. – Если бы мы знали это прежде, если бы Ош рассказал мне об этом, Адрия ожидала бы Грита возле Гонвед, и всё не окончилось бы так, как окончилось. Ти и Мерц! Да, мы починим Грита; и что? Он отправится искать Кайла Ивайра, наплевав и на Корту, и на Союз?!

– Мы знаем, где Ивайр. – Напомнил Адрейн, и Анна вздрогнула, так и впившись в него глазами. – Он сейчас вместе с Ва; по её словам, они летят на Савалу. Всё в наших руках, и Грит тоже. Хвала демонам ночи, всё вот-вот придёт в норму. Кама поступила необдуманно, но всё обернулось ко всеобщему счастью.

– Согласен. – Сказал Кейсар. – Мнение Ва мы знаем; Оэ тоже. Гемы? – Он вопросительно посмотрел на Гема Тайвара. Тот важно кивнул:

– Я под впечатлением рассказа камы Мессейс. Когда она сказала, что гордилась бы такой Кровью, я подумал: это не пустые слова! Будь он просто смазливым красавчиком, от которых женщины теряют голову, я задумался бы. Но он киборг, а значит, уважение это искренне. Оно многое стоит. Я согласен: его нужно защитить и поддержать. Я посылаю Тайнара на Грит и дальше, на поиски и для помощи Кайлу Ивайру, в чём бы она не выражалась.

Точно так же высказались и главы Домов Олай и Керв.

– Мы не отказываем Кайлу Ивайру ни в одном из прав Крови. – Подытожил Вера Адрейн. – Мы берём его под защиту со всеми вытекающими отсюда последствиями, и додадём это до сведения Общины и властей Союза, как только возникнет такая необходимость.

Анна глубоко вздохнула, чувствуя, как слёзы наворачиваются на глаза. Она уже знала, что это значит! Но у неё были ещё вопросы, и она обратилась с ними к Адрейну, как только они остались наедине.

– Но ведь он мог давно связаться с Гритом. – Сказала она. – Я не понимаю, почему, если он смог бежать с Гонвед, он этого до сих пор не сделал!

– Ва успела сообщить нам, – пояснил Адрейн, – что он не помнит ничего, что случилось с ним после ранения возле Мерака, четыреста лет назад. Для него Мерак погиб только что, а Грита, и всех, кто находится на нём, для него просто не существует.

– Я это подозревала. – Прошептала Анна.

На виллу она вернулась вместе с Асте, успев по пути удивиться раскованности и самоуверенности мероканских подростков. Асте много расспрашивала её о Мераке, и очень оживилась, услышав про воду.

– Мы с Предком так и думали! – Радостно воскликнула она. – У нас весь план возрождения Мерака на этом построен. Самым сложным кажется возрождение плодородного слоя почвы; изначально мы даже думали, что на это уйдёт не менее сотни лет; но я уверена, что жизнь в глубинных слоях и в пещерах сохранилась, уж простейшие – то на Мераке точно есть, ведь живёт там столько лет вирус чумы.

– Это не так-то просто сделать, – осторожно заметила Анна, – восстановить целую планету.

– А кто говорит, что легко? – Асте вела флаер; подтверждая свои слова, громко щёлкнула смолой и сделала петлю. – Я покажу тебе модель, ты всё поймёшь. У Руэлов есть в космосе несколько заводов, которые могли бы этим заняться. Я даже время высчитала, исходя из размеров Мерака. В лучшем случае это три года и девять месяцев; в худшем – семь лет.

– Худший – это как?

– Это, если восстанавливать Мерак только на средства Руэлов, без помощи Общины.

– А! Я не подумала об этом. – Пробормотала Анна. Они

приземлились на остров Руэл в сумерках. Анна вышла из флаера и замерла: что-то было не так.

- Что? – Спросила Асте, останавливаясь рядом.
- Кто это шумит? – Спросила Анна.
- Гленки. Они на Корте везде.
- Утром их не было!
- Само собой. – Снисходительно заметила Асте. – Дом-то стоял необитаемый! А они только там, где люди.

Луана сверкала всеми цветами радуги. Светящиеся рекламные щиты плавали над городом, стены самых высоких мероканских башен превратились в экраны новостей и музыки. Вверх по течению Луан весело, как музыкальная шкатулка, плыл речной трамвайчик, похожий на вьетнамскую джонку, украшенный разноцветными фонариками. По мере того, как Анна и Асте поднимались по лестнице, в ветвях и пышной листве деревьев и кустарника зажигались огни; один жёлтый шар плыл над ними и немного впереди. Вилла тоже вся светилась огнями. Гленки, которых действительно не было утром, весело и умиротворённо стрекотали над входом, планировали над головами, поблёсывали любопытными глазками с карнизов. Рожицами они походили на щенков шпица: остроносенькие, с круглыми яркими глазками. Но в остальном больше напоминали летучих мышей, только лохматых. И передние конечности имели пальчики, как у грызунов. В этих пальчиках они держали ягоды, которыми ужина-

ли, и которые роняли на землю, чтобы лучше видеть и слышать приближающихся людей.

— Представляешь, на других планетах нет гленков. — Болтала Асте. — Мне было бы скучно без них. Говорят, на Шхаре и на Барде есть места, где совершаются ритуальные убийства. Кошмар! Попробовали бы они на Корте это сделать. Да на крики гленков весь город бы сбежался!

— А на Корте убийств не бывает?

— Бывают. Из ревности там, или в состоянии аффекта. И кортиане, и мероканцы — страстные люди. Два года назад Ортодокс убил девушку — Интуитора. Из ревности. Интуиторы — они такие красивые. Но легкомысленные, и для мероканцев холодные. Особенно гардиане и синардийцы. А ты холодная?

— Я не знаю. — Растерялась Анна.

— Говорили, что у Реалистов холодная голова, но огонь в сердце. Как это?

— Это я понимаю. — Задумчиво произнесла Анна.

— Вот видишь. Кейвар похож на тебя?

— Очень.

— Значит, Лавайр Мессейс — такой же, как ты?

— Я никогда его не видела. Но думаю, что когда-то был такой же.

— Не хотела бы я, чтобы меня сравнивали с таким, как он. — Асте без тени робости вошла в холл. Щёлкнула смолой, и холл ответил гулким эхом. — Ты говорила, что Ивайр — Кайл?

- Да... А что?
- Ничего... Просто моя пра-пра-бабка была Оэ Кайл. Она вышла за одиночку Туи, и получился наш Дом. Жаль; я вот оставила своё имя, чтобы сохранить Дом.
- Так ты – родственница Ивайра? – Переспросила потрясённая Анна.
- Ага. – Пожала плечами Асте. – Выходит, так. Мы – одна Кровь. Оэ была его родной сестрой. – Она щёлкнула смолой несколько раз подряд, спросила, оглядевшись:
- Где я буду жить?
- Где хочешь. Жилой этаж – третий.
- Ага. Ну, до завтра! – Асте первая направилась вверх. Анна посмотрела сзади на её фигурку. Её сыну сейчас было бы почти столько же, и больно было думать о том, что рядом с Асте сейчас мог бы идти он. Здоровый, красивый, счастливый мероканский мальчик. Слёзы закипели в сердце. Анна бросилась наверх, в свою комнату, не замечая, что всё уже готово, упала на постель и разрыдалась. Боль была такой сильной! Ивайр, который вернул себе жизнь и тело только для того, чтобы пережить вторичное предательство и унижение... Её сын, который мог родиться на Корте и быть сейчас здоровым и счастливым мальчишкой... Кейв, который сам себя окружил вакуумом и навсегда вмёрз в глыбу льда... Кто-то должен ей ответить за это! На Земле виноватых не было, но теперь она, кажется, виновного нашла. И прощать не собиралась.

Громкий плач гленков за окном привёл её в чувство достаточно быстро. Казалось, что их сюда слетелось великое множество, и все они рыдали вместе с нею. Анна села, вытерла глаза, заставив себя успокоиться. Попросила у Ликаона спа и фруктов, пошла в ванну. Когда вышла и велела балкону открыться, услышала откуда-то отголоски громкой музыки и нескольких молодых голосов.

– Что это? – Спросила у Ликаона.

– Асте пригласила гостей. – Ответил тот. – Восемь человек, на крыше террасы с восточной стороны.

– Понятно. Молодёжь! – Заметила, но уже с усталой улыбкой. – Хочу спать на балконе.

– Как скажете! – Обрадовался Ликаон и захлопотал, устраивая ей гамак. Анна прошлась по своим комнатам, выглянула в окна, попробовала различные устройства. Хотела уже лечь, когда включился экран внешней связи. Почему-то она совсем не удивилась, увидев улыбающееся лицо Тайнара Гема.

– Хотел пожелать вам спокойной ночи. – Сказал он. – Я задержусь в Луане; возможно, полечу с вами в космос.

– Буду очень рада.

– А пока мы здесь, не хотите завтра с утра совершить маленькое путешествие?

– Куда?

– Куда бы вы хотели?

- Везде. – Засмеялась Анна. – Я везде хочу побывать!
- Тогда посетим Мелару и Нижний город. Пляжи и острова. Идёт?
- С удовольствием. – Ответила Анна. Он снова улыбнулся. Синие глаза его смотрели так внимательно.
- Вы плакали? – Спросил он вдруг. – Простите; но может, лучше мне приехать к вам сейчас?
- Нет, спасибо большое, но всё уже прошло. Так... подумала об упущеных возможностях. Всё прошло.
- Это хорошо. – С лёгким сожалением согласился он. – Тогда до завтра?
- До завтра. – Кивнула Анна, и экран погас.

Как быстро менялось сегодня её настроение! Только что ей было так плохо, и вдруг, после небольшого разговора с симпатичным мужчиной – гардианцем ей стало легко и приятно. И уснула она, убаюканная воркованием и попискиванием успокоившихся вместе с нею гленков и сладким парфюмерным ароматом цветущих лепидодендронов.

Глава шестая Геометрия чувств.

С утра у лорда Оша вышла неприятнаяссора с послом. Тот уже в который раз указал своему помощнику на недопустимость его поведения для офицера столь высокого ранга и происхождения. Далее, воодушевлённый молчанием по-

мощника, он заявил, что Ош даёт повод туземцам презирать себя, и тем вообще дискредитирует светлый образ кинтанианина на этой отсталой планете. На это Ош только скривился. Он страдал с похмелья и злился. Посол ему надоел. Савалу он ненавидел; себя ненавидел даже больше. Когда слушать посла стало совсем невыносимо, он привычно предложил ему пожаловаться Понтифику. «Может, — добавил он не без горького ехидства, — меня ещё куда-нибудь направят? Я заранее страдаю».

Посол, как всегда, был возмущён, и как всегда же, ответить ему было нечего. Для офицера с таким происхождением, такими связями и такими заслугами, как лорд Ош, Савала была последним местом ссылки. Для не слишком ровдивого и с большим трудом добившегося этого назначения лорда появление здесь Оша оказалось форменной катастрофой. Помощника сопровождала личная просьба леди Факиа позаботиться о нём и о его защите, и лорд посол не мог этой просьбой пренебречь. Лорд Ош же, словно нарочно, делал всё, чтобы сделать задачу своего несчастного начальника почти невыполнимой. Пьянствовал, дебоширил, кутил в дешёвых кварталах Рюэль, устраивал пьяные драки, специально нарывался на смертельную опасность; купил себе в местном борделе самую дешёвую шлюху и даже не постарался оформить её в посольство на какую-нибудь должность, как это делали другие неженатые офицеры. Дня не проходило, чтобы Ош не устроил какого-нибудь позорного дебоша

с местными, которые тут же предъявили в посольство претензии и счета. Ош платил, не глядя, и это тоже раздражало посла. С такими средствами, такими связями! И так позорно вlipнуть. Он Оша не понимал, не хотел понимать. Однажды только он попытался спросить его, что могло двигать таким человеком, как Ош, в этой страшной истории, но тот только посмотрел, и у посла пропало желание спрашивать. Маре его знает, этого прима – офицера личной гвардии лорда Понтифика, что им двигало, и что он скрывал? В любом случае, такому скромному лорду, как посол Понтифика на Савале, лучше всего было держаться от таких тайн подальше.

Разумеется, после ссоры лорд Ош счёл себя обязанным отправиться в новый загул. Он просто должен был это сделать. И начал в этот раз со вполне приличного заведения Внутреннего города, куда ходили добропорядочные знатные особы и даже кинтаниане. Там он купил себе приличного дорого-го вина, выпил пару бутылок, и, почувствовав приближение опьянения, ушёл, чтобы закончить где-нибудь в трущобах.

Постоял на площади, освежая голову. Ему всё ещё было хреново. Когда-нибудь его тайна потеряет всякую ценность, всё разъяснится само собой, но и это не изменит ничего в его положении. Почему он не умер? Смерть сделала бы его героем. Но тогда он боялся смерти, а теперь, когда он её хотел, это было невозможно. Как он проклинал болвана посла, просыпаясь живым после каждого дебоша, в жутком похмелье, с гудевшей головой, мерзким привкусом во рту и трясу-

щимися руками! Он не видел выхода и не верил в то, что когда-нибудь всё изменится. Он не хотел даже, чтобы всё менялось, потому, что после обряда и всего, что с ним связано, ненавидел саму мысль о дальнейших прощении, реабилитации и карьере. Но к чему кип может стремиться помимо этого, он не знал. Что за отрава проникла в его кровь, не понимал, но каждая капля этой крови бунтовала против судьбы, предназначенной ему с самого рождения. У него не было даже имени, он был либо очередной лорд Ош, правитель области Ош на юго-западе провинции Кальхэн, либо никто. Но бунт был бесплодным: он знал, чего не хочет, но понятия не имел, чего хочет, и выход видел только в смерти. Он уже умирал один раз, и знал, что это не больно и почти не страшно.

Чистые, увитые зеленью стены усадеб Внутреннего Города кончились, и Ош вышел на Привратную Площадь. Здесь уже было гораздо грязнее. Калеки и проститутки жались в тени ворот, отделяющих один город от другого. Попрошайки нагло цеплялись к прохожим поприличнее, но к красному мундиру лорда пришельца прикоснуться не посмели, хоть и канючили жалобно ему вслед. Он не оборачивался. Он давно разучился их жалеть, поняв, что даже в этом жалком мире выживает сильнейший, а настоящие нищие и калеки подыхают на обочинах. «Нам нельзя здесь находиться. – Думал он, проходя мимо пьяного дворянина, который бил проститутку в тени Ворот. – Это развращает их и унижает нас».

Нырнув в эту холодную зловонную тень, Ош вышел на грязную, вонючую, тесную улицу Внешнего города. Предчувствуя желанное забвение, он прибавил шаг, и вдруг тихонько и мелодично запиликал браслет на руке: его вызывал посол.

Ош собирался выключить его. У него не было ни малейшего желания слушать посла, возвращаться в посольство и откладывать желанное забвение. Он даже нажал кнопку, которая, как он думал, выключит вызов. Но по ошибке нажал другую – ответ. И кто знает, как всё сложилось бы дальше, не ошибись он в этот момент?

Естественно, посол вызывал его обратно. На Савалу, по его словам, прилетели двое мероканцев, которых требуют особисты; мероканцы принадлежат к сильному и влиятельному Дому Волков, и посол в растерянности. Особисты не собираются объяснять, что происходит, а сам он не знает, что делать. Ош выругался вслух, не стесняясь того, что посол всё ещё слышит его, но повернул обратно. В конце концов, ссора с особистами – тоже развлечение. Как всякий офицер, он терпеть их не мог, и возможность вставить им палку в колёса грела ему душу.

Через несколько минут он был в официальном здании кинтанианского космического порта на Савале. Особист – молодой лорд весьма хороших кровей и неопределенного чина и ранга, – встретил его дежурной улыбкой и холодной

неприязнью в глазах. Ош ответил ему таким же взглядом, не потрудившись улыбнуться или поздороваться, спросил:

– Где они?

– Эти мероканцы, – сказал особист, – были свидетелями событий на Въерре. Мы должны допросить их и проследить, чтобы сведения, которыми они располагают, не распространялись на Корте.

– Сдурели? – Грубо спросил Ош, направляясь к стеклянной стене, за которой находились задержанные. – Это же Волки.

– Простите, лорд, но это личное распоряжение лорда Понтифика.

– Только мероканской вендетты нам и не хватало… – Ош остановился у стены. – Ва Вера! Одна из самых известных Волчиц на Корте. Вы бы ещё Командора Заэм поймали…

Мероканец, сидевший спиной к Ошу, повернулся, и Ош замолчал. Это было потрясение, но Ош его выдержал, и ни один мускул не дрогнул в его лице в тот момент, когда все его внутренности словно ошпарило кипятком: медленно и жутко.

– Я знаю его. – Сказал он спокойно. – Нам необходимо поговорить.

– Эти сведения… – Начал было особист, но Ош не слушал. Открыл дверь и вошёл внутрь. Он понимал, что последние осколки его будущего рушатся сейчас, но не мог поступить иначе. На смену жару пришёл холод, но усилием воли

Ош контролировал дрожь во всём теле, а то, что нельзя было не заметить, можно было приписать хмелю. Он вошёл в помещение к задержанным, остановился на пороге, широко расставив ноги и сложив руки за спиной. Мероканцы повернулись к нему, и он восхитился: во взгляде киборга не было и тени узнавания, настороженное любопытство, не более. «Я даю тебе возможность, мероканец. – Мысленно сказал он ему. – Только одну. Если воспользуешься ею, это будет моя благодарность за Пскем... и поклон Анне».

– И в чём, интересно, нас обвиняют? – С вызовом спросила Ва.

– К моему огромному сожалению, – с довольно наглой вежливостью, которую лучше всего умели проявить именно кипы, сказал Ош, – вы были там, где быть не стоило. – Он постарался дать им почувствовать запах хмеля, – вот, собственно, и всё.

– Вы отдаёте себе отчёт в том, что ссоритесь с мероканским Домом? – Спросила Ва. Они с Ивайром очень много обещающе переглянулись, и Ош продолжил ещё более нагло:

– И это одна из причин, по которой мы должны очень тщательно вас спрятать. Видите ли, нам действительно не нужны проблемы с вашим Домом. Как честный человек, я очень расстроен тем, что ситуация обернулась таким образом; и как честный же человек, я откровенно говорю вам: мы не можем рисковать и обнародовать истинные обстоятельства происшествия на Въерре. Вины нашей в этом нет, и тем

не менее мы вынуждены принять мерзкие, бесчеловечные, отвратительные меры.

Ош нёс эту ахинею, и злость начинала одолевать его. Он преувеличивал степень своего опьянения, а эти тупоголовые мероканцы...

И вовсе не тупоголовые! Ош понял это в тот момент, когда сильный удар киборга практически снёс его со стола, на край которого он небрежно присел, и впечатал в стену. Мгновение – и киборг завладел его оружием; стекло рассыпалось в пыль, взревела сирена. Ва с неженской силой подхватила Оша с пола и приставила к горлу осколок стекла. И неожиданно Ошу стало смешно. Его жизнь никому была не нужна! Но те сведения, которые кто-то всё ещё надеялся вырвать из него, всё ещё имели огромную ценность – с мероканцами, захватившими в заложники помощника посла, с этого мгновения обходились, как с тухлым яйцом. Ош был уверен, что они попытаются прорваться на какой-нибудь космический корабль, вызовут на подмогу мероканцев, и на этом всё кончится. Но ошибся. Что-то, видно,шибко нужно им было на Савале, потому, что они захватили не корабль, а воздушный катер, запихнули туда Оша, и полетели в горы. Пока девушка разбиралась с катером, киборг повернулся к Ошу.

Киборг?! Ош во все глаза уставился на его руки, на одной из которых красовался синяк, а на плече второй цвела огромная, роскошная ссадина. И татуировка была настоящая, наколотая на живой коже, или Ош совершенно ничего не по-

нимал в этом!

– Кто ты?! – Приподнимаясь, спросил он, чувствуя, как жаркая волна во второй раз за сутки заливает внутренности. – Кто ты?! – Закричал, дёрнувшись, и получил удар в висок, который милосердно вывел его из строя.

Странно, но у Анны совершенно не было чувства, будто она чужая в Луане. Она ходила, ездила, летала по Луане так, словно вернулась куда-то, где бывала часто, хоть и давно. С огромным наслаждением искупалась с Тайнаром в морском заливе, отдохнула на пляже, прокатилась в речном трамвайчике, пообедала на одном из витков Малой Стеклянной Спирали – одного из чудес Корты, – побывала на горе Илсу и на островах, на которых сохранились памятники кортианской древней архитектуры. Уже вечером они заехали в гости к дальним родственникам Тайнара из Дома Неа, и Анна наконец-то познакомилась с невестой Рокела, Рос Неа. Рассказала этой высокой, несколько полноватой девушке про её жениха, успокоила, утешила, заверила в том, что он в безопасности, абсолютно здоров, и ему ничто и никто не угрожает. У Неа они поужинали, и вернулись на остров Руэл далеко за полночь. Анна перепробовала уйму новых фруктов, и чувствовала себя не очень, но маленькая таблеточка избавила её от всяческих неприятных ощущений в несколько секунд. Асте опять развлекалась с друзьями, продвинутыми мероканскими и кортианскими подростками, с которыми в

этот раз отрывалась на пляже – музыка, шум, смех и девичьи взвизгивания слышались ещё издалека. В холле стояли и лежали доставленные за день товары из тех, что заказала вчера Анна; среди них Стюард – приборчик, размерами и формой не превосходящий мобильный телефон, но выполняющий намного больше функций. Помимо космической связи, голографа, ночного видения и шокера, он имел множество других наворотов, например, создавал защитное поле, заказывал такси, ставил диагноз, если что-то случалось со здоровьем, оказывал первую помощь или вызывал её из ближайшего предназначенного для этого пункта, мог сыграть роль маячка, если его обладатель терялся, и чего только ещё он не мог! Это было страшно модно в Луане в последнее время, и Тайнар, естественно, просто не мог не остаться, чтобы объяснить Анне, как пользоваться, показать все фишki, загрузить несколько собственных... В итоге улетел он на рассвете, обещав вернуться уже к обеду, чтобы слетать с Анной на океанское побережье и показать морских быков. Она опять улеглась спать на балконе, но уснуть долго ещё не могла. На Луану налетела короткая гроза, намочила землю, убаюкала своим шумом и плеском, обострила ароматы сада. Анна и дремала, и бодрствовала одновременно. Она была возбуждена новыми впечатлениями, флиртом с Тайнаром, открывающимися перспективами... На границе сна и яви она почему-то с острой тоской вспомнила Ивайра. Его нет больше. А кто есть?..

– Бросить его вместе с катером? – Предложила Ва после посадки в горах.

– Не знаю. – Ив колебался. – Мне показалось, он узнал меня. Кто он?

– Ну, ещё бы он тебя не узнал! Это же лорд Ош. Он-то точно знает, как ты выглядишь; ведь это ты забрал его и лорда Орина с Пскема.

– Понимаю… – Пробормотал Ив, глядя на лорда Оша уже совсем другими глазами. – Он специально сделал всё это, чтобы помочь нам! И нам нельзя бросать его. У меня к нему много вопросов.

– Тогда сделаем вот что…

Несложная операция по извлечению крохотного передатчика из-под кожи предплечья заняла у Ва несколько минут. Гордясь собой, она осмотрела место, где только что была почти незаметная ранка:

– Как новенький! – Ввести тот же передатчик под шкурку только что пойманного Ивом зверька оказалось и того проще. – Пусть теперь побегают за своим послом! – После чего Ив взвалил кинтанианина на плечо, и они поспешили скрыться среди скал.

Головная боль, которую Ош почувствовал, приходя в себя, была сама по себе ощущением выдающимся: такого же стокого похмелья он не помнил! Такое было ощущение, что

он лежит на каких-то камнях, а руки и ноги страшно затекли и не слушались, не смотря на все его усилия. Не сразу он сообразил, что и в самом деле лежит на камнях, а руки его связаны, и связаны надёжно. Тут же он вспомнил, как именно и благодаря кому очутился в таком положении, и поморщился. Надо же было так встрять! Но кто этот мероканец, так похожий на Ивайра? Ради кого он, как последний идиот, подставился и похерил остатки возможностей?

— Кажется, он шевелится. — Сказал по-мерокански женский голос.

— Пора бы уже. — Ответил мужской, незнакомый. — Я уже начал волноваться.

— Нежный какой. — Хриплым голосом страдающего от жажды пьяницы произнёс Ош. — Волноваться он начал! Тогда дай воды, скотина.

— А повежливее нельзя? — Голос мероканца прозвучал холодно.

— А мне уже всё равно. — Почти весело произнёс Ош и повернулся на спину. В руки впились ремни и камни, но это были на самом деле мелочи. Это было, как выпасть из воздушного трамвая: всё равно разбиваться, так хоть насладиться полётом.

— Руки развязи. — Потребовал он, когда мероканец подошёл к нему с водой. — Нечего поить меня, как щенка маре, я не сбегу.

Растерев после освобождения запястья рук, Ош с наслаждением

ждением напился и огляделся. Место для укрытия мероканцы выбрали почти идеальное: пещера в ущелье, надёжно укрытая от всех средств слежения огромными нагромождениями скал. Энергетическое оружие они тоже выбросили или где-то спрятали до поры. И правильно сделали. Волки! Самонадеянно положившись на собственные силы, они даже от элементарных средств безопасности избавились. И избавили его. Обнаружить их теперь обычным способом было практически невозможно, так же, как и местных. Нашупал место, где был спрятан передатчик: даже это они учили! Не смотря на злость, он проникся к мероканцам уважением. Встал, вышел из пещеры на свежий воздух. Из зарослей колючего, но очень живописно цветущего кустарника вытекал чистый звонкий ручей. Ош умылся из него, плеснулся за ворот, и, почувствовав себя лучше, но и злее, выпрямился и замер над водой. Его снедало желание поквитаться – неизвестно, за что, зато понятно, с кем. Словно нарочно, мероканец вышел тоже и остановился в двух шагах. Ош снова плеснулся водой в лицо, пятерней пригладил, убирайая назад, длинные волосы, и без предупреждения, без единого звука, бросился на мероканца. Но, не смотря на неожиданность атаки, мероканец смог уйти от смертоносного удара. Не останавливая движения, Ош развернулся к нему и ёшё в движении перегруппировался для смертельного удара ногой, коронного удара кипов. Но мероканец опять увернулся, и нога Оша с такой силой ударила в скалу, что в сторону отлетел хороший кусок

камня. Лодыжку пронзила острыя боль, но Ош удержался на ногах, правда, слегка отступив, пережидая боль.

– Я не понимаю. – Сказал мероканец.

– Это тебе за то, что возомнил себя крутым. – Злобно сказал Ош. – За то, что решил, будто вырубил пьяного кипа. За то, что заставил меня принять тебя за другого и подставить себя.

– Ты не принимал меня за другого. – Возразил мероканец. – У меня есть преимущество перед тобой, лорд, я трезв...

Это так взбесило Оша, что он вновь бросился в атаку, которой не выдержал бы ни один смертный, даже кип. Во время этой атаки оба обменялись такими ударами, что одновременно увидели массу звёздочек; продолжить им помешал окрик Ва:

– Да вы что, сдурели, или что?! – Крикнула она. Ош, как истинный кинтанианский джентльмен, мероканской леди перечить не мог. Замер, и замер мероканец.

– Ты не обознался! – Повторил мероканец уже менее сдержанно. – Я Кайл Ивайр, офт, которого ты знал, как киборга.

– Офт?.. – Глупо переспросил Ош. – Так у вас получилось! Офты существуют?! Но что ты тут делаешь? Где Грит, где Орин, Анна?

– Я не помню ничего с того момента, как был ранен возле Мерака. – Сказал Ив. – Я очнулся в офте, ничего не зная о Грите, о том, кем я был, кому я нужен. Я и теперь этого не

знаю. Ты нужен мне, лорд Ош. Я знаю, что ты был на Грите и знаешь всех нас.

— Я должен верить тебе? — Злость Оша мгновенно улетучилась. Он чувствовал только усталость, головокружение и глупую печаль.

— Я же тебе верю. — Просто сказал Ив. — Ты нарочно дал нам возможность воспользоваться твоим оружием и тобой, верно?

— Киборг спас мне жизнь на Пскеме, хотя ничто не заставляло его делать это. Вырвал меня из пасти мутантов, теряя драгоценное время. Я обязан был ему помочь в свою очередь.

— Спасибо.

— Не за что. Тем более, что ответить на твои вопросы я не могу. Тебе не повезло со мной! В моей крови — мощный нейтрализатор. Я закодирован на тот случай, если кто-то попытается вырвать из меня информацию о Грите под гипнозом, с помощью специальных средств или же угрозой или шантажом. Я просто взорвусь, как примитивная бомба, если скажу хоть слово о Грите.

— Когда это действие кончится? — Спросил Ив. Лицо его стало несчастным, и Ош ему посочувствовал.

— Через месяц.

— Проклятье. — Пробормотал Ив. — Но я должен это знать.

— Ты должен вернуться на Грит. — Сказал Ош. — Это всё, что я могу тебе сказать. Всё сейчас зависит от этого, не толь-

ко твоя жизнь.

– Не могу пока, у меня дело на Савале. – Возразил Ив. – Мне нужен маяк, который, говорят, есть в Рюэль.

– И кто же это говорит? – Голос Оша стал холоден, взгляд – вообще ледяным. – На кой тебе маяк, мероканец, Ничего Не Помнящий?

– Чтобы найти и вытащить Шена, барона Ариги. – Ответил Ив довольно спокойно. – Он схвачен кипами на Въерре только за то, что является генетическим двойником Лавайра.

Ош промолчал. Отвернулся. Наступал вечер, и в светлом ещё небе отчётливо виднелся узенький серп савалянской луны. Ош посмотрел на неё долгим, но почти ничего не видящим взглядом.

– Прости нас. – Попросил Ив, но Ба возмущённо перебила его:

– Прости?! Ты что, его не слушал?! Там, в Рюэль?! Простите, мол, дорогие мероканцы, но вы были не в том месте и не в то время, а потому вас нужно ликвидировать...

– Да никто бы вас не ликвидировал. – Поморщился Ош. – Поддержали бы в изоляции, немного подкорректировали сознание. Кто в здравом уме свяжется с Волками? Но в процессе бы выяснилось, кто он, – Ош кивнул на Ивайра, – ну, и все вытекающие отсюда последствия.

– Вот радость-то. – Фыркнула Ба. – А ты знаешь, что произошло на Въерре?

– Нет. – Ответил Ош. – И что же там произошло?

– Вай Атт расстреливал из бластеров гражданских, чтобы не отпустить с терминала Шена. – Сказал Ив. – Был убит мероканец нашей Крови, у меня на глазах. Кинтанианином.

Ош выпрямился, лицо и взгляд его снова стали ледяными.

– Предлагаете мне поверить в это? Абсурд.

– Но это произошло у нас на глазах. – Голос Ва предательски дрогнул. – Если бы не Ив, я тоже была бы убита с ним вместе. И кто-то ответит нам за это!

– Маре, сожри моё сердце! – Воскликнул, повысив голос, Ош. – Я опять вмешался в самую гущу каких-то разборок! Как будто мало мне Грита и его команды, тут ещё Въерра и какие-то бредовые убийства на ней!

– Прости. – Повторил Ив.

– А ну вас. – Нелогично отреагировал Ош, ушёл обратно в пещеру и сел, обхватив руками голову.

– Почему вы не захватили корабль? – Спросил, услышав за спиной шаги.

– Мне нужен маяк. – Напомнил Ив.

– Как я хочу выпить!!! – Произнёс Ош с тоской.

Три дня, пока шли приготовления к отправке мероканцев на Грит, для Анны пролетели, как один. Она не успела не то, что освоиться – осмотреться, как следует, но мысли о Рокеле и Кейве, где-то там, в космосе, ожидавших её, подгоняли её со страшной силой.

В эти дни уже поползли слухи о какой-то женщине Высо-

кой Касты, и судья Таш была встревожена этим. Она утверждала, что раскрывать инкогнито Дому Мессейс ещё рано; кинтаниане не желают возвращения Высоких Домов, и им нельзя уступать инициативу. И тогда Дом Вера сделал то, что поразило Анну до глубины души: он объявил о своём родстве с киборгом Л'вара и о том, что Дом Вера берёт его под свою защиту. Это было такой бомбой, что слухи о таинственной Реалистке мгновенно потеряли актуальность. Кинтаниане были не только шокированы, но и разгневаны, и шум, поднявшийся вслед за этим заявлением Вера, заглушил все прочие передвижения мероканцев, в том числе и снаряжение Адрии в глубокий космос.

Никаких станций решено было по пути не посещать. В нужную точку космоса был отправлен грузовой корабль, который должен был зарядить Адрию необходимой для дальнейшего полёта энергией прямо в космосе, вдали от всех терминалов и станций. С Анной летели на помощь Гриту Тайнар Гем, как лучший пилот и механик Корты, Интуитор Рой Саль, назвавшийся туманно «консультантом», несколько Рабочих с непроизносимыми узкими специальностями, связанными с обслуживанием киборгов и космической энергетикой, и боевые пилоты, половина из которых была молодыми Волками из разных Домов, а половина – Ортодоксами и Логиками. В целом они составляли два полноценных боевых Крыла, и должны были, если нужно, составить защиту Грита. Нельзя было исключать, что за Адрией уже следили.

Версию, кто и как, выдвинула Асте. Выслушав рассказ Анны о Шитахе, она вполне здраво заметила, что Шитаха прекрасно знает, кто такая Анна. Он давно уже узнал, что она появлялась на двух терминалах, которые могли приближать её только к Корте. Благодаря кораблю – призраку он, возможно, недолго её потерял, но теперь мог найти. Лиге и другим охотникам он её не выдаст, но сам будет пытаться захватить, или проследить за нею, чтобы выйти на Грит.

На самом деле она была абсолютно права; ошиблась она только в одном: Шитаха ждал на всех терминалах не Анну, а Ивайра; но появление там Анны было для него и сюрпризом, и возможностью действительно проследить за ней. То, что она исчезла с последнего терминала в корабле-призраке, сбило его и со следа, и с толку, но не надолго. В момент старта Адрии за Анной уже снова следили, и очень тщательно. О том, чего она избежала, полетев за Летучим Голландцем космоса, Анна узнала только очень много времени спустя... когда это уже не было для неё неожиданностью.

Покидать Корту было безумно жаль. Анна не успела как следует осмотреться, но влюбиться в Луану успела по – настоящему, как все, кто побывал в этом городе хоть один раз. Ещё не улетев, она уже знала, что будет тосковать по вилле Руэл, по Меларе, по заливу, домам на сваях, речным трамвайчикам и фантастической мерокано-кортианской музыке над городом... С собой она везла несколько мини дисков с

такой музыкой и «таблетку», которая её воспроизводила; записи с виллы, которые наделала увлекающаяся такими вещами Асте, фрукты, орехи, несколько стильных вещичек для Кейва, пару цветов, даже сухими издающих незабываемый аромат. Само собой разумеется, вещи, которые она носила на Гrite и в которых полетела на Корту, она заменила модными кортианскими шмотками. Она теперь придавала этому значение, как никогда. Возможно, потому, что не переставала флиртовать с Тайнаром и получать от этого неведомый прежде кайф.

Тайнар был не только красивым мужчиной – последнее время недостатка в привлекательных людях Анна не видела, здоровый образ жизни и развитая медицина брали своё, почти все встреченные ею люди были так или иначе привлекательны, – он воплощал в себе те качества, которые Анна бессознательно искала и не находила в земных мужчинах; те самые, которые так понравились ей когда-то в Ивайре. Сильный, спокойный, весёлый, ненавязчивый, но внимательный, он был, между прочим, Анне ровней по всем мероканским канонам, и если бы что-то у них сложилось, мог бы стать Си-лой Дома Мессейс, так как в нём была Старая Кровь, Кровь Домов Mea, Руэл и Ханна. А родство с Гемами, Домом сильным, многочисленным, богатым и влиятельным, на много порядков упрочило бы положение Дома Мессейс не только на Корте, но и в Союзе – Гемам традиционно принадлежало кортианское производство боевых машин и андроидов;

с деньгами Руэлов и возможностями Грита... Впрочем, об этом Анна думала меньше всего, хотя порой и мелькало в голове, что этот союз был бы приятен Кейву.

Вот только не готова она пока была к созданию семьи и не то, что к рождению новых детей, но даже к мыслям о них. И как бы ни был ей приятен флирт с Тайнаром, заходить дальше взглядов, улыбок, двусмысленных комплиментов и случайных прикосновений она не спешила. Ей нравился бла-женный покой, который она испытывала рядом с Тайнаром, но чего-то не хватало... Чего? «В твоём-то возрасте, и гре-зить о бурях душевных?» – Подначивала она себя, но не дей-ствовало.

Зато совершенно неожиданно она обрела в лице Тарвы ес-ли не подругу, то кого-то очень близкого к тому. Началось всё с откровенной враждебности со стороны Тарвы, которая вылилась в первую жестокую стычку из-за лорда Оша. Ан-на потребовала, чтобы Тарва не смела в её присутствии пло-хо отзываться об этом человеке, слово за слово, и они пе-решли на личности, да так, что чуть не бросились в драку друг на друга. Тайнар едва их расцепил. Но их так потянуло друг к другу, что уже вечером того же дня они вновь оказа-лись в одном помещении – оранжерее Адрии, – и не прошло и пяти минут, как они вновь сцепились из-за того, как Ан-на распорядилась Гритом. Потом – из-за несходства взгля-дов на жизнь вообще... И понеслась. Они упорно отыскива-ли друг друга каждую свободную минуту, чтобы поспорить и

поцапаться, и Анна первой призналась себе, что Тарва ей, не смотря на ссоры, очень нравится. Они и спорили так отчаянно именно потому, что испытывали взаимную симпатию и стремились прийти к общему знаменателю.

– Из-за чего мы с тобой спорим? – Поинтересовалась она, когда в очередной раз Тарва набросилась на неё из-за какого-то пустяка. – Что ты хочешь мне доказать?

– Что ты не права! – Запальчиво воскликнула Тарва.

– В чём?

– Да во всём! Ты заступаешься за кипов, словно не видишь, до чего они довели Союз!

– Я на самом деле этого не вижу, – пожала Анна плечами, – потому, что прожила на Корте всего несколько дней и ничего не знаю.

– А чего споришь тогда?! – Обрадовалась Тарва, синие глаза вспыхнули торжеством.

– Я заступаюсь за человека, который спас меня, и которому мы многим обязаны. Лорд Ош человек прекрасный, порядочный, умный, обаятельный… И потом, ты сама знаешь, на что он пошёл ради нас.

– Он мог сказать мне правду, и Грит сейчас был бы возле Корты!

– Не аксиома. – Возразила Анна. – Это во-первых, и во-вторых, мы всё равно полетели бы за солью к Биэле…

– Я бы этого не допустила!

– Даже спорить с тобой не стану! – Подняла руки вверх

Анна. – Только учти, что я не военная, и ничем тебе не обязана, а Кейв и подавно.

– мероканец – кип! Нонсенс! – Фыркнула Тарва. – Я этого вообще не понимаю!

– Не только кип, но и клык-офицер. – Возразила задетая за живое Анна. – Если ты понимаешь, что это значит.

– Куда мне, убогой, это понять.

– Я не говорила, что ты глупая!

– Ты не слушаешь, что я тебе говорю! Ты сама не видишь, что ли, до чего это оскорбительно?! Словно я полная дура, ты меня просто игнорируешь!

– Не правда, ты мне очень нравишься, и я... – Анна запнулась, чуть покраснела. – Может быть, я просто ещё не мероканка. – Сказала смущенно. – И поэтому мы друг друга просто не слышим. Я вовсе не хотела ничем тебя обидеть, прости, если так.

Тарва смягчилась мгновенно, поняв, что Анна права – она не была в полном смысле этого слова мероканкой, и требовать от неё того же, чего и от других мероканок, было глупо.

– Это ты меня извини. – Сказала она. – Хочешь, я дам тебе мои записи, там песни, ролики, клипы, такое всё... Исторические сцены, которые я обожаю... Может, пригодится.

– Спасибо. – Улыбнулась Анна. – Конечно, пригодится. Я бы посмотрела что-нибудь бытовое, знаешь, рецепты, советы... Сериалов у вас не снимают, а жаль – быт можно видеть только там.

– Сериалы на Барде снимают. – Пояснила Тарва. – И знаешь, как под киповским влиянием они стали последние двадцать лет изображать мероканцев?! Толстыми, ленивыми, самодовольными уродами, презирающими всех остальных и не желающими...

– Тарва, умоляю! – Вскричала Анна, заслоняясь от неё руками, и Тарва вспыхнула:

– И ведь почти все на Корте вот так! Думают, что я упёртая, ненавидящая кипов дура!!! А это не так безобидно, как кажется, и это отношение ещё нам аукнется, и оч-чень здорово аукнется! Только поздно будет что-то менять...

Они вполне мило общались на следующий день, Анна посмотрела кое-что из коллекции Тарвы и обратилась за разъяснением, но через десять минут они вновь сцепились, и вновь из-за Оша. Тайнар, завтракавший с ними, на этот раз вмешиваться не стал: видно, так уж им на роду написано. Что тут ещё сделаешь!

Когда они не ссорились, то сближались стремительно, не по дням, а по часам. Анна рассказывала Тарве про Грита, про то, как общалась с ним, пока была его капитаном, – хоть и полным чайником, но всё-таки! – делилась впечатлениями о разных планетах, даже рассказала Тарве про Зиану и Гиссара. Та всё воспринимала очень серьёзно; так же, как и Анна, делилась если не сокровенным, то весьма интимным. Только вот почему-то Ош рано или поздно возникал между ними, и всё заканчивалось ссорой и взаимной обидой. А по-

том до Анны дошло то, что яростно отвергла бы сама Тарва, и чего никогда не мог бы предположить никто другой: Тарве нравятся кинтаниане! И при этом она яростно ненавидит их, настолько, что дело казалось совершенно безнадёжным. Её с безумной силой притягивал имидж кипов, их мужественность, стиль, шарм, холодная эльфийская красота, но в то же время отталкивали их снобизм, бессердечие, цинизм и шовинизм. Всё это выглядело безнадёжным, но Анне казалось, что она видит выход... в знакомстве Тарвы и Кейва. И мереканец, и кип в одно и то же время, он казался идеальным решением личной проблемы женщины, чьё влечение и восхищение были замешаны на ненависти. Кейва ей было, за что любить, но абсолютно не за что ненавидеть... Анна ждала их встречи с нетерпением. У Кейва тоже были какие-то проблемы личного плана, Анна только пока не поняла, какие, и ей казалось, что они – идеальное решение взаимных проблем. Как это обычно бывает, она совершенно не правильно всё рассудила, но в тот момент ей казалось, что она права, и причин, почему бы это было не так, не видела. Сама она всё глубже погружалась в сладкие тенета флирта с Тайнаром, и чувствовала себя вполне счастливой, и если не влюблённой, то заинтересованной, увлечённой и взволнованной – точно. Они проводили вместе всё больше времени, мотивируя это тем, что Тайнару необходимо как можно подробнее и лучше ознакомиться с пилотированием риполианской техники, но никого, в том числе и их самих, это уже не могло обмануть.

Думать про Ивайра в это время Анна себе запрещала. Он нашёлся; он со своею родственницей. Он в безопасности, под защитой своего Дома, и встреча с ним – вопрос времени. Грит уже был в курсе, что его капитан найден и в безопасности, и рвался к Савале, где по последним сведениям тот находился. Вроде бы всё утряслось. Но Анна не могла смириться с тем, что её друга больше нет, что существует Ив, который никогда не знал её, у которого есть семья, близкие, готовые драться за него; этот Ив не нуждался в ней и был совсем другим. Может, она ревновала – она не думала об этом. Они теперь, наверное, каждый заживут своей жизнью. Во всяком случае, знакомиться и узнавать друг друга им придётся заново; только если для него Анна будет незнакомкой, то для неё он будет призраком того, кто был одно время всем для неё. Всё равно, что общаться с близнецом того, кого любила, и кто умер.

Ив и Ва, деликатно не мешая Ошу переживать, сидели и тихо обсуждали, как им пробраться в Рюэль и завладеть маяком. В горы пришла ночь, и в крохотном отверстии, сквозь которое видно было небо, заглядывал краешек лунного серпа. Ош смотрел на него, стараясь не слушать, какую ахинею несут эти Волки, но ничего не мог с собой поделать. Брождённые рассудительность и чувство юмора постепенно брали верх над отчаянием.

– Дурь это всё. – Наконец не выдержал он и повернулся

ся к мероканцам. – Согласен, местный язык Ивайр освоил неплохо, и может сойти за иностранца, но вы посмотрите на себя! Во всей этой грязной стране насчитывается чуть больше миллиона человек. Рюэль – огромный город по местным меркам, практически, мегаполис, но живёт в нём, дорогие мои, ни много, ни мало, одиннадцать тысяч человек. Гигантское скопление людей для этого мира, поверьте мне. Дворяне этой страны – всего четырнадцать процентов от её населения. Не лично, так понаслышке всех их и их гербы здесь знает практически каждый ребёнок.

– Мы не претендуем на дворянство… – Начала было Ва, но Ош перебил её не очень вежливо:

– Для простолюдинов вы слишком чисты, высоки ростом, здоровы и слишком гордо держитесь. Посмотрите на свои руки!

Ва с интересом посмотрела на свои руки, которые не без оснований считала грубыми из-за привычки самой возиться в различных механизмах.

– И тем не менее. – Правильно интерпретировал её взгляд Ош. – Даже эти руки слишком нежные и холёные по сравнению с руками местных. Обрати внимание на руки местных, если представится такая возможность, и поймёшь, что я имею в виду.

– И что ты предлагаешь? – Спросил Ив.

– Я помогу вам. – Ош сел. – Попробую, по крайней мере. Не ради Шейнана, конечно, которого я совсем не знаю.

– А ради кого? – Поинтересовалась въедливая Ва.

– А какая разница? – Отрезал Ош.

– Понятно. На Гrite ведь тоже есть двойник?

Ив взволнованно посмотрел на Оша. Как тот сказал в первый момент? «Где Орин, Анна?»

– Наверное, есть. – Дёрнул светлыми бровями Ош. – Почему нет? Всё логично.

– Орин? – Ва, оказывается, тоже умела слушать.

– Этого я вам не скажу. Моя кровь взорвётся во мне, скажи я хоть слово об этом корабле. Но можете считать, что некоторым образом я беспокоюсь о двойнике.

– Некоторым образом? – Ив неожиданно схватил Оша за руку и повернул запястьем, где до сих пор остался шрам, вверх. – Это теперь так называется? Я знаю ваши обряды.

Ош вырвал руку, вновь почувствовав злость, и вновь подавив её.

– Забудь об этом, если рассчитываешь на мою помощь. К делу, мероканцы, к делу. Достать маяк для меня – не проблема, но что вы собираетесь с ним делать дальше? Как собираетесь улететь с Савалы и найти вашего Шена?

– Это наши проблемы! – Заявила Ва, а Ив ответил:

– Пока не знаем, но придумаем.

– Я так и думал. – Кивнул Ош.

– Можешь что-то предложить?

– Могу. – Ош с сомнением посмотрел на мероканцев. Оба они, как должен был с сожалением констатировать Ош, были

до омерзения не похожи на местных жителей. Впрочем, для савалян это был не факт: они верили в существование неведомых земель, где жили безголовые люди, покрытые шерстью, у которых рот находился на животе, а глаза – на плечах; при таком буйстве фантазии и полном отсутствии здравого смысла и научного взгляда на вещи, они не разоблачили бы в мероканцах инопланетян, приняв их за жителей каких-нибудь ещё неведомых земель. Но кипов это обмануть не могло. Доносчиков в Рюэль было, хоть дорогу мости – они доносили всем и на всех, в том числе и кипам на всё подряд. Однажды Ош даже чуть не придушил одного такого, слишком рьяного, но с трудом сдержался, только послал свою подружку Лоти к людям, на которых тот донёс, предупредить.

Впрочем, были и на Савале земли, где жили высокие, смуглые люди – далеко на юге, очень далеко. Сомнительно, что такие могли бы появиться здесь, в горной северной стране, очень обособленной и изолированной от остальных савалянских цивилизаций. Если только...

– Если только, как свита какого-нибудь вельможи. – Сказал он вслух. – С юга.

– Мы? – Уточнил Ив.

– Да. – Кивнул Ош. – Далеко на юге, в другом полушарии, есть люди другой расы, которые выше и смуглее местных. Но они считаются здесь варварами, нечистыми, поклонниками огня и солнца, употребляющими в пищу ящериц и рыб. Видите ли, всё, что не имеет красного мяса и крови, считает-

ся здесь нечистой пищай и вызывает отвращение. Как, впрочем, и другой цвет кожи, волос, глаз, другая религия, другой язык и другие обычаи.

– А кто будет вельможей? – Подозрительно спросила Ва.

– Есть у меня одна идея. – Откликнулся Ош. – Но для этого я должен вернуться в Рюэль, прямо сейчас, и один. Этот человек найдёт вас завтра; возможно, немного позже, и с ним вы придёте в Рюэль. Там я вас найду и отдам маяк. И расскажу, как вам выбраться отсюда в космос.

– А ты? – С сомнением спросил Ив. – Что будет с тобой?

– Ничего такого, что я не мог бы пережить. – Чуть усмехнулся Ош.

– Но ты пострадаешь...

– Это уже не важно. Поверь, хуже, чем Савала, наказания для такого, как я, быть не может.

– Мне очень жаль.

– А мне нет. – Отрезал Ош. – Так как? Доверяете вы мне?

Будете ждать здесь двое суток?

– Нет. – Отрезала Ва.

– Да. – Возразил Ив. – Я буду.

– Хорошо. – Ош неожиданно ярко улыбнулся. – Можешь положиться на меня, Кайл Ивайр.

Он ушёл, как растворился в ночи – быстро и бесшумно. Ва недовольно обратилась к Иву:

– Я не верю ему. Пусть он помог нам, пусть он с Грита, и

много сделал ради них, но знаешь, что я думаю?.. Он всё равно кип. Он лорд из одного из самых знаменитых семейств. Он всё равно ихний, а не наш; он поступил так, как поступил, оттого, что увидел в этом реальную выгоду для Кинтаны, которую сейчас кроме него никто, возможно, не видит.

– Тем более я уважаю его. – Возразил Ив. – Тем сильнее верю. Лорд – всегда лорд, и это правильно. И если он сказал: я помогу, – он поможет, даже рискуя жизнью.

– Только не Кинтаной. – Не сдавалась Ва.

– Кинтаной и я не рискну. Я давал клятву верности нашему Союзу и не собираюсь её забывать.

– Всё изменилось.

– Не для меня. И потом… а что изменилось, Ва? Те мероканцы, которых ценой своей жизни защищали кинтаниане, погибая возле Мерака, прикрывая их отход наравне с нами, они разве не выжили, разве вы сами появились на свет не благодаря им?

– Мы выплатили свои долги.

– Этот долг невозможно выплатить сполна. Разве что – прикрыв Кинтану так, как когда-то это сделали они для Мерака, но не иначе.

– Текущие мероканцы думают и чувствуют иначе. Да и кипы переменились, и скоро ты поймёшь это, Ив.

– Что бы ни случилось, я не дам тебя в обиду.

– Я и сама не цветочек! – Широко ухмыльнулась Ва.

Они долго ещё сидели возле крохотного огонька, разве-

дённого по всем правилам и практически не дымившего, к тому же, скрытого от посторонних глаз скалами. Они действительно не боялись никого и ничего; отчасти это была уверенность людей, с рождения знаяших только безопасность и уверенных в защите со стороны цивилизации и семьи; но было в этой уверенности и нечто более конкретное. Тысячи лет цивилизации не стёрли их генетической памяти об этих временах, простых, жестоких и в чём-то более правильных, чем все последующие века. И даже не сознавая этого, два мероканца из Касты Волков чувствовали себя здесь очень даже кстати.

Особенно томительными показались всем часы, которые оставались до выхода Адрии из гиперпространства и до появления Грита. Все хотели увидеть его; с не меньшим нетерпением ждали мероканцев запертые на Грите Рокел и Кейв. В последние минуты все собрались в крипте; мероканцы ждали появления самого знаменитого и загадочного корабля Известной Вселенной, и он ожиданий не обманул. Ярко освещённый звездой, поделившейся с ним своей энергией, он выглядел маленьким с того места, где Адрия создала зону перехода, но в космическом вакууме ничто не искажало предметов, и видны были все его детали в миниатюре. Мероканцы просто с ума посходили, увидев это воочию.

– Не думал, что увижу такое своими глазами! – Воскликнул восхищённый Тайнар, а Тарва произнесла:

— А я всегда знала, что так будет. Как только узнала, что Грит украден, так и поняла: это шанс для нас, мероканцев. Это справедливо, поэтому Мерц сделает так, что Грит станет нашим.

— Прежде нужно отыскать Кайла Ивайра. — Напомнил кто-то. Тарва упрямо выдвинула вперёд подбородок:

— Всё равно принадлежность Грита — Мерак. А остальное мелочи.

Через несколько минут Грит позволил Ариге состыковаться с одним из своих центральных шлюзов, и ещё через пол часа вся мероканская команда была в его ангаре — осталось на Адрии не захотел никто. Анна первой покинула карантин и бросилась на шею Кейву, встречавшему её возле камеры, пропищала ему в плечо, не в силах скрыть слёзы:

— Как я скучала по тебе, как я рада тебя видеть!!!

Он не ответил, но по тому, как он стиснул её в ответ, она поняла, что чувства взаимны.

— Хочу познакомить тебя кое-с кем. — Сияя, заявила она. — Это Тарва Заэм, Командор мероканского космического флота. А это Мессейс Кейвар, мой старший брат и глава нашего Дома. — Обратилась она к Тарве. Ей ужасно хотелось, чтобы они понравились друг другу, и она не сводила глаз с их лиц в момент знакомства, но ничего подобного внезапно вспыхнувшей страсти не увидела. Кейв выглядел, как обычно, отлично скрывая смущение, Тарва — заинтересованной, разу-

меется, и даже заинтригованной, но ни искры, ни электричества Анна между ними не ощутила. Впрочем, это было не важно в данной ситуации. В конце концов, они оба были люди взрослые, и на юношеские порывы просто не приходилось рассчитывать? Анна была полна решимости свести их в конце концов.

Мероканцы приступили к работе практически сразу. Всё, что нужно было сделать с помощью Ариги и её ресурсов, следовало сделать как можно скорее, чтобы те, кто проследил-таки мероканского киборга до этого места, не успели прибыть сюда. Анна увидела, как на самом деле умеют работать эти люди, внешне с первого взгляда производившие впечатление людей праздных и ленивых, и решила раз и навсегда, что никогда больше не поверит своему первому впечатлению.

Ремонтные работы не прерывались ни на минуту. Грит рвался искать Кайла Ивайра, нервничал, жаловался Анне на боль, тревогу и непонятные ощущения.

– Почему он говорит с тобой, ты ведь не его капитан? – Спросила однажды Тарва.

– Потому, что Ив... Ивайр так захотел. Ведь прежде я была его капитаном. И хорошо, что он говорит хотя бы со мной, знаешь ли. Я просто не представляю, что мы все делали бы, если бы он не откликался на наши вопросы и предложения.

– И зачем ты отдала ему корабль?

– Я уже говорила. – Устало ответила Анна. Они сидели на

полу крипта, скрестив ноги, смотрели на звёзды. – Я хотела защитить его. Он был моим единственным другом тогда.

– Ты хороший друг. Но...

– Никаких «но» здесь быть не может, Тав. Я всей жизнью своею не смогу искупить того, что он для меня сделал. И ведь он ничего не хотел взамен! Свою дружбу мне ему навязывать силой пришлось. А в итоге я его как бы и предала... Я позволила ему думать и чувствовать так, что это его почти убило.

– Может, оно и к лучшему? Теперь он не робот, он живой человек, хоть и офт. Шитаха же говорил, что офт – полноценный человек, без изъянов. И почти вся его память при нём... Он начал жизнь заново с того момента, как она прервалась. Мне кажется, это справедливо. А что касается неприятностей... Чтож, за всё надо платить. И ты подумай прежде о себе – он-то сейчас не один, а ты? Твой Кейв такой холодный. Я ни разу не видела, чтобы он хотя бы улыбнулся кому-то.

– Что ты, он улыбается. Я сама это видела месяц назад.

Тарва фыркнула, Анна тоже. Помолчали. Тарва думала, что Кейв, конечно, холодный, но притом очень, очень...

– Я люблю Кейва. – Сказала Анна. – И что бы ты ни думала, он мой брат, и в этом смысле я могу положиться на него вполне. Да, он холодный, и несколько... зажатый, но он надёжный, как скала. Я была с ним на Биэле, а это дорогое стоит.

– Да уж, как подумаю, ум за разум заходит. Бешеные вы

люди, Мессейс. Вдвоём – на Биэлу за солью!!! Страшно было?

– Нет. Честно. Не тогда. Страшно было потом, когда Грит оказался в кольце, я подумала: это всё... Стало так обидно. Даже не от того, что умру, а от того, что всё было зря, всё пошло прахом. И за Кейва страшно тоже, а за Ива больше всех.

– Никогда не думала, – призналась немного погодя Тарва, – что буду вот так сидеть с двойником Лавайра Мессейс... практически, с ним самим! – и болтать. Моя подруга – двойник Лавайра Мессейс!

– Я не он. – Напряглась Анна.

– Конечно. – Быстро согласилась Тарва. – Была бы ты он, я была бы в другом месте. Блин, даже не хочется улетать! Вдруг с вами что случится?

– Теперь уже не случится. Грит отремонтирован и рвётся в путь. Благодаря вам. А ты уверена, что на Савалу лучше лететь тебе?

– Разумеется. Кайла Ивайра и его статус пока лучше не афишировать. Я просто заберу с Савалы двух мероканцев.

– Могу я тебя попросить кое о чём? Тебе не понравится моя просьба, но я очень прошу тебя выполнить её.

– Почему-то мне кажется, что здесь запахло лордом Ошем. – Недовольно скривилась Тарва.

– Я хочу, чтобы он знал, что мы думаем о нём и благодарны ему.

— Скорее всего, мне не удастся ничего ему сказать без того, чтобы нас не подслушали.

— А тебе ничего не придётся ему говорить. Только сделай так, чтобы он увидел у тебя цветок ветра из моих апартаментов, он всё поймёт. Это слишком важно, Тарва.

— Я не зверь. — Нахмурилась Тарва. — Я сделаю, что ты просишь. Почему нет? Мои личные чувства ничего не значат в данном случае, и ты, возможно, права, когда так беспокоишься о том, кто помог тебе. Но ты тоже мне должна кое-что пообещать.

— Что именно?

— Что выполнишь в своё время мою просьбу, как бы неприятна она тебе ни была.

— Какую просьбу?

— У меня её ещё нет. Это я на случай, если появится.

Анна тихо засмеялась:

— Хорошо. Замётано. Я не боюсь твоих просьб.

Тарва давно ушла, а Анна всё сидела в крипте. Грит давно рассказал ей о своих ощущениях, поделился своими сомнениями, и теперь молчал так же, как и она.

— Грит... — Вдруг сказала Анна. — Ты всё время следил за мной? И тогда, когда я попала на корабль — призрак, тоже?

— Да, Анна. — Ответил Грит.

— Каким образом этот корабль попал к Кортэ? И где он теперь?

— Я не знаю ни того, ни другого, Анна. — Подумав несколько секунд, сказал Грит. — Я этого не понимаю. Это какая-то непонятная мне сила. Я следил, пытался понять, но не смог. Эта сила сродни той, какую использует Гонвед, но это другая сила. Есть вещи, — подумав ещё, продолжил он, — которые тревожат меня, и это — одна из них. В космосе что-то происходит, Анна.

— Что именно?

— Я не знаю. Я даже не знаю, как сказать, потому, что не знаю понятий, которые здесь работают.

Анна, которую с момента, когда она очутилась в корабле — призраке, сильно мучили сомнения и смутные страхи, ощущала противный холодок внутри. Слова Грита подтверждали самые её фантастические мысли и предположения. Хуже того — подтверждали её страхи. Она не забыла ни своего странного сна в джунглях Авельянды, когда проснулась от ощущения присутствия кого-то ещё; не забыла она и свой бред там же, когда кто-то подошёл к ней и закрыл глаза ладонью. Ещё было воспоминание о том, как Ивайр говорил на Т'огле про разрушающиеся волокна, про то, что разрушать их было некому и нечему. Запах мяты и корицы, который странным образом возвращал её в детство. Голос, позвавший её на корабль. Призрак фигуры на камнях безымянного спутника, где она пряталась от риполиан. Анна чувствовала, что стоит на пороге чего-то по-настоящему фантастического и, пожалуй, страшного. На самом — то деле, ведь всё, с чем она до

сих пор стакивалась, было, в принципе, реально и легко объяснялось с учётом прогресса науки и развития человечества. А вот это... это попахивало мистикой и какими-то потусторонними силами, и это её пугало. Она не боялась ни оружия, ни людей, ни даже, как выяснилось, гуманоидов; она не испытывала почтения к космической бездне и не боялась даже её. Но то, чего не мог постичь её разум, она боялась. Она не хотела верить в это, и уговорила себя не верить даже теперь, не смотря на сообщения Грита. Но сомнение и тайный страх остались.

Савалянский актёр и странствующий студент, Лари, нашёл Ива и Ва даже раньше, чем они ожидали. Он был с клипсой, и выглядел очень импозантно для савалянина.

– Барон Варты, к вашим услугам. – Сказал он, блеснув вполне солнечной, не смотря на отсутствие одного глазного зуба, улыбкой. – Лорд Ош, кому отказать я не мог, просил меня взять вас в качестве своих слуг в Рюэль. Я привёз одежду для вас и привёл двух скакунов. Так же и оружие; не по ручусь, что точно такое носят в южных странах воины вроде вас, но для Рюэль оно вполне экзотично, а значит, сойдёт. Лорд Ош говорил, что кто-то из вас разумеет по-нашему?

– Я. – Ответил Ив.

– Это замечательно. – Снова улыбнулся Лари. – Потому, что клипсы произведут не очень хорошее впечатление. Дикие жители Рюэль всё, что исходит от пришельцев, ненави-

дят и стараются избегать, а людей, кои пользуются вещами пришельцев, почитают за нечистых. Я бы ещё посоветовал вашей благородной спутнице скрыть под мужской одеждой женскую сущность, потому, что женщине в Рюэль не безопасно, а иностранке – вдвойне. Возможно, вы сможете за себя постоять, но лучше будет, если даже нужды в этом вообще не возникнет.

– Согласен. – Опередил Ва Ив. – Мы постараемся не доставить проблем.

Ва фыркнула, но спорить не стала. У неё было достаточно здравого смысла, чтобы понять, что Ив прав. Без дальнейших возражений она переоделась в не самую свежую, но довольно ещё чистую одежду, слегка подчёркивающую её экзотичность; голову она повязала тёмно-красным платком, одним концом которого Лари посоветовал ей прикрыть нижнюю часть лица. Так же оделся и Ив; у него платок был темно-синий, практически под цвет волос, и Лари надеялся, что никто не заметит, даже если прядь волос выбьется наружу. Оружие он оставил своё, и Лари вынужден был согласиться, тем более, что выглядело оно достаточно чужеземно.

А вот скакуны их с Ва немного испугали. Анна решила бы, что они очень похожи на земных лошадей, но принадлежали не к травоядным, а плотоядным, и лошадиные губы скрывали острые зубы хищников. Ноги их тоже заканчивались не копытами, а мощными мозолистыми пальцами, как у носорогов. Не было грив и чёлок, и хвосты были льви-

ные. При всём при том, существа были сказочно красивые, изящные, мощные одновременно, и достаточно добродушные, вроде больших земных псов. Лари заверил мероканцев, что ехать на них совершенно безопасно, и Ва первой села в седло. Тихо взвизгнула и засмеялась, когда животное дёрнулось и переступило ногами под ней. Ив садился с большей опаской, но держался в седле лучше.

— М-да. — Покачал головой Лари. — Вы можете, благородные господа, плохо говорить по-нашему, выглядеть, как вам угодно и носить какое угодно оружие, это не возбудит больших подозрений. Но ездить верхом должен уметь савалянин любой страны. По-другому у нас не передвигаются. Придётся нам немного задержаться в этой глухомани.

Ив научился ездить верхом гораздо быстрее, чем Ва. В своё время он чего только не испробовал в жизни, в том числе и езду на кортианских верховых животных, родственниках земных тапиров; к концу дня он сидел в седле если не отменно, то вполне терпимо. У Ва дело продвигалось хуже. Она довольно быстро научилась ездить шагом и совершенно перестала бояться своего скакуна, но едва он переходил на свою мягкую, но раскачивающуюся рысцу, как она сползала в седле и представляла из себя жалкое зрелище, вцепившись в перекладину, потеряв поводья и самым жалким образом пытаясь достать ногами землю, что начинало нервировать её смиренного скакуна и заставляло его взвизгивать и прыгать в стороны. Ив даже предлагал так и ехать в Рю-

эль шагом, но Лари возразил, что на это уйдёт не один день, и вызовет ненужные подозрения. Пришлось всё-таки задержаться, пока посадка Ва не стала более-менее нормальной. Решили, что в пути она немного пообтешется.

Вообще-то, не смотря на непрезентабельную посадку Ва, зрелице из себя дворянин и два его телохранителя-южанина представляли внушительное. Оделись мероканцы ярко, даже где-то вызывающе; Иву досталась кожаная жилетка на голое тело и украшенные золотым шитьем широкие штаны с роскошным поясом; его смуглая кожа, странная татуировка на плече и высокий рост притягивали взгляды. Дети в первом же посёлке просто прилипли к нему, и взрослые недалеко ушли от них – и молодые, и старые собирались на деревенской площади, когда путники остановились там, чтобы напоить скакунов. Вот тогда впервые и заметно стало странное действие, которое производил Ив на существ женского пола.

Женщины Савалы были существами застенчивыми, находились в полном подчинении у мужчин, и поведение их было связано множеством условностей. Но едва они видели Ива, как что-то с ними происходило непонятное. Они забывали о застенчивости, и стягивались поближе к нему, не сводя с него глаз настолько явно, что молодые мужчины начинали нервничать и даже злиться. Ив, как любой на его месте, долго этого не замечал, во всяком случае, заметил уже после того, как всё поняли и Лари, и Ва. Взяв из рук одной из самых смелых женщин кувшин с водой, Ив убрал платок от лица и

широко улыбнулся в знак благодарности. Это подействовало на беднягу, пожалуй, слишком сильно. Она побледнела, задрожала, выронила кувшин, который он отдал ей, ахнула, увидев, что обрызгала его, и, не замечая сердитого окрика со стороны какого-то мужчины, видимо, родственника или жениха, попыталась его отряхнуть. Ив нагнулся, поднял её, взяв за плечи, и та упала в обморок.

– Колдун! – Крикнул кто-то из толпы. – Он её заколдовал!

Лари потребовалось всё его искусство оратора, чтобы как-то утихомирить толпу. Но сматываться из деревни пришлось очень быстро.

– Ради отца нашего небесного, – взмолился Лари, – не делай этого больше!

– Но я ничего не делал! – Искренне возмутился Ив. – Я просто проявил вежливость…

– Не проявляй её больше. – Покачал головой Лари. – Просто держись в стороне. Прошу и умоляю!

– Хорошо. – Пробормотал Ив. Он сам был удивлён и озадачен.

На ночь пришлось, ввиду всего произошедшего, остановиться в пустой придорожной башне возле старого мостика через узкий, но быстрый горный ручей. Таких башен в окрестностях савалянских населённых пунктов было много: свидетели смутных и тёмных времён, они стояли на случай набегов и феодальных войн, давая укрытие арбалетчикам и лучникам, защищавшим дороги, мосты и переправы. Ив, ко-

нечно же, забрался под самую крышу, не смотря на то, что с непривычки болели мышцы ног, и долго любовался расстилающимся вокруг видом. Родные его места – Саис, Москера на Мераке, планете тёплой и изобильной, выглядели, конечно, и пышнее, и экзотичнее, но в скромных пейзажах Савалы, чем-то напоминающих Кинтану, была своя особая прелесть. Сумерки скрыли грязь, убогость и нищету. Вода в ручье мерцала таинственно, отражая звёзды и лунный свет; где-то внизу уютно горели огонёчки деревни, над которой крутыми изломами нависали близкие горы. Ночные насекомые и животные подавали свои негромкие, но своеобразные голоса. Не верилось, что всё здесь именно так, как рассказывали Шен, Ва и Ош... Настолько всё казалось мирным, спокойным, уютным и пасторальным.

Утром было всё гораздо менее романтично. Недалеко от башни обнаружилась клетка, подвешенная к высокой перекладине, а в клетке – несвежий труп. Зелёные птицы с белыми головами и полосами на крыльях с удовольствием выклёвывали доступные места. Ив сразу отвернулся, а Ва ещё несколько секунд смотрела, пока до неё не дошло, что всё это – не предназначенная для устрашения бутафория, а самое, что ни на есть настоящее. Тогда она тоже поспешило отвернулась, но тошноты скрыть не могла. Лаки сокрушённо покачал головой.

– Неужели в вашем мире совсем нет такого? – спросил с сомнением. – А что вы делаете с преступниками?

– Их изолируют от остального общества. – Сказала Ва. – На какое-то время, или, если случай безнадёжный – навсегда. Они работают.

– Мудро. – Подумав, кивнул Лаки. – Мне иногда тоже приходило в голову: сколько молодых здоровых мужчин умирают зазря! Работая где-то, где они не могут причинить вреда, они, по крайней мере, принесут пользу.

– Иногда это страшнее. – Пробормотал Ив. Как и Ва, с утра он страдал от боли в мышцах.

В Рюэль они приехали в обед. В толкотне у ворот, как Ош и говорил, на них почти не обратили внимания. Стражники покосились на своеобразное оружие Ива, но Лари заплатил за проезд через городские ворота щедрее положенного, и никто ничего не сказал. А очутившись во Внешнем Городе, Лари постарался затеряться в лабиринте узких запутанных улочек. Снял две комнаты в мрачного вида гостинице с узкими оконцами, выходившими на улицу, и посоветовал мероканцам набраться терпения.

– Особо тебя прошу, – он даже шляпу снял, обращаясь к Иву, – сторонись ты женщин! Они никого ещё не довели до добра, скорее, наоборот, а тебя, друг, скорее раза в три!

– Я присмотрю за ним. – Пообещала Ва, и Лари исчез, оставив их наедине друг с другом.

– Как ты думаешь, что с Ошем? – Спросил Ив, когда они перекусили, огляделись и присели в нише широкого узкого

окна.

– Понятия не имею. – Пожала Ва плечами. – Возможно, он просто переоценил свои возможности. То, что он сделал, просто так ему не простят. Что будем делать, если он не явится?

– Не знаю. Возможно, есть смысл связаться с мероканцами, или… даже попытаться связаться с Гритом. Посмотрим. Я почему-то ему верю.

Все люди во всех мирах знают, как восходят над горизонтом луны их планет, знают, и в большинстве своём любят это зрелище. Но считанные единицы наблюдали восход своих планет над их лунами. Одним из самых волшебных зрелищ этого рода был, возможно, восход Кинтаны над Илот, одного из трёх её спутников.

Два спутника Кинтаны были крохотными, как астероиды, около трёх и пяти километров в диаметре, но третий, Илот, был довольно большим, почти, как Луна у Земли, но при этом имел атмосферу. Этот каприз природы, – у такого тела не могло быть нужной силы тяжести, – сделал Илот уникальным объектом научных изысканий и туристических посещений. Красные пески и камни, глубокие ущелья и грязные реки, текущие по дну этих ущелий были абсолютно безжизненны. Имея атмосферу и воду, Илот не имела органической жизни, и это тоже было загадкой, над которой учёные всех человеческих планет бились не одну сотню лет. Это

был небольшой, загадочный и сказочно-красивый кусочек Вселенной; подходящее место, чтобы спровоцировать совершение-летие юной кинтанианской леди, получившей наконец собственное имя и право самой решать, как будет жить дальше она и тот, кого она изберёт себе в мужья.

Кинтанианские мальчики из знатных семей до своего совершеннолетия имели домашнее имя, после чего принимали общее имя дома. Например, прямой наследник был Ошем, его брат – Ошином, третий брат был Ошаром, остальные титула не имели, пока не вступали в брак и не принимали имя жены. Либо именовались официально занимаемой должностью: лорд посол, лорд судья. Девочки же, напротив, до совершеннолетия собственного имени не имели, и назывались именем своей семьи: мона Ошина, мона Гленна, и т.д. Девочка помладше была миной, ещё младше – вовсе не имела имени, пока не занимала место предыдущей по старшинству, достигшей совершеннолетия. Строгая иерархия кинтанианской семьи, особенно семьи Старшей Касты, имела множество различных нюансов, погружаться в которые в наши намерения не входит. В общем, в тот самый день, когда лорд Ош направился в посольство добывать маяк, леди Алита, вчера ещё мона Рида, двоюродная сестра Оша, дочь Понтифика и леди Острова Факиа, с компанией своих подруг, таких же юных и знатных леди и мон, улетела на Илот, посмотреть, как восходит над ним Кинтана. Девушки расположились в предназначенном для таких целей павильоне с про-

зрачными стенами, который прилепился ласточкиным гнездом к скале над одним из самых живописных ущелий, сейчас заполненным туманом. Ущелье обрывалось внезапно, отвесными стенами, над долиной в багровых тонах, забросанной глыбами камней и скалами самых причудливых форм, меж которыми слегка дымились болота, в которые превращались странные реки Илот: зрелище дикое, но безумно красивое. Если смотреть издали, павильон казался на фоне этого пейзажа каким-то волшебным фонариком, чудом комфорта и безопасности.

Привычные ко всякого рода роскоши и чудесам, кинтанианские девушки, ощущая себя существами высшего порядка, рождёнными, чтобы править миром, позволили себе расслабиться и даже оторваться, лишённые строгого надзора старших леди. Они слушали чувственную кортианскую музыку, пили вино, и, ожидая восхода, сплетничали далеко не о прекрасном и утончённом, как оно было положено. Они обсуждали мероканскую привычку целоваться в губы. На Кинтане по степени неприличия это считалось чем-то таким же, как минет на Земле; не мудрено, что обсуждение этого предмета вызвало лёгкую краску на щеках самых скромных из девушек.

– Интересно, – заметила леди Алита, – лорд Корин умеет делать ЭТО? Ведь он наполовину мероканец.

– Говорят, что во всём он самый настоящий кинтанианин, даже больший, чем чистокровные лорды.

— Я уверена, — возразила леди Алита, — что он просто тщательно скрывает свою мероканскую порочность, где-то глубоко внутри, понимаете? О, я точно знаю, в этом мужчине скрывается бездна страстей, неведомых нашим.

— Жаль, что этого никто не узнает. — Сказала леди Оза. — Неужели найдётся женщина, которая рискнёт взять этого мужчину?

— Для женщины с небезупречной кровью это действительно был бы рискованный брак. — Согласилась Алита. — Но для леди моего происхождения, например...

— Вы в родстве с Ошами, не забывай.

— Ош вполне реабилитировал честь нашего имени. — Надменно возразила Алита. — То, что ему не дали умереть — не его вина. Он сделал всё, что мог.

— Удачная женитьба даже сейчас спасла бы его. — Заметила одна из дам. — Я сама лично знаю двух леди, готовых помочь ему в этом.

На неё тут же набросились с вопросами: кто?! Ну, хоть намекни! Не может быть, чтобы это была... Ах, это всё-таки она?! Ну, никогда бы не подумала! А вторая?..

Алита слушала эти разговоры в пол уха. На самом деле её нисколько не волновала судьба Оша; никто и не догадывался, что творится в голове и душе этой юной девушки, и какие проблемы ей приходится скрывать и решать. Как истинная леди, она не могла не засмотреться, как жёлто-розовое сияние разливается по фантазийной долине, предвосхи-

щая восход её родной планеты, но краем сознания она продолжала даже не думать – ощущать гнёт своих проблем, самой большой и страшной проблемы, которая не давала ей покоя уже больше года. Сознание того, что эта проблема неразрешима, превратила её жизнь в кошмар. Она уже начинала ненавидеть источник этой проблемы, и ненависть эта убивала её душу. А именно душа и крохи уцелевшей в ней любви и мешали ей решить эту проблему единственным способом, верным, но бесчеловечным. Решить раз и навсегда, сначала внутри, в сердце, а потом и на деле. Алита вполне сознавала, что иного пути нет. И ненавидела и себя тоже – за то, что так страдает её сердце оттого, что первый шаг она уже сделала.

Лорду Корину и в самом фантастическом сне не могло привидеться, что на Илот сейчас решилась его судьба, и каким образом она решилась, и к чему это приведёт в не таком уж и далёком будущем. Он, конечно, знал мону Риду, всё-таки дочь понтифика. Но ему и в голову не приходило, что она может замечать его. Выбрав в своё время Кинтану, он, скандальный мерокано-кинтанианский полукровка, знал, что теряет всякую надежду на личную жизнь, потому, что мероканка, полюбив его, пренебрегла бы всем, но леди не пренебрежёт ничем. Он сознательно гнал от себя все сожаления и мысли подобного рода, увлечённо занимаясь исключительно делами. В последнее время дела эти приобретали всё более крамольный по отношению к Понтифику характер; на-

пример, то, что лорд Корин делал совместно с Роном Леа на Биафра и терминалах в открытом космосе, Понтифик просто запретил, когда лорд Кор обратился к нему с этим предложением. Большинство офицеров не хотели замечать и обсуждать это, но в последнее время запреты эти становились не только абсурдными, но и преступными. Лорд Кор, заменивший племяннику родителей, погибших всё в том же Геште, это замечать хотел, и, не без оснований рассчитывая на сан Понтифика в будущем, действовал решительно и непокорно. Это по его приказу Корин совместно с Роном Леа вёл переговоры со Странниками Биафра, обещая от лица будущего Понтифика возможность создания их собственной гильдии с признанными Кинтанианским Союзом правами; эти переговоры должны были, по замыслу лорда Кора, обеспечить Кинтане в неизбежной войне с Лигой помочь десятка, если не больше, мощных киборгов. Пока что Странники не ответили ни да, ни нет. Всем было известно странное поведение Понтифика, а происшествие на Въерре, странным образом спровоцированное его властью, и вовсе оттолкнуло от кинтаниан многих из них. А теперь добавилось ещё и известие о том, что киборг – убийца Л: вара – Кровь Дома Вера, и те признают его и берут под свою защиту, а Община выступает на их стороне! Понтифик ещё не отреагировал официально, но всем и так было ясно, что он потребует, чтобы убийца был выдан кипам беспрекословно и безоговорочно. Так же все знали, и не мог не знать Понтифик, как отреагируют меро-

канцы в ответ на посягательство на святой для них Порядок Озакх. Войны с мероканскими Домами, даже с одним из них, мог желать только ненормальный; к тому же было ясно, кого в этом столкновении поддержит Корта, в Союз-то вступившая только благодаря мероканцам, и что после этого станет с Союзом. Лорд Кор, внутренне протестуя против поведения Понтифика, встретился с судьёй Таш, главой мероканского Высокого Совета, и попытался достичь компромисса: пусть сначала мероканцы сами осудят Кайла Ивайра, а потом сдадут его кипам. Но судья такой вариант отвергла, заявив, что Община имеет сведения о том, что Кайл Ивайр и сам является жертвой Л: вара, а в таких обстоятельствах мероканцы никогда его не сдадут.

— Ради одного человека, — попробовал нажать лорд Кор, чувствуя уже, что это бессмысленно, — нельзя развязывать войну.

— Дело не в человеке. — Возразила судья. Очень холодно. — В данном случае речь идёт о самой основе Порядка Озакх, о том, на чём зиждутся наши Дома и их благополучие. Это святое. За это мероканцы готовы драться до конца. А вы готовы драться с нами?

— Нет. Мы и не хотим этого. Но Понтифик...

— Понтифик тоже человек, а люди иногда сходят с ума, когда их бремя оказывается непосильным для них. Рисковать своим народом и его будущим, исполняя капризы сумасшедшего — ваше право и ваш выбор. Так же как наше святое пра-

во – отстаивать свои обычай и защищать свою Кровь. Вы в курсе, что на Въерре погибли двое мероканцев Средних Каст и один Волк, Тинайр Гем?

– Да, я…

– Дома намерены начать собственное расследование.

– Лорд Понтифик может отреагировать на это неадекватно.

– Я знаю. Но в этом вопросе никакого компромисса быть не может. Решайте.

Лорд Корин был в шоке, услышав рассуждения дяди по этому поводу, но возразить ему было нечего.

– Получается, – хладнокровно говорил лорд Кор, – что Понтифик намеренно, или по причине какого-то безумия, стремится разрушить Союз изнутри. Мы знаем, что кортиане с нами только из-за мероканцев. Они любят мероканцев; странно для двух рас, живущих на одной планете, но это так. Если Дома начнут войну, или объявили Понтифику вендетту, кортиане встанут на их сторону, и Раббе тоже. Шхар давно ждёт повода для бунта, им многое не нравится в наших порядках. А чем не повод – покушение на святыни мероканцев? А кому будет на руку распад Союза, как ты думаешь?

– Хозяину Лиги. – Не колеблясь, ответил Корин, хотя даже произносить это ему было страшно.

– И кто же из них действует в его пользу, мероканцы, или Понтифик?

- Я не смею ответить на этот вопрос.
- Нужно встретиться с Леди Факиа. Немедленно! Должен же кто-то в этой семье сохранить остатки здравого смысла!

Судья вернулась в Луану в сумерках. Разговор происходил на Геште, в космосе, и на Корту она возвращалась на небольшом линейном корабле, высадившем её в том же порту, где впервые высадилась на Корту Анна. На Геште были вечные сумерки – Треф, спутником которого был Гешт, находился очень далеко от Ларсии, и был шестой планетой в её системе, – но сумерки Корты были куда шикарнее. Спускаясь в лифте к подножию горы, судья любовалась зелёной полосой неба, светлой в том месте, где оно сливалось с позолоченной бирюзой морского залива. Рядом, как всегда, был Эш, и жизнь была прекрасна. Судья с такой напряжённой тревогой много лет ждала того, что происходило сейчас, что чувствовала облегчение, когда всё закрутилось, да ещё так, как никто не ожидал. Теперь не было пути назад, но в этом-то и была вся прелест этой ситуации.

– Наверное, пришла пора искать новый Мерак. – Сказала она своему другу. – У мероканской Общины на Корте нет будущего. Но это будет не бегство! Сначала мы должны выиграть войну.

Глава седьмая.

Бремя белого человека.

Разговор с послом вышел совсем не таким неприятным, как ожидал и готовился Ош. В сущности, посол был неплохим человеком и хорошим лордом. Он серьёзно относился к своему долгу и трепетно – к тому, что считал честью офицера Кинтаны. Узнав о мероканцах Военной Касты, которые стали очевидцами ужасных событий на Въерре, посол очень встревожился, и даже забыл попенять Ошу на то, что тот позволил этим самым мероканцам воспользоваться своей «пьяной слабостью».

– Я не очень понимаю, что там произошло, на этой проклятой Въерре, – сказал он озабоченно, – но в то, что власти Кинтаны и Понтифик могут иметь к этому какое-то отношение, я не верю. Возможно, это всё та же измена в высших эшелонах, которая привела сюда и вас, лорд Ош. Всё это крайне неприятно! Но я рискну взять мероканцев под свою защиту, пока все недоразумения не прояснятся. Как вы очень верно однажды подметили, Савала – это последнее место ссылки для лорда, и дальше меня уже не сошлют.

– На Въерре был задержан Шейнан, барон Ариги, один из двойников. – Пояснил Ош. – Но тем не менее, я тоже полагаю, что дело не стоило таких жертв.

– Это многое меняет… – Заколебался посол. – И всё-таки, я объявляю, что мероканцы под моей защитой. Дело в том, что к Савале только что, буквально перед вашим возвращением, вышла Адрия, мероканский киборг, и его командир, небезызвестная Тарва Заэм, требует встречи с вами. Я пола-

гаю, это только предлог. На самом деле, мероканцы, конечно, дали ей знать о себе, и она прилетела за ними. Завтра она будет здесь. Я могу ответить ей от вашего лица... всё, что вы сочтёте нужным ответить.

Ош почувствовал, что это слишком даже для него. Во второй раз шок обжёг его внутренности, стало трудно дышать.

— Что, по её словам, ей нужно от меня? — Спросил он, тем не менее, не дрогнувшим, даже недовольным, голосом. — Я, кажется, достаточно ясно дал ей понять, что сведений о Гри-те она от меня не получит.

— Я думаю, она знает про мероканцев. — Повторил посол. — Что там, я уверен в этом. Нам не нужны сложности с мероканскими Домами, вы понимаете? Только вендетты здесь и не хватало! Скажите ей, что я взял их под своё покровительство и готов всячески содействовать их беспрепятственному возвращению на Адрию. Если понадобится, я смогу обосновать своё решение даже перед Понтификом. А сейчас всё зависит от вас, лорд Ош. Вам придётся пообщаться с нею очень осторожно и дипломатично, учитывая всё происходящее.

— Я постараюсь. — Ответил Ош. — Поверьте, я сделаю всё, что зависит от меня. Проблем не будет.

Он уже давно решил, что смирился с безнадёжностью, отступил перед очевидным и со временем окончательно вырвет Тарву из сердца. И вдруг она сама прилетает к нему на Савалу! Все безумные надежды мгновенно воскресли в его

сердце, и он понял, что они и не умирали никогда на самом деле. Только теперь, истратив столько душевных сил на их удушение, он уже не в силах был сопротивляться их торжеству, не смотря на страх. Он даже злился сейчас на Тарву, в эгоистичности влюблённого не допуская, что она и не думала об этом: зачем она прилетела сюда, зачем она возродила эти глупые и вредные для его измученного сердца надежды? Двое мероканцев уже ждут его в трущобах Внешнего города, но у него нет сил покинуть дворец посла и пренебречь встречей с женщиной своей мечты. Это было так унизительно: знать, что он сделает так, как хочет она, не смотря на то, что однажды она уже пренебрегла им и равнодушно подставила под удар. Он ни секунды не сомневался, что и теперь она охотится за сведениями о Грите; понимал, что для него сейчас важнее всего должны быть Ив и Ва, которые доверились ему и сильно рисуют; понимал, что потерянное время может стать катастрофой для них... Понимал даже то, что это время будет роковым для него самого. Томился, злился, проклинал себя, и всё-таки отказаться от встречи с нею было не в его силах. Не в состоянии ни уснуть, ни успокоиться, он метался по своим апартаментам, и прокручивал в памяти всё время одно и то же: все обиды, надежды, все их разговоры, всю свою боль и всё своё отчаяние. «Пусть она меня не любит, — думал он, прижимаясь к холодному окну горячей щекой, — пусть равнодушна. Но зачем она меня подставила, почему? Я не причинял ей зла, я не обижал её. Ей плевать

на меня. Я думаю о ней каждую секунду каждого дня, а ей плевать. Любовь – это самая вопиющая несправедливость, которая случается с людьми!»

Он так и не уснул. Он не мог никому довериться настолько, чтобы послать весточку Иву и Ва. Свою подружку Лоти он не так давно отпустил со значительным приданым куда-то на север, где она решила попытать счастья, так как её неуёмный характер сделал её пребывание в посольстве небезопасным, а любвеобильность и привычка щедро раздавать известного рода авансы – двусмысленным. Своей новой пасции, молоденькой Лали, он пока не доверял. Ему было плохо не только от мысли о собственном безволии перед Тарвой, но и о том, что Иву вполне может прийти в голову отпра- виться выручать его. Единственное, что его утешало, это то, что Тарва действительно в силах была помочь мероканцам спастись с Савалы. Он был уверен, что она это сделает, и это придавало хоть какой-то смысл его ожиданию.

За ночь Ош успел много раз прокрутить в воображении всю их встречу, все возможные её варианты, сам сочинил все их взаимные реплики и поверил в них, и смертельно обиделся. Смертельно обиженный и холодный, как самый заснеженный пик самой высокой горы, отправился он на встречу с Командором мероканского флота, но в первый же миг всё пошло не так, как он ожидал.

Во-первых, Тарва была одна и не в форме. Повседневная мероканская одежда – узкие брюки, короткая обтягивающая

маечка и куртка, – делали её моложе, женственнее и милее. Волосы она оставила свободно лежать по плечам и спине, и красота этих волос ослепила Оша... до того момента, пока он не заметил ещё кое-что, от чего у него просто захватило дух. На самом видном месте, на вороте куртки у неё был прикреплён маленький цветок ветра. Нет, в такие совпадения Ош не верил! Этот сувенир с Бэты был редким, стильным и бешено дорогим. К тому же, всё, что Ош знал о Тарве, опровергало мысль о том, что она может нацепить на себя такой сувенир просто так. Она не носила никаких аксессуаров, ни серёг, ни колец, ни цепочек, ничего. У неё не было даже модной среди Волков татуировки на плече – это Ош знал точно. Но цветами ветра были декорированы апартаменты Анны на Гrite, и как-то она даже сказала, что сделает их своей визиткой, если попадёт в Союз. И Ош хорошо это помнил.

– Рад видеть тебя. – Сказал Ош, мигом забыв все свои обиды и злые мысли. – Ты так хорошо выглядишь, когда не в форме. Но и удивлён слегка, если честно. Что тебя привело сюда?

– Меня до сих пор мучает совесть за то, как я подставила тебя.

– Только попроси меня о прощении, и я мгновенно тебя прощу. – Сказал Ош. Он был искренен: достаточно было самой небрежной её просьбы, чтобы он сделал что угодно. Но она уловила издевку и начала горячо оправдываться:

– Я не так отвратно бессердечна, как ты думаешь! Я на

самом деле переживала, и тогда, и теперь. Ты, возможно, не знаешь этого, но реанимацию вызвала я. Ты можешь мне не верить, но я была там, за дверью, и готова была ворваться и силой отбить тебя у них, если бы они сами не попытались тебя спасти. Наверное, мне следовало сделать это. Тогда, по крайней мере, ты не думал бы обо мне так, как думаешь.

– Спасибо. – Сказал Ош. Ощущение счастья усилилось и затопило его с головой. Он никогда бы не поверил, что может быть счастлив так, как теперь, и что все его мучения последних месяцев от нескольких слов превратятся в ничто. Но так и случилось. Он был счастлив, как никогда в жизни. – Я действительно не знал этого. – Он уже не сдерживал улыбку и был близок к тому, чтобы расчувствоваться. – Мне никто не рассказывал подробностей.

– Знаешь, – на миг Тарва, покорённая счастливым выражением его лица, сама расчувствовалась, – я на самом деле и предположить не могла, что всё это всерьёз и что тебе позволят совершить эту гадость. Я, наверное, просто никогда не пойму до конца вашего отношения к жизни. Я поняла, как на самом деле подставила тебя, только тогда, когда увидела, как тебя выносят из той комнаты. Не поверишь, но я плакала потом. Ты так и стоял у меня перед глазами много дней. Очень много. Я не железная, лорд Ош. Я человек, как все, и у меня нормальные человеческие чувства в груди, хоть ты, наверное, и думаешь иначе.

– Я так не думаю. – Сказал Ош. – Честное слово, я всегда

думал о тебе, как об очень... очень нежной и хрупкой женщине.

Тарва мгновенно ощетинилась, чего он совсем не ожидал. Выражение, сделавшее его таким счастливым, тут же исчезло с её лица. Ему и в голову не могло прийти, что теперь больно сделал он ей. Но перемену он уловил мгновенно, и на его лицо тоже легла тень. Она демонстративно потрогала цветок ветра, и на несколько секунд задержала его взгляд в своём. Он увидел там «Да» в ответ на свой немой вопрос, снова улыбнулся, взгляд на миг затуманился каким-то приятным воспоминанием. Сказал:

- Давно я не чувствовал себя так легко.
- Как тебе твоя должность?
- Кажется, я и её лишился.
- Опять?!
- Двое мероканцев, замешанные в эту отвратную историю на Въерре, сбежали, и я повинен в их бегстве. Одна из них – Ва Вера. – Ош понимал, что их подслушивают, и сознательно сжигал за собой мосты.
- Ва?! – Тарва вскочила. – Где она?
- Понятия не имею. Они захватили меня в заложники, и бросили в горах. Куда они направились дальше, я даже не представляю. Но у меня есть кое-какие соображения на этот счёт. Скорее всего, они направятся в сторону копей на северо-востоке, чтобы захватить там членок. В космосе они могут попросить помощи у мероканцев, и захватить их по-ти-

хому особисты уже не смогут. – Он отметил про себя, что Тарва не обратила внимания на слово «они» и не спросила, с кем была Ва – а значит, она прекрасно знала это. Значит, мероканцы уже знали о Грите, и даже были на нём. И тайну хранить скоро будет уже не нужно. Это принесло и облегчение, и боль. Скоро станет ясно, что в его молчании действительно не было вреда Кинтане, и что поступить иначе он просто не мог... но всё равно молчания ему не простят. Вреда не было, но если бы он не промолчал, выгода была бы очевидна.

Тарва колебалась, не зная, как поступить теперь. Всё-таки, она совершенно не понимала Оша! Ещё недавно он был обласкан Понтификом, сделал в свои тридцать лет голово-кружительную карьеру, считался лучшим офицером гвардии, будущим кандидатом в Понтифики и самым завидным и перспективным женихом Кинтаны. Насколько она знала от сестры, он и врачом был отменным, с его мнением считались и мероканцы, и слывущие лучшими в этой области раббиане. И вдруг он сам, своими руками, разрушил всё это – ради чего?!

Мужчина, возможно, сделал бы иной вывод, но Тарва была женщиной, и женщиной, неуверенной в себе, с неудавшейся личной жизнью. Она знала, что отец Оша любил мероканку и погиб, защищая её. Наверное, это у него в крови! Он встретил на Пскеме Анну и потерял от неё голову. Тарва увидела внутренним взором Анну так, как может только

женщина увидеть свою соперницу: не видя в ней недостатков и преувеличивая достоинства. Вспомнила её холодную красоту, всё, что было в ней, высокой эффектной блондинке, противоположного ей, маленькой смуглой брюнетке, с которой никогда не флиртовал никто, кроме Оша, чей флирт она принимала за насмешки. Вспомнила, как защищала Оша и как злилась из-за него Анна. Как счастлив был Ош увидеть цветок ветра на её куртке. Для неё мгновенно всё стало ясно, и что-то, похожее на ревность, шевельнулось в её душе, наполнив её горечью. Почему судьба не только лишила её женского счастья, но и насмехается над ней, постоянно подсовывая видения счастья чужого? И вроде бы в её сердце что-то успело проклонуться к Кейву, который, как и думала Анна, казался ей воплощением её тайных грёз: и кип, и мероканец одновременно! Но при этом при мысли о силе чувства, которое, видимо, Ош питал к Анне, раз ради этого чувства готов был умереть и уже точно пожертвовал своей карьерой, ей почему-то стало больно. Ведь она была женщиной. Женщиной, как безошибочно чувствовал Ош, хрупкой, полной нерастраченных чувств и нежности, которые причиняли ей, время от времени пробуждаясь, только боль и бесплодные сожаления и сетования на судьбу. В ней скрыты были бездны и океаны чувства и щедрости, никому не нужные и невостребованные. То, что она однажды решила, что всё это не нужно и ей самой, и будет похоронено навеки, ничего не изменило, только сделало её ранимой и болезненно неуверенной в себе.

Потому так и ранили её комплименты Оша – не избалованная ими, она принимала их за издёвку, только и всего. А он, так тонко чувствующий её во всём остальном, не мог этого понять, потому, что она в его глазах была воплощением красоты, женственности, всего, что так притягательно и желанно в женщине. Он даже представить не мог, что она может сомневаться в себе и не верить в то, что он восхищается ею. Такая красивая, такая яркая, такая желанная! Он просто не поверил бы в это, скажи это ему кто-нибудь.

А Ив и Ва, зря прождав Оша целый день, в самом деле строили планы, как его вытащить. Положение было сложное: они не знали города, не знали Савалы, не понимали местных. Лари не смел приблизиться к посольству, чтобы не вызвать подозрений и не навести кипов на мероканцев. Он был за что-то очень предан Ошу и очень трепетно относился к его просьбе; на вопрос Ива ответил только, что Ош спас его жизнь, а что ещё важнее – честь. Его вера в кинтанианина подкупила даже Ва, которая тоже готова была участвовать в операции по спасению. На следующее утро, когда Тарва посетила посольство, Лари всё-таки отправился туда же с целью разузнать, что происходит, а Ив и Ва остались в гостинице. Не смотря на просьбу Лари и собственное решение, контакта с существами женского пола Ив не избежал. Хозяйка гостиницы, не старая ещё миловидная женщина, зашла к чужестранцам под предлогом того, что у неё есть южное вино,

которое им приятно будет выпить, вспомнить родину... Как большинство невежественных людей, она наивно полагала, что чем сильнее она исковеркает собственный язык, тем лучше её поймёт чужестранец, и заговорила с Ивом, который за время полёта сносно овладел местным диалектом, так забавно, что он не устоял.

– Я принести твоя вино! – Заявила женщина. – Вино с юга, с твой родина, понимаешь?

– Я понимаю. – Вежливо ответил Ив. – Я благодарю.

Она взглянула ему в лицо, услышала его голос – и с нею произошло то же, что и с предыдущими. Она практически превратилась в зомби. С этого мгновения она жаждала только одного: быть поблизости от чужестранца с ласковыми серыми глазами, удивительными тёмно-синими бровями и ресницами и улыбчивым крупным ртом, слушать его, смотреть на него, угодить ему, быть ему полезной. То, что она была уже не девочкой, сыграло ей на руку: она не растерялась, не упала в обморок, а ненавязчиво уговорила Ива пойти вниз, в её комнату, где, по её словам, было намного уютнее, налила вина, окружила его заботой, развела огонь в очаге, привнесла фрукты, копчёное мясо, как-то незаметно преобразилась – только что ходила где-то рядом в домашнем старом платье, и вдруг уже сидит напротив нарядная, с кокетливо уложенными волосами и симпатичными серёжками в ушах. Ив озадачился, но вежливость и врождённая деликатность заставили его быть с нею очень приветливым и вниматель-

ным. Неизвестно, во что бы это вылилось, но домой явился её сын, четырнадцатилетний мальчишка, раскованный, самоуверенный и нахальный подросток, рано оставшийся без отца и ставший главой семьи. Таковы были законы Савалы – женщина не считалась здесь сколько-нибудь зрелым существом даже в старости. У неё не было своего имущества, не было права собственности, права наследования и прочих гражданских прав, зато законов, нарушив которые, женщина рисковала подвергнуться суворому наказанию, вплоть до смертной казни, было великое множество. Поэтому и в этой семье бразды правления были формально в руках подростка, который в данном случае относился к этому очень серьёзно. Увидев похорошевшую мать в обществе чужеземца, он взъерошился и напрягся, но Ив быстро сумел растопить лёд и разговориться с ним, выспрашивая про город, его жителей и пришельцев, которых, по его словам, никогда не видел, но очень хотел бы. Мальчишка тоже не устоял перед его обаянием. Чужеземец был не страшный, улыбчивый, с приятным голосом и хорошим взглядом; но при этом выглядел он довольно круто со своей странной и красивой татуировкой и оружием, впечатлившим бредившего такими вещами пажа.

- Что это за зверь? – Спросил он, указывая на волка.
- Это красный волк моей родины. – Ответил Ив. – Символ моей Касты.
- Крутой. – Одобрительно заметил мальчишка. – А мож-

но посмотреть твой клинок? Я таких никогда не видел. Он острый?

Вместо ответа Ив подбросил в воздух платок, который попросил у хозяйки, и поймал его клинком. Платок распался на две половинки, которые упали на пол. Глаза у мальчишки стали круглыми от завистливого восторга.

– Я слыхал, что на юге бывают такие мечи. Это волшебство?

– Что такое волшебство? – Удивился Ив.

– Колдовство, магия.

– Я не знаю, что это. Это особый сплав нескольких металлов, и лазерная обработка поверхности. Впрочем, это сложно. – Спохватился он. – А не мог бы ты проводить меня к посольству? Мы бы посмотрели откуда-нибудь из безопасного места...

– Конечно. – Мальчик готов был теперь ради чужеземца на всё. Мать не хотела отпускать их, но предлога выдумать не могла, и ей пришлось удовольствоваться просьбой Ива позаботиться о его брате, который совершенно не понимает языка и нуждается в заботе.

По дороге мальчик рассказал Иву про своего отца, который тоже изготавливал оружие – арбалеты и болты к ним, – про то, как тот умер, и про свои проблемы после его смерти.

– Ещё у меня сестра есть, Колотушка, – говорил он, – беспутная совсем. Мамка уже её домой пускать не хочет, но я за-

прещаю. Может, отдашь замуж, пока красивая. Так-то она ничего.

– Почему мать не хочет пускать её домой?

– Путается с кем попало. А два дня назад я её видел, так она связалась с какими-то пришельцами, вроде, такими же, как остальные, но они что-то хотят сделать лорду послу, не старому, мы его не видали никогда, а молодому, тому, который пьянствует во Внешнем городе.

– Пьянствует? – Повторил Ив слово, которого не понял.

– Куролесит в кабаках и борделях. – Мальчик подпрыгнул, довольно удачно копируя кинтанианский боевой приём:

– Они на него с ножами, а он – р-раз! И вот так! Хоть и пьяный в стельку, а дерётся… как бог. Он классный. Я сказал Колотушке: не связывайся. А она… дура, согласилась. Мне, говорит, нужно только его усыпить. И мне столько отвалят денег, сколько ты во сне не видел. Выйду, говорит, замуж за рыцаря. Может, и выйдет?

– Как она его усыпит? – Резко спросил Ив.

– Ей дали шарик такой прозрачный. – Пояснил мальчик. – Как только он появится у ворот, она подбежит и возьмёт его за руку… Заманит под ворота, и те, другие пришельцы, его подберут. Ему ничего не будет, он уснёт, и всё. Но мне всё рано не нравится это всё.

– Никогда не видела ничего, похожего на савалянские города. – Сказала Тарва. – Хотелось бы погулять по улицам.

— Настоятельно не советую тебе этого. — Возразил Ош. — Поверь, здесь нет ничего, что понравилось бы тебе или развлекло.

— А я и не думала развлекаться. — Пожала плечами Тарва. — Я не улечу отсюда, пока не найдётся Ва. Надо же занять себя, пока я здесь. Мне хочется взглянуть на жизнь людей, так не похожих на нас; другого случая может не представиться.

— Тебе не понравится то, что ты увидишь.

— Мне решать! — Нахмурилась Тарва. Она понимала, что Ош ведёт игру, и прогулка по городу нужна им обоим; он хотел привести её прямо к Ва, чтобы кинтаниане уже точно не смогли ничего сделать, — но его тон опять начал её раздражать... и именно эта её реакция и усыпила окончательно бдительность тех, кто постоянно был начеку.

Тарве на самом деле было и интересно, и безумно неприятно. Грязь удивляла: она полагала, что поддерживать улицы в относительной чистоте так просто! Даже если нет специально предназначенных для этого андроидов. А объяснять ей, что здесь нет такого института, как Община и нет, соответственно, фондов Общины, которые позволили бы содержать уборщиков и средства для уборки и вывоза мусора, Ош не захотел — долго и скучно. Когда им встретились несколько женщин, Тарва, конечно же, спросила, есть ли у него местная любовница.

– Конечно. – Охотно ответил тот. – Уже вторая. Первую я купил в местном борделе; пришлось недавно дать денег и отпустить. Жаль. Горячая была штучка.

– Купил? – В ужасе переспросила Тарва. Она даже остановилась. Ош пожал плечами:

– В данной реальности, Тарва, я её облагодетельствовал почти, как бог. Там, где она была до меня, ей ничего не светило, кроме ранней смерти либо от руки пьяного клиента, либо от дурной болезни. А так она теперь состоятельная женщина, завидная невеста. Я, можно сказать, совершил благое дело. Можно, конечно, пойти ещё дальше, подобрать под Воротами, вылечить и отмыть, но это долго, хлопотно и долгое время неаппетитно.

– Это мерзко.

– Согласен. Но я мужчина.

– Мероканец никогда не пошёл бы на такое!

– От мероканца савалянка может родить. А от меня – никогда.

– И ты думаешь, дело только в этом? – Презрительно сощурилась Тарва.

– В основном. – Они как раз подошли к упомянутым воротам, и Ош прервался на полуслове, услышав чей-то возглас. Повернулся. Хорошенькая, как котёнок, молоденькая девушка в чистеньком, но порванном на плечах платье бежала к нему с ужасом на лице, подхватив юбки.

– Это твоя? – зло спросила Тарва. Девушка была светлово-

лосая, и у Тарвы опять проснулся комплекс насчёт блондинок. Ош не ответил, сделав шаг навстречу девушке. Она протянула к нему руки, выронив подол, и он в ответ протянул свою, но его опередили. В тот момент, когда руки их должны были соприкоснуться, из тени ворот возник мужчина в тёмно-синей чалме, смуглокожий, одетый по-южному ярко, и схватил руки девушки, крепко сжав их в своих. Ош успел заметить тени, слишком высокие и мощные для савалян, и выхватил клинки. Действовать он начал на макроны секунды раньше тех, в тени, но клик-офицеру хватило и этого.

Площадь закачалась у Ива под ногами, края её вздыбились горбами, люди и предметы изогнулись под немыслимыми углами. Оглушительный визг девчонки ударили в уши, к нему присоединились крики и звуки выстрелов, пронзительный свист клинков в руках лорда Оша, который свалил его на землю и метнулся в сторону врагов. Ив не почувствовал боли, ударившись о камни мостовой; что-то взорвалось у него в голове, и он перестал слышать, что было очень милосердно со стороны провидения в этот момент. Ош и мероканцы дрались, потом стреляли. Ив не чувствовал, как его схватили и потащили в тень, не видел, как Ош настиг его и в одном стремительном движении уложил на мостовую троих. Ош перекинул мероканца через плечо и бросился прочь, убедившись, что Тарва оказалась под защитой подоспевших кинтаниан из посольства. Ива показывать им он не хотел.

А тот даже не замечал, что происходит. Его мучило настырное, как зуд, желание рассказать, причём немедленно, как он ещё мальчишкой подрался на Корте с кинтанианским подростком и выбил ему два зуба, за что схлопотал от отца первую в жизни оплеуху вместе с обидным словечком «недоумок».

Ему так хотелось немедленно покаяться, что он задёргал Оша, тащившего его на плече куда-то в лабиринты Внешнего города, и тот приостановился, поставив Ива на ноги и заглянув тому в лицо. Ив тут же повис на нём и красочно, многословно, подробно, а главное – беззвучно, рассказал кинтанианину обо всех своих грехах, включая кражу фруктов в Саисе.

– Развезло-то тебя как, а? – Ворвался вдруг в блаженную тишину голос Оша, хлестнув по нервам, как бич. Ив дёрнулся, чуть не упал, и Ош заботливо поддержал его. Иву казалось, что тот кричит, на самом деле тот чуть слышно шептал:

– Я и забыл, как вы, мероканцы, на это реагируете! Да и доза была моя, не твоя... Хорошо, что ты её с поганкой маленькой разделил. Поделом ей.

Зная, каково сейчас Иву, он оглядывался в поисках подходящего убежища, в котором мог бы оказать мероканцу посильную помощь. Мальчик, который догнал его, об этом не знал, и воскликнул, запыхавшись:

– Давайте за...

Пощёчина Оша заставила его замолчать, но было уже

поздно: Ив упал на колени, а из его ноздрей и ушей тонкими струйками потекла кровь.

— Тихо! — Чуть слышно, но зло, прошептал Ош. Снял с себя мундир и, укутав голову Ива, снова взвалил его на плечо. — Сейчас для него каждый звук — как удар! Крик может убить его!

— Пойдёмте со мной! — Прошептал мальчик, мигом простиив Ошу удар. — Я вас спрячу! Он тоже пришелец, да? Мне всё равно, он хороший...

В крохотной каморке, куда мальчишка завёл его, Ош осторожно осмотрел Ива, который всё ещё был без сознания. Вытер кровь, снова, тщательно заткнув ему уши, укутал голову толстым шарфом, который принёс хозяин. Больше он ничего не мог для него сделать. Вышел с мальчиком на крыльцо. Тот рассказал ему всё: в какой гостинице остановились Лари и Ва, про Колотушку, про ворота... «Почему мне так не везёт? — Думал Ош, спрятав лицо в ладони. — Всё, вроде, начинало складываться удачно. Что делать — то?»

У него был один путь: вернуться с Ивом в посольство. Отдать его мероканцам, демонстративно, на глазах у кипов, и погубить себя теперь уже окончательно. Его не оставят даже на Савале после такого демонстративного пренебрежения Кинтаной. Особенно после того, как станет известно, кто такой Ив, кем он был, и кто он теперь. Почему-то его это не волновало. Но существовала другая опасность. Тарва устроит настоящую бурю, когда станет ясно, как всё обострилось.

Теперь она почувствует себя обязанной вступиться за него, сочтёт это делом чести. То, что произойдёт после того, как мероканский Командор открыто выступит против кинтанианских властей, сложно будет как-то замять или спустить на тормозах. А в том, что она это сделает, Ош теперь не сомневался... Как не стать жертвой её благородства и чувства вины, он не знал.

Но можно было поступить иначе. Рискованно, крайне рискованно, но если сделать всё быстро, был шанс. Он мог на самом деле отправиться с Ивом на север, к копям, и украсть там челнок, который вынесет их с Ивом в космос. К тому моменту туда должен был подойти Грит, а чтобы он подошёл, нужно было сообщить ему, что Ив на Савале. Это должна была сделать Тарва. Решено. – Ош встал, кивнул мальчику:

– Как тебя зовут, малой?

– Раски.

– Значит, так, Раски. – Ош принял окончательное решение. – Найди Лари, барона Варта, и приведи ко мне. Быстро, очень быстро. Бегом!

Мальчик исчез. Ош вернулся к Иву, проверил пульс и давление. Мероканец на удивление хорошо чувствовал себя для мероканца, подвергшегося воздействию сильного наркотика. Он опять спас Ошу жизнь... Потому, что нейтрализатор в его крови просто взорвался бы, попади туда и наркотик.

Раски вернулся через час, вместе с Лари. Ош договорился, что Лари отведёт Ва в посольство и сделает так, чтобы она

встретилась с Тарвой. Жучка с просьбой сообщить на Грит об Иве и его бедственном положении он передал ему же. Ива было решено вывезти из Рюэль в фургоне, помеченном знаком заразной болезни; такие фургоны пропускали беспрепятственно и почти не досматривали. Сам Ош собирался выбраться из Рюэль отдельно, наследив, но не попавшись, что было не лёгкой задачей. Это было крайне важно: жизнь Ива сейчас зависела от него одного, а от Ива зависело, будет ли Грит союзником Кинтаны в грядущей войне. В сущности, Ош и теперь действовал в интересах Кинтаны, парадокс был лишь в том, что Кинтана ему этого не простит.

К вечеру у Оша были благоприятные новости, опять таки принесённые Раски: Тарва и Ва уже покинули Савалу и вернулись на Адрию, которая и не собиралась покидать орбиту без Ива. Если Тарва получила жучка, то уже точно сообщила Гриту координаты Ива. Нужно подождать немного и продержаться, не попавшись кинтанианским особистам и тем, кто продолжает охотиться на него. Ситуация для них складывалась крайне скверная, и Ош даже усмехнулся, представив, как они теперь будут объясняться с мероканскими Домами и объяснять Общине арест Ва. Жаль, он при этом присутствовать не будет!

Оказывается, он на самом деле немного утратил форму – выбраться из Рюэль и наследив, и не попавшись, оказалось трудновато. Зато ему нечего было терять, и лёгкость, зародившаяся в нём, как только он понял это, несла его как бы

сама по себе. Всё равно уже ничего нельзя было исправить, и оставалось только доделать то, что он начал.

Лари блестательно справился со своей задачей. Ош нашёл в условленном месте фургон с надписью «ЗАРАЗА», спящего там мероканца и двух скакунов, весело поедающих заваренное зерно. Сам он, как и договаривались, должен был засветиться совсем в другом месте. Ош, который в своё время тщательно изучал топографию окрестных мест, будить Ива не стал, а направился, дав скакунам прикончить зерно, по тропинке в ущелье, которое знали немногие, и которое должно было окончательно скрыть его от всяческих средств слежения. Им предстояло путешествовать налегке, ничем не отличаясь от местных, по самым глухим и труднодоступным местам, там, где даже если их и увидят обожающие доносы глаза, то выдать всё равно не успеют.

Проснувшись уже в сумерках, Ив чувствовал себя так, как сам Ош с глубокого похмелья, и даже хуже. Головная боль была такой сильной, что каждое движение причиняло неслыханные страдания, усугубляющиеся тошнотой и внутренней дрожью. Толку с него было – ноль. Он даже не отреагировал на маяк, который Ош сунул прямо к его носу, и попросил слабым голосом его убить.

– Ну, и хилый же вы народ, мероканцы. – Хмыкнул Ош. – Я сколько раз болел с похмелья, и ничего, не умер. Даже работу работал. Ну, ничего. Я спёр универсальную аптечку из

посольства, и там случайно есть то, что тебе поможет. – Ловко прижал к запястью Ива крохотную капсулу. – Сейчас станет полегче.

– Что делать будем? – Хрипло спросил Ив, чувствуя первые признаки облегчения.

– А не знаю точно. – Легко ответил Ош. – Попытаемся выбраться. Думаю, Командор свяжется с Гритом, и тот скоро будет здесь. До того момента нам надо выбраться с Савалы. Я не хочу, чтобы Грит начал буйнить здесь и палить по кинтанианским терминалам и кораблям. Лучше всего нам будет, вырвавшись в космос, сразу сдаться мероканцам на Адрии.

– А Шен?

– О нём не беспокойся. Это… связано с тем, что я знаю. Поверь, о нём больше незачем беспокоиться ТЕБЕ.

– Понятно. Частично. – Задумчиво произнёс Ив. На самом деле он, как и Ош, нисколько не боялся за себя. Он был истинным мероканцем и теперь, почувствовав за собой поддержку Дома, не боялся абсолютно ничего.

Тарва была, напротив, в крайней растерянности. Сведения, которыми её загрузила Ва, её чуть ли не напугали. Про Кайла Ивайра она знала; но то, что он был членом команды беглых преступников; то, что существует ещё один двойник; то, что ради поимки этого двойника кинтаниане убивали гражданских, и странным образом это связывалось с желаниями Понтифика, оказалось слишком даже для неё. А

что будет, когда Дом Мессейс в лице Анны и Кейва объявит-ся и заявят о своих правах? Куда катится Союз? Что произойдёт, когда Дом Вера предъявит претензии Понтифику? Кому объявят вендетту Гемы за жизнь Тина? Ва не знала, она всё ещё была в шоке и горела жаждой мести. Ей было всё равно, но Тарва была человеком другого масштаба. Она-то как раз понимала, что ссора мероканцев и кинтаниан в первую очередь выгодна Лиге и приведёт к гибели и тех, и других.

Ремонт Грита подходил к концу. Мероканцы трудились не хуже земных китайских рабочих, быстро, качественно, неутомимо. При этом они успевали посмотреть всё, что можно было, на Грите, пообщаться, посплетничать, полюбоваться звёздами, слетать на ближайшую планету, устроить совместный ужин в «Цветке ветра»; успевали, работая, шутить и смеяться, прикалываться друг над другом, на что мероканцы коричневой расы были великие мастера и охотники, и чего только они не успевали за день! Сравнительно не много их было на Грите, но толпу они ухитрялись создавать на посольском уровне изрядную. Анна теперь получала такую порцию мероканского, что самой было дико. Мероканцы обожали поговорить о том, кто с кем в родстве, кто какого Дома, обсудить дела Домов, и горели желанием помочь двоим Мессейс акклиматизироваться в Общину. Причём мало кто из них заботился поинтересоваться, нужна ли этим Мессейс их

помощь. В эти дни Анна и Кейв сблизились сильнее, чем за все предыдущие, именно потому, что отдыхали в обществе друг друга от шквала внимания и заботы.

Не смотря на то, что всё, вроде бы, складывалось удачно, Анна чувствовала всё возрастающую тревогу. Ей казалось, что они не успевают; от Тарвы не было никаких вестей, но это было нормально, они так и договаривались, и вести, напротив, могли быть только плохие. Анна ловила себя на том, что не просто их боится – уверена в них и ждёт, как чего-то решённого. Тревога нарастала, и Анна стала плохо спать. А однажды её среди ночи вдруг разбудил и вызвал в крипт Грит.

В эту ночь она опять не могла уснуть. Ощущение было сродни тому, что многие чувствительные люди ощущают перед грозой или бурей: её угнетала тишина апартаментов, что-то давило и тревожило. Тревожно стало и от вызова Грита; в коридорах было пусто, полутемно и очень тихо. Покрытие пола не позволяло услышать даже шелеста шагов, как бы тихо здесь ни было. Гул лифта показался Анне райской музыкой. Она вошла в крипт, уселась в кресло, и то нежно подхватило и обволокло её.

– Что с тобой, Грит?

– Я боюсь. – Честно ответил корабль. Анна даже вздрогнула.

– Чего?

– Не знаю. – Сказал Грит после небольшой паузы. – Что-

то произошло.

– Где?

– В космосе. Как это называется? Искажение. Прошло искажение. И пропало, но что-то изменилось. Осталось. Я прыгал в другое место, но попал сюда; что-то изменилось уже тогда, и теперь снова.

– Может, это из-за травмы, Грит?

– Нет. Я восстановил систему ориентации и навигации в первую очередь. Если бы это было так, я не боялся бы, а просто просил бы помочи, ремонта. Что-то происходит с космосом.

– О Боже. – Устало произнесла Анна. – Я просто не представляю, как мне реагировать на это. Как объяснить другим.

Она ещё посидела в крипте, разговаривая с кораблём и по мере сил стараясь успокоить и обнадёжить его; но саму Анну его слова сильно встревожили.

. Кейв, когда на следующий день Анна попыталась поговорить с ним о своих ощущениях, её не понял; и не мудрено – она сама себя не понимала. Ей даже слова подобрать для своих чувств было очень сложно.

А потом ей приснился первый сон.

Ей снилось, что она стоит на берегу кортианского моря. Под ногами – серый песок, за спиной – папоротниковые джунгли. Над головой – ослепительное синее небо. Но Анне, наблюдавшей эту райскую картину, было до тошноты страшно. Она смотрела на небо, в котором было что-то ядо-

витое, что-то ртутное, и в голове постепенно накапливался давящий страх. Виски ломило. Она не смотрела в море, но знала, что там происходит. Она видела морских быков, покрытых страшными язвами; быки из последних сил выбрасывались на песок, и металлическое сияние на глазах сжигало их, превращая в смердящие осты. Верхушки деревьев, пальм и папоротников сохли, корни гнили. Анна, не отрываясь, смотрела в небо, пока глаза не начали болеть и слезиться. Тогда она увидела чёрную рябь. Небо линяло.

Проснувшись, она почувствовала, что плачет. Подушка была мокрой от слёз, голова болела, виски ломило. Она ощущала себя переполненной этим страшным сном, она помнила его так ярко, как не помнила действительные события. Сон казался явью, настолько он был ощутим, почти вещественен. До вечера Анна носила его в себе, пытаясь как-то освободиться, забыть, выбросить из головы, но не смогла, и рассказала Кейву.

— Странно. — Согласился он. — Странно и страшно. Но это от страха. Такие сны, о гибели планеты, снятся всем, кто живёт под гнётом грядущей войны. Всем, кто знает, как погибли Мерак и другие планеты. Я тоже часто вижу эти сны.

— Но это не было связано с Л: варом. — Печально возразила Анна. — Это было в небе... в воздухе. Не могу сказать точнее.

— Бедная девочка. — Сказал Кейв мягко. — Ты слишком долго жила в космосе. Слишком много мы говорим о войне, о гибели, о разрушении. На тебе лежит такой груз ответ-

ственности. Прилетим на Корту, и купим остров в океане, с пляжами, лагуной, джунглями. Будем жить, как овощи, загорать, есть, спать и купаться, по крайней мере, пару месяцев. Это нас обоих должно излечить от лишнего напряжения.

— Здорово. — Пискнула Анна, пряча лицо у него на плече. — Я просто не могу этого дождаться...

Но сказала она так исключительно, чтобы сделать ему приятное. Сон не хотел сдаваться, не позволял отнести к себе, как к результату стресса. Тем более, что следующей ночью она снова увидела то же самое.

К вечеру Ош и Ив спустились в долину, покрытую выгоревшей жёлтой травой. Иву уже было намного лучше; он увереннее держался в седле и даже получал удовольствие от путешествия. Возможно, он и не мог вспомнить ничего о своём существовании на Биэле и терминалах Лиги, но какая-то часть его всё равно это помнила. Наверное, поэтому он испытывал такое острое наслаждение от простора, движения, ветра и свежих запахов степи? Скакуны неутомимо покрывали километр за километром своей мягкой нетряской рыхью, а одинокие фермы, окружённые сложенными из круглых коричневых камней изгородями, садами и хозяйственными постройками, набегали на них, и, мелькнув мимо, исчезали из виду. Пару раз они останавливались, чтобы освежиться, немного отдохнуть и дать отдохнуть скакунам; расположившись в траве под корявыми деревьями с раскидистыми

стыми плоскими кронами, они пили, отдыхали и наблюдали за обитателями ферм, давшими им этот временный приют. И всегда поблизости вертелись девицы и женщины, не сводившие с Ива восхищённых взоров. В этом было что-то чрезмерное, и Ош сразу же почувствовал это. На одной из ферм, последней в этот день, стремительно гаснувший, Ив, измучившись от жары, попросил у хозяйки ведро воды, снял майку и вылил воду на себя. Сие действие, а более того – зрелище выливающего на себя воду Ива привело женское население фермы в экстаз. Служанка, нёсшая по двору корзину с мокрым бельём, споткнулась и села на землю, молоденькая хозяйская дочка упала в обморок, а сама хозяйка утешилась тем, что надавала обеим пощёчин и расплакалась от полноты чувств. Под недобрными взглядами мужчин Ош и Ив торопливо покинули ферму и уже в темноте добрались до опушки леса, где и решились переночевать.

– Что ты с ними вытворяешь? – Спрашивал Ош. – Святые небеса! Да они просто шалеют при виде тебя. Это было всегда с тобой, или Шитаха что-то подмешал в твою кровь?

– Никогда этого не было. – Отвечал смущённый Ив. – Я всегда был обычным, не красавец и не урод, мероканец, каких сотни было на севере Мерака. К тому же, метис, это не считалось в моё время чем-то привлекательным, скорее, наоборот. Знаешь ведь, мероканцы страшные шовинисты.

– Знаю; но если отринуть предрассудки, то… впрочем,

здесь их не меньше, и по мнению этих людей, ты варвар, дикарь. Тем более странно! Я уже приглядываюсь к тебе, и даже принюхиваюсь, но пока ничего не обнаружил. А сам ты что чувствуешь? Ну, как тебе женщины, ты меня понимаешь?

— Как обычно. — Ив чуть покраснел. — Некоторые волнуют, красивые цепляют посильнее, всякие... мысли появляются, фантазии... Ну, так всегда было, я не чувствую, чтобы здесь что-то изменилось.

— Ничего не понимаю. — Хмыкнул Ош каким-то своим мыслям. — Может, всё дело в том, что ты практически новорожденный, и твой запах или что ещё сводит их с ума? А может, Шитаха специально наделил тебя такой привлекательностью, только зачем?

Ив ничего не ответил, но насторожился. Впрочем, путешествие, хоть и утомительное, доставляло ему огромное удовольствие, и он скоро забыл о своей тревоге. Ош согласился рассказать ему, как встретился с киборгом и ади на Пске-ме, посчитав, что там нет ничего секретного, и красочным рассказом о нападении мутантов занимал Ива всю дорогу до поляны над ручьём, где они решили наконец заночевать.

Здесь были какие-то развалины, каких много было в этой неспокойной стране, но трагедия случилась давно — остыли сгоревших домов поросли дикими высокими травами, не осталось никаких следов насилия и убийства, никаких костей, только передняя стена сгоревшего храма, почему-то уцелевшая и почти не тронутая, напоминала о произошедшем.

шем. Под защитой этой стены Ош и Ив быстро соорудили себе лежанки из веток и травы, накормили скакунов, развели огонь. Ош выдал Иву брикет сухой пищи и водяную таблетку, а сам, нанизав на прут кусок мяса и дольки каких-то местных овощей, начал сноровисто поджаривать это всё. Ив уселся напротив, скрестив ноги. Потянулся к аппетитно пахнущему мясу, но Ош отвёл руку с прутиком, прищёлкнул языком:

– У-у. Сухой брикетик и таблетка. Я адаптирован, а ты – нет.

– А я – офт. Я могу камни грызть.

– Когда брикеты кончатся, набьёшь рюкзачок, я подскажу, какие повкуснее. А я камни не грызу, так что мясо – мне.

– Жадина. – Ив с надеждой понюхал брикет. – Даже запаха еды нет… – И под разглагольствования Оша об ароматах камней откусил кусок. Некоторое время они дружно ели каждый свою порцию с аппетитом здоровых молодых людей, долгое время проводивших на воздухе. Нисколько не наевшись, Ив снова начал домогаться мяса, в итоге остатки шашлыка полетели в костёр, и Ошу пришлось догоняться таким же сухим брикетом. В конце концов они удобно устроились на своих травянистых лежанках, и Ив заметил:

– Жаль, что ты не можешь рассказать мне ничего про Гри-та. Мне страшно важно узнать хоть что-то.

– Важно. – Задумчиво согласился Ош. – И не только тебе.

– Ты хоть намекни.

Ош усмехнулся. Грустно. Точно так же сведений о Грите у него домогалась Тарва: «Хоть намекни!»

— Любой намёк — это детонатор. — Сказал он немного погодя. — Сейчас вся Вселенная пронизана напряжением, все ждут. По отдельности известно всё: что он украден; что сделали это Вэйхэ, использовав двойника; что что-то у Вэйхэ сорвалось. Думаю, многим уже известно про киборга и про офта. Известно уже многое, но целой картины не видит никто, кроме меня. Любой, самый невинный и тонкий намёк породит цепную реакцию; факты накрепко свяжутся друг с другом и станут очевидны.

— Что произойдёт тогда?

— О, очень многое. — Вздохнул Ош. — Пострадает моя семья. Пострадает Кинтана, если Грит сгинет в космосе, а это сейчас реально, как никогда. То есть, он никогда уже не придёт на помощь моей планете, когда начнётся последняя война, а она начнётся уже очень скоро, в этом не сомневается никто. Начнётся и облава на тебя, мероканец, чего я бы на твоём месте опасался.

— Но я ничего не помню! — Ив даже сел. — И вспомнить не в состоянии! Шитаха пичкал меня наркотиками, пытал электрошоком, и ничего! То есть, это, видимо, необратимо, и... — Он запнулся, поражённый внезапной мыслью. — Или дело не в том, что я помню, а во мне самом?

— Могу сказать только одно. Ты самый везучий человек во Вселенной, мероканец!

- Ты называешь это везением?! – Обиделся Ив.
- Когда вернёшься туда – скажешь мне это сам.
- Ладно. Я напомню…
- Т-с! – Ош в мгновение ока очутился на ногах. – Помолчи-ка…

Ив затаил дыхание. Глаза Оша поблескивали красным из тени, как у сиамского кота. С виду вполне нормальные люди, если не считать роста и странного слабого мерцания кожи и волос, кинтаниане были мутантами, и их чувства намного превосходили чувства людей других рас. Даже скакуны почувствовали что-то намного позже, чем Ош. Бесшумно и быстро он уничтожил следы костра, поднял скакунов, и вместе с ними и Ивом скрылся в зарослях.

И только несколько секунд спустя Ив тоже услышал то, что встревожило Оша: шелест, топот и какие-то сдавленные не то рыдания, не то стоны. Через несколько минут на поляну выехали четыре всадника в кожаных доспехах; один из них вёз поперёк седла женщину, соломенные волосы которой свисали вдоль чёрного плеча скакуна. Двое спешились и стащили женщину на землю. Ив напрягся. В свете луны хорошо видны были юное лицо девушки и огромный живот – она была на последних неделях беременности. Легко преодолевая её слабое сопротивление, люди в доспехах скрутили её руки за спиной и накинули петлю на шею. В этот миг на поляне перед ними возник высоченный мужчина с белыми длинными волосами и горящими красным огнём глазами.

Девушка, увидев его, потеряла сознание; убийцы отпустили её, отступая, и она упала на землю. Ив, бесшумно появившись позади, захватил одного, другого – они, не успев даже вскрикнуть, упали рядом. Ножи сверкнули в руках Оша, и оба всадника, так же не успев издать ни звука, свалились с животных с ножами во лбу. Ив поднял на руки девушку, а Ош забрал своё оружие, и оба они быстро покинули поляну перед неведомым храмом, выстроенным, видно, в недобрый час: не в первый раз проливалась кровь у его дверей.

Первым на берегу какого-то ручья в значительном удалении от места убийства остановился Ош. Склонился над девушкой. Над ними, давая ровный яркий свет, повис энергетический шарик. В этом свете мероканец и кип смогли хорошо рассмотреть лицо савалянки, спасённой ими от лютой смерти.

Она была очень красива. Её заплаканное, измученное, измождённое лицо словно светилось изнутри и было полно особой, трогательной прелести, свойственной только таким существам, расцветающим на один краткий миг, чтобы захиреть от жестокого обращения, частых и неудачных родов, болезней и элементарного несоблюдения личной гигиены. Ей было не больше пятнадцати, и это был самый пик цветения; мимолётное торжество красоты. Бедно и грязно одетая, беременная, голодная, она, тем не менее, была хороша, как ангел.

— Вот-вот родит. — Сказал Ош, не в силах скрыть печаль. — Не обморок, уже бы рожала. Придётся принимать роды. — Он посмотрел на Ива. С сомнением. — Нужны горячая вода, чистые полотенца и лекарства... Нет у меня ничего для неё! И в травах их я ничего не смыслю... Всё время собирался изучить, и так и не собрался. Проклятье!

— Я могу помочь? — Спросил Ив.

— Можешь. Подержишь, где нужно. Потом поедешь дальше, по дороге, в первой же деревне или на первой же ферме достанешь полотенца, горячую воду, а если повезёт — и повитуху. Вот тебе деньги, — он вручил Иву две желтые монеты, — любой савалянин за них маму родную в бордель продаст, не говоря уже о воде и полотенцах.

Через несколько минут девушка, уже относительно чистая, в одной холщовой рубашке, спала, укрытая курткой Ива. Обморок перешёл в сон, и Ош, как смог, помог ей не проснуться раньше времени. А Ив, собравшись, двинулся в путь. Светало; дорогу он нашёл быстро, и привела она его не на ферму, а в небольшую деревню. Несмотря на ранний час, на улице уже копались дети, а перед таверной лежали скакуны в богатых и не очень богатых сбруях. Ив остановил своего там же, и несколько детей подбежали ближе, чтобы поглязеть на странного путника: высокого, смуглого, в кожаной жилетке на голое тело, высоких сапогах и широких ярких штанах, и почти безоружного — ножи, рукояти которых торчали у него за плечами, здесь оружием не считались. По-

началу дети намерены были подразнить странного путника, но заробели, увидев татуировку у него на плече: страшный и словно живой зверь оскалил на них страшные клыки. Казалось, что он шевелится и дышит сам по себе, когда незнакомец двигает рукой. Не обращая на них никакого внимания, незнакомец вошёл в таверну и становился на пороге, привыкая к тусклому свету и давая возможность присутствующим рассмотреть себя.

Они ожиданий не обманули – таращились во все глаза. Настораживали его внешнее благородство и осанка, выдававшие человека высокого происхождения, и отсутствие оружия. Оно, это отсутствие, никак не вязалось в средневековом сознании с полным внутреннего достоинства разворотом плеч, хорошо развитыми мышцами рук, смелым взглядом и высоко поднятой головой. Такую уверенность могли бы дать меч, шпага или секира, ну, или колдовство?

– Хотите выпить, синьор, поесть или снять комнату? – Вежливо спросил хозяин.

– Мне нужна женщина. – Ответил Ив. По таверне побежали смешки и шепотки.

– Бывает, и не так прижмёт. – Флегматично заметил хозяин скорее остальным, чем Иву. – Вас какие интересуют?

– Такая, что разбирается в травах и могла бы принять роды. Я заплачу.

– Здесь только одна повитуха: Лоти, экономка Игирмы.

– Где я могу её найти?

– Зачем господину искать самому? Я отправлю человечка в крепость. Пусть господин посидит, выпьет, закусит. На кухне готовятся утренние блюда.

Ив сел за свободный стол, заглянул в тут же образовавшуюся перед ним кружку. Судя по резкому запаху, там был алкоголь.

– Мне бы кипячёной воды. – Сказал Ив, отставляя кружку. Хозяин повёл бровью, и кудрявый мальчишка мигом поменял кружки перед Ивом. Ив бросил в воду дезинфицирующий шарик, как-то не относя пока откровенные насмешки окружающих на свой счёт.

Высокий парень в кожаных латах, обильно усеянных металлическими клёпками и шипами, с конкретно брутальной внешностью, подошёл к столу, за которым устроился Ив, нарочито громко лязгая всеми металлическими частями сапог и одежды. Не спрашивая разрешения, уселся напротив. Так же демонстративно отстегнул и бросил на стол богатые ножны с широким коротким мечом, брякнул кружкой со спиртным. Ив с интересом осмотрел меч, потом с тем же искренним интересом посмотрел парню в глаза. Тот прищурил их, упиваясь своей крутизной.

– Ты откуда свалился, человечек? Говоришь с акцентом, кожа смуглая, одет, как пугало. Кто ты?

– Я мероканец. Вряд ли ты знаешь, что это значит.

– Верно. Но видишь ли – здесь не любят цветных. А больше того здесь не любят наглых цветных.

– А мне какое дело? – Чуть приподнял левую бровь Ив.

– Какое. Тебе. Дело. – Парень нехорошо ухмыльнулся. – Я надеялся на такой ответ от тебя. Видишь ли, каждая цветная тварь должна знать своё место. Если ты не знаешь, я покажу.

– И?

– На заднем дворе у корыта! – Рявкнул парень, хватанув кулаком по столу. – Сам пойдёшь, или вышвырнешь тебя?!

Ив не ответил и не пошевелился. Пауза начала затягиваться, и у парня глаза стали наливаться кровью. Он начал подниматься, но для чего, навеки осталось тайной: Ив единным молниеносным движением перехватил его руку, прижал к столу и вонзил меж пальцев нож – так быстро, что никто не успел заметить, когда он выхватил нож из-за спины.

– Я тебя прекрасно слышал. – Мягко сказал он. – Сегодня я уже убил в лесу двух очень крутых человечков. Не хотелось бы превышать норму.

Нож вонзился в стол почти на две трети. Ив легко выдернул его и вложил, не глядя, в ножны. Парень плюхнулся на скамью, не сводя глаз со своей руки. Нож Ива даже не поцарапал пальцев. В таверне повисла нехорошая тишина. Хозяин вытирали и выставляли посуду, демонстративно не глядя в сторону опасного пришельца.

– Я же прикончу тебя, сволочь. – Сказал парень. – Я порву тебя в клочья, тварь! Ты мертвец уже, синяк позорный!

Ив допил воду и неожиданно, без размаха, засадил парню кружкой по зубам. Раздался тошнотворный хруст, кровь

брьзнула на стол.

– Выбирай слова. – Тихо сказал он. – Обращаясь к человеку Высокой Касты. Моему Дому три тысячи лет; мои предки были судьями, правителями и военачальниками, когда твои зубами выкусывали блох и чесали за ухом задней лапой. Не слышу! Что?!

Невнятное бормотание через кровавые пузыри и пену было ему ответом. Парня тряслось от боли: Ив сильно разбил ему челюсть.

– Я не слышу! – Повысил голос Ив.

– Прости, господин… – Парень сполз на пол и скорчился в поклоне.

– И не пресмыкайся перед сильным. – Ив встал. – Имей гордость. Я требовал только вежливости.

Хозяин метнулся к нему, убрал стул, наполовину загораживающий проход, поклонился, разведя руки. Немногочисленные посетители опускали головы к тарелкам и кружкам, страшась привлечь к себе внимание. Может, пришелец и не был колдуном, но такой быстроты и точности никому здесь видеть ещё не приходилось.

Ив был уже у двери, когда на пороге появился новый персонаж: молодой савалянский барон. Тонкий и стройный, светловолосый и голубоглазый, он напоминал клинок. Ему было не больше двадцати, но в этом мире ранних смертей он уже считался зрелым мужчиной. Такие же юные, но искушённые мужчины создали рыцарство на Земле когда-то. По-

юношески жестокие и романтичные, они возвели свою юношескую романтику в культ, переживший их эпоху и очаровывающий их потомков и свежестью своей, и своим максимализмом. Что-то подобное возникло уже на Савале, и перед Ивом сейчас стоял яркий последователь этого культа. Вызывающе-цветной герб на тёмно-коричневой одежде был таким же, что и у кожаного латника; украшенная драгоценными камнями шпага на боку достойна была самого знатного вельможи.

– Доброе утро, чужеземец. – Приятным низким голосом произнёс он, глядя, тем не менее, очень холодно и жёстко.

– И тебе того же. – Сдержанно ответил Ив.

– Мне стало известно, что какой-то даме нужны услуги повитухи.

– Это так; и время не терпит.

– Поблизости нет ни одного дома, который мог бы принять знатную даму, кроме Игирмы, моей крепости. Я хотел бы… – Взгляд его упал на избитого латника, и барон переменился в лице.

– Крон? – Произнёс требовательно.

– Я немного рассказал ему о вежливости. – Пояснил Ив. – У него с этим проблемы.

Ноздри барона дрогнули и раздулись:

– А ты знаешь, чужеземец, что я здесь – закон, и правила вежливости объясняю я?! Крон – мой человек, и морду ему, коли будет нужда, тоже я бью?!

— То есть, — очень вежливо, но тоже холодно спросил Ив, — если бы я не смог дать ему сдачи и валялся сейчас избитый на заднем дворе, ты сделал бы это за меня?

Барон только глазами сверкнул. Нарочито громко гремя шпорами, подошёл к Крону, спросил:

— Что сопли распустил? Утрысь и вали на место, слабак! — И безо всякого сострадания помог ему ногой. Он был в бешенстве, и безуспешно пытался это скрыть. Если бы его человек избил чужеземца — что было бы не в первый раз, — барон, возможно, сказал бы ему пару слов, но в душе гордился бы мужеством своего вассала, как иные гордятся свирепым псом. Крон был известным драчуном и рубакой, и то, что безоружный чужеземец уделал его до кровавых соплей, напрягало. Следов драки в таверне не было, а значит, всё произошло очень быстро — и это напрягало ещё больше. Барон Игирмы Иго для своего времени был личностью незаурядной. В пятнадцать лет оставшись без отца, он отстоял своё имущество, свою землю и свой замок, практически, в одиночку. Больше всего на свете он боялся обнаружить хоть какую-то слабость, попасть в глупое положение, потерять престиж, который завёывал кровью и потом. Не по годам мудрый, он уже понял, что, вступив в драку со странным чужеземцем и проиграв её, он этот престиж не спасёт, напротив, утратит навсегда. Потому-то бедняга Крон и получил от хозяина только пинок и ругань.

— Моя экономка, — сказал барон Иву, — пойдёт к незнаком-

мой женщина только в сопровождении моих людей!

— Отлично. — Пожал плечами Ив. — Мне нужны ещё одежда, чистое бельё, одеяло. — Он положил перед хозяином monetku. — Прямо сейчас.

Хозяин сверкнул глазами на барона, дипломатично поклонился в пространство между ними и скрылся в глубине дома, по пути проверяя монету на зуб. Ив понятия не имел о цене этой монеты, а вообще-то, её могло хватить на полное боевое снаряжение знатного рыцаря, включая скакуна.

Увидев Лоти, экономку молодого барона, Ив сразу же понял его волнение и нежелание отпускать её куда попало. Ладная, быстрая, рыжая, как огонь, в веснушках, но красивая, с жёлтыми бессовестными и весёлыми глазами, Лоти была из тех, кто сводит мужчин с ума во всех мирах. Лоти явно была старше, но это, видно, барона не волновало никакого. В сопровождении Лоти и пятерых латников Игирмы Ив вернулся к Ошу, который, судя по сигналу, переместился от руčья, где Ив оставил его, куда-то дальше. Этим «где-то» оказалась ветряная мельница, почти такая же, как в некоторых местах на Земле; Ив таких в жизни не видел. Без опаски вошёл внутрь и сразу же почувствовал запах крови и женщины. Роды только что закончились; Ош стоял в дверях, держа мёртвого младенца — крохотного, чуть больше его ладони, синего. Ив замер.

— О, боги... — Пробормотала Лоти. Вытолкала из мельни-

цы латников, пока они ничего не успели увидеть.

– Привет, Лоти. – Ничуть не удивившись, сказал Ош.

– Нужно сжечь это. – Забирая у него мёртвое тельце, сказала Лоти. Она тоже не удивилась. – И всё тряпьё тоже: рубашку, полотенца, всё. И солому… О, боги! – Повторила она, увидев роженицу. Девушка была без сознания, но как бы плачевно ни было её состояние, Ив всё равно не мог понять ужаса, с каким Лоти заломила руки, пока она не сказала:

– Это же Гара, сестра барона!

– Твоего барона? – Удивился Ош.

– Ну! – Лоти лихо сдула прядь рыжих волос, упавших на лицо. – Где вы её нашли?

– Её пытались повесить. – Ответил Ив. – Ночью, в лесу, четверо.

– О, боги. – Повторила Лоти. Лицо её отражало целую бурю чувств: досаду, жалость, искреннее сострадание и одновременно – какое-то недовольство. Она лихорадочно решала что-то, и это было ясно написано на её лице. Настолько ясно, что Ош сказал:

– Никаких интриг, Лоти. Я не дам эту женщину в обиду.

– Остынь, Блондинчик. – Возразила Лоти. – Мои интриги тут не при чём. Но её нужно увезти отсюда, как можно скорее, как можно незаметнее. Если она выживет, и если заговорит… Я отыскала себе тихую гавань, и хочу, чтобы она такой и осталась. Это не девчонка, это запал для большого-большого пожара. Много народа польется, если она заговорит.

– Объясни? – Потребовал Ив.
– Скорее всего, – за Лоти ответил Ош, – отец её ребёнка – вельможа и хороший знакомый твоего барона. Подобное бесчестье на Савале смывается кровью. Большой кровью.
Ив вспомнил блеск глаз молодого барона. Пожалуй, и очень большой. – Подумал для себя.

– Если бы только! – Фыркнула Лоти. – Тут политика, династические споры, кровная месть и до фига всего. Я-то знаю, кто приделал ей пузо. – Она снова посмотрела на Гару со смесью жалости и злости. – Но дура последняя буду, если скажу.

– Хорошо. – Решил Ош, игнорируя возмущение Ива. – Куда её везти?

– Подальше!
– Поставим вопрос по-иному: куда нельзя её везти?
– На север. Увёз бы ты её в Рюэль, вот был бы выход!
– Я подумаю. А ты всё-таки помоги ей.
– Конечно. – Лоти сняла с пояса мешочки с травами. – Я ж не гарпия какая.

В результате её хлопот Гара пришла в себя и впервые подала голос. Лоти она не узнала – та появилась в замке барона уже после того, как Гара покинула его. То, что её ребёнок умер, её почему-то не особенно тронуло, она, словно, и не ожидала другого. Или была слишком слаба и больна. Пока Лоти хлопотала над нею, Ош в соседнем помещении

объяснял Иву, кто такая Лоти. Она была бойкой дамочкой, через чур бойкой для своего мира и своего времени. Родственники, семья не богатая, продали её после смерти родителей в публичный дом, откуда её выкупил лорд Ош и взял к себе в посольство. Буквально в считанные дни Лоти выучила кинтанианский язык и стала полноправной сотрудникой посольства, обучаясь и читать, и работать с компьютером – такие работники из местных были, конечно же, находкой для посольства. Но её бурный темперамент, привлекавший к ней любвеобильных кипов, сильно осложнял её жизнь и делал взрывоопасным её положение. Всё кончилось тем, что со значительным вознаграждением красотку отпустили восвояси, настоятельно рекомендовав подальше отъехать от Рюэль.

– Не пропала, и я рад. – Закончил рассказ Ош. – Яркая, сильная, незаурядная личность, с оригинальным стилем мышления, очень умная и талантливая. То, что она женщина – на самом деле трагедия её, как личности, которая могла бы достичь огромных высот, но в этом мире обречена. Боюсь, до старости ей не дожить. Она сама не сможет жить спокойно, рожать детей и стирать пелёнки, природа наделила её огненным сердцем и неиссякаемой энергией, которая погубит её. А у местного барона, я смотрю, губа не дура! – Закончил он с явной ностальгической ноткой в голосе. – Она такая женщина, скажу я тебе...

– А ты откуда знаешь? – Насупился Ив, который пропу-

стил мимо ушей, ЗАЧЕМ Ош забрал Лоти в посольство.

— Тебе, мероканцу, не понять. Ты, поди, и умер девственником?

Ив не ответил, отвернулся, только на скулах выступили красные пятна. Его спасло от дальнейших шуточек Оша появление баронского латника, который не без опаски заглянул в дверь:

— Мне бы госпожу Лоти. Проблема у нас. Хек исчез.

— Как это — исчез?! — Мгновенно появилась в другом проёме Лоти.

— Даже и не заметили, как слинял. — Виновато произнёс латник. — Сейчас хватились — а его нет.

— Проклятье! — Выругалась Лоти. — Плохо, если он свалил к барону, но если нет... вот это будет кошмар! Слушай, — повернулась она к Ошу, — я в Игирму! Если барон уже знает, я его встречу. Если нет... придумаю что-нибудь. Увози девчонку, ради всего святого, увози скорее! Я для неё сделала всё, что можно, глядишь, и выживет.

— Хорошо. — Повторил Ош.

Лоти с латниками быстро исчезли. Она только оставила Ошу мешочек с травами и сказала, как использовать.

— Куда мы её повезём? — Спросил Ив. Ош только теперь заметил, какое стало у него лицо. Повернулся к нему весь, чувствуя, что назревает какой-то кризис.

— Не знаю ещё. — Сказал спокойно. — Сейчас главное — отсюда убраться, и поскорее.

– Я видел её брата и говорил с ним. Я считаю, он должен знать, что произошло с его сестрой!

– Посмотри на неё! – Ош протянул руку в сторону Гары, которая испуганно смотрела на них. Лоти успела переодеть её в чистое простенькое платье и даже заплести волосы. – Вот так изголодаться нельзя за несколько дней! Руки и ноги у неё стёргты в кровь; её били, и недавно, и давно – на ней следы побоев самой разной давности. Она бродяжила не один месяц, и её брат и не думал искать её! Нет, Ив, это не Мерак и не Корта! Этим людям плевать на всё, кроме богатства и престижа, и если беременная сестра подрывает этот престиж, они выбрасывают её на помойку. Как мусор!

– Мы не можем так поступить, не зная всего. – Не сдавался Ив.

– Лоти – знает! И ты её слышал!

– Она сказала, что прольётся кровь. Значит, ему не всё равно!

– Это не значит, что спасётся она. Это значит, что погибнет много других вместе с нею. Те люди в лесу могли бы быть и людьми барона...

– У них был другой герб. – Быстро возразил Ив. – Так нельзя. У её брата должен быть шанс! Уезжай, если хочешь, но я должен попытаться.

– Ты сам не знаешь, что хочешь сделать.

– Знаю. Сделаем так: ты спрячешь её, а я поеду к барону и скажу ему, что сестра его жива, и я знаю, где она.

– Да на кой тебе это? – Не выдержал Ош. – Письмо от правь, в конце концов!

– Можно и письмо. – Ив действительно не понимал ни Оша, ни Лоти. Его мероканская преданность крови была абсолютной. – Но я должен увидеть его лицо.

– Зачем вмешиваться в инопланетную жизнь?!

– Это нужно было спрашивать у себя тогда, когда мы спасали её в лесу! – Возразил Ив. – Нам следовало думать тогда. Может, нужно было оставить её в лапах убийц? Пусть бы они задушили её там, на поляне, а мы бы тихо просидели это время в кустах, может, опустили бы глаза, только как бы мы потом смотрели ими друг на друга? Мы вмешались, и теперь отвечаем за неё. Мы должны что-то сделать, найти какой-то компромисс между их моралью и нашей.

– Я это и делаю!

– Нет. – Покачал головой Ив. – Ты вообще отказываешь им в чувствах и морали. Ты даже мысли не допускаешь, что брат этой девочки – порядочный человек и любит свою сестру! А что, если это так? Что, если он ищет её, что, если потому её и пытались убить?!

Ош хотел было что-то сказать, но взгляд его упал на Гару, которой он сам незадолго до того надел клипсу. Она, закрыв лицо руками, сотрясалась от беззвучных рыданий. Лицо его вспыхнуло, как от внезапной пощёчины, и он молча отвернулся. Ив стоял спиной к Гаре, поэтому продолжал:

– Да, это наверняка чревато кровью. Но это их жизнь, и их

этим не удивишь и не напугаешь. Им решать, в конце концов!

Ош молчал, глядя в окно. Это была правда: он давно уже не признавал в савалянах людей, способных любить и со-страдать. Почему? Он считал себя человеком, свободным от пороков вроде расизма или шовинизма, но распространял свою терпимость, оказывается, не на всех. А Ив мог разбить в кровь лицо савалянину за грубое слово – чего Ош не позволил бы себе никогда! – но при этом уважал в них людей.

– Оставь патетику. – Перебил он Ива, который собирался сказать что-то ещё. – Согласен. Ты прав. Может, и стоит что-то предпринять.

Глава восьмая.

Савалянские дела.

Ив вернулся в деревню почти в полдень. В таверне никого не было – видно, завсегдатаи отсыпались днём, а гуляли всю ночь. На месте был только давешний кудрявый мальчишка, который старательно скоблил столы широким тупым ножом. Он охотно объяснил Иву, как добраться до крепости. В сущности, можно было и самому догадаться: единственная улица деревни поднималась в гору, где и построена была собственно крепость. На Мераке когда-то в незапамятные времена строили точно так же, и Ив много раз бывал на месте старых развалин и в музеях под открытым небом. Конечно, кре-

пости Мерака и Савалы были разными, но – в деталях. Построенные, как убежища на случай нападения и осады, они, служа одной цели, и выглядели, и изнутри были во многом похожи. Поднимаясь по извилистой дороге, в которую превратилась деревенская улица, Ив даже залюбовался грубой мощной красотой крепостных стен и башен.

Внутрь его пропустили беспрепятственно, даже не поинтересовавшись, зачем ему нужен барон. Сам барон встретил его на пороге главного здания, на верхней ступени широкой каменной лестницы.

– Чем обязан? – Спросил холодно, но не враждебно. – Что-то случилось с вашей дамой?

– Что-то вроде того. – Вежливо ответил Ив. – Я приехал поговорить о ней.

– Почему именно со мной? – Нахмурился барон. – Какое отношение она имеет ко мне?

Наверное, следовало сделать это как-то поделикатнее, подвести издалека, но Ив так не умел. Испытывая интуитивное уважение к этому савалянину, он заговорил с ним так, как заговорил бы со своим соотечественником.

– Дело в том, барон...

– Иго.

– Вот как?.. Так вот, дело в том, барон Иго, что сегодня ночью мы остановились в лесу на ночлег – мы с другом путешествуем на север. Это произошло возле развалин какого-то храма. Почти в полночь на ту же поляну приехали четверо

всадников в кожаных доспехах. Они привезли с собой молодую беременную женщину, которой, спешившись, накинули петлю на шею и попытались задушить. Мы убили их и забрали женщину с собой.

— Благородный поступок. — Чуть смягчился барон. — Заслуживающий уважения. Я правильно понимаю вас, вы хотите продолжить путешествие и хотели бы попросить меня, чтобы я взял эту даму под своё покровительство?

— Я, несомненно, попросил бы вас об этом в любом случае. Но это — случай особый, и к вам он имеет самое прямое отношение.

Выражение лица барона ему понравилось. Он побледнел, побледнел, как смерть, на миг глаза его выдали страх и боль. Губы кривились, как не старался он овладеть собой, когда спросил, безуспешно пытаясь говорить равнодушно:

— Вот как? Это почему же?

— Потому, что это Гара. Ваша сестра.

Несколько секунд барон боролся с собой. Первым вопросом, который он хотел задать, был вопрос о том, кто пытался убить её. Но другой вопрос всё-таки показался ему самым важным, и Иву это понравилось так же:

— Что с ней?

— Ей плохо. Она жива, но ребёнок её умер, и сама она очень больна. Я не знаю, что произошло между вами, но должен сказать, что она в совершенно плачевном положении. Она очень долго бродяжничала, её били, она голодала. Есть

большая опасность, что она не переживёт того, что случилось.

— Где она? — Спросил барон после недолгой борьбы с самим собой. Ему хотелось спросить у чужестранца, по какому праву тот смеет говорить ему это и упрекать его, но он опять сдержался, решив отложить эти вопросы на потом.

— Прежде, чем я отведу тебя к ней, — сказал Ив, — я хотел бы знать, каковы твои намерения относительно сестры? Я слышал, что вы не считаете зазорным взять деньги за своих женщин, и если по какой-то причине ты...

— Если ты ещё раз, — вне себя от бешенства барон наполовину обнажил шпагу, но замер, пальцы побелели, — предложишь мне деньги за сестру... Я убью тебя! Где она?!

— Хорошо. — Ив улыбнулся. — Поехали.

Барон поехал с ним один, и, как показало время, поступил крайне необдуманно. К мельнице они подъехали, только на несколько минут опередив ещё один отряд всадников, более многочисленный. Внутри были Ош, Гара и Лоти, которая, видимо, вернулась проверить, уехали ли они, или, может, замести следы — неизвестно. Отголоски скандала были слышны на дальних подъездах к мельнице; увидев Ива и барона, Лоти благоразумно замолчала.

Барон не заметил ни Лоти, ни пришельца. Зайдя в мельницу, он видел только Гару, больше никого. Лицо его, только что суворое и решительное, стало растерянным. Он, наверное, не ожидал увидеть то, что увидел, возможно, просто не

представлял себе, насколько плачевно было положение сестры. Может, не поверил до конца Иву, счёл его вымогателем или шантажистом. Но Гару трудно было счесть обманщицей. Лицо её было белым, до голубизны, под глазами пролегли страшные в своей болезненности тени. Худоба теперь, когда не стало живота, стала тоже нездоровой, просто страшной. Виски запали, сильно выступили ключицы; на руках, выглядывающих из рукавов, видны были каждая косточка, каждая фаланга, каждая жилка.

– Почему?! – Спросил Иго, губы его опять искривились. – Почему ты не дала мне знать?! Великие боги, зачем?!?! Что я сделал тебе?! Я ведь не гнал тебя, я только требовал, чтобы ты назвала имя?!?! Я думал, ты ушла к нему, у меня были сведения, что ты у него; почему ты не сделала так?! Если этот подонок тебя бросил… если только он посмел это сделать…

– Как только он понял, что есть кто-то виноватее его, лицо его вспыхнуло и снова приобрело самоуверенное иластное выражение. – Я забираю тебя домой, Гара. Мне жаль твоего ребёнка, но для него лучше, что он теперь в райских полях. И для тебя. Как бы ты не пыталась это скрыть, я узнаю, кто это сделал с тобой, кто посмел тобою пренебречь, и эта тварь подавится собственными кишками.

Гара вздрогнула и посмотрела на брата умоляюще, как-то не по возрасту мудро и одновременно с таким состраданием! Он не заметил её взгляда, не понял его. Повернулся к Иву, хотел что-то сказать, но тут впервые подал голос Ош. Глядя

в окно, он сказал:

– Возможно, барон, ты узнаешь правду даже быстрее, чем рассчитываешь.

Что он имеет в виду, стало ясно буквально через секунду, не понадобилось ни вопроса, ни ответа. Пара десятков всадников выехала на лужайку перед мельницей и окружила её.

– Проклятье… – Пробормотала Лоти, закрывая лицо руками. Иву хватило только одного взгляда, чтобы узнать гербы. Но барон, увидев, кто приехал, с облегчением улыбнулся и поспешил выйти. Ив поспешил за ним, ещё не понимая, что происходит, но уже чувствуя неладное.

Грит получил сигнал Адрии тогда, когда работы были уже завершены и можно было трогаться в путь. Анна не сомневалась, что, получи он сигнал раньше, он отправился бы в путь, не смотря на неисправность, так что, можно сказать, им повезло. Путь до Савалы был долгим, но Грит решил не тянуть и прыгнуть во второй раз через Пространство Гроома. На этот раз все его пассажиры и члены его немногочисленной пока команды подготовились к прыжку и приняли снотворное – спящие люди переносили прыжок через Пространство без проблем. Одна Анна помнила, о чём говорил ей Грит после первого прыжка, но промолчала. Спросила только у самого Грита, уверен ли он, и, получив ответ, что – вполне, – успокоилась.

Её восхищала решимость мероканцев, доверяющих

неуправляемому кораблю, хотя Кейв утверждал, что на самом деле они не верят, что его капитан – не Анна. Как бы то ни было, риск всё равно был велик, а Грит был очень нужен Общине, Корте и всему Союзу. Никто всё равно бы его не покинул, как бы ни сложились обстоятельства. Перед самым прыжком на связь вышла Адрия, и Грит ответил – Адрия находилась возле Савалы.

Во время этого сеанса Анна и Кейв впервые увидели Ва Вера, и обоим она показалась чрезмерной: большая, эффектная, громкая, экстравагантная. Кейв был шокирован её манерами не больше, чем её фигурой: воплощённая сексуальная фантазия озабоченного подростка, большая грудь, широкие бёдра, узкая талия, длинные ноги. Она ещё так небрежно демонстрировала это, чем даже в записи напугала воспитанного кинтанианской леди Кейва. Разговаривала она немного раздражающе: громко и самоуверенно. Анне не понравилось, что она фамильярно называет Ивайра «Ив» и говорит о нём так, словно имеет на него какие-то права. И ещё ей почудилось, что Ва не хочет делиться этими правами ни с кем. Может, это были только её фантазии, продиктованные постоянной тревогой и ревностью, ведь Ва общалась с Ивайром, в то время как она, Анна, даже не существовала для него. Впрочем, главное, что она узнала от Ва – это то, что Ив на Савале, что о нём заботится лорд Ош, и что ему по большому счёту ничто не угрожает. Никто в этот момент и помыслить не мог, что на самом деле Ив в опасности – и

очень серьёзной. Грит предложил всем уснуть и начал отсчёт перед прыжком. «Я увижу его уже через какой-то час. – Думала Анна уже в полудрёме. – Боже мой, почему я не чувствую радости?!»

Новый персонаж был колоритным. Он был лет на десять старше барона Иго, мужчина в самом расцвете сил и возможностей, белокурый, довольно привлекательный, хоть и не красавец – но было в нём нечто особенное, эффектное, сексуальное даже. Он небрежно сидел в седле тёмно-рыжего скакуна, уперев левую руку в бок, и лицо его выражало очень странную смесь чувств, настолько откровенно, что слова радостного привета умерли на губах молодого барона. Он замер на нижней ступеньке каменной лестницы, и Ив остановился над ним, на верхней. Белокурый рыцарь посмотрел на него с презрением, с каким все эти люди смотрели на цветных, и тут же забыл о его существовании.

– Где твоя сестра? – Спросил он у Иво. – Ты говорил с нею? Что с ней?

– Она здесь, на мельнице. Я не понимаю, Чейн, что происходит?

– Я узнал, что она нашлась, и поспешил поздравить тебя. – Со льдом в глазах произнёс Чейн. – Так она жива?

– Жива. Ребёнок умер, а она жива.

– Мальчик?

– Чейн! Я задал тебе вопрос!

— Может, — чуть потеснив его и выйдя вперёд, сказал Ив, — задать ему другой? Например, чьи гербы были на одежде убийц?

— А ты кто такой? — Презрительно спросил названный Чайном. — Откуда здесь цветной, и почему он говорит со знатным господином, не опуская головы?! Это твой новый раб?

— Эй, ты! — Опередил ответ барона Ив. — У тебя не хватит ни денег, ни власти, чтобы сделать рабом меня. Будь повежливее, и не получишь лишний раз по морде.

— Мероканец, я убью тебя! — Сквозь зубы процидил Ош, глядевший на всё это через узкое оконце. Но Лоти возразила:

— Он правильно делает, если, конечно, способен убить Чайна теми зубочистками, что у него за плечами.

— Он способен убить всех, кто с Чайном, голыми руками. — Возразил Ош. — Но это же инопланетное вмешательство...

— Вы вмешались уже давно. Твой друг — молодец, блондинчик. Вы хотите и пользоваться нашими богатствами, и оставаться чистенькими; так нельзя. Либо помогите, либо валите отсюда. Он — помогает. И он прав.

Ош промолчал. События начали развиваться быстрее. Чайн, в бешенстве от того, как с ним разговаривает цветной, выхватил клинок и направил на Ива скакуна, но тот ускользнул от атаки, с лёгкостью, которая насторожила бы любого, кто не был бы так разгневан. Чайн снова развернул скакуна, но Ив, молниеносным движением обнажив ножи, увернулся

от атаки и, как показалось всем, кто видел это, просто скользнул мимо скакуна, но через пару мгновений Чейн, разворачивая его, вдруг свалился на землю вместе с седлом, у которого была аккуратно разрезана сбруя – но на боку скакуна даже царапины не появилось. Это всё заинтересованные лица выяснили потом; тогда же Чейн был спешен – и ещё более взбешён, но теперь он понял, что недооценил противника, и взял себя в руки. Он тоже был прекрасным бойцом.

Ив, очутившись лицом к лицу с пешим противником, демонстративно вложил клинки в ножны.

– Дерись, обезьяна, если не хочешь быть изрубленным в капусту! – Сказал Чейн.

– Для того чтобы убить тебя, мне оружие не нужно. – Возразил Ив, что взбесило Чейна ещё больше.

– Ты, дерньмо, думаешь, я не ударю безоружного? – Чейн стремительно шёл к нему, в бешенстве со свистом рубанув воздух. – Будь ты знатным человеком, я так бы и поступил. Но взбесившийся раб – это хуже бешеного животного, и должен...

Ив не дал ему договорить. В этом не было на первый взгляд ничего эффектного и зреящего: зрители, кроме Оша, вообще не поняли, что он сделал; просто в какой-то миг шпага Чейна оказалась в стороне, Чейн – на лопатках, а Ив – сверху.

– Я не убью тебя. – Сказал он. – Я воин, а не убийца. Но за оскорбление ты заплатишь. – Он оттолкнул Чейна, встал и

повернулся в сторону шпаги. Чейн вскочил на ноги, выхвачивая мечелом – кинжал в виде трезубца, – но ударить не успел. Ив развернулся и легко, словно у ребёнка, выхватил мечелом у Чейна. Это со стороны показалось, что легко – только у Чейна глаза полезли на лоб от странного ощущения в руке, за запястье которой схватил его чужак: она просто отнялась, он не мог даже пальцем шевельнуть. Некоторые из людей Чейна обнажили клинки, но ждали, что будет дальше. Снова бросив своего противника на землю, Ив поднял его шпагу.

– Ты посмел назвать меня рабом. – Сказал медленно. – Ты посмел назвать меня обезьяной и дерьямом. И всё-таки я тебя не убью. – И, сломав клинок пополам, швырнул в лицо Чейну.

Он хотел только унизить его, но сделал больше, чем мог бы сделать даже намеренно. По законам чести этой страны, сломанный врагом клинок над поверженным лишал того чести и титула. Вернуть это Чейн мог, только убив теперь Ива в честном поединке в присутствии свидетелей. Он не постыдился бы убить его в спину и теперь, но свидетелей было слишком много; а его собственные люди повели себя соответственно изменившейся ситуации: неохотно вложили в ножны оружие и отступили, избегая смотреть на своего бывшего повелителя. Ив быстро обернулся. В глубине души он был готов к драке с ними со всеми, и не ожидал такой лёгкой победы. Подозревая подвох, перевёл взгляд на Иго, но тот

стоял бледный, ещё не понимающий ничего, но готовый уже броситься в бой, защищая своего друга. С ним Ив драться не хотел. Поднял руку:

– Прежде, чем встанешь на защиту этого человека, ты должен знать...

– Что я должен знать?

– Что это он. – Раздался тихий голос Гары. Иво вздрогнул, обернулся:

– Что – это?

– Он отец. Он принудил меня силой... Я тогда жила у его тётки, она ему помогала. Ты меня сам отправил к ней. Ты не виноват... Ты ему верил. А он угрожал убить тебя и меня, если я расскажу. – Она посмотрела на Чейна с ненавистью. – Теперь он не сможет этого сделать, и мне не зачем молчать.

– Это правда?! – Повернулся Иго к Чейну.

– Правда. – Ответил Ив. – У тех, кто пытался задушить её ночью, были вот эти гербы.

– Это правда. – Констатировал Иго. К чести его будь сказано, он не разразился тирадой: «Как ты мог, я ведь считал тебя другом!» или что-то вроде того. Он быстро посмотрел на людей Чейна – те не спешили вступать в схватку за обещенного предводителя, но всё-таки представляли из себя серьёзную угрозу. Вложил клинок в ножны. Сказал, изо всех сил сохраняя внешнее спокойствие:

– Я тоже не собираюсь махать свой клинок. Это слишком благородное оружие, чтобы пачкать его кровью смерда. Сту-

пай прочь. И не распускай язык, иначе я прикажу тебе вы-
пороть на скотном дворе.

— Ты заплатишь мне за это. — Прошипел Чейн. — Вы за-
платите! Как твоя мамаша, как твой отец... Я всё равно по-
кончу с вами!

— Пашёл вон. — Иго повернулся к нему спиной. Сказал, всё
такой же бледный и спокойный:

— Господин, я благодарен тебе за спасение сестры. Прошу
тебя, будь моим гостем, моя крепость недалеко.

Он дрожал от сдерживаемых чувств, но держался отмен-
но. Ив кивнул, и произнёс совершенно искренне:

— Это честь для меня и для моего друга.

К крепости они подъехали в сумерках. Барон вёз сестру на
своём скакуне; когда он обнял её у мельницы, Ив деликатно
отвернулся, но слышал, как Гара плачет, изо всех сил при-
жимаясь к брату. На Оша он только посмотрел, и тот кив-
нул. Грустно. Когда они ехали в Игирму, оба молчали. Ош не
мог понять, почему так: он по-прежнему уверен, что Ив не
прав, но получилось правильно! Он сам поступил бы иначе:
увёз бы девушку, оставил бы в посольстве кипов, снабдил бы
деньгами. Её бы вылечили и помогли устроить свою судьбу.
Только вот брата она больше бы не увидела, а брат не увидел
её. Он скоро стал бы жертвой своего вероломного друга, ве-
роятно, — ещё одна история захвата земель и титула, каких
тысячи на этой планете, ничего особенного. Он, кинтания-

нин, лорд, считал это естественным ходом вещей – а Ив нет. Он видел реальных людей, их боль, их любовь, не отделяя себя от них. И это было неправильно! Только сердцем Ош был с ним. Лоти, наверное, была права: либо проваливайте, либо помогите.

Крепость нависала над дорогой, мрачная, массивная, с крохотными искрами огней в узких щелях-бойницах. Но внутри было неожиданно уютно. В главном зале горел очаг, пахло сеном, дымом, копчёным мясом. Ошу запах не понравился, Иву – наоборот. Ему было уютно; он с удовольствием принял кружку воды, извинившись, что не может пить вино – для него инопланетная органика являлась смертельно ядовитой. Ош мог здесь и есть, и пить, но, пока трезв, не мог заставить себя есть из местной посуды, которую не мыли, а давали вылизывать скакунам, спавшим тут же, в зале, в нишах вдоль стен и под галереей женщин. Гару сразу же, по приказу барона, который не терпящим возражений тоном заявил, войдя в зал:

– Ваша госпожа Гара вернулась; я вижу, вы счастливы? – приняли в распластёртые объятия, повели мыться и переодеваться. Лордов пришельцев тоже проводили в большие прохладные комнаты с окнами – они были на третьем этаже главного здания, и потому могли позволить себе такую роскошь, как окна, – и ванной: деревянной лоханью, застеленной изнутри белой тканью и наполненной горячей водой. Две симпатичные служанки предложили свои услуги. Прав-

да, та, что готовилась помогать Иву, пала жертвой его обаяния и выполнять свои функции не смогла, но Ош принял помочь своей девушки с удовольствием. Ив слышал из-за стены её хихиканье, низкий голос Оша, говорившего какие-то глупости, двусмысленные женские взвизгивания и смех. Ему на самом деле нравилось здесь! Тысячи лет не убили в мероканцах свободный дикий дух, память о такой вот простой и безыскусной жизни была жива в них до сих пор. Примитивная ванна доставила ему удовольствие не меньшее, чем самый роскошный душ; запах копчёного мяса и дыма будил зверский аппетит, запах сена пробуждал ностальгические чувства. Вот только заставить себя, подобно Ошу, заигрывать с местными девушками он не мог. Его отношения с женщинами были очень сложными, как у всякого мероканца его Касты, считающего, что у него должна быть одна подруга на всю жизнь. Странно! Ош, преклоняющийся перед женщинами своей планеты, зависящий от них всю свою жизнь, не гнушался маленькими радостями большого секса с инопланетянками; Ив, который вырос в свободном мире, где неравенства полов не существовало, не мог даже помыслить о подобном.

Высушив волосы у небольшого очага, он снова прислушался к тому, что происходило в соседней комнате. Кажется, девушка, наконец, ушла; решив так, Ив окликнул Оша, и тот вошёл в его комнату, чуть раскрасневшийся, но при том совершенно такой же, как обычно.

– А где твоя девушка? – Спросил, подмигнув Иву. Тот покраснел.

– Она… не осталась.

– Поражаюсь я на мероканцев, особенно на вас, Волков. Ваше отношение к таким вещам… Хотя. От тебя такая савалянка вполне может родить.

– Думаешь, дело только в этом? – Чуть приподнял бровь Ив. Ош запнулся: точно так же спросила его об этом Тарва когда-то. Усмехнулся.

– Это неблагодарная тема для споров. Забыли. Ты собираешься долго тут гостить?

– Завтра уедем.

– Хорошо. Я уж подумал, что ты собираешься охранять эту крепость вечно. Ты не забывай, что твоё время здесь ограничено, ты не адаптирован к Савале, как я. Тебе нельзя есть эту еду, ты не можешь пить эту воду.

– Я помню. – Ив смотрел в окно, на тонкий серп савалянской зелёной луны. – Я всё время об этом помню… Как ты думаешь, тем, кто на Гrite, уже известно, где я?

– Уверен, что да.

– Значит, он скоро будет здесь?

– Да, скорее всего.

– Так что долго мы здесь не загостимся. – Ив усмехнулся. – Думаю, тебе нужно как следует использовать это время! В космосе придётся тебе посидеть на голодном пайке.

– Мне не привыкать к лишениям. – Фыркнул Ош. – И во-

обще – что ты-то в этом понимаешь?!

– Я немного интересовался теорией.

– Теорией! – Рассмеялся Ош. Звон колокола возвестил о том, что ужин начинается, и они, продолжая подтрунивать друг над другом, спустились в главную залу. Ош завязал волосы в хвост, а Ив сделал саисскую косу из восьми прядей; оружие здесь принято было носить и во время ужина, поэтому оба были при полном параде. Ив больше не прятал волосы под чалмой, и никто в зале не принял его за варвара, настолько чужим он выглядел – не менее чужим, чем Ош. Интерес к ним был велик. Все уже знали, что синеволосый пришелец победил в сватке барона Чейна, будучи совершенно безоружным; знали и про то, как он разделялся с Куртом; в этом мире сила и мастерство владения клинком решали всё. Ив имел все шансы стать кумиром в этой крепости, да и всей Савалы. Женщины на галерее не сводили с него глаз, перешептывались, хихикали и что-то горячо обсуждали; мужчины с интересом рассматривали его оружие, его руки, его татуировку. Лорд Ош как-то отошёл на задний план, что его совершенно не волновало. Он-то, в отличие от Ива, мог есть местное мясо, и с удовольствием принял за целиком зажаренного зверя, поданного прямо на вертеле.

А Ив, вынужденно ограниченный кипячёной водой, брикетами и таблетками, сначала подробно объяснял окружающим, почему он не может есть местную еду – не потому, что не хочет, боже упаси! – а потом демонстрировал ножи, тату-

ировку, объясняя её значение, и показывал некоторые боевые приёмы.

— Вот эти точки, — Ив показывал немного захмелевшему барону Иго на его собственной руке. — Берёшь вот так, слегка нажимаешь... и рука отнимается. Человек не может пошевелить пальцами. Это приём бойца Теней.

— Что это значит?

— Это мероканское боевое искусство. Мы хранили его много сотен лет, даже тогда, когда на смену благородной стали и крепкой руке пришли другие виды оружия. Тогда над мероканскими Домами, хранившими верность своим традициям, как только не куражились... Пока время этого оружия и этих искусств не вернулось вновь.

— В чём заключается это искусство?

— Говорят: если боец Теней ударил дважды — это не боец Теней. Ты делаешь два, максимум три движения — очень быстро, — и бой закончен. Со стороны кажется, что ты ничего не сделал, а противник твой лежит. Вот в этой быстроте и заключается искусство, но учиться этому нужно с раннего детства. Тело должно быть развито особым образом; даже подростку учиться этому искусству уже поздно. Но некоторые приёмы я могу показать, это не тайна. — Они переместились на середину зала, где Ив показывал юному барону на самом деле основные приёмы своего искусства. Ош даже не пытался возражать: он смотрел на всё это, уже немного захмелев, с лёгкой усмешкой. Мероканец казался ему таким же, как эти

люди вокруг, простым и откровенным, даже немного наивным. Он наслаждался происходящим, заразительно смеялся, спорил, толкался и отнимал у Иго ножи; вёл себя так, словно прожил здесь не один день и месяц. Он уже знал всех по имени, и кажется – все, кто присутствовал в этот вечер в этом зале, уже обожали его. Барон, потерявший друга и переживший его предательство, казалось, совершенно забыл о своём горе. Он делал успехи, овладевая некоторыми боевыми приемами прямо на пиру, и казался счастливым.

С удовольствием наблюдая за мероканцем и с не меньшим удовольствием поедая мясо, Ош сначала даже не понял, что его насторожило. Отложил нож и недоеденный кусок, прислушался. Его слух был совершеннее, чем слух занятых объедками скакунов; он слышал то, что не мог слышать никто в этом зале. В первые мгновения он решил, что ему почудилось; но звук, настороживший его, повторился. Он встал и вышел из зала на широкое и высокое крыльцо во внутреннем дворе замка. Здесь было тише; звуки застолья и простой, но веселой музыки из зала не мешали ему прислушиваться. На стене прохаживались часовые, под навесом возились животные. Звук шёл из-под земли. Ош быстро вернулся в зал.

– Подземный ход есть? – Спросил он, бесцеремонно развернув к себе барона.

– Что?! – Воскликнул тот.

– Что происходит? – Мигом посерёзнел Ив.

– Где выход? – Спросил Ош.

– В очаге. – Барон Иго мгновенно прозрел. – В зимнем зале.

– Под полом люди, много. Я слышу лязг железа, или стали.

– Он в самом деле слышит! – Воскликнул Ив. – Твой бывший друг знал про этот ход?

Барон только глянул, но в этом взгляде было всё. Конечно же, человек, которому он безгранично верил и которого почти боготворил, знал о Игирме всё!

Его команда заставила очнуться всех. Это было суровое время, и люди умели мгновенно переходить от беспечного веселья к обороне и драке. На самом деле Ош услышал приближение опасности задолго до того, как она нагрянула, и если бы там были только саваляне, ничего страшного бы не произошло – нападающих встретили бы у выхода из очага и мигом обезвредили. Но там были не только саваляне – даже не столько саваляне. После оглушительного взрыва, размевавшего людей барона Иво по всему зимнему залу, из чёрной пасти очага хлынули вперемешку люди и боевые андроиды Лиги. Среди людей были кинтаниане и гаране в форме Лиги, вооружённые лучемётами и плазменными пистолетами, против которых бессильно было оружие савалян. Лорд Ош бросился на защиту беспомощных перед такой силой людей, не раздумывая и не заботясь о себе.

– Уводи людей, Иго, – крикнул Ив, – уводи, вы с ними не справитесь!!! Не мешайте нам!!! – И поспешил на помощь кипу, который наглядно продемонстрировал, что са-

мое страшное оружие Кинтаны – это её лорды. Как бы ни были хороши кинтаниане, бежавшие ради возможности драться в Лигу, до настоящего кипа, клык – офицера, им было далеко. Завладев плазмером в первые же секунды боя, он бросил его Иву, который, запрыгнув на перила женской галереи, стрелял оттуда, пока не кончился заряд, а потом стал метать железные звёзды, захваченные ещё с Ариги, с завидной точностью.

Если бы не страх за обитателей крепости, они смогли бы отбиться и уйти; но оба понимали, что пострадают, прежде всего, Иго и его домочадцы, и оба не могли допустить, чтобы это произошло. Это же поняли и нападавшие; поэтому через несколько минут один из них, кинтанианин, предложил, укрывшись за очагом:

– Нам не нужны местные, нам нужны Ош и Кайл Ивайр. Может, покинете с нами эту крепость, пока мы не сровняли её с землёй?

– Где гарантии того, что вы не уничтожите её, если мы выйдем? – Крикнул Ош.

– Нам они не нужны! – Повторил кинтанианин. – Но нам не жаль и спалить всех подчистую. Решайте!

Ош посмотрел на Ива, тот едва заметно кивнул.

– Мы выйдем из крепости через двадцать минут после того, как вы покинете её! – Крикнул Ош.

– Обещаешь, кип?

– Обещаю.

– Хорошо! Если через двадцать минут вы не появитесь, эта крепость взлетит на воздух. Пусть потом кипы выясняют, кто это сделал, и оправдываются перед местными!

– Мы выйдем!!! – Повысил голос Ош.

– Без фокусов! – Пригрозил кинтанианин напоследок. – Мы возьмём заложников!

Они ушли, так же, как проникли в крепость.

– Завали вход. – Посоветовал Ош Иго. – Этих завал не остановит, но савалян, которые могут захотеть поживиться – наверняка.

– Что с вами будет?

– Это не твоя забота. Мы большие мальчики и сумеем постоять за себя. Береги крепость. И не надо строить из себя героя!

Ив покинул Игирму молча. Он не узнал форму Лиги, но чувство у него было тяжёлое... Хоть и в половину не такое, как у Оша, который лучше представлял, кому они попались. Чувство поражения было ужасным, но выхода он не видел. Не могли же они, в самом деле, обречь на гибель всё население Игирмы!

Бесшумный катер, похожий на устричную раковину, который сразу же узнала бы Анна, будь она уже здесь, доставил их в горную крепость, которая оставалась савалянской крепостью только снаружи. Внутри была оборудована целая станция, о существовании которой кипы и не подозревали.

Очутившись внутри, Ив сразу понял, что здесь присутствуют Вэйхэ – понял, и испытал забытый было страх. Ош казался спокойным, но Ива это спокойствие не обнадёживало – он знал о железной выдержке кипов, которые, не дрогнув, встречали любой выпад судьбы. Они сидели в катере раздельно – их конвоиры внимательно следили за тем, чтобы они не оказались рядом и не могли говорить, – потому не могли сказать друг другу о своих открытиях насчёт Лиги и Вэйхэ, пока не оказались с ними лицом к лицу в бывшей трапезной крепости.

Помимо Вэйхэ и боевиков Лиги здесь были и двое савалян: Чейн и ещё один, невысокий, хрупкий с виду, в чёрной одежде, не позволяющей определить ни род его занятий, ни положение в савалянском обществе. Но Ош при взгляде на него напрягся, и Ив, внимательно следивший за ним, это почувствовал, хоть и не понял причины.

Насчёт Оша никаких прений не возникло: его забирала Лига. Но Ив оказался нужен сразу всем, и по поводу этого разгорелся ожесточённый спор. Вэйхэ хотели его забрать, мотивируя это тем, что это их сбежавший офт; боевики Лиги хотели забрать его потому, что он – киборг, принадлежащий Лиге и Л:вару; Чейн требовал его потому, что только смерть Ива гарантировала ему возвращение чести и дворянства. Спор быстро перешёл во взаимные угрозы; Вэйхэ заявили, что без них вообще ничего бы не получилось – пусть Лига забирает своего Оша и проваливает, пока ещё имеет

такую возможность; боевики Лиги заявили, что не видят никакой причины, по которой не могли бы перебить всех Вэйхэ и не забрать обоих пленников себе.

– Эй, – воскликнул Чейн, – это я показал вам, где он, и как его захватить; вы кое-чем обязаны мне, не забыли?!

– Кто вообще позволил грязному туземцу подавать голос?! – Крикнул гаранин. Он был здесь один; кроме него, было четверо кинтаниан, двое Вэйхэ и один Бехидже. Ив и Ош, в некотором отдалении друг от друга, стояли напротив, ожидая решения своей участи, а вся компания, включая савалян, расположилась вокруг подковообразного стола. Все были вооружены, причём Вэйхэ – распылителями, которые Ош видел на Гrite у Ивайра и Анны; просчитывая свои возможные действия, Ош крепко надеялся на них. Вэйхэ сидели, люди стояли, кроме человека в чёрном, который после этой реплики вдруг сказал, негромко, но все замолчали:

– Я знал, что вы просто презираете нас. Мы для вас словно рабы или животные. Это так?

– И что? – Скривился гаранин. – Если и так, животное, то что? Ты обидишься на нас? Ой, не могу, я описываюсь с горя!

Ив заметил, что Ош чуть подался вперёд, готовясь к чему-то. Савалянин несколько секунд смотрел в глаза ухмыляющемуся гаранину, потом очень спокойно и медленно сказал:

– Лучше застрелиться, чем жить такой сволочью.

Кинтаниане засмеялись, но вдруг произошло странное.

Тот, на кого был обращён взгляд савалянина, вдруг перестал смеяться, вынул лазерный пистолет и с выражением безграничного ужаса на лице сам себе выстрелил в голову. С мерзким чавкнувшим звуком голова его лопнула, брызнув назад и в сторону кровью и мозгами. Все замерли, но не Ош, который словно ждал этого – падая на колено, метнул обеими руками, скованными магнитными наручниками, какую-то железку так точно и с такой силой, что она попала в глаз Вэйхэ, голова которого откинулась назад, увлекая тело на пол. Он умер мгновенно, а Ош, не успело тело упасть, уже метнул второй снаряд в Бехидже. Тот был покрепче Вэйхэ: успел закричать дурным голосом и сорваться с места в агонии, мешая людям. Ив со своей стороны бросился вперёд и перевернулся стол на кинтаниан; Ош подхватил выпавший у Бехидже распылитель и навёл на них.

– Отойди в сторону! – Крикнул Иву, который тоже вооружился лазерным пистолетом. Ив отскочил в сторону, и Ош выстрелил. Шар какой-то незнакомой Иву энергии упруго ударил по столу и всем, кто находился рядом, и всё исчезло: люди, тела, оружие, стол и часть стены. Остались только саваляне и кинтанианин в форме высокого чина Лиги.

– Что это за корабль? – Спросил Ош, дулом распылителя показывая на проём в стене. Там угадывались очертания космического корабля, вокруг которого воздух чуть подрагивал, искажая линии предметов – корабль готовился к старту.

– Пошёл ты… – Злобно выругался кинтанианин.

– Неверный ответ. – Сказал Ош. Ив выстрелил, когда тот сделал какое-то движение, и тело мягко шлёпнулось на пол, в пыль, оставшуюся от остальных.

– Ты думаешь то же, что и я? – Спросил Ив, быстро глянув на корабль.

– А у нас есть ещё варианты? – Приподнял бровь Ош. – Снаружи ещё боевики Лиги, и мэр его знает, кто ещё и сколько. Нас просто поджарят. Нужно проникнуть туда, как угодно, и быстро.

– Стой! – Сказал савалянин в чёрной одежде. – Мы не решили нашей проблемы.

– Кто помешает мне решить её так? – Ош поднял распылитель.

– Твоя честь, лорд Ош. Братство Чёрной Воды знает тебя, и знает твою гордость.

– Чего тебе надо?

– Моему брату нужно вернуть своё дворянство, или умереть. Если твой спутник так хорош, как уверяет Чейн, много времени вы не потеряете.

– Я не совсем человек. – Вмешался Ив. – Я офт, хоть ты и не понимаешь, что это. Ты не справишься со мной.

– Но ты состоишь из плоти и крови, принимаешь пищу, облегчаясь и дышишь, как мы?

– Да.

– Тогда всё прочее не важно. Я сам сражусь с тобою, и если смогу убить, это вернёт честь моему брату.

– Это я должен его убить! – Дёрнулся Чейн. Брат его поморщился:

– Молчи, у тебя нет права спорить!

Ош глянул на Ива, и отошёл к остатку стены, наблюдая за входом, в который в любой момент могли ворваться боевики Лиги, а Ив второй раз за день снял куртку, готовясь к схватке.

К тому, что савалянин владеет какой-то особой техникой, не менее смертоносной, он был не готов и пропустил довольно жестокий удар, который удивил его, но не помешал ответить – так, что на несколько мгновений парализовал противника.

– Ты мёртв! – Сказал негромко. Противник его с хрипом и стоном втянул в себя воздух и ответил:

– Да, господин. Ты победил. Ты можешь приказать мне: я твой раб.

– Уходите отсюда. Здесь радиация – для вас это смерть. Медленный яд, который прикончит вас. А приказ... Что же – я приказываю тебе оставить в покое моего друга, барона Игирмы, и проследить, чтобы твой брат не причинил ему вреда.

Человек в чёрном молча поклонился, и оба савалянина скрылись в повреждённом проёме.

Проникнуть в корабль оказалось не просто. Время поджимало, а они не могли отыскать вход. Часть стены Ош разрушил, и видно, перестарался: стена продолжала медленно

разрушаться, осыпаясь пылью с тихим и неприятным шелестом. Забравшись по балкам, оставшимся от галереи, прежде опоясывающей весь зал, на второй этаж, Ош и Ив, наконец, отыскали замаскированную дверь, которая вела прямо в шлюз корабля. Ив, очутившись наверху, вдруг закашлялся, покачнувшись – удар савалянина что-то повредил у него внутри.

– Что такое Чёрная вода? – Спросил между делом.
– Секта. Бандиты, наёмные убийцы и религиозные фанатики, всё сразу. Владеют гипнозом – видел, как он его?..
– Впечатляет… Возьми. – Ив протянул пластину, сувенир с Гонвед. – Это штучка Вэйхэ; с её помощью они пользовались всеми коммуникациями Гонвед. Может, сработает. Только я не знаю, как. – Кашель снова трепанул его, так, что он мгновенно покрылся испариной и прислонился к стене.

– Сейчас узнаем. Всё равно, выбор у нас невелик. – Ош усмотрел в панели шлюза подходящие отверстия для зубчиков пластины и, не раздумывая, сунул её туда. Шлюз открылся, впуская их в переходник корабля. Маяк, спрятанный в сумке на поясе Оша, вдруг ожила и зашевелился; Ош вынул его, но развернуть и посмотреть, что с ним, не успел: Ив захрипел и повалился на пол. Ош успел подхватить его в последний момент, роняя маяк, который, отскочив от настила, провалился сквозь решётку куда-то в недра корабля. Ошу было не до него. Подхватив Ива, он поволок его в шлюз. В этот момент замигал сигнал тревоги, и корабль заговорил на

языках Вэйхэ и Бехидже:

– Опасность снаружи! Опасность снаружи!
– Заткнись… – Буркнул Ош, затаскивая Ива в лифт. – Вот уроды! – Последнее относилось к Вэйхэ, устроивших свой корабль максимально неудобно для людей. – Да очнись же, мероканец, мы встряли опять!

Грит появился возле Савалы, обозначившись сразу на всех экранах слежения всплеском роскошной зелёной энергии. Кипы уже знали этот цвет – так обозначился Грит возле Пскема. Корабль с мероканскими огнями вышел из гиперпространства и открыто связался с представительством кипов. С лордом послом разговаривали мужчина и женщина, назвавшиеся Кейваром и Анной Мессейс, что повергло кипов в шок. Мужчину сразу же приняли за двойника Л: вара; но женщина заявила, что капитана Грита на борту нет, и корабль неуправляем. То, что мероканцы не лгут, было аксиомой, а значит, двойника и правда не было. Но брат и сестра Мессейс сами по себе были сенсацией, и лорд посол просто не знал, как с ними говорить. Они открыто признавались в родстве с Л: варом, но при этом находились на киборге, вступить с которым в конфликт мог только ненормальный. Лорд посол испытал сильное искушение принять успокаивающее и впервые с пониманием подумал о пьянстве лорда Оша. А ведь он знал! – Дошло до посла.

– Корабль неуправляем, – говорила между тем женщина,

Анна Мессейс, – и я советую вам не чинить ему препятствий.

– Препятствий в чём? – Спросил лорд посол.

– В поисках мероканцев, прибывших недавно на Савалу, и лорда Оша. Вся история с Въеррой получила уже слишком большую огласку, и расправа со свидетелями вам не поможет.

– Это какое-то недоразумение, и я лично расследую его здесь, на Савале. И готов поручиться за то, что не позволил бы совершить с мероканцами здесь ничего противозаконного.

– Замечательно! – Не сдержалась Ва, которая подключилась к переговорам с Адрией. – Я просто счастлива слышать это. Только я ещё ничего не услышала о моей Крови, который пропал на Савале вместе с лордом Ошем. У вас есть сведения о нём?

– Да. – Поколебавшись, ответил посол. – Буквально несколько минут назад было сообщение с севера, что двух пришельцев видели недалеко от наших копей в горах. Предположительно, они в крепости Игирма, у тамошнего барона, довольно известной личности. Я ещё не проверил эту информацию; но, скорее всего, они хотят захватить один из наших грузовых кораблей, или просто связаться с Адрией. Что касается лорда Оша...

– Что касается лорда Оша, – возразила Анна, – то мы готовы предоставить ему свою защиту, если он захочет. Грит – мероканский корабль, и является территорией Мерака. Мы

союзники Кинтане и полностью на её стороне, но есть вещи, которые мы ещё не готовы открыть Союзу.

— Мерак мёртв! — Возразил несколько шокированный посол.

— Мерак существует, он не мёртв и способен возродиться. А Грит — его корабль.

Ва не удержалась и взвизгнула от радости; Тарва была сдержаннее, но и её глаза вспыхнули торжеством. Лорд посол пробормотал что-то насчёт того, что это не его дело и пообещал приложить все усилия для поиска Крови Дома Вера. Обещание своё он сдержал, почти сразу прислав голограммическое изображение Савалы с отмеченными на ней копиями и крепостью Игирмой. Грит самостоятельно начал сканировать этот район, давая изображение. Там была ночь, из космоса это смотрелось потрясающее, особенно медленно двигающаяся сумеречная зона. Планета была красивая, и очень напомнила Анне Землю, что пробудило в ней ностальгические чувства. Деревья, озёра, ручьи и пруды — всё было почти как в Европе, отличия были видны только вблизи. Крепость Игирма была похожа на грузинские крепости, которые Анна видела в детстве, когда лечилась на море; серый плоский камень, из которого она была сложена, только усиливал сходство. Анна попросила Тайнара приготовить катер, чтобы лететь туда за Ивайром, но лететь не пришлось.

Барон Иго, разумеется, не послушал предупреждения

пришельцев. Его гостей похитили из его крепости, да ещё таких гостей! Такого оскорблении он стерпеть не мог. В отличие от Ива и Оша он знал о том, что в крепости Чейна, Гемме, происходят странные вещи, и бывают пришельцы. Он верно связал это и знание пришельцев о потайном ходе в крепость, и знал, куда ехать за своими гостями. Ему повезло: он не успел проникнуть в крепость. Они подъезжали к ней на рассвете, когда зелёный лунный серп истончался и исчезал в синеющем небе; с холма он увидел Гемму – на один короткий миг. В следующий миг крепость исчезла. Широкий фиолетовый столб ядовитого свечения возник и исчез бесследно – словно клинок вонзился в бок планеты. На месте Геммы осталось тёмное пятно, от которого исходил неприятный резкий запах; барон, не смотря на страшное видение, к бывшей крепости подъехать решился. Он был молод и отважен, и хоть страх перед необъяснимым терзал его, он справился с ним.

Ни развалин, ни тех, кто мог бы что-то сказать: мёртвая плешь. Никаких напоминаний о крепости, словно её и не было никогда! Иво понятия не имел, что это был старт корабля с работающим антигравитатором – выстрел Оша повредил защиту, созданную Вэйхэ, и разрушил гасители. Он решил, что пришельцы погибли, и обнажил голову, терзаясь своим опозданием.

– Что мы могли против такой дьявольской силы, господин? – Спросил один из его людей. – Бог уберёг нас от неё,

не иначе.

– Заткнись. – Бросил Иво, разворачивая коня. – Кто-то всё равно ответит мне за всё. Если Чейн уцелел, его ждёт смерть!

Грит зафиксировал из космоса старт: сверху это ещё больше напоминало вонзившийся в Савалу клинок.

– Эту же энергию излучает Гонвед. – Сказал Грит. – Там – Вэйхэ.

– Ах, ты… – Вырвалось у Анны уже не в первый раз непечатное слово по-русски. – Вот сука, а?! Грит, ты найдёшь его?!

– Думаю, что да. Я уже имел дело с техникой и энергиями Вэйхэ, и начал их понимать. Это старт корабля.

– И где этот корабль?

– Уже в гиперпространстве, Анна.

– Но это же невозможно?!

– Это манипуляция пространством и временем, недоступная пока людям и другим гуманоидам. Но я найду его всё равно. Я тоже учусь.

– Если только Ивайр на его борту.

Выяснить, так ли это, полетели Ва и Тайнар. Вместе они добрались до пострадавшей от набега, но уцелевшей Игирмы, практически одновременно с бароном Иго, который и рассказал обо всём, что произошло. Так что Ва вернулась на

Грит с плохими вестями, предварительно посетив место, где была Гемма.

— Если они только живы, — подытожила она, — они стартали на этом корабле. И хрен его знает, где они теперь; но предположительно, Вэйхэ забрали их с собой.

Все собрались в крипте Грита, чтобы обсудить создавшееся положение. Даже Тарва прилетела с Адрии, чтобы участвовать в этих переговорах. Грит был намерен искать своего капитана, пока не найдёт, Анна не собиралась покидать его в этих поисках, Кейв и Ва — тоже. Остальные не были готовы так долго оставаться вдали от Корты; Тарва не могла бросить свой собственный киборг; только Тайнар вызвался остаться с Анной. Рокел сначала хотел остаться, но когда отказалась Рос, он, извинившись, сказал, что последует за невестой, по которой страшно соскучился. Тарва всё-таки оставила на Грите целое крыло военных пилотов, которым предстояло освоить риполианские истребители и оказать, если это будет нужно, поддержку Гриту, если тот вступит в стычку с Вэйхэ.

Попытавшись победить собственную застенчивость, она рискнула пообщаться с Кейвом перед прощанием в неформальной обстановке. Он согласился поужинать с нею в «Цветке ветра», и они провели там пару часов, оба слишком закомплексованные и скованные один условностями кинтанианского воспитания, другая — своим неумением флиртовать. Тарва не совсем уверена была, что он понял её пра-

вильно, только даже рада была этому, настолько всё получилось как-то неуклюже и беспомощно. Они слишком спешно поддакивали друг другу, как только один из них находил тему для разговора более чем из трёх односложных слов, слишком долго молчали, когда разговор этот иссякал, и слишком охотно налегали на еду, чтобы получить хоть какое-то удовольствие от всего этого. Но Тарве, не смотря ни на что, этот ужин принёс какие-то надежды, пока робкие и смутные, но такие радужные! Она чувствовала поддержку Анны, которая почти не скрывала, что хочет их сближения, и очень надеялась на это.

Кейв прекрасно понял Тарву, но ему этот вечер принёс не радужные надежды, а самый элементарный страх. Он боялся женского внимания, так как воспитывался на Кинтане. От природы он холоден не был; но это воспитание что-то сломало в нём. Он гнал от себя все мысли об этом, боялся и стыдился своих фантазий, ненавидел в себе мужские инстинкты. Именно поэтому такой страх и такую неприязнь в нём вызвала Ва, которая сама была, как одна большая, воплощённая сексуальная фантазия, при виде которой Кейв уже не мог думать ни о чём другом.

К Тарве он испытывал несколько иное чувство, основанное скорее на жалости. Он увидел в ней собственный страх и собственную проблему, только это нисколько не добавило ему влечения к ней. Если Ва он просто не мог видеть спокойно, настолько она его раздражала, то Тарву он видеть мог,

но не хотел. После ужина он долго сидел у себя, не в состоянии что-то решить или уснуть, а потом пошёл к Анне. Та тоже не спала; неудача у Савалы слишком потрясла её нервы. Она мучилась тем, что испытала облегчение, и не могла понять сама себя, как и Кейв. Грит уже ушёл от планеты, и находился в гиперпространстве; всё было опять так зыбко и неопределённо.

– Не спиши? – Задал Кейв, войдя, вопрос такой же нелепый, как и обязательный, и Анна, улыбнувшись, покачала головой. Она сидела в кресле с ногами, в белых мягких лосинах и такой же кофте с длинными, до середины ладони, рукавами, но с очень большим декольте.

– Здорово выглядишь. – Продолжал Кейв, привычно устраиваясь в кресле напротив. – Ты самая красивая мероканка в этой Вселенной.

– Мне кажется, Тарва гораздо красивее. – Пожала Анна плечом. Улыбка Кейва погасла, по лицу пробежала тень, и Анна, мгновенно увидев это, потянулась и погладила его по руке:

– Ну, что ты так? Прекрати! У тебя такой вид, словно ничего на свете тебе не мило!

– Я в детстве, – неожиданно сказал Кейв, – часто нарочно плакал, чтобы леди Арина меня приласкала. У них это не принято, а мне этого так поначалу не хватало! Я был маленьким мероканским мальчиком, у которого убили родителей, а меня делали кинтанианским военным. Чтобы спасти мне

жизнь, конечно.

Анна села прямо, отставив спа, который допивала, когда Кейв вошёл. Она долго ждала, когда Кейв поговорит с нею об этом, но сама не начинала разговор.

— Мои родители были самыми любящими на свете; наверное, я был слишком избалован ими, не знаю, не помню уже теперь. Помню только, что мне было одиноко и страшно, и как мне хотелось, чтобы хоть кто-нибудь сказал мне, что любит меня. Но они этого не говорят, Анна. Женщины — кинтанианки — существа суровые, хоть и утончённые. Леди Арина очень боялась моих эмоций, она говорила, что именно они — мои самые страшные враги. Она старалась изо всех сил уберечь меня от влюблённости... А теперь я просто сам не могу. Ты понимаешь?

— Да. Это рефлекс. Как собака Павлова: если каждый раз, как она тянется к воде, её бить током, она будет бояться пить и умрёт от жажды. У тебя это условный рефлекс. Ты боишься женщин?

— Да. Нет, — спохватился он, — у меня нет влечения к мужчинам или другим существам, я ненормален, но не настолько. Я понимаю, что ты симпатизируешь Тарве. — Он посмотрел Анне в глаза. — Поверь, у меня достаточно ума и наблюдательности, чтобы понять это, и многое другое, о чём я, может быть, иногда предпочитаю не говорить. Я не могу, Анна. Просто не могу. Я не в состоянии даже думать о близости с женщиной, мне делается... не по себе, если не сказать боль-

ше.

– Меня же ты не боишься. – Растерянно произнесла Анна.

– Ты сестра. Я это почувствовал сразу, как только ты прикоснулась ко мне там, на Пскеме, я почувствовал себя так уютно. Это другое, совсем. Ты понимаешь меня?

– Так нельзя. – Анна почувствовала, что вот-вот заплачет. – Кейв, так нельзя!

– Я знаю. Мне достаточно больно думать об этом, и я не хочу, чтобы между нами снова вставал этот вопрос. Я хочу забыть об этой проблеме раз и навсегда, если я не в силах решить её. Ты меня понимаешь?

– Да. Понимаю. Прости. – Она снова погладила его ладонь. – Я люблю тебя, Кейв. Со всеми твоими проблемами и недостатками, и даже достоинствами, такого, как есть, здесь и сейчас. Изменишься ты, или нет, я всё равно буду тебя любить.

– Я буду рад стать хорошим дядей твоим детям, и уверен, что мне будет достаточно любви к ним, и их любви ко мне.

Анна промолчала. Ей было нестерпимо печально, она понимала, что здесь не сможет помочь Кейву никак. «Может, – думала она потом, – он как-то оттает на Корте, когда у нас будет свой дом, когда мы создадим свою семью, когда он посмотрит на других, на жениха Асте – ведь появится у неё жених? – поживёт той жизнью? Не может быть, чтобы такой красивый, такой замечательный мужчина остался один, это не справедливо!»

С этого, само собой, мысли её опять вернулись к ней самой и Ивайру. Ей нравился Тайнар, а ему нравилась она, и это стало очевидно уже не только для них двоих. Она чувствовала, что и Кейв именно это имел в виду, когда так уверенно говорил о её детях. Но она-то пока не готова была к этому... И был ещё Ивайр, который любил её, пусть теперь об этом и не помнил.

Глава девятая.

Выжившие

Первым глаза открыл Ош. Они с Ивом лежали в лифте, так, как упали в момент старта; болели все кости, но шевелиться он мог, что и использовал, упервшись в пол руками и с трудом превозмогая боль во всём теле. Ив не шевелился и вообще никаких признаков жизни не подавал. На бледных губах запеклась кровь.

— Вот... — Употребил нехорошее кинтанианское слово Ош. — И что теперь делать?

Никто, кроме него самого, ответить на сей вопрос не мог, и потому, не видя никакой альтернативы, Ош начал действовать самостоятельно.

Сначала он открыл дверь шлюза и выглянул в короткий узкий коридор. Вряд ли кто-то ещё был в этом корабле — в противном случае их давно бы обнаружили, но проверить следовало. Пройдя до конца коридора, Ош очутился в ма-

леньком и неудобном, рассчитанном на трех гуманоидов, крипте; помимо крипта, ничего в этом странном корабле не было, ни кают, ни других коридоров, ни столовой, ничего. Снова выругавшись, Ош вернулся за Ивом. Мероканец был, конечно, ниже, чем сам Ош, но лёгким его назвать было нельзя. Пришлось поднапрячься, пока донёс его до крипта и уложил в неудобное для человека, с иным, нежели у гуманоидов, строением позвоночника, кресло. Быстро проверил его состояние. Удар савалянина вызвал внутреннее кровотечение, и Ош снова чертыхнулся про себя, одновременно восхитившись мастерством Магистра Ордена Чёрной Воды, сумевшего противостоять мероканскому Бойцу Теней и даже ранить его. Мысленно похвалил себя за то, что захватил с собой, повторно покидая посольство, кое-что из того, что могло пригодиться теперь, и приступил к лечению. Препараты и инструменты кинтаниан были, конечно же, совсем иными, нежели подобные же землян, и занимали совсем мало места. Отличались они от земных примерно так же, как мобильный телефон отличается от первых телеграфных монстров, были прости в использовании и гораздо более эффективны. С помощью совсем маленького приборчика Ош произвёл все необходимые манипуляции для того, чтобы остановить кровотечение и облегчить состояние Ива.

Мероканец начал подавать признаки жизни гораздо раньше, чем ожидал Ош. Закашлялся, наморщил лоб и нос, видимо, тоже ощущив головную боль, и открыл глаза, в первые

секунды мутные и непонимающие, но очень скоро совершенно ясные. Удовлетворённо похлопав его по плечу, Ош отвернулся и сосредоточился на управлении кораблём. Ив самостоятельно сел в кресле как мог, удобнее, и спросил:

– Где мы?

– Я знал, что ты это спросишь. – Усмехнулся Ош. – Поразительная высота развития интеллекта!

– А ты бы что спросил? – Обиделся Ив.

– То же самое. Ну, может, сперва поинтересовался бы, кто я, потому, что приложил тебя этот савалянин крепко, и я бы такой удар перенёс гораздо тяжелее.

– Я только что хотел это сказать. – Признался Ив. – Здорово он меня долбанул!

– Молись на меня, мероканец! Я вытащил тебя из безвременной могилы.

– Да ну. – Без должного почтения усмехнулся Ив. – А где мы теперь?

– Повторяешься.

– Ответь, и я замолчу.

– В крипте корабля, в который забрались. Кроме нас здесь никого нет, и, тем не менее, корабль стартовал сам по себе и куда-то летит без моего участия и нашего согласия.

– Ты можешь что-нибудь сделать? – Немного растерянно спросил Ив.

– Сейчас попробую узнать. – Ответил Ош. – Пока возился с тобой, было не до этого.

Он наконец-то добрался до пульта, освоился с ним довольно быстро, и начал беседу с кораблём. На ожившем экране перед ним мчались какие-то символы и строчки.

— Нет уж, дорогой, — бормотал Ош, бегая контактами, надетыми на пальцы, по разноцветной панели перед собой. — Так у нас с тобой любви не получится. Я по-таковски не понимаю. Поговорим по-кинтаниански.... Ну, ладно, как хочешь, пусть будет на лингве Бехидже. Святые небеса, до чего я гениален, аж слеза прошибает!

Ив следил за тем, как Ош общается с кораблём, с живейшим интересом и даже удовольствием. Кинтанианин безумно ему нравился, настолько, что он безотчёtnо начинал перенимать его манеру говорить, некоторые жесты и даже мимику.

— Или он сошёл с ума, или я. — Наконец пожаловался Ош. — Он утверждает, что согласно заданной программе (!) мы приближаемся к объекту, символ которого мне совершенно не знаком и более того, непонятен; преодоление барьера (?) прошло благополучно, но сигнал тревоги помешал... чему? Я опять не понимаю.

— Разобраться сможешь?

— Должен. Во всяком случае, времени у нас полно. Есть хочешь?

— Больше пить.

— Та же фигня. — Ош снова побеседовал с кораблём, но результатом остался очень недоволен. — Боюсь, с этим у нас

проблемы, мероканец. Я попробую сварганиТЬ дистиллированную воду; а здесь только питьё гуманоидов. Этот корабль не предназначен для людей никоим образом, даже как для пленников.

– Но как ты можешь с ним общаться? – Спросил Ив, глядя на Оша почти с обожанием. – Сомневаюсь, чтобы у кипов были образцы таких кораблей.

– Правда. – Кивнул Ош. – Таких кораблей мы не знаем. Но я учился в своё время обращаться с компьютерами гуманоидов, выучил лингву Бехидже, как наименее сложную, а так же языки компьютеров Вэйхэ и келтов. Корабль управляется компьютером, так что это не очень сложно. Правда, здесь что-то странное, но думаю, я с этим смогу разобраться. В крайнем случае, у меня есть таблетки, так что дней семь протянем. На одной планете, которую в Союзе ещё не знают, именно столько дней в неделе.

– А откуда её знаешь ты?

– Я знаком с уроженкой этой планеты. – Немного грустно, но с лёгкой улыбкой произнёс Ош. – Одна из самых замечательных женщин из всех, кого я знал.

– Расскажешь?

– Позже. – Кивнул Ош. – Сейчас не время и не место.

Ив замолчал, наблюдая за действиями Оша, потом заскучал и стал смотреть в экраны, следя за происходящими там переменами. Потом случайно бросил взгляд на экран внешнего обзора, и в первый миг не поверил своим глазам – муть

гиперпространства сменилась звёздным сиянием и чернотой космоса.

– Ош! – Позвал он, и, не дождавшись ответа, легонько толкнул его в бок. – Ош, мы прилетели!

– Что? – Ош так глубоко ушёл в компьютер, что не сразу очнулся. – Куда?

– Туда. – Мудро ответил Ив, показывая пальцем. Ош посмотрел на экран.

– И точно – прилетели. – Заметил, хмыкнув. – Видимо, в корабле уже был заложен курс. А может, мы как-то его запустили, знать бы только, как. Это тот самый объект. – Он указал на планету, быстро растущую и заполняющую собой весь экран.

Как и Кейву, Анне не очень нравилась Ва; Тарва была ей гораздо более по душе, напоминая её странную подругу Зиану. Но пообщаться с Ва ей было нужно, она хотела знать всё о том, что делал и как себя чувствовал Ивайр в то время, какое они провели вместе, как Ва нашла его, каким он стал. С одной стороны ей страшно не хотелось этого знать, она никак не могла принять тот факт, что её друга больше не существует, с другой – она понимала, что это неумно и даже где-то непорядочно, и хотела как-то исправить положение. Тем более что Ва шла на сближение охотно, и, если не принимать в расчёт её навязчивой бесцеремонности, в принципе была дама интересная и не простая: яркая, смелая, красивая. Она

сама пригласила Анну в бассейн, и они отправились позагорать и искупаться вместе.

– Мне кажется, твой брат меня ненавидит. – Заявила Ва, скидывая одежду. – Причём совершенно непонятно, почему.

– Я пока ничего такого не заметила.

– Я-то вижу, я всегда всё вижу. Я очень хорошо разбираюсь в людях.

– Это же хорошо.

– Не сказала бы. Иногда лучше не знать, что к чему, честное слово. Поэтому мне так понравился Ив, с ним так легко!

– Как ты его встретила?

– На Въерре. Ты же уже знаешь, как мы вообще узнали о нём, да? Так вот, я полетела на Биафра, чтобы как-то связаться с Гонвед. Мы приняли решение найти его, ты понимаешь. Но уже на Въерре я его нашла... – Ва красочно описала Анне события на Въерре, а потом добавила:

– Всё началось практически сразу после того, как ты оттуда улетела.

– Я?! – Изумилась Анна. – Ва, я никогда не была на Въерре! В то время как там были вы, я летела на терминал Три-восемь.

– Да ну?.. Я, впрочем, тебя не видела, мне сказал Ив.

– Он сказал, что я там была?

– Ну, да. Он много говорил о тебе, он называл твоё имя, это необычное имя, я таких не слышала никогда. Похоже на Ана, но он произносил его именно так, как ты. Не может

быть двух таких! И он именно так тебя и описывал: высокая, с платиновыми волосами, мероканка Старой Крови...

– Ну, возможно, – сердце Анны предательски забилось, – только ведь я действительно никогда не была на Въерре!

– Ну, не знаю. Это ты у него спрашивай, может, он тебя с кем-то спутал.

– Что он говорил обо мне?

– Что ему снилось, как он убил тебя, задушил по приказу Рогатого. Его это страшно мучило, а потом он увидел тебя на Въерре, и страшно обрадовался. Собственно, он в основном об этом и говорил, ну, когда не рассказывал про Мерак, про себя и про Гонвед. Он надеялся, что ты живёшь на Корте, и я тебя знаю.

– Странно, что он помнит меня. – Задумчиво произнесла Анна. – Он мне когда-то рассказывал этот сон, он снился ему ещё на Гrite: как он меня задушил. Он очень боялся этого... А что ещё он помнит?

– Да, в общем-то, ничего. Ты бы знала, что Шитаха с ним творил, чтоб он вспомнил! Он мне рассказывал, мне аж плохо становилось. У него такие шрамы на запястьях!

– От чего? – Ревнивое чувство Анны всё возрастало.

– Ну, Шитаха даже электрошок к нему применял. Представляешь, дикость какая? Но Ив так ничего и не вспомнил, только какие-то мелочи, он говорил – очень личное, Шитаху это только бесило.

– Могу представить себе. – Анна вздрогнула. Села – до

этого момента они лежали рядом на песке, – пошла в воду. Рассказ Ва что-то перевернул в её душе. Зря она так мучилась и обижалась – он помнил её… ну, пусть не очень хорошо – спутал ведь он её с кем-то, – но помнил! Помнил имя, помнил ещё что-то. Она ведь знала, что много значила для него, как она могла думать, что он не вспомнит такие сильные чувства?!

– Ты много для него значила, я думаю, раз из всего, что с ним произошло за четыре сотни лет, он вспомнил только тебя. – Сказала Ва, тоже встав. – Знаешь, он замечательный, может быть, лучше всех, кого я знаю, даже включая моих братьев, хоть я их и обожаю. Но он очень сильный, не смотря на то, что кажется мягким, очень, я сама не слабая, я знаю, что говорю, поверь. Ему будет сложно, не смотря на то, что многим он будет очень нравиться. И знаешь… – Она помедлила. – Тебе тоже будет очень сложно.

– Почему? – Быстро обернулась к ней из воды Анна. Ва пожала плечами.

– Сложно объяснить, это, скорее, предчувствие. Но тебе будет очень трудно.

– Мне уже нелегко. – Сухо сказала Анна, и нырнула.

Строение, которое приняло корабль Вэйхэ, раскрыв ве- сёленскую бело-зелёную крышу, выглядело совершенно безобидно. Мир был незнакомый, но человеческий – об этом говорили и звезды, и состав атмосферы, и сила тяжести, а так

же вода, природа, обилие зелени.

– Хоть это радует. – Выяснив всё это, заметил Ош. Они с Ивом готовы были ко всему, и обоим казалось, что в худшей ситуации они ещё не бывали. Пока корабль шёл на посадку, они пытались принять хоть какие-то меры предосторожности, но что они могли поделать, если корабль окажется внутри базы Вэйхэ, почти безоружные? Стрелять, рискуя повредить корабль и остаться в этом неведомом мире навсегда? Готовые ко всему, они вошли в шлюз, когда корабль очутился внутри станции, но снаружи их ждал сюрприз: станция была пуста, если, конечно, не считать мёртвых тел по всей станции: пятерых Бехидже, трёх Вэйхэ и трёх людей, в разных позах и на разном расстоянии от второго корабля, к которому, видно сразу, стремились изо всех сил, когда их что-то застало врасплох – и не успели. Половина были в защитных костюмах, стало быть, убили их не радиация и не яд. Ив и Ош переглянулись, колеблясь, и оба шагнули к ближайшим телам: человека и Бехидже.

– Ультразвук или вирус? – Ив присел возле человека. – Что бы оно ни было, но оно исчезло, убив их.

– Почему? – Ош поморщился, нагнувшись и взглянув в лицо Бехидже. Смерть его была ужасной: он кричал изо всех сил и так и умер, с растянутым в крике ртом.

– Потому, что здесь уже кто-то побывал. – Ив выпрямился, увидев всё, что хотел. Быстро огляделся. – Животные; видишь – полно следов лап и когтей. И кое-кто разумный.

Во-первых, ни у кого из мертвецов нет оружия, ни энергетического, ни холодного, что в такой ситуации странно. Во-вторых, – он подошёл к телу без защитного костюма, – их переворачивали уже после смерти: – он присел и руками в перчатках осторожно повернул голову, – видишь, какое-то животное пыталось грызть его лицо с этой стороны, а теперь она прижата к полу. – Он встал. – Это какой-то звук, волна, что-то, что убило их очень быстро, не смотря на защиту костюмов. Они стремились к кораблю не чтобы улететь, а чтобы включить защиту от этой энергии.

– Глаза вытекли. – Ош осмотрел ещё одно тело, Вэйхэ. – Точно, волны. А ты хладнокровный парень, мероканец.

– Я разведчик. То, что я видел, вообще порой не поддавалось рассудку и описанию.

Они помолчали несколько секунд. Смерть, постигшая этих людей и гуманоидов, не показалась ни тому, ни другому сколько-нибудь привлекательной. Даже Вэйхэ, любить которых у них не было причин, не заслуживали подобной.

– Чем же они насолили местным?

– Оружие. – Коротко сказал Ив. – Они хотели забрать их оружие, я полагаю. Уничтожили всё живое и выпотрошили базу.

– Что делать будем?

– Нам нужно домой. – Ив огляделся. – На Корту, на Савалу, на любой из терминалов, откуда мы можем связаться с мероканцами и Гритом. Так? В корабле никаких сведений

нет, но они могут быть здесь. Нам ведь нужно выяснить, где мы, только и всего.

— Пороемся в их архиве... — Ош вышел в другое помещение, тоже перевёрнутое вверх дном — здесь было более очевидно, что базу обыскали, — нашёл компьютер и попытался включить.

— Вот... — Снова употребил он нехорошее слово, — проклятье, все внутренности вытащили! Какая жажда знаний...

— Пнул в сердцах пустой корпус. — Что делать дальше?

— Давай попытаемся выяснить сами?

— Долго. — Покачал головой Ош. — Очень долго и сомнительно. У гуманоидов особая логика кодирования информации, если я до сих пор ничего не нашёл в корабле, мало шансов, что оно там вообще есть. Этот корабль — просто челнок. Используя какие-то неизвестные пока нам энергии, они запускают этот челнок по определённой траектории; ты заметил — он не управляемся, он летит, приземляется, куда надо, и ничего больше. Нам надо отправить его обратно на Савалу, это самый разумный и безопасный вариант.

— Тогда нужно найти то, что похищено отсюда.

— Согласен. — Просто сказал Ош. — Надеюсь, они прилетели не по воздуху — иначе нам будет очень сложно их отыскать.

Снаружи база Вэйхэ была замаскирована под большую ферму или что-то, очень на неё похожее. Вокруг были боль-

шие загоны для животных, со следами навоза и корма, но теперь пустые. Ив и Ош осмотрели окрестности и быстро нашли след: те, кто был им нужен, приезжали сюда на тяжёлом гусеничном транспорте, уродующем грунт – этот след видно было, наверное, даже из космоса. Обыскав ферму, Ив нашёл машину: небольшая открытая кабина, поднятая на мощном приводе над огромными шипованными колёсами. Ош на машину скривился, но Иву она понравилась. Как механик от Бога, он сразу же оценил её преимущества на той местности, по которой им предстояло передвигаться. Так же быстро он познакомился со способами её использования и вождения; под его радостные возгласы и сдержаные проклятия Оша они раздавили пару изгородей, немного потаранили мощный ствол дерева, не обратившего на них никакого внимания, пока Ив не нашёл задний ход, попетляли самым замысловатым образом по степи, которая начиналась прямо от подножия холмов, на которых стояла ферма, проваливаясь в незаметные овраги, прыгая по кочкам и сминая колючий кустарник, и наконец поехали более-менее ровно, стараясь держаться следа. Ив предусмотрительно захватил канистру с прозрачной маслянистой жидкостью – топливом, на котором работала машина, – и был настроен оптимистично.

Тем более, что сама местность вокруг способствовала поднятию настроения. Даже пессимист Ош почувствовал на себе благотворное влияние этой разноцветной, просторной, как облачные поля, степи. Она смеялась яркими оранжевы-

ми мхами вокруг голубых озёр, манила нежной зеленью высоких трав, спелой желтизной злаков; а то, что оба поначалу приняли за свежевыпавший снег и удивлялись, почему он не тает при такой температуре, оказалось плантациями травы, отцветающие коробочки которой были наполнены нежнейшим белым пухом, который при ближайшем знакомстве набивался в волосы, глаза, забирался под одежду и щекотал тело, забивался во все самые незначительные щели в машине и даже в бак с горючим. Ош и Ив давно сняли маски, потому, что не было в них смысла, и запахи степного разнотравья кружили голову – эта степь была чемпионкой по обилию пряных трав. И она не была плоской, какой казалась на первый взгляд: она неспешно переливалась с одного пологого склона на другой; кое-где по ней змеились чистые ярко-голубые ручьи, кое-где лентами растягивались по долинам небольшие леса. Минуя их все и избегая низин, уродя цветущую поверхность степи, след гусениц тяжёлой машины тянулся всё дальше и дальше туда, куда опускалось понемногу весёлое жёлтое солнце.

В сумерках Ив включил фары, и сразу же остановил машину: на их свет устремились насекомые, ночные птицы и мелкие зверьки, которые с писком и криками бились об источник света. В небольшой ложбине Ош установил защитное поле, и они с Ивом принялись за свой скучный ужин.

– А мне нравится здесь. – Мечтательно произнёс Ош, с аппетитом жуя пластинку похожей на гематоген массы. – Не

нужно думать ни о чём, кроме того, чтобы выжить. Так легко на душе.

— Согласен, лёгкость необыкновенная, особенно в желудке.

— Согласился Ив. — Но мне тоже нравится.

— Что будешь делать на Корте, мероканец?

— Не знаю. Это решит мой Дом. А вообще-то я не загадываю так далеко; я должен спасти Шена, а потом — убить Лавайра. Это программа максимум.

— Скромненько и со вкусом. — Усмехнулся Ош. Ив протянул ему таблетку воды:

— А ты что хочешь делать?

— Не знаю. Я знаю, чего я не хочу: я не хочу быть кипом, и не хочу той судьбы, что ждала меня на Кинтане... да и теперь ждёт, не смотря ни на что. Если приложить усилия, прогнуться в нужных местах, снова отслужить десять лет в Челюсти, всё наладится. Только я не хочу. И альтернативы не вижу.

— Что именно тебя возмущает так?

— Опека со стороны женщин. Полное отсутствие выбора. Я чувствую, что могу сам строить свою жизнь и свою судьбу, что я в состоянии сам решать, что я хочу, чего не хочу, и как мне быть дальше. Мне претит мысль о том, что из-под крыльышка леди Арины я перейду под крыло леди Какой-то, которая будет диктовать мне всё, вплоть до того, что мне есть и пить. Я никогда не был свободен, понимаешь? Никогда до того момента, как принял решение лететь на Грит с тобой. В

тот момент я был самим собой, и не могу теперь отречься от этого чувства. Я хлебнул свободы. – Он грустно усмехнулся. – Это такая отрава для того, кто не пил её с детства, как ты! Ты всё равно меня до конца не поймёшь, а вот киборг, которого ты забыл – он понимал. Знаешь, я часто осуждал своего отца, но я понимаю его, теперь понимаю. Его любовь к Рэа Лите тоже была свободой, и я не могу теперь судить его. Тем более, что я сам...

– Любишь мероканку? – Спросил Ив. Ош посмотрел на него, чуть приподняв светлые брови:

– Как ты догадался?

– Просто подумал так. Кто она?

– Не хочу говорить. Она не любит меня, и никогда не полюбит, они не любят нас, кипов, и думаю, это правильно. Я знаю многих кипов, сходивших по мероканкам с ума, это какое-то наше расовое проклятие. Но мероканок, любивших кипов, известная Вселенная знает только двух. И обе они любили не меня.

– Значит, это реально.

– О, нет, мой друг! – Воскликнул Ош. – Ты не знаешь, какая это мука – безответная страсть, и ты не знаешь, как жадно моё сердце ищет надежду. Оно готово увидеть её даже в твоей вежливой фразе, не поверишь, но это так. Безнадёжность вылечит меня скорее, я это знаю.

На это Ив не нашёлся, что ответить. Несколько секунд они сидели молча, слушая инопланетную ночь. Ив думал про

лорда Рэна, которого хотел видеть своим другом, но не смог уберечь. Он понимал, что такое быть не свободным – он слишком хорошо помнил Гонвед, – но спорить с Ошем не собирался.

– Когда я был маленьким, – сказал он наконец, – я видел кортианина, которого усыновил мероканский Дом. Там такая жуткая штука приключилась, он спасал жизнь мероканского мальчика и нарушил какие-то законы своей Касты, за что ему грозила смерть. И мероканский Дом нашёл компромисс.

– Берегись, мой друг. – Дёрнул светлыми бровями Ош. – Единственный мероканский мальчик, доступный моему альтруизму – это ты.

– И от чего ты хочешь спасать мою жизнь?

– Это мы устроим! – Засмеялся Ош. – Легко!

Ночь оказалась светлой и очень короткой: солнце ненадолго скрылось за горизонтом и появилось снова совсем недалеко от того места, где зашло. Утренняя степь дышала свежестью и первозданным покоем. Светлеющее небо расцвечивалось самыми дивными красками. Ехать по утренней степи было самым настоящим наслаждением: встречный ветерок так приятно освежал и оживлял немного помятые спросонок лица. Ив давно освоился с машиной и лихо вёл её, всё прибавляя и прибавляя скорость. Громоздкое с виду сооружение на деле было очень манёвренным. Лихо одолев болотце, ещё раньше развороченное гусеницами, маши-

на взлете на горку и остановилась: степь закончилась, а с нею закончилось и их короткое путешествие.

Вряд ли на какой-нибудь известной Иву и Ошу планете существовала земля более просторная и величественная, чем эта! От широты пространств, открытых взору, захватывало дух. Горная страна, которая встречалась здесь с холмистой степью, поросла багряно-изумрудными лесами, белоствольными и радостными, как и степное разнотравье. Горы были увенчаны изрезанными ветрами скалами, похожими на что угодно, только не на естественные образования. Горы и леса тянулись, насколько хватало глаз; где-то было солнечно, где-то по поверхности земли бежали тени облаков, некоторые из которых проливались на землю косыми полосами дождей – и всё это было видно с того места, где остановились Ош с Ивом, чувствовавшие себя маленькими, но счастливыми безо всяких причин. Ветер ласкал их по-прежнему, теперь полный иных, лесных ароматов, и под его прикосновениями их не тревожило даже то, что перед ними лежал обширный космопорт, куда уходили и где терялись следы гусениц – цель их пути.

Ва ушла к себе, а Анна осталась, чтобы ещё поплавать и прийти в себя. Чувства и эмоции были такие сильные! Она безумно ревновала Ивайра к Ва, к Шену, к умершему кипу-преступнику, и не понимала своей ревности. Она ревновала его, как друга, как бывшего друга, или как мужчину?

Плавая и ныряя до изнеможения, она старалась вытеснить эти мысли и чувства усталостью. Почему ей так мучительно думать о нём, и почему она не может ничего решить? Вынырнув из воды, Анна втянула в себя побольше воздуха, собираясь нырнуть снова, уже пошла под воду, и вдруг увидела тёмную фигуру на краю бассейна, возле куста роскошной диффенбахии. Фигура показалась ей неправдоподобно высокой; испуганно выдохнув прямо в воду, Анна забултыхалась, отчаянно молотя руками и ногами, вырываясь на поверхность, отышалась, резко убиная от лица волосы, огляделась – никого не было. Она уже решила, что ей померещилось, но тут взгляд её случайно упал на лист диффенбахии: он колыхался, словно его кто-то задел, на глазах ПЕРЕСТАВАЯ это делать, от чего у Анны всё похолодело внутри. Вокруг было тихо-тихо, только чуть слышно журчала вода. Так же, как Анна успела увидеть колебания листьев, так же она уловила ускользающий запах, тень запаха, больше всего похожего на духи с примесью корицы. Этот призрак запаха мгновенно вызвал в памяти коридоры корабля-призрака, вкус спа из далёкого прошлого; напомнил марширующих по её груди противных гномов, порождение её бреда на Авелльянде, напомнил Зака и корабль Вэйхэ...

– Кто ты?! – Закричала она. Ужас её усилился, все мышцы наполнились страхом и стали мягкими и чужими. – Ты кто??!

На миг ей показалось, что сейчас будет ответ, и это напугало её ещё больше, до того, что она не выдержала и упала

в обморок.

Кейв спал, когда в его апартаментах раздался сигнал.

– Анне Мессейс стало плохо в бассейне. – Сказала обслуга. Кейв даже не спросил, кто сообщил об этом – помчался туда, и на самом деле нашёл Анну, лежавшую на краю бассейна. Она быстро пришла в себя и попыталась объяснить, что случилось – но не смогла. Получалось что-то нелепое, очень смахивающее на нервное расстройство, тем более что во всех случаях она находилась в состоянии стресса или сильной физической усталости и даже болезни. Для неё было очевидно, что это и было причиной – какая-то неизвестная сила следила за ней и даже помогала, – но произнести это при Кейве она не посмела – даже при нём. Немного успокоившись и приняв успокаивающий напиток, она убедила Кейва, что с нею всё в порядке, и осталась одна. Немного выждав – она подозревала, что Кейв будет контролировать её состояние с помощью браслета, – Анна переоделась и поехала в крипт.

– Тебе было плохо? – Спросил Грит.

– Небольшой обморок. Спасибо, что беспокоишься обо мне. Мне хорошо. Я только хотела спросить тебя, Грит… Это странный вопрос, я понимаю. На твоём борту сейчас есть кто-то помимо мероканцев, ты можешь это знать?

– Могу. Здесь только мероканцы, восемь пилотов на первом уровне, ты, Кейвар Мессейс, Ва Вера, Тайнар Гем и Туй Асте. Я правильно ответил?

- Ещё какие нибудь живые существа здесь есть?
- Бионики в оранжерее и апартаментах?
- А ещё?
- Сейчас никого нет. – Помолчав, сказал Грит.
- Но был? – Сердце Анна забилось сильнее.
- Я не могу ответить на этот вопрос. – Ещё помолчав, сказал Грит.
- Почему?
- Я его не понимаю.
- Грит, когда я была в бассейне, мне показалось, что кто-то стоял у воды. Очень высокий, в чём-то тёмном и длинном. Мне не померещилось, потому, что я видела, как шевелится растение, которое он задел. Ты знаешь, кто это был, ты ведь всегда следишь за мною?
- Я не знаю, кто это был.
- Но там же кто-то был?! – Теряя терпение, воскликнула она.
- Я не могу ответить.
- Не можешь сказать: нет, там никого не было?!
- Не могу. – Подтвердил Грит.
- Но почему?!
- Я не знаю. Я не могу объяснить. Я забыл.
- Ты не можешь забыть, ты наполовину компьютер!
- Это так. Но я забыл. Мне самому это странно, Анна, но я не помню этот момент. Иногда бывает странное чувство присутствия, но и только. Я попытаюсь лучше разобраться

в этом.

— Кто-то помог мне в корабле-призраке, Грит. Всё могло быть бредом, согласна, но только не чашка спа, которой несколько сотен лет! Понимаешь, там даже вещи, даже кости истлели в прах, а спа сохранилось?! Да ну! Я не сумасшедшая, я иногда чувствую себя близкой к истерике или срыву, но я не сумасшедшая! Это не глюки, Грит. Я действительно что-то вижу и слышу в самые критические моменты, и это что-то очень странное. Я вспоминаю Зака, и мне кажется — он не всегда был андроидом, это не всегда был он. Кто-то ещё... кто-то старался помочь мне и успокоить меня. Я должна это выяснить. Другим мне даже говорить об этом страшно, я понимаю, что выглядеть это будет, как бред. Только Ивайру я бы сказала об этом, больше никому. Он бы меня понял, и помог бы. Даже если бы не понял, всё равно постарался бы помочь. Грит, я так скучаю по нему! — Прижал колени к животу, Анна не выдержала и заплакала. — Мне так его не хватает! Но я не могу думать о том, кого мы ищем, как о том же самом! Он другой... Он совершенно другой!!! Я не могу так!..

— Я тоже скучаю по нему. — Сказал Грит. — Я чувствую, как болезнь, такая же боль. Он не ищет меня!

— Потому, что он забыл. — Вытирая слёзы, сказала Анна. — Он даже не знает, что у него есть мы! Ему хуже, чем нам, ведь мы знаем, а он нет. Он думает, что он совсем один, ему кажется, что помочь не придёт. Я никогда не забуду, что Ши-

така сделал это с нами!

— Он стёр его память, как стирают память киборгов, верно, Анна?

— Верно. Только, наверное, он сделал это не нарочно. Он же пытался вернуть ему память, чтобы узнать всё про меня и про тебя. И всё равно я ненавижу его. Я... — Она запнулась. Прямо перед ней, во весь крипт, сиял Орион. Его нельзя было не узнать! Анна встала, подошла ближе к экрану. Слёзы бежали по лицу ручьём, но она не чувствовала их.

— Грит... — Прошептала, — где-то рядом мой дом, моя Земля. Я знаю вот это созвездие! Земля где-то близко, где-то позади нас, ты можешь...

— Это похожая на Пелл цивилизация?

— Да!

— Я могу найти её. Но мы в гиперпространстве, и посетить эту планету мы не сможем.

— И не надо. Может быть, я никогда туда не вернусь, но если я буду знать, где она, мне будет спокойнее. Я буду... счастливее.

— Я найду её для тебя, Анна.

Космопорт казался тихим и заброшенным. Он совсем не похож был на космические порты Кинтаны и других планет Союза; корабли стояли прямо на прочно забетонированном поле, без всяких видимых нейтрализаторов энергии; либо эта цивилизация использовала другие виды энергии, ли-

бо научилась иначе нейтрализовать её, либо совершенно не заботилась об экологии планеты. Но при внимательном рассмотрении оказалось, что корабли как-то неестественно крепятся, а один и вовсе лежит на боку. По всему полю были разбросаны тут и там машины, разные, цветные, неподвижные. Некоторые из них протаранили ограждения в разных местах и остановились, где придётся; кое-где видны были следы пожаров.

— Что ж, — несколько изменившимся голосом сказал Ив, — вот мы и приехали.

— Мне тоже так кажется. — Более спокойно произнёс Ош. — Как бы это ни выглядело, но кто-то там уцелел. Кто-то, кто приезжал на базу Вэйхэ, и собрал там всё оружие; кто-то, кто намерен воевать до конца. Думаю, если у него возникли проблемы с расшифровкой похищенных данных, мы можем договориться.

— Может, прикинемся местными?

— Нет! Идея плохая, мероканец. Они воюют; значит, в незнакомцах из местных увидят врагов. У нас есть шанс только у таких, какие мы есть — у незнакомых им инопланетян. У нас слишком мало времени, мероканец, эта планета убьёт нас в рекордные сроки.

— Тогда поехали. — Ив решительно надавил на газ.

Прошло не так много времени с тех пор, как какая-то катастрофа обезлюдела это место, свидетельство моци и высот

технологического прогресса, достигнутого этой неизвестной цивилизацией, но время это стало фатальным. Мусор, пыль, грязь, следы и помёт животных, какой-то неопознаваемый хлам, общее запустение и ощущение тревоги. Здания космопорта прямо-таки ощутимо дышали страхом и угрозой. Ив лихо вырулил на бетонную полосу и остановил машину рядом с одним из таких зданий.

– Дальше пешком. – Сказал Ош. – Всем своим видом демонстрируя открытость и дружелюбие. Надеюсь, там нет параноиков, и они полюбопытствуют, кто мы.

– А если есть?

– Значит, мы умрём. А выбор есть?

– Идём. – Ив не без сожаления оставил машину. Бросил в неё куртку, оставшись в кортианских замшевых штанах с ремнём кортианина Рэма, и в его майке; Ош снял и бросил туда длинный тёмно-бордовый плащ, оставшись в чёрных кожаных штанах и чёрной же толстовке без ворота, с длинными рукавами, почти в обтяжку – во всяком случае, видно было, что никакого оружия там быть не может. В руке он держал распылитель, у Ива на поясе висели ножи, но и только.

– А что ты метал в Вэйхэ? – Спросил Ив, пока они шли по бетону к ближайшему зданию.

– Застёжки.

– Что?!

– Застёжки с плаща. Чего смеёшься?

– Да так... Просто. А я голову ломал: чем он пуляется, его же обыскали! Про застёжки... – Он замолчал, увидев через стеклянную дверь, что творится в здании, куда они подошли. Ош тоже молчал. Запах стоял ужасный; тела людей красноречиво свидетельствовали, что их смерть была не менее мутильной, нежели смерть существ в космической базе.

– Да что же здесь произошло?! – Спросил Ив. – Слушай, мне не хочется общаться с теми, кто убивает людей **ТАКИМ** образом!

– Может, это не война, а какая-то авария? – Предположил Ош.

– И потому они собрали всё возможное оружие? – Не поверил Ив. – Одно точно: в этом здании их нет.

– Если бы я был местным, где бы я спрятался? – Пробормотал Ош, оглядываясь. Взгляд его упал на высокое здание, похожее на квадратный гриб, на самом краю порта, с которого наверняка был прекрасный обзор. – Конечно, вон там! – Решил, и Ив согласился. Нарочито неторопливо они двинулись в сторону этого здания, стараясь держаться открытого пространства. Тишину, царившую в этом печальном и жутком месте, нарушал только тяжёлый лязг космических ботинок по бетону; Ив и Ош непроизвольно шли в ногу.

Присутствие людей в выбранном ими здании чувствовалось сразу же. Оба опять готовы были ко всему, и опять, как уже повелось на этой странной планете, их ждал сюрприз. Когда они подошли к зданию, стеклянные двери бесшумно

раскрылись перед ними, и они неторопливо поднялись по ступенькам, но существа, окружившие их в вестибюле здания, прохладном после обжигающей жары, все до единого были детьми и подростками, не более пятнадцати-шестнадцати лет. Но вооружены они были серьёзно, и лица у них были по-взрослому серьёзными и злыми.

Не самый старший, но самый рослый и самый главный сильно отличался от остальных детей. Он был в боевом шлеме с тонированным стеклом, так что видна была только нижняя часть лица, но даже эта часть отличала его от других. А главное – у него на мочке уха была клипса, такая же в точности, как у Ива и Оша. Он и заговорил, наведя на них распылитель:

– Я знаю, что вы прекрасно понимаете каждое наше слово. Мы вооружены лучше вас, и мы не шутим!

– Что-то не похоже, чтобы мы попали туда, куда надо. – Пробормотал Ош.

– Не сговариваться! – Повысил голос мальчик. – Давайте сюда оружие и клипсы!

– Моё оружие – это я сам. А без клипс у нас разговор не получится. – Мягко сказал Ош.

– Свои оставьте себе, я знаю, у вас есть с собой ещё!

Ив вытащил из кармана штанов свои три клипсы, Ош высыпал ему на ладонь несколько своих, и Ив протянул их мальчишке, но тот не шевельнулся. Кивнул девчонке, стоявшей рядом, и та приняла в ладонь клипсы. На Ива она смотр-

рела с уже знакомым ему по Савале выражением лица, только ещё более откровенно, дрогнула, коснувшись его ладони.

Лица у этих детей были широкоскульными, плоскими, бронзовыми, очень красивыми, почти скульптурной лепки, с ещё более узкими глазами, почти лишёнными век, нежели у немного похожих на них кинтаниан, тёмными, чёрными и карими. И волосы у них были тёмные, от тёмно-коричневых до иссиня-чёрных. Мальчишка, играющий роль главаря, был более светлокожим, и та часть лица, что видна была из-под шлема, сильно отличалась от лиц остальных. В линии его губ, более полных и изогнутых, нежели у остальных, было что-то очень знакомое и Ошу, и Иву, что мешало им воспринимать его, как врага. Он забрал у девочки клипсы и раздал остальным, лишние спрятав в карман. Распылитель Оша он тоже отдал одному из мальчишек; ножи у Ива он не забрал, что было очень опрометчиво с его стороны, а так же говорило о том, что подобное оружие здесь всерьёз не воспринимали. После этого он велел пришельцам подниматься по лестнице вверх, в помещение, которое прежде служило диспетчерской. Очутившись там – Ош услышал из другого помещения детский плач, почти младенческий, и понял, что здесь есть ещё дети, совсем маленькие, – все остановились. Несколько компьютеров работали, но что за операции они выполняли, было непонятно. На ближайшем мониторе вращался какой-то механизм.

По лицам подростков видно было, что они совершенно не

знают, что делать дальше со своими пленниками. Они казались растерянными, но готовыми на всё, и Ош взял инициативу в свои руки.

— Может быть, — мягко сказал он, обращаясь к старшему, — вы позовите нам сесть? И тогда мы можем спокойно поговорить. Вам что-то нужно от нас, иначе вы не стали бы брать нас в плен. А нам кое-что нужно от вас, иначе мы не пришли бы сюда. Причём совершенно открыто, без злого умысла. Так может, мы поговорим о том, что нас всех так волнует?

— Не делайте резких движений! — Предупредил подросток. — Садитесь медленно, чтобы я видел ваши руки!

— Ты болен. — Выполнив его приказ, вдруг заметил Ош. — Давно?

— Не твоё дело! — Резко ответил мальчик, и Ив понял, что Ош прав. Он тяжело дышал, и над верхней губой его, не смотря на то, что в помещении было прохладно, выступили капельки пота.

— Я врач. — Продолжал Ош. — Возможно, я смогу как-то помочь?

— Мне не нужна помощь! — Дёрнулся мальчик, но тут девочка, что забирала клипсы, что-то горячо зашептала ему в ухо, и он немного смягчился. Тоже сел, скрестив ноги, украдкой попытался стереть пот. Остальные подростки, кроме двух близнецов, оставшихся стоять в дверях с расплющенными, расселись вдоль стен, кто как хотел.

— Ну, и что тут у вас случилось? — Спросил Ош мягко, так

мягко, как мог, включив своё кинтанианское обаяние на всю катушку, и лица детей смягчились, глаза загорелись надеждой. Только старший их был непреклонен:

– А ты не знаешь?

– Нет. Откуда мне знать, если вчера утром я даже не знал о существовании этой планеты? Мы приземлились здесь вчера, по вашему времени – после обеда, и увидели трупы людей и гуманоидов. Что случилось, мы не можем знать. Мы просто поехали по вашему следу.

– Вы не похожи на пришельцев, которые были на той базе. Кто вы?

– Мы попали сюда по чистой случайности. Мы не в очень дружеских отношениях с теми существами, и хотели бы покинуть вашу планету раньше, чем они прилетят сюда посмотреть, что случилось с их базой. Но для этого нам нужны сведения из их компьютеров, которые возможно, забрали вы.

– Да мы только… – Начала девочка, но мальчик одёрнул её:

– Молчи, Ёо!

– Мы рассказали вам свою историю, может, теперь вы расскажете вашу? – Подал голос Ив. – И мы вместе решим, что делать?

– Да мы сами не очень-то понимаем! – Живо заговорила девочка, уже не обращая внимания на своего приятеля. – Мы нашли пещеры в горах, над портом, и спустились туда без спросу, мы все, наша группа, семнадцать человек, и ма-

лыши, их оставили мои родители на моё попечение, я взяла их с собой, всё было так интересно, нас Гэв повёл, он говорил, что там следы пришельцев. А когда мы выбрались на поверхность, всё было уже вот так. Они прилетели две недели назад и потребовали, чтобы им отдали контроль над портом, но разве так можно? И тогда он...

– Погоди! – Не выдержал мальчик. – Кто так рассказывает?

– Пусть кто-то один рассказывает. – Поддержал Ош. – Когда мы подлетали к вашей планете, я нашёл немного сведений о вашей цивилизации. Ваша раса, если только я правильно всё понял, обладает большими способностями к микропроцессорам, и каждое поколение, рождающееся на новой планете, становится местными жителями. Поэтому ваша цивилизация занималась колонизацией. Но колонии давно воюют друг с другом; это эпизод войны?

– Это конец войны. – Поморщился мальчик. – Некому больше воевать. Наша цивилизация, как вы её называете, потерялась в космосе; размазала себя, как очень маленький кусочек масла по огромному ломтию хлеба. Ещё и воевали! – Губы его скривились очень по-детски, не смотря на взрослые слова. – Здесь все это понимали. Эта планета была колонизирована недавно, мы первое поколение. Сюда прилетели те, кто понимал, к чему война ведёт и чем она кончится; наши родители сознательно отрезали себя от остальных. Понимаете? Они хотели создать новый мир, без войн, без грабежа,

без яда и грязи. Моя мама... – Он запнулся. – Вам, наверное, не интересно это – те, серые, вообще про это слушать не захотели. Так вот. Недавно, две недели назад, сюда приземлился корабль. Остатки какой-то армии, сто с лишним человек. Они сразу поняли, какое хорошее место наш космический порт. Колония совсем маленькая, четыре посёлка, фермеры, учёные, дети. Никакой военной структуры, но отличный порт. Понимаете? Они решили сделать нашу Чотал своей пиратской базой. Все, кто мог представлять для них угрозу, находились здесь и в посёлке, и они как-то уничтожили здесь всё. Мы не знаем, как, но сами они не очень-то умели управлять своим оружием, потому, что все они тоже погибли, мы видели тела, и пересчитали: пятьдесят человек. Когда мы сюда вернулись, здесь уже было всё так. Мы поехали к пришельцам, чтобы попросить помощи, но и там все были мертвые. Мы собрали оружие и чипы с информацией, вернулись сюда, а утром пришли те, другие бандиты. Они не знали, что мы только дети, а оружие пришельцев их испугало. Они отступили в горы, но они наверняка вернутся. Помощи нам не у кого просить, мы не знаем, как связаться с другими колониями, и не знаем, что там происходит, я же говорил, что наши родители намеренно оборвали все связи. Просто посыпать сигнал бедствия в космос страшно, он может привлечь других бандитов. Нас пятнадцать, семерым из нас нет ещё десяти, двоим – вообще по два года.

– Понятно. – Сказал Ош. – Как вы думаете, ещё колонисты

уцелели?

– Наверное. Если уцелели мы в пещере, то горы могли спасти и других. За тем хребтом есть ещё посёлок, есть фермы дальше на восток, три экспедиции ушли в начале сезона на запад и на север.

– А откуда ты знаешь про пришельцев?

– Пусть он снимет шлем. – Неожиданно сказал Ив. – Ты сам всё поймёшь.

– Так вот в чём… – Ош тоже понял, – дело!

Мальчик вскочил на ноги и сорвал с головы шлем. Светлые, с лёгким налётом бронзы, волосы рассыпались по плечам. Глаза немного более раскосые, черты немного более точёные, а губы немного пухлее, но в общем – то же самое лицо, которое нельзя было не узнать. Ив тоже встал, и мальчик навёл на него распылитель. Губы его дрожали, всё лицо покрылось каплями пота:

– Ты с ними!!!

– Я против них. – Возразил Ив. – Я только теперь понял, почему они были здесь, и почему мы сюда попали. Это маяк, Ош, он как-то сработал, и корабль принёс нас сюда! Опусти распылитель, мальчик, это очень опасная штука, ты сам можешь пострадать от него!

– Пострадать! – Воскликнул мальчик, взмахнув рукой, но тут Ош легко, играючи, обезоружил его и в мгновение ока – двух близнецов у двери. Произнёс укоризненно:

– Нельзя пользоваться такими вещами в помещении. Для

этого есть лазерные пистолеты и шокеры. Как тебя зовут?

– Его зовут Гэвэнто! – Поспешила сказать девочка. – Меня – Ёо. Что вы с нами сделаете?

– Что мы можем сделать с вами? – Раздражённо спросил Ош. – Я – лорд Ош с Кинтаны; мой друг – Кайл Ивайр, мероканец Военной Касты. Посмотри на него внимательно, мальчик – ты тоже мероканец. И маре вас всех сожри, у нас не больше четырёх дней!!!

Вспышку его понял только Ив. Ош не мог бросить этих детей на произвол судьбы, как офицер, как кинтанианский военный, рождённый для того, чтобы защищать беспомощных. Но попали они сюда случайно, у них не было необходимых средств защиты от воды и воздуха этой планеты, кроме самых примитивных, которые способны были поддержать их всего несколько дней. А дети уже смотрели на них хоть и испуганно, но с надеждой. Они были всего лишь детьми, потерявшими родителей и попавшими в смертельную ловушку; они ничего сейчас так не хотели, как довериться двум взрослым людям, всемогущим пришельцам, которые просто обязаны были решить все их проблемы и всех спасти!

– Мы вам всё рассказали; теперь расскажите вы! – Дерзко потребовал Гэвэнто.

– Мы из Союза нескольких планет, я с Кинтаны, а мой друг – с Мерака; этой планеты больше нет, и мероканцы живут на Корте. Обстоятельства наши, мои и моего друга, привели нас на одной далёкой планете на такую же, как здесь, ба-

зу Вэйхэ, откуда мы бежали на этом корабле, который стартовал сам и прилетел на вашу Чотал независимо от нас. Как отсюда выбраться, мы не знаем, встреча с Вэйхэ, которые скоро могут появиться здесь, в наши планы не входит. Но как связаться со своими, не выдав себя, мы тоже не знаем. Мы не в лучшем положении, чем вы, а может, и в худшем, потому, что способностью к мимикрии мы не обладаем, и ваша Чотал скоро убьёт нас. Впрочем, она и тебя убивает, – обратился Ош к Гэвэнто, – и хотел бы я знать, почему, если ты родился и вырос здесь?

– Это произошло после того, как Гэв побывал там, у них. – Ёо долго молчать и не участвовать в разговоре была не в состоянии. – Он вернулся три недели назад, а пропадал неделю, и стал говорить, что на Чотал есть пришельцы, и они что-то хотели от него, только взрослые рассердились, решили, что он сочиняет. Но у него началась аллергия, сначала на морепродукты, потом на овощи, а теперь почти на всё, и обычные препараты ему не помогают совсем. Вы нам поможете? – На глазах Ёо засияли слёзы. – Вы же нас не бросите?

– Нет. – Сказал Ош. – Я же сказал: я лорд с Кинтаны. Я не в состоянии бросить беззащитных гражданских, тем более, детей. Я так воспитан. Вы теперь – под моей защитой; это даже не долг, это образ жизни. – Он достал из кармана пакетик с крохотным, как снежок, шариком. – Положи под язык, и глотай понемногу, пока он тает, маленькими глоточками, медленно. Скоро тебе станет полегче; но пока я бы посове-

товал тебе полежать.

– Кто я? – Спросил Гэвэнто. Он отбросил все свои подозрения, ему хотелось верить не меньше, чем остальным.

– Мы расскажем. А сейчас я должен посмотреть остальных детей, вы очень давно одни.

Пока он смотрел и расспрашивал самых маленьких, Ив подошёл к монитору, на котором продолжал вращаться механизм, спросил:

– Что это?

– Разрушитель. – Ответил Гэвэнто, который послушно лёг на кожаный диван тут же, рядом. – Классная штуковина, один такой есть в порту. Мы пока не знаем, как он работает; он может ездить на гусеницах, а может идти, по воде, по болоту, по зыбучим пескам. Его нельзя взорвать, он уцелеет даже в эпицентре ядерного взрыва, а он может взорвать всё.

– Хорошая штуковина… – Ив присел возле монитора, внимательно разглядывая изображение.

– Если бы мы его включили, – продолжал Гэвэнто, – мы бы им показали! Правда, у них такой же есть, и вертушки, и оружие суперское. Они вернутся, может, уже возвращаются. Твой друг нам правда, хочет помочь?

– Он не хочет, – поправил Ив, – он не может не помочь. На его планете такие, как он, с младенчества воспитываются, как защитники.

– А что он может?

– Очень много. Практически, всё. – Ив изучал клавиату-

ру компьютера с массой незнакомых символов. Колер-коды были гораздо удобнее!

– Тебе помочь? – Приподнялся Гэвэнто.

– Полежи, позже. – Покачал головой Ив. – Я думаю, с вашим Разрушителем я смогу разобраться, а вот с компьютером вашим мне будет сложнее.

– Я разбираюсь в компьютерах лучше всех на Чотал. – Гэвэнто послушно улёгся обратно, ему было на самом деле очень плохо. – Я сделаю всё, что угодно. Мне кажется, мне полегче, в самом деле.

Ош вернулся в сопровождении Ёо и одного из близнецов, неся чумазого малыша, такого крохотного у него на руках. Ребёнок выглядел заплаканным и голодным.

– Девочка говорит, что провизию для маленьких и лекарства можно найти в порту, там есть помещение для матерей с детьми, но идти сами они боятся, там полно мертвецов. – Сказал Ош. – А пока их совершенно нечем кормить, не консервами же. Я дал ему водянную таблетку, и он немного успокоился, но ему нужно поесть.

– Я схожу. – Встал Ив. – Куда?

– Аккай вас проводит! – Ёо показала на одного из близнецов. – Внутрь, может, и не пойдёт, там так страшно! Возьмёте оружие?

Ив взял лазерный пистолет и вместе с мальчиком пошёл вглубь порта. Ош поднялся на крышу вместе с Ёо, которая хвостиком ходила за ним.

- Когда приходили бандиты?
- Два дня назад. И снова придут. Они ушли вон туда, – она показала на восток, – там есть научная станция, в горах, наверное, они её захватили. Дорога ведёт туда, других дорог пока нет.
- Ещё часовые есть? – Спросил Ош, глянув на мальчика с распылителем.
- Нет. Да отсюда же всё видно! Вон их корабль, и Разрушитель, те, кто погиб, были на нём. Если бы мы могли им управлять! Гэв пытался, но он настроен на саморазрушение, Гэв не смог.
- Гэв главный у вас?
- Он самый умный и самый храбрый. Он такой сильный! И всегда таким был, даже когда мы были маленькими. А потом его родители умерли от лучевой болезни, и он стал говорить, что ему нужно в степь. Его так туда тянуло, это было что-то. И однажды он исчез; его не было неделю, где-то так, может, больше, взрослые отправлялись по его следам, но не нашли его. Они были на ферме, про которую Гэв говорил, но там не было никаких инопланетян, только трое учёных, которые выращивали клонов домашних животных, для фермеров, потому Гэву никто и не поверил, мы тоже не верили, пока не приехали туда.

Ив смог войти в зал, полный умерших людей; способность отрешиться от самого тягостного зрелища, не пуская его в себя, было одним из его профессиональных качеств. Аккай

тоже пошёл с ним, главным образом потому, что боялся стоять снаружи; но тошнота его победила. Тем не менее, он смог помочь Иву в поиске необходимых продуктов и медикаментов – все механизмы и холодильники ещё работали, и продукты оказались свежими. Они забрали всё, что смогли унести, даже какие-то ароматные красные ягоды, только чуть помятые с виду, но ещё вполне съедобные. Аккай, правда, признался, что не сможет есть ничего из того, что они взяли здесь, но остальные не видели того, что видел он, и были в восторге. Самые маленькие набросились на ягоды, пока Ош разбирался с медикаментами. Ему по мере сил помогали все, даже Гэвэнто, которому действительно стало лучше – он искал в компьютере сведения о неизвестных никому лекарствах.

К вечеру в диспетчерском центре царил образцовый порядок. Дети и полы были вымыты, в санузле и душевой всё сверкало, в кабинетах бывших сотрудников порта были устроены спальни с максимумом возможных удобств. Ош научил старших пользоваться оружием, убедив их вооружиться лазерными пистолетами, а распылители, как оружие чрезвычайно опасное и непредсказуемое, оставить на крайний случай. Ош освоил с помощью всё того же Гэвэнто компьютер, и Ив с мальчиком отправились к Разрушителю.

– Как ты узнал, что я мероканец? – спросил Гэвэнто по пути к Разрушителю.

– Как представители одной расы узнают друг друга? Ко-

нечно, мы, мероканцы, не обладаем такой яркой индивидуальностью, как кинтаниане, например, есть человеческие расы, очень похожие на нас, кортиане, саваляне, да и вы тоже, но всё-таки различия есть. А ты, к тому же, похож на одного, вполне конкретного мероканца, которого я хорошо знал.

– Почему так? Ты думаешь, мои родители были мне не родные? Тогда почему я здесь оказался?

– Я не очень хорошо знаю, как Вэйхэ этого добивались, но что устроили это они, я знаю от людей, которым полностью доверяю.

– Серые!

– Точно.

– Вы воюете с ними?

– С ними – пока нет. Но с существами, похожими на них воюем уже давно. А серые – они охотятся за мной и за такими, как ты.

– Они чего-то хотели от меня. Сначала у меня получалось, а потом перестало. Какая-то зелёная штука – она включалась, когда я прикасался к ней, но работать не хотела. А потом, ночью, один из тамошних учёных сказал мне, чтобы я уезжал, скорее, потому, что Вэйхэ разочарованы во мне и в живых меня, скорее всего, не оставят. Почему, ты знаешь?

– Догадываюсь.

– Что теперь со мной будет? Препараты, которые они мне давали – это они виноваты в том, что я теперь болен? Я умру?

– Если останешься здесь – умрёшь. Как я, как Ош. Они

сделали тебя настоящим мероканцем, надеясь, что это поможет...

– В чём?

– Сделать тебя двойником человека, о котором я тебе говорил. – Они добрались до Разрушителя, и Ив присвистнул: машина оказалась ещё более впечатльной вблизи. Гусеницы его были выше Ива, не самого маленького из людей, а сам он был ещё больше. Бока его казались совершенно гладкими, и как попасть внутрь, было непонятно.

– Вообще-то, он управляется с пульта. Это такая...

– Спасибо, Гэвэнто, – перебил его Ив, – я знаю, что такое пульт. Я знаю о машинах всё. Я могу работать с любыми машинами, созданными людьми во всех мирах, потому, что люди – везде люди. В основе всех человеческих изобретений лежат одни и те же потребности. Вот эту машину придумал человек, который хотел крушить злых врагов, сам оставаясь в безопасности, к тому же он хотел, чтобы эта машина могла передвигаться по любой поверхности, была не доступна для взлома и угона, и в ней было бы удобно. – Ив шёл вдоль гусеницы, ласково касаясь рукой её блестящих частей. – Чтобы незваные гости не проникли в неё, он сделал её недоступной. Но он всего лишь человек. Он мог потерять пульт, мог сломать его, мог лишиться его в бою, в общем, по каким-то независящим от него обстоятельствам он рисковал лишиться ЭТОЙ возможности попасть внутрь, и он должен был это предусмотреть.

– Есть какой-то секрет! – Воскликнул Гэвэнто, с восхищением глядя на Ива. – Но как мы его угадаем?!

– А вот это, – подмигнул ему Ив, – мой собственный секрет! – И легко забрался на гусеницу. Почти нежно гладил бок машины, прижавшись к нему щекой, внимательно исследуя каждую неровность и прислушиваясь к чему-то. Гэвэнто молчал, чтобы не мешать ему, но ждал, затаив дыхание, даже нос наморщив от напряжения.

Несколько минут казалось, что Ив ничего не делает. Но неожиданно под его руками часть поверхности с тихим шипением выделилась и сдвинулась, развернулась, спустилась к ногам Гэвэнто, а затем плавно подняла его вверх. Ив уже был в кабине, но садиться в кресло и прикасаться к терминалу не торопился. Выпустил крохотного жучка, и тот, повисев немного, тихо пискнул и скрылся среди приборов. Через несколько секунд один из трёх мониторов загорелся, и на нём появилось лицо Оша, сосредоточенно работающего с компьютером. Экраны начали зажигаться один за другим, ожила контрольная панель, загорелись индикаторы. Ош при этом комментировал свои действия, но Гэвэнто мало что понимал – клипса просто не в состоянии была ему перевести некоторые термины, их ещё не было в языке его цивилизации.

– Странно для цивилизации, знакомой с гипером. – Заметил Ив.

– Вселенная полна чудес. – Дёрнул бровями Ош. – Тем

не менее – ничего сложного, обыкновенный двоичный код, ребёнок разгадает. Он твой, мероканец. Владей!

На вертикальном экране слева от Ива, который наконец сел в кресло, возникло объёмное изображение Разрушителя, с подробными объяснениями, которые, перегнувшись через плечо Ива, начал зачитывать Гэвэнто. Вдвоём с Ивом они заставили экранного Разрушителя ехать, подняться, трансформируясь, идти на длинных членистых ногах, стрелять. Ош включил очередную программу, и на остальных экранах возникли окружающие объекты, с их короткими характеристиками: возможности защиты и атаки, степень опасности для Разрушителя, и тому подобное. Оказалось, что ничего опаснее космического корабля для Разрушителя в порту не было, и тот он характеризовал, как «потенциально опасный». В какой-то момент Гэвэнто почувствовал, что возносится на высоту пятиэтажного дома и начинает плавно поворачиваться вокруг своей оси, так, что немного заложило уши. Он сам завертелся, пытаясь смотреть сразу во все стороны, и в полнейшем восторге испустил громкий клич, когда Разрушитель зашагал по порту.

– Пусть он её раздавит! – Вопил он, увидев неподвижную машину. – Кайл Ивайр, пожалуйста, пожалуйста!!! Есть! Есть!!!

– Давай взорвём корабль! – Умолял он, когда Ив направил машину к диспетчерскому центру. – Один, тот, что упал, он всё равно никому не нужен! Ну, пожалуйста!

– Нет. – Ив ответил не без лёгкого сожаления, опуская Разрушителя на гусеницы в тени здания. – Здесь и без того полно вони. Как-нибудь в другой раз, идёт? Будет возможность, порезвимся. – Он и сам испытывал свойственный только азартным людям зуд, но заставил себя покинуть кабину.

– Я тут изучил карту, – встретил его Ош, – поговорил с ребятами. Смотри, – он подвёл его к объёмной карте. – Вот это – посёлки, этот гора не заслоняет, там, скорее всего, все мертвые; а вот этот скрыт отрогом горы, и там могли жители уцелеть. Бандиты ушли в ту сторону, и посёлок, вероятно, стал их жертвой. Но я думаю, что женщины они не убили, ты меня понимаешь.

– Понимаю. – Согласился Ив, чуть поморщившись. – Ты думаешь?..

– Я думаю, в посёлке они не остались. Там лёгкие сборные домики и загоны для животных, больше ничего. В горах есть три станции, построенные по одному образцу, из одних и тех же сборных блоков, главное здание – в точности, как это, какие-то энергетические установки и несколько зданий поменьше. Самая элементарная логика подсказывает, что именно такую станцию бандиты сделали своей базой. Они столкнулись здесь с сопротивлением и неизвестным им, очень опасным оружием; они не знают, кто здесь и сколько, но полагают, что кто-то опасный для них. Если бы они знали, что это дети, они были бы уже здесь. Они готовятся, и

они начеку. Они боятся нападения, и постарались обезопасить себя, а значит, это вот здесь. – Ош указал на ближайшую станцию. – Это самая выигрышная позиция; во-первых, близко, во-вторых, прекрасный обзор, хоть порта и не видно, но видно все подступы, и в-третьих, дорога – мне сказали, что здесь она только одна, других построить не успели. Там же они держат заложников. Но я узнал ещё одну любопытную штуку. Эти пацифисты – почти все, кроме некоторых учёных, бывшие военные, спецназ, что-то вроде нашей Челюсти. Они прилетели сюда на трёх кораблях, до них здесь жила только горстка учёных, изучали биологию этой планеты. Колонию пацифистов основали бывшие военные, Ив. Я не верю, что все они стали в одночасье жертвами какого-то сброва. Кто-то жив.

- Согласен. Есть ведь ещё фермеры, и экспедиции.
- Они где-то скрываются и готовятся отбить порт – это тоже самое логичное в этой ситуации, тот, кто владеет портом, владеет планетой. Я бы так и поступил.
- И что из всего этого следует?
- А как ты думаешь?
- У меня появились пятна на ногтях. – Признался Ив. – А Гэвэнто вообще очень плох. Эта планета – просто банк аллергенов какой-то. Как мы можем ему помочь?
- Забрав его отсюда. – Мрачно сказал Ош. – Другого выхода я не вижу. Оставить его здесь – на верную смерть, а он всё-таки мероканец, и Мессейс, как бы там ни было.

– Я боялся, что придётся спорить с тобой. – С облегчением улыбнулся Ив. – Придумывал доводы, даже угрозы.

– Дурак ты. – Хмыкнул Ош. – Местного бы я не забрал даже под гусеницами твоего монстра, но он уже не местный. Один знакомый мне член Дома Мессейс точно никогда не простил бы мне.

Гэвэнто, который самым бессовестным образом подслушивал их, тихонько вздохнул. Он страшно боялся того, что они решат бросить его, но того, что придётся куда-то лететь, испугался тоже. А ещё – он был счастлив слышать слова Ива о том, что он хотел спорить с Ошем из-за него.

Пылающее солнце, наконец, опустилось за горизонт, ненадолго; короткая ночь не обещала остудить раскалённый за день порт. Ив и Ош сидели возле карты, тихо обсуждая свой план. Ош собирался напасть на станцию, и требовал, чтобы Ив оставался в порту, с детьми. Ив оставаться не желал, и считал, что Ош совершает самоубийство. Они так и не пришли к общему знаменателю; Ив отправился на крышу, караулить, а Ош лёг вздремнуть.

Лёгкие дуновения ветерка иной раз приносили горячее дыхание бетона, и жуткий смрад от остальных зданий. Ив положил оружие у ног, и сосредоточенно разбирался со своим браслетом, оставшимся у него ещё с Ариги. Он хотел сделать из него передатчик, посылающий в космос его биологический сигнал – что, если Грит сумеет его отследить? Шанс

был невелик, но почему бы и нет? От этого занятия его отвёл Гэвэнто, который тихо поднялся к нему и сел рядом.

– Можно побывать с тобой? – Спросил шёпотом. – Мне не спится.

– Можно. – Ив скосил глаза на экран крохотного портативного дисплея. Ош расставил по периметру порта крохотные маячки, которые создавали невидимую сеть, реагирующую даже на насекомых и маленьких зверьков, но на дисплей подавался сигнал только в том случае, если её нарушал более крупный объект или объект искусственного происхождения. Дисплей был спокоен. Постоянные тихие всполохи были следами насекомых и мелкой живности.

– Что со мной будет?

– Если ты согласишься, мы заберём тебя с собой.

– А если не соглашусь?

– Насильно мы тебя не потащим. Но ты умрёшь здесь, и очень скоро, и виноваты в этом не мы. Прилети мы сюда на собственном корабле, Ош бы тебе помог, а так он не может помочь даже нам самим.

– Где вы живёте?

– Нигде пока. Но ты будешь жить на Корте. Там здорово.

– Там война?

– Нет. Мы воюем не на планетах. Корта – планета мирная, очень красивая, очень интересная. Думаю, ты очень скоро полюбишь её. Я сам не кортианин, но когда-то очень её любил. В твоём возрасте я даже был уверен, что она лучше, чем

мой родной Мерак.

– Почему вы живёте нигде?

– Мы странная пара. Долго объяснять, надеюсь, у нас ещё будет время. И потом, всё, наверное, не так уж и плохо. – Ив подмигнул Гэвэнто. – Всё может сложиться и так, что мы не успеем умереть своей смертью. И родную планету тебе покидать не придётся.

Гэвэнто нервно хихикнул. Заметил его браслет и спросил, что это, и Ив начал объяснять; увлёкся, и не заметил, как начало светать, и на смену ему пришёл Ош. С громким хлопаньем крыльев пролетели птицы, слегка посвежело. Ош прогнал Ива и Гэвэнто спать, и решил немного размяться в одиночестве. Он последнее время часто пренебрегал тренировками, что было непростительно для кипа.

Эффектное он устроил на крыше башни представление для птиц и животных, которые могли бы его видеть, если бы хотели! Он двигался то плавно и медленно, то стремительно, меняя темп движения в самый неожиданный момент, и останавливал своё тело в момент самого стремительного движения, фиксируя его в любой позе, даже самой немыслимой. Напоследок он, разбежавшись, несколько раз прыгнул через голову и замер на руках на парапете, над бездной, изогнувшись идеальной дугой. В этот миг заработал тревожный сигнал дисплея: кто-то нарушил границу порта. Легко спрыгнув на пол, Ош, даже не вспотевший, склонился над дисплеем, наблюдая за нарушителями. Включил экран браслета, и сра-

зу же получил изображение: пятеро мужчин и три женщины, грамотно используя, как укрытия, машины и здания порта, передвигались в сторону диспетчерского центра. Вооружены они были каким-то местным оружием, весьма серьёзно, но на бандитов, как по рассказам детей представлял их себе Ош, они не походили. Он вызвал Ива и старших детей, и близнецы, только глянув на экран, хором закричали:

– Это мама!!!

Через полчаса все были внизу, в холле, и близнецы с восторгом обнимались с родителями. Трое из прибывших – две женщины и мужчина, – были учёными-сейсмологами с горной станции, остальные были военными, о которых говорили дети. Они знали о корабле, приземлившемся в порту две недели назад, и исчезнувшая недавно связь с портом их насторожила. Они по всем правилам военного искусства провели разведку на местности, обнаружили захваченную станцию, как раз ту, на которую пал выбор Оша, и решили двигаться к порту. По их словам, бандиты разделились: вторая станция, как раз сейсмологическая, тоже была захвачена, там было двадцать человек и трое заложников: две женщины и мужчина. Не пытаясь хвастаться, мужчины дали понять, что те двадцать бандитов мертвы, а заложники – те трое учёных, которых они привели сюда.

– Мы пытались поговорить с ними. – Сказал старший и по чину, и по возрасту мужчина, которого звали Бадур Шаркави. – но их условия нам не понравились. Они требовали,

чтобы мы пришли к ним безоружными, и особенно интересовались, сколько у нас женщин. Мы взяли пленного, и он сознался: они намерены основать здесь собственную колонию, и грабить отсюда другие миры. Им нужен порт, корабли и женщины, мужчин они намерены убить всех, кроме тех, кто им будет нужен.

– Логично. – Согласился Ош. – Сколько их?

– По нашим подсчётом, сорок. На корабле прилетело сто семьдесят человек, пятьдесят погибло здесь, двадцать убили мы, остальные, по словам пленного, погибли при захвате посёлка и станций. Может, пятьдесят или чуть больше, если только тот мерзавец не врал. Это правда, что вы смогли приручить Разрушителя?

– Мой друг может приручить что угодно.

– Какой у вас интерес в этой войне?

– Никакого. Мы хотим улететь домой, только и всего. Ваши дети похитили чипы с нужной нам информацией из компьютеров базы, где мы рассчитывали найти их, и мы приехали сюда в надежде как-то договориться с похитителями. Я увидел здесь горстку перепуганных детей, и просто не мог оставить их одних.

– Благодарим за помощь, конечно. – Сказал Шаркави, с недоверием оглядывая фигуру Оша. Сам он был накачан на манер земных культистов, литые мускулы выпирали из-под ржаво-коричневой футболки. Так же выглядели и остальные мужчины, высокие, чуть ниже самого Оша, му-

скулистые, все – старше тридцати, но моложе пятидесяти, в полувоенной одежде, которую легко было узнать, несмотря на её отличие от такой же одежды других миров. Вооружены они были солидно; помимо энергетического и огнестрельного, у них было и холодное оружие: широкие ножи с зазубренными лезвиями.

- Но? – Спросил Ош.
- Нам нужна помощь, скрывать не стану. Но мы хотели бы быть уверены, что у вас нет какого-то корыстного интереса…
- А если есть? – Прямо спросил Ош.
- Это другой разговор. – Сказал Шаркави с облегчением. – Какие условия?
- Кто-то из вас умеет пилотировать ваши корабли?
- Почти все. Вам нужно куда-то?
- Домой. Вряд ли вы доставите нас туда, но хотя бы поближе к дому, откуда мы можем дать знать о себе своим друзьям.
- Идёт. – Легко согласился Шаркави. – Если нам удастся избавиться от этой угрозы, мы поможем вам улететь отсюда.
- И ёщё. – Добавил Ош, – мы забираем с собой Гэвэнто. Он не против.
- Гэвэнто?! Почему?
- Он умирает от аллергии, и не выживет здесь. По крови он скорее один из нас, чем один из вас.
- Что ж. Если он так решил…
- Вот и хорошо. – Ош встал. Шаркави ёщё раз с интересом

сом окинул взглядом его фигуру, оценив рост. Худым Ош не был, но не казался и мощным, стройный, гибкий, казавшийся ещё стройнее из-за чёрной одежды. Обманчивая мягкость его облика сильно контрастировала с брутальностью чотальских мужчин; но женщины поглядывали на него и особенно на Ива с интересом. Этот интерес сильно не понравился их мужчинам. Уже утром у них случилась небольшая стычка с Ошем. Тот потребовал, чтобы его называли «лорд Ош», а Шаркави несколько высокомерно заметил, что у них не существует титулов, и все равны.

— Люди изначально не равны. — Надменно возразил Ош. — Это неоспоримый факт; одни умнее, другие глупее, третья сильнее, четвёртые хитрее. Существуют так же те, кто умнее и сильнее других.

— И вы причисляете себя к их числу? — Дерзко и почти неприязненно спросил один из мужчин.

— Меня к их числу причисляет прежде всего принадлежность к высокой Касте. Но и собственные таланты, конечно. — Холодно возразил Ош. Ив наблюдал за ними с некоторой тревогой, боясь пропустить момент, когда не поздно будет вмешаться и остановить их.

— Я знаю своё происхождение не дальше третьего колена, — заявил мужчина, — как и все мои друзья, но знаешь, что, лорд? Я докажу тебе сейчас, что я намного сильнее тебя, и уже точно не глупее!

— Эй-эй-эй! — вмешался Шаркави. — Это лишнее!

– Согласен, – сказал и Ив, – это глупое мальчишество.

– Да эти смазливые красавчики только перед детишками и бабами способны выпендриваться! – Разозлился мужчина, которого звали Догар. – Зачем они нам нужны?! Будут пытаться у нас под ногами, а потом мы их доставляй неведомо куда в космос?!

– Ты видел, как они организовали здесь всё? Они не то, чем кажутся! – Возразил Шаркави. – И они смогли оседлать Разрушителя, а ты сможешь?

– Смогу! Если он смог...

– Хорошо. – Перебил его Ош, вставая. – Я давно заметил, с каким сомнением вы смотрите на меня. Давайте покончим с этим прямо сейчас.

– Прекратите! – Ив встал между ними. – Это нелепость. Мой друг лорд Ош принадлежит к элите военной Касты своей планеты, он военный в двадцатом поколении, он рождён бойцом!

– Успокойся, мероканец. Обещаю не ранить его.

– Нагло! – Поразился и Шаркави. – Но по правилам!

– Пусть ударит меня хотя бы раз до того, как я ударю его. – Ответил Ош. – Вот и правило, других не понадобится.

Только Ив видел, как он зол. Что бы он ни говорил о ненависти к кинтанианской жизни, того, что он лорд, Ош не забыл бы никогда, и ни при каких обстоятельствах не позволил бы забыть об этом другим. Небрежно двинув плечами, он легко увернулся от выпада Догара, в движении развернулся

ся и молниеносным ударом ноги, которым вообще славились кипы, сбил его с ног. Ив знал, что таким ударом кипы ломают шеи и срывают головы андроидам, поэтому вздрогнул, но Догар поднялся на ноги невредимый, только красный и злой.

– Давайте все. – Предложил Ош. – Попытайтесь коснуться меня. Не бойтесь меня ранить, а я обещаю не ранить вас.

– Нет, хватит. – На этот раз остановил всех Шаркави. – Этот парень слишком быстр. Достаточно того, что он нам показал! Нас слишком мало против той банды, давайте, не будем ещё прореживать наши ряды.

– Нет смысла сидеть здесь и ждать нападения. – Заговорил Ош, и никто теперь ему не перечил, – предлагаю отправиться на разведку. Пойдём я, мой друг и пара добровольцев. Нам нужны связь, транспорт и оружие.

– Мы уже были там.

– Теперь у нас будет несколько иная цель. – Возразил Ош.

Какая именно, он сообщил только тогда, когда он с Ивом, Шаркави и Догар добрались наконец до станции, сделав изрядный крюк по лесам среди скал и оврагов, уже в сумерках, на исходе длинного дня.

– План такой, – как ни в чём ни бывало, сказал он, разглядев здание и целый лес столбов с вертушками – энергетическую станцию, – у них много огнестрельного оружия, поэтому мне нужно, чтобы вы отвлекли их на какое-то время. Каким угодно способом; не важно. Я как можно незаметнее

проникну внутрь, ну, а дальше уже – мои проблемы. Через четверть часа, Ив. Вы их отвлекаете, я проникаю внутрь.

– Хорошо. – Кивнул Ив. Он чувствовал напряжение, но пока считал его естественным. Чотальцы тоже кивнули, сдержанно и немного угрюмо, но и это казалось естественным. Ош исчез в кустах. Ив, пока чотальцы возились с оружием, оглядывался вокруг. Вряд ли он когда-нибудь вернётся на эту планету; хотелось запомнить её хорошенъко. Она была красивой и весёлой, приветливой, по-своему даже прекрасной. Ив, хоть и вырос в тропиках, и больше всего любил тропические пейзажи, красоту Чотал оценил и полюбил. В ярких лучах заходящего солнца танцевала тончайшая золотая пыль, казалось, что искрит сам воздух. Розовато-золотистыми казались дорога и стены здания невдалеке. Сотни вертушек, сверкая лопастями в лучах закатного солнца, с лёгким и довольно приятным звуком ловили слабый ветерок. Ив всем сердцем почувствовал грубый диссонанс между радостным и светлым настроением Чотал и мелкими, но злобными и упорными разборками людей.

Солнце коснулось пылающим краем горизонта. Ив повернулся к Шаркави и сказал:

– Пора.

Тот щёлкнул затвором, возразил:

– Пора – что?

– Не понял? – Напрягся Ив.

– Странный какой-то план у твоего друга. Нереальный.

Мы тут подумали... Не нравится нам всё это.

У Ива задрожали ноздри от сдерживаемого гнева.

– Если мы сейчас ничего не сделаем, мой друг погибнет.

– Это не факт. Что он, ненормальный, чтобы вообще идти туда? А без поддержки – тем более.

Спорить было некогда. Ив молча встал, стянул куртку и швырнул её на землю.

– Ты куда?

– Отвлечь. – Он открыто пошёл на дорогу, не оборачиваясь и не слушая больше предупреждений. Развёл в стороны руки, показывая, что безоружен. Надеяться ему оставалось только на то, что его странные внешность и одежда заинтересуют бандитов, и стрелять они сразу не станут.

Ожидая пули и в лоб, и в затылок, он всё-таки шёл к зданию, и каждый шаг, не смотря на всё его мужество, дорого ему стоил. Космические ботинки стучали о гладкое покрытие, отсчитывая секунды с чёткостью метронома, и опережая их, билось сердце. Ив кожей ощущал и от здания, и сзади, стволы оружия. И если первые просто обязаны были полюбопытствовать и подпустить его поближе, то вторые сейчас были гораздо опаснее.

– Эй, ты! – Окликнули его от здания. – Крашеный, стой, где стоишь!

Ив замер, не опуская рук. Обтягивающая одежда должна была успокоить наблюдателей; и увеличить его шансы. Если, конечно, он не ошибался, и эти люди были совсем не такие,

как люди в других мирах. Быстро вспоминая все чотальские слова, которые он уже знал, Ив выбирал наиболее подходящие, чувствуя, как пот бежит по спине между лопаток.

– Чего надо, кто такой? – Грубо спросили из здания.

– Мир! – Громко произнёс по-чотальски Ив. – Обмен!

– Жди там! – Через несколько томительных секунд велел голос. Ив послушно замер. Солнце почти скрылось, но всё ещё было довольно светло. К жужжанию ветряков прибавилось хлопанье крыльев, мелодичные трели каких-то ночных существ. На крыше здания неожиданно вспыхнул большой прожектор, и Ив зажмурился; пока проморгался, рядом уже оказались двое, такие же высокие и мускулистые, как уже знакомые Иву чотальцы; вооружённые здоровенными стволами. Внешне они совершенно не отличались от чотальцев и выглядели вполне симпатично. Иву пришлось напомнить себе зал ожидания в порту, где мирные люди умерли страшной смертью по вине этих симпатичных парней.

– Кто такой? – Грубо спросил один из них. – Чего надо? Жить надоело?

Ив протянул ему клипсу, показал на свою. Тот немного поколебался, но взял и пристегнул её на ухо.

– Вот теперь у нас взаимопонимание. – Заметил Ив.

– Ох, ..., ни фига себе! – Воскликнул парень, хватаясь за ухо. – Переводчик, чтоли?

– Вроде того.

– Ну, ты даёшь! Ты кто такой, крашеный?

– Мероканец.

– Не понял?

– Я из другой Вселенной. Сюда попал случайно. Ваши разборки меня не касаются; мне нужно только одно: скорее улететь отсюда. Ещё немного, и я здесь умру. Метаболизм не тот.

– Щас заплачу; держите меня семеро! Чё припёрся-то?

– Я хочу улететь отсюда. – Повторил Ив. – Вы хотите захватить порт. У меня есть сведения о том, что там происходит.

– Откуда?

– Я там был. – Ив тщательно взвешивал каждое слово. Заметит бандит, или нет, что Ив ничего не обещает ему?

– И ты хочешь корабль?

– Мой корабль неуправляем; взлететь на вашем корабле я сам не смогу. Можете научить меня, или сами доставить куда нужно, не важно.

– Что у тебя есть ещё, кроме этой клипсы?

– Корабль, на котором я сюда прилетел. – Ив прекрасно понял смысл этого вопроса, напрягся. – На нём уже не полетишь, но ещё осталось много всего... Интересного.

– И далеко он?

Ив только улыбнулся. Парни ухмыльнулись тоже; собеседник Ива повёл стволом:

– Пойдём, крашеный.

– Я не крашеный. Это мой цвет.

– Ага. А я – русалка! – И они радостно заржали.

Ив вошел в фойе, такое же, как в порту: квадратное, с четырьмя дверями, по две в обе стороны, и широкой лестницей посередине. Ош появился на верхней ступеньке одновременно с ним, и, увидев его, Ив, который готовился к этому с первого же мгновения, выхватил ствол у своего конвоира и от души приложил прикладом и дулом обоих. Навскидку выстрелил в кого-то в углу, и пустил длинную очередь по сторонам. Ош тенью метнулся по балкону, а Ив, ногой открыв ближайшую дверь, несколько секунд поливал огнем помещение, даже не дав себе труда присмотреться, а есть там кто? Уловив краем глаза движение сзади и слева, стремительно развернулся, отклоняясь в движении в сторону: пули разнесли часть стены рядом с ним. Ош, возникнув позади стрелявших, сделал два взмаха руками с зажатыми в них катарами: снизу вверх и в стороны, и два здоровенных бандита рухнули на лестницу: голова одного, брызгая кровью, откатилась дальше, у второго почти отвалилась рука вместе с плечом. Ош стремительным и вместе с тем неторопливым движением исчез под лестницей, а Ив двумя точными выстрелами прикончил еще двоих, неосмотрительно выглянувших из-за контейнера с растениями. По светлым ступеням стремительно растекалась кровь. Ив выбил дверь в следующее помещение и, стреляя, услышал позади дикий вой и стрельбу. Бросился на пол и, откатываясь от двери, увидел впавшего в ис-

терику бандита: тот выл и палил куда попало, вряд ли понимая, что делает. Ош возник позади него и полоснул по горлу катаром; но и падая, тело продолжало стрелять.

Остальные, сколько бы их ни было, затаились. Наверху, раз Ош пришёл оттуда, наверняка уже никого не было; остались две двери с правой стороны. Ив заметил, что Ош прислушивается, и замер. Обострённый слух мутанта улавливал не только тяжёлое дыхание, но и стук шести сердец, и шорох одежды из грубых материалов, и скрип кожаных вещей, и звук сглатывания. Переглянувшись с Ивом, Ош знаками дал ему понять, в какой комнате притаились противники, сколько их, и что делать. Ив пнул дверь соседней комнаты и стал поливать её огнём; когда патроны кончились, он громко лязгнул затвором, перезаряжая ствол. Замешкался у последней двери, испытывая что-то вроде сочувствия к тем, кто прятался внутри. В конце концов, чотальцы – практически такие же бандиты; если они с Ошем и пошли на это, так только ради детей.

Услышав долгожданный звон, он вышиб дверь и метнулся в сторону, из под огня шести стволов. Почти сразу же стрельба сменилась криками и даже визгом; Ив бросился на помощь, но она уже не требовалась. Ош стоял у выбитой внутренней двери и аккуратно вытирая катары об одежду убитого.

– Сорок два. – Сказал невозмутимо. Заложниц я запер на верху, чтобы не мешали. Помоги мне, я ранен. Не хочу, что-

бы чотальцы это видели.

Одежда его на спине была в крови и уже успела встать колом. Ив влажной салфеткой стёр кровь вокруг чёрного, с рваными краями, пулевого отверстия. Ош дал ему небольшой приборчик:

— Приставь к ране, нажми и жди, пока не звякнет. Значит, пуля вышла. Потом обработаешь вот этим, — он дал ему тонкий, похожий на авторучку из чёрного пластика, предмет, — и залепиши вот этой салфеткой. Не бойся, мне не очень больно.

Не смотря на свою нечеловеческую выдержку, он задрожал и покрылся испариной, когда пуля пошла наружу. Глухо вскрикнул, когда Ив выдернул её.

— Смотри, — Ив поднёс извлечённую пулю к глазам, — какие навороты. Шипы. Видимо, высекают, когда пуля во что-то попадает; иначе как бы они ими стреляли?

— А говорят, что кипы — садисты. — Сквозь зубы процидил Ош.

— Какими они друг друга изощрёнными способами убивают. — Говорил Ив, обрабатывая рану тонким розовым лучом из «авторучки»: края тут же съёжились, кровотечение прекратилось, — и бережно приkleил салфетку. — Как она ещё ничего не повредила в тебе.

— Как же, не повредила. — Возразил Ош уже нормальным голосом. — Но несколько дней я ещё продержусь. Я думаю.

— Может, чотальцы тебе помогут...

- Наивный ты. Скажешь спасибо, если не попытаются убить.
- За что?
- А для профилактики. – Лицо Оша то ли от боли, то ли от злости, то ли от всего вместе стало как-то худее и резче, глаза горели злым красным огнём. Чотальцы, когда всё-таки решились войти в здание – по всем правилам, с оружием на перевес, прикрывая друг друга, – при виде учиненной резни и изменившегося лица Оша, как-то напряглись и посмурнели.
- У вас есть такие? – С вызовом спросил Ив, бросив Шаркави пулю.
- Обычная пуля. – Хмуро ответил тот. Судя по всему, он вообще Ива не понял. Для кипа и мероканского Волка зверством было использование подобных пуль и средств, от которых погибли люди в порту; для чотальцев дикостью показался способ, каким расправился с бандитами Ош. Домой они, освободив заложниц, возвращались настороженные и напряжённые.
- Всё-таки мы, хищники, существа благородные. – Заметил Ив.
- Нас обстоятельства изменили.
- У них тоже есть космические корабли.
- И это верно. – Ош замолчал, глядел на ночную муть за окном вездехода. Ив подозревал, что ему очень больно, но внешне это почти не выражалось – только в слегка искрив-

лённой позе да в обострившихся чертах лица.

Глава десятая.

Отчаяние.

Революция, свершившаяся в эти дни на Корте, была бескровной, красивой, мгновенной и окончательно-бесповоротной. Зила Таш готовила её тридцать лет, практически в одиночку, ценой бесконечных компромиссов и лавирования, а где-то и прямого давления сохраняя в неприкосновенности имущество, традиции, привилегии и права исчезнувших Высоких Домов. За это она постоянно подвергалась критике, порицанию и ответному давлению и Кинтаны, и наиболее радикальных мероканских новаторов. Всё было сохранено; в уравнение добавлен ещё один неизвестный, и в нужный момент было сделано то, что нужно. Засыпала Корта в полном неведении того, что Высокий Дом Мессейс существует со всеми вытекающими из этого общественными, политическими, экономическими и всеми прочими последствиями; проснувшись, она обнаружила его буквально везде. Заводы в космосе, плантации, острова, недвижимость, кредитные карты обрели владельцев в мгновение ока; данные Кейвара и Анны Мессейс оказались в памяти всех пропускных и охранных терминалов Союза, магазинов, медицинских, культурных, социальных и всех прочих учреждений Корты и Гешта. Виртуально Кейвар и Анна уже жили на Корте, являлись

владельцами огромного имущества Крови Руэл, опекунами множества объектов социальной и культурной сферы, клиентами всевозможнейших заведений; активированы и должным образом запрограммированы были андроиды и роботы в домах, виллах и квартирах, и уже начали расконсервацию и реконструкцию помещений. В одичавших садах главной резиденции Дома, плеонской виллы Руэл – а теперь Мессейс, – началось особенно бурное движение; андроиды срезали буйную зелень, выкорчёвывали лишнее, ровняли и посыпали песком дорожки, заново выкладывали фонтаны, пруды, аллеи, павильоны; и руководил всем этим древний, на сто рядов перечиненный андроид Шаркон, привезённый Руэлами с Мерака.

Плеона была третьим по величине мероканским мегаполисом Корты, после Дины и Луаны, но не производила впечатления такового. Располагаясь на равнине, среди невысоких холмов, и не имея космического порта, Плеона казалась слишком сонной и патриархальной для этого. Окружённая с одной стороны джунглями, а с другой – солончаками и болотами, жаркая, влажная, мистическая, как все, расположенные на болотах, людские поселения, романтичная и неторопливая, Плеона была особенно популярна у туристов с других планет, из-за самобытности архитектуры, обычаяв и строгости не только Кастовых, но и расовых различий и границ. Районы, где жили мероканцы разных Каст и рас, отлича-

лись друг от друга, как небо от земли, везде был свой уклад, свои нравы, своя архитектура, своё общественное устройство; здесь продолжали говорить на разных языках Старого Мерака, и даже существовали культы Ти и Мерц. Больше всего было здесь старых и многочисленных Домов Сайса, основанных красной мероканской расой; их просторные виллы утопали в зелени и были окружены водой: фонтанами, искусственными озёрами, бассейнами, прудами и каналами, – и цветами. Их обилие и разнообразие здесь были просто неописуемы. Конечно, вилла Мессейс славилась и искусственными прудами, и каналами, и цветниками; помимо того, в парке жили редкие на Корте птицы, все их кортианские разновидности, а в прудах и каналах жили пресноводные тюлени. Блудных Мессейс ожидало более чем роскошное жилище, сложенное из местного серого, с рубиновыми искрами, камня и белого дерева. Мерокано-кортианские дети и подростки, сопровождаемые гленками и собаками, заинтригованные и скандализированные, осаждали окрестности виллы, подглядывая за работами, и с нетерпением ждали появления Мессейс – родную Кровь самого преступного и проклинаемого существа в Известной Вселенной.

Их все ждали; о них все говорили. После того, как Анна Мессейс назвала себя на Савале, весь Союз говорил только о них. Говорили на всех планетах Союза и Лиги, на всех терминалах, на Биафра и даже Агой. Говорили о Грите и его странной команде, капитаном которой был какой-то неиз-

вестный пока мероканец – раз оба Мессейс сказали, что капитана на Гrite нет, значит, был ещё один?.. Ещё говорили, что Мессейс на самом деле не двое, и даже не трое, а несколько. Говорили… ждали. Напряжение всё возрастало там, где говорили и ждали. Вспоминали появление Нападающего Волка и трактовали это кто как: кто – как смерть для Л'вара, кто – как гибель для всех мероканцев и Корты. Говорили о Въерре: об убитых там то ли во время теракта, то ли облавы, о людях, которых спасали двое мероканцев, кортианин и Агой; о странном поведении кипов при расследовании этой трагедии, о молчании лорда Понтифика и Леди Факиа. Напряжение между мероканцами и кипами обострилось, возобновились стычки. Дом Гем не скрывал своей агрессии; мир между двумя расами висел на волоске. Все напряжённо ждали реакции Понтифика, но тот упорно молчал, и даже сами кипы начинали нервничать. Лорд Кор по собственной инициативе встретился с главами мероканских кастовых Советов, но это привело только к росту напряжения. Лорду Кору ясно дали понять, что кто бы ни был виновен в смерти Крови Гемов, а так же нескольких других Домов, он ответит, и мероканцы не станут делать исключение даже для Понтифика. Было ясно, как белый день, кого поддержат в этой ситуации кортиане, всегда обожавшие мероканцев, и как напряжённо ждут этого конфликта мятежные шхарианцы и непредсказуемые бардиане. Лорды были в растерянности; их жёны, почувствовав, что пришло их время, сообща

искали выход из кризиса.

Ив был зол гораздо больше, чем сам Ош; его взбесило циничное поведение чотальцев, которые просто ждали, чем всё закончится, не попытавшись помочь. Никуда не делась его вспыльчивость! Каким он был четыреста лет назад, таким был и теперь; он без обиняков заявил по пути Ошу, что никуда на корабле чотальцев и с их помощью не полетит.

— Мероканец, теперь моя очередь упрекнуть тебя в ребячестве. — Устало возразил Ош.

— Ну, и что. — Упрямо сдвинул брови Ив. — Пусть так. Кроме всего прочего, я им больше не доверяю.

— А вот это более сильный аргумент. Но разве у нас есть выбор?

— Есть! Забрать Гэвэнто, и попытаться улететь на их корабле самостоятельно.

— Ты сам-то понял, что сказал? — Пробормотал Ош. Они подошли к диспетчерскому центру и вошли внутрь.

Шаркави и Догар были уже там; они наверняка рассказали, какую резню устроил Ош на станции, и все смотрели на него с ужасом и даже неприязнью. Детей не было.

— Мы свою часть уговора выполнили. — Сказал Ош.

— Никто не ожидал, что вы сделаете это... так. — Произнесла одна из женщин. — Это слишком ужасно, и...

— А как вы себе это представляли? — Спросил Ош довольно-

но мягко. – Может, нужно было убить их тем же способом, каким убиты были здесь сотни? Или устроить перестрелку с киданием гранат и гибелью заложников? Или применить какой-нибудь газ, от которого у них почёрнели и распухли бы лица и вытекли глаза? Да, меня учили убивать жестоко и зре-лищно. Это шокирует и парализует волю, внушает ужас перед такими, как я. Таких, как я, на всей моей планете только восемь человек. Когда мы приходим на охваченный паникой объект, врываемся, чтобы освободить заложников или уничтожить террористов, сопротивляться решаются единицы.

– Я не знаю, что у вас за мир, – нервно сказала женщина, – но мы не хотим, чтобы наш ребёнок летел с вами.

– Предпочитаете смотреть, как он умирает?

– Мы попытаемся что-то сделать...

– Это невозможно здесь, на Чотал.

– Он сам так решил.

– Хорошо. – Сказал Ош. – Если он сам так скажет, пусть остаётся. Но если он хочет улететь, он улетит.

– Вам не достаточно нашего слова? Поверьте, никто из нас не поведёт корабль, если вы захватите одного из наших детей.

– Это я уже понял.

– Достаточно было того, как ваши люди бросили нас там, на станции, – добавил Ив, – чтобы всё понять.

– Вам не нужна была никакая помощь. – Возразил Догар.

– И ты это знал сразу же? Ещё до того, как вошёл на стан-

цию и увидел, что мы справились без вас?

— Я догадался по тому, как легко ты пошёл к станции. Ты наверняка знал, что тебя не могут убить.

— Убить меня можно. — Возразил Ив. — Особенно из укрытия, и особенно оружием, которое стреляет стальными пулями. Но когда со мной двое трусов, а внутри станции — мой друг, который просил помочи, я не вижу другого пути.

— Мы не струсили! — Повысил голос Догар.

— Возможно. — Усмехнулся Ив. — Вы просто решили, что нас убьют, и вы избавитесь от странных и не очень приятных вам пришельцев. А потом решите свою проблему сами. Знаете, что? Мне тоже не нравится ваш мир.

Ош быстро оглянулся. Он понял, гораздо раньше Ива, что у них серьёзная проблема. Чотальцы боялись их, и не собирались отпускать — потому, что уверены были, что они вернутся с другими инопланетянами, чтобы захватить их мир. Возможно, в этом страхе и был какой-то резон, он был логичен для чотальцев, но фатален для них. Невозможно было их успокоить и уйти просто так, да ещё с Гэвэнто. Все присутствующие были вооружены, и не ножами, а распылителями и огнестрельным оружием.

— И всё-таки у нас был уговор. — Напомнил он. — Сами мы не можем покинуть вашу планету, и я уже говорил, что выжить на ней не сможем.

Чотальцы переглянулись. Ош сильно рассчитывал на их лицемерный пацифизм; вряд ли они убьют их, если будут на-

деться, что они сдохнут сами по себе.

– Нам надо посоветоваться. – Сказала женщина. – Вы не против?

– Да нет. – Пожал плечами Ош. – Нам нужно отдохнуть. Но времени у нас, в самом деле, очень мало. Препараты кончаются, ещё немного, и отёк лёгких убьёт сначала Гэвэнто, потом моего друга, а затем меня.

Чотальцы снова переглянулись, теперь напряжение почувствовал и Ив, но он по голосу Оша понял ещё раньше, что тот говорит с умслом. Промолчал, не совсем ещё понимая, какую игру тот ведёт, но настойчивое упоминание о их бедственном положении показалось ему понятным, и он продемонстрировал плохое самочувствие, как умел: тяжело поднялся, демонстративно вытер пот.

Наверху тоже не было видно никого из детей. В комнате, куда Ош с Ивом вошли, было пусто.

– Они не выпустят нас с планеты. – Сказал Ош, как только они остались одни. – В их воображении орды страшных пришельцев-мясников с красными глазами захватывают Чотал и глумятся над ними самым непотребным образом. Мы им ничего не докажем и ничего не объясним. Мы должны выбираться отсюда сами, как угодно, бежать на базу Вэйхэ и запускать корабль. Другого выхода нет.

– Значит, будем действовать так. А Гэвэнто?

– Если они должным образом его обработали, он не захочет бежать с нами. Побоится. Мы не можем ему помочь про-

тив его воли.

– Но можно попробовать...

– Я не знаю, как нам выбраться отсюда даже и без него.

– А я знаю. На Разрушителе! Он стоит как раз с этой стороны, под выступом, нам нужно лишь спуститься и попасть внутрь. Ничего страшнее космического корабля в порту для Разрушителя здесь нет; да и тот только потенциально опасен, то есть, шансы справиться с ним высоки, даже если они рискнут поднять этот корабль и погнаться за нами.

– Хорошо. – У Оша слегка побледнели губы – ранение, тяжёлое для обычного человека, для него, конечно, было намного легче, но сказывались и усталость, и начавшийся процесс отторжения. – Нужно как-то добраться до Гэвэнто. Я должен точно знать, что сделал всё, что мог, чтобы потом мне было, что сказать членам его Дома.

Гэвэнто было очень худо. Препараты, которые оставил ему Ош, взрослые забрали, чтобы, как они сказали, «проверить» их; они рассказали, какую резню учинил Ош на станции, убив за несколько минут более пятидесяти человек; они были уверены, что Ив и Ош – только разведчики, которые приведут с собой других.

– У него глаза горели красным, я не шучу! – Твердил Догар. – Вы бы его видели там, это же.... Это же просто монстр какой-то! Стоит среди трупов, с ножей капает кровь, а вокруг головы, части тел, внутренности, мозги.... И ведь это были

не пацаны какие-нибудь, это были бойцы, закалённые, безжалостные, и вооружённые! Представляете, что будет, если сюда и на другие планеты явится сотня таких убийц?! Кто их остановит?!

— Может, яд? — Предложил Шаркави. — Нашу пищу они не едят, но может, ядовитый газ?

— А если не подействует? Что тогда? Хотите, чтобы он и здесь устроил то же самое? Чего ему это стоит?

— Без нас ему не улететь отсюда. Сами умрут. Нужно только потянуть время. — Предложила женщина. — Сделаем вид, что готовим корабль, скажем, что там что-то повреждено, что мы налаживаем, а когда им станет хуже... что-нибудь придумаем.

— Они всё-таки спасли наших детей. — Неуверенно произнесла мать близнецов. — Они спасли их, успокоили, вылечили. Защищали. Они и нас защищали, убив бандитов.

— Откуда ты знаешь, какие мотивы у них были при этом? Может, они полагали, что из детей и женщин сделать рабов легче, чем из взрослых и сильных мужчин?

— Я не знаю. Но мне не хочется их убивать. Я не могу этого позволить!

— Никто не собирается их убивать, если только они сами нас к этому не вынудят. Но и с Чотал их выпускать нельзя.

Гэвэнто слушал всё это, лёжа в соседнем помещении, и сомнения терзали его. Он верил пришельцам, пока был с ними; он успел по-детски влюбиться в Ива, его восхищал Ош, как

всякого подростка восхищает такой сильный и необычный человек. Он уже успел проникнуться предвкушением того, как полетит куда-то в другой мир; ему немножко жаль было Чотал, но он ничего не оставлял здесь. Родители его были мертвы; взрослые, которым было нисколько не жаль, что он скоро умрёт, его пугали. Он хотел бы как-то пообщаться с пришельцами, предупредить их, но ему становилось всё хуже. Нос не дышал; глаза были словно песком набиты, по всему телу расползались пятна и волдыри, а хуже всего было то, что и ртом дышать становилось всё труднее. Давление изнутри на лоб и переносицу становилось нестерпимым, он чувствовал раздражение и страшную усталость. Ёё, которая пришла утешить его, он обозвал тупой дурой; заплакав, она выбежала прочь. Гэвэнто сел. В вертикальном положении было немного легче голове и носу, но сильная усталость тянула прилечь. Те лекарства, которые дали ему взрослые, не помогали, ему казалось, что от них только хуже. Такого отчаяния он никогда не испытывал! А когда он увидел, что ногти его стали почти синими, со зловещими белыми пятнами, ему захотелось заплакать.

Ёё выскочила наружу, вытирая слёзы обиды и жалости. Ну, почему так?! Гэвэнто спас их всех, а пришельцы тоже помогли – а теперь с ними поступают так несправедливо? Кто сказал, что они непременно вернутся, чтобы захватить Чотал? Она не могла поверить, что синеволосый пришелец, который так ей понравился, может быть таким злым! С ран-

нега детства она была влюблена в Гэвэнто, но теперь ей казалось, что она любит и этого пришельца. Она и Гэвэнто продолжала любить, и не могла видеть его в таком состоянии и знать, что он неизбежно умрёт! Женская логика подсказывала, что когда не помогают честные способы решения проблем, помогут нечестные. Вряд ли ей вернут лекарства пришельцев, чтобы помочь Гэвэнто. Но их можно было украсть? Она сразу же прикинулась испуганной и возмущённой, когда ей рассказали про пришельцев все эти ужасы; поэтому её никто не подозревал. В диспетчерской сидели Догар и Мод, его подруга, они следили, чтобы никто не вошёл в комнату пришельцев, но Ёо туда и не собиралась, а на другие её передвижения никто не обращал внимания. Другое дело близнецы, которые устроили настоящий скандал своим родителям, доказывая, что пришельцы спасли их и взрослые поступают подло. Глупенькие! Всё, чего они добились – это того, что их заперли от греха! Ёо сделала чай и вошла к Шаркави и Барве, которые пытались изучить файлы пришельцев на своём компьютере.

– Я сделала чай! – Мило улыбнулась Ёо. – Вы так давно здесь сидите! Барва, не хочешь чаю?

– Хочу, спасибо, Ёо. – Устало ответила та.

– Не получается? – Участливо спросила Ёо, присаживаясь рядом. Лекарства – знакомые Ёо голубоватые, похожие на крохотные снежки, шарики лежали неподалёку, на полке, среди каких-то инструментов.

– Ёо, ты плохо разбираешься в компьютерах. – Вздохнула Барва.

– Мне просто скучно. – Надула губки Ёо. – Все остальные так разозлились из-за пришельцев, и вообще, так всё неприятно.

– Это скоро пройдёт. – Сказала Барва. – Прости, детка, мы очень заняты.

– Ой, можно мне взять телескоп? – Воскликнула Ёо. – Я хочу посмотреть на кого-нибудь!

– Возьми. – Позволил Шаркави, не поворачивая головы. – Только верни, когда я скажу.

– Спасибо! – Изображая инфантильную дурочку, пискнула Ёо. Никто не заметил, что она уронила на полку комочек ваты и забрала один шарик.

– Гэвэнто! – Прошептала она, вновь входя к нему. – Возьми! Помнишь, как говорил Ош? Положи под язык и глотай потихоньку.

Гэвэнто выхватил у неё лекарство с поспешностью, продиктованной силой его страданий.

– Приляг? – Робко предложила Ёо.

– Не могу лежать! – Резко ответил Гэвэнто. – Где взяла?

– Спёрла. Они пытаются загрузить в компьютер файлы пришельцев, только ничего у них не получается.

– Если у меня не получилось, у Шаркави и подавно не выйдет. Он – никто!

- Как думаешь, пришельцы умрут?
- Мы все умрём. – Мрачно ответил Гэвэнто. – Это в благодарность за спасение. Бандитов нет больше, и мы больше не нужны. Они даже лекарство у меня отобрали; им плевать на меня!
- Нужно что-то делать. Но я так не хочу, чтобы ты улетал!
- А чтобы я умер, хочешь?! – Резко спросил Гэвэнто, которому всё ещё было очень плохо. – Ты – как они! Пусть я лучше сдохну!!!
- Нет! – Воскликнула Ёо со слезами на глазах. – Как ты можешь говорить такое?! Я сделаю всё, чтобы тебе помочь, но я не знаю! Я придумала, как украдь лекарство, но я не знаю, как вытащить тебя и их отсюда! Вам нужны те файлы, правда? Они же не улетят без них! Гэвэнто, ты хоть чуточку пожалел бы, бросая меня?
- Ёо!
- Пожалел бы?!
- Ёо.... Ну, зачем ты глупые вопросы задаёшь? – Хоть и совсем юный, Гэвэнто был мужчиной, и не понимал, как рискует, стараясь в этой ситуации быть честным. Но глаза Ёо были полны слёз, и он всё-таки покривил душой:
- Если бы был хоть самый малюсенький шанс остаться с тобой и не умереть, я остался бы. Ты очень много значишь для меня.
- Ты меня любишь?
- Ну... да. Ты же знаешь!

— Я тоже тебя люблю, Гэв. — Призналась Ёо. — Мы вытащим файлы, и вы сбежите. Я что-нибудь придумаю. Только не забывай! Не забывай меня, пожалуйста!

— Не забуду. — Гэвэнто почувствовал, что она ждёт этого, и быстро поцеловал её в щёку, хотя ему всё ещё было так плохо, что ни о чём таком даже думать не хотелось. Ёо засмеялась сквозь слёзы, поцеловала его в ответ и потянула за собой. Они проникли в комнату, где она спала вместе с двумя маленькими девочками, и Ёо вытащила из-под постели шокер.

— Их там всего двое. — Сказала шёпотом. — Понимаешь?..

Ош принял лекарство и дал такое же Иву. Не смотря на препараты и на то, что они не ели и не пили ничего на Чотал, признаки отторжения уже появлялись — синевой на ногтях, сыпью на коже, краснотой глаз. Вышел из комнаты — в диспетчерской по-прежнему дежурили двое, посмотрели на него, но ничего не сказали, глядя, как он идёт в сортир. Ош закрыл дверь и огляделся. В их с Ивом комнате окон не было, что и заставило чотальцев поместить их туда. В сортире окна были, небольшие, под потолком. Ош колебался и не знал, как поступить. Убивать было нельзя — чотальцев и так оставалось мало, слишком мало, а этот корабль мог быть не последним. Не смотря на их неблагодарность, он, в отличие от Ива, зла на них не держал: они вели себя соответственно своим представлениям и своему менталитету, иначе они

просто не могли. В мире, где воевали друг с другом представители одной и той же расы, люди и не могли думать и чувствовать иначе. Гэвэнто нужно было спасти; не только потому, что он был почти то же, что Анна, но и потому, что он мог помочь Анне самим фактом своего существования. Чем больше было Мессейс, тем сложнее с уверенностью вычислить среди них двойника. Гэвэнто был бы даром судьбы для Анны и Кейва, которых Ош любил, обоих. Но как это сделать, не мог решить.

Он повернулся спиной к зеркалу и внимательно осмотрел спину. Рана выглядела не плохо, но боль была сильной, иногда от неё захватывало дух. Ополоснул лицо и руки, поправил кофту. Решения всё ещё не было; а что предложит Ив, знал и принять не хотел.

Шаркави и Барва сидели совсем рядом – возможно, только что целовались, а то и... Гэвэнто и Ёо переглянулись, пихнули друг друга. Ёо, держа в руках микроскоп, впорхнула в помещение и защебетала:

– Ой, я не помешала вам? Я принесла его обратно. Вы ели? Я могу приготовить вам что-нибудь, у нас полно консервов, была ягода, но малыши её слопали, а вообще-то, это было очень вкусно, если сходить завтра в степь, можно набрать ещё, я, наверное, пойду, потому, что здесь так скучно, так скучно!

– Ёо! – Резко и неприязненно одёрнула её Барва. – Уже

поздно; может, пойдёшь спать?

– Девчонке скучно. – Более миролюбиво произнёс Шаркави. – Что ты на неё кричишь?

– Пусть идёт и... – Барва вскрикнула, когда Шаркави вдруг начал падать на пол; но не успела ничего сделать: её тоже ударило зарядом шокера, и она свалилась на пол рядом с ним.

– Положим их на постель! – Хихикая, предложила Ёо. – Если кто-то заглянет, подумают, что они прилегли для одного дела!

– Дурочка ты! – Гэвэнто смутился, но тоже заухмылялся. Они перетащили парализованных мужчину и женщину на кушетку, уложив друг на друга, потом, всё так же хихикая, извлекли файлы вместе с носителями. Гэвэнто уже было намного легче; насморк не прошёл, но нос уже не был заложен, глаза не болели, и дышать было легко. Сыпь осталась, но зуда тоже не было, и от этого у него резко поднялось настроение. Теперь нужно было как-то дать знать пришельцам, что файлы у них, и что можно сбежать.

– Легко! – Сказала Ёо. – Их караулят, но в сортир-то они ходят?..

Ош оперся руками о край умывальника, нагнулся вперёд, рассматривая собственное лицо. Глаза были красные, но сыпи не было. А вот у Ива уже появилась... Ещё сутки с небольшим, и Ив станет не дееспособен. А главное, Гэвэнто...

На зеркале был нарисован предмет, и стрелка, недвусмысленно указывающая вниз. Ош нагнулся и заглянул под умывальник.

Ош вышел из сортира, и Догар с его девушкой повернулись к нему.

– У меня небольшая проблема. – Сообщил Ош. – Я немногого пострадал во время нападения. Не хотелось признаваться, но выхода нет. Посмотрел сейчас в зеркало… – Он повернулся и приподнял кофту.

– Ничего себе! – Воскликнула Мод. – Немного?! Да тебя же подстрелили!

– Пулю извлекли? – Спросил Догар. Не смотря ни на что, он смягчился – странное свойство человеческой натуры.

– Боюсь, что нет. Мы не пользуемся огнестрельным оружием, электричество в наших мирах открыли раньше, чем порох, поэтому, что делать с огнестрельными ранениями… Мы плохо представляем. – Закончил он, выключая шокер. Мод приподнялась, готовая закричать, но Ош легко, почти ласково коснулся её шеи, и она упала на пол.

– Я не пошутил насчёт электричества. – Закончил впустоту Ош. – Мы очень хорошо знаем, что с ним делать.

Из соседней двери мгновенно высунулись Гэвэнто и Ёо. Они ждали – если бы в сортир пошёл не пришелец, Ёо готова была поспешить туда и уничтожить надпись на зеркале под каким-нибудь предлогом.

– Ты, правда, ранен?! – Прошептала Ёо. Ош покачал го-

ловой:

– Это ерунда.

– Вот файлы. – Гэвэнто отдал ему три стержня с синей, зеленоватой и оранжевой начинкой. – Нужно как-то выбраться, я лечу с вами. Если получится.

Наружу они втроём – Ёо, поцеловав Гэвэнто, заплакала и убежала к себе, – выбрались через окна сортира. Ив открыл люки Разрушителя, и они забрались в кабину. Машина ожила, двинулась, выехала на открытое место и встала на длинные трёхпальые ноги. Из здания выбегали вооружённые люди, кричали, стреляли – в том числе и из распылителя, но Ош ещё раньше перенастроил их все, чтобы дети случайно не причинили непоправимого ущерба себе и зданию, и вреда Разрушителю они причинить не могли, а другое оружие на него не действовало. Ив направил машину в степь, в сторону базы Вэйхэ.

Разрушитель передвигался быстро, намного быстрее вездехода, на котором Ив и Ош приехали в порт, но достаточно долго для того, чтобы чотальцы догнали их, правда, не на корабле – на трёх вертушках и одном вездеходе, том самом, на котором ездили на базу дети, и который очень походил на земной современный танк. Он нёсся с завидной скоростью, не разбирая дороги, и не очень-то отставал от Разрушителя. Ош по-прежнему хотел обойтись без стрельбы, к тому же, Разрушитель характеризовал преследующую их технику, как не представляющую серьёзной угрозы.

– Но даже если и такая будет палить по нам, не переставая, – заметил Ив, недовольный миролюбием Оша, – то, в конце концов, у неё всё получится.

– Будем надеяться, им надоест.

– Как мы покинем Разрушителя возле базы?!

– Не знаю ещё. Там увидим.

Рассвело очень быстро. Разрушитель покрывал километр за километром, широко шагая длинными членистыми ногами. Зрелище со стороны было, наверное, презанятное: несётся по голой степи исполинский железный робот, а за ним – танк и несколько странных летательных аппаратов, которые Гэвэнто называл вертушками, но они совершенно не походили на вертолёты и издавали при полёте неприятный стрекочущий звук. «Ноги» Разрушителя вспарывали мхи, разворачивали влажную землю, расплёскивали небольшие озерца и болотца. Эта комичная и несколько несуразная гонка продолжалась несколько часов и окончилась возле фермы.

– Мы не хотим стрелять! – Крикнул Ив по внешней связи. – Но мы будем стрелять, если вы нас вынудите!

Вместо ответа чотальцы открыли стрельбу, но не по Разрушителю, а по ферме!

– Идиоты!!! – Заорал Ош. – Корабль не разрушить!!! Но если нарушите защиту, это же радиация и антигравитатор.... Да пошли вы все!!! Сами захотели...

– Смотрите! – Перебил его Гэвэнто, указывая на один из экранов. В небе висел длинный каплевидный объект, свет-

лый, почти не выделяющийся на фоне неба. Разрушитель идентифицировать его не мог, о чём и сообщил столбом быстро бегущих фраз. Зато Ош узнал: это был корабль Вэйхэ, немного больше, чем тот, на котором сюда приземлились они. Не было никаких сомнений в том, как поступят Вэйхэ, увидев атаку своей базы; Ош, Ив и Гэвэнто покинули кабину Разрушителя и со всей возможной скоростью бросились к зданию. К этому моменту чотальцы уже обнаружили новый объект и переключились на него.

Внутри базы ничто не изменилось с того момента, как Ив и Ош покинули её, только тела ещё сильнее пострадали от набегов животных. Что происходило снаружи, выяснить было некогда.

– Это серые?! – Задыхаясь, спросил Гэвэнто и получил в ответ только торопливое: «Да!»

Корабль ожил, когда Ош вставил в гнездо пластину.

– Опасность снаружи! – Сообщил он, едва они проникли в шлюз. – Чужие на борту!

– Да пошёл ты... – Пробормотал Ош.

– База атакована! – Продолжал талдычить корабль. – Чужие на борту!

Тем не менее, шлюз закрылся за ними, беспрепятственно запустив в недра корабля.

– База атакована! – Не унимался корабль. – Необходима эвакуация!

– Так эвакуируйся, маре тебя пожри! – Крикнул на лингве

Бехидже Ош. – Старт! Пошёл! Вперёд! Полетел!

– База атакована! – Ответил корабль. – Необходима эвакуация!

– Смотри… – Ив уселся в кресло перед терминалом, – сюда подойдёт наша пластинка… Рискнём? – И, взял пластину у Оша, воткнул её боком, массой тонких стерженьков, в подходящее гнездо.

Старт корабля выглядел менее эффектно, нежели на Савале – чотальцы не успели нарушить защиту, и раскрывшаяся крыша выпустила узкий фиолетовый луч на каких-то пару секунд, тут же погасив его и закрывшись. Самого корабля никто не увидел; уцелевшие после жестокой атаки неизвестного корабля чотальцы так и не поняли, что произошло. После появления этого непонятного луча исчезла и ферма – Вэйхэ уничтожили обнаруженную базу. Потом исчез корабль. Никогда больше на Чотал не видели ни Гэвэнто, ни пришельцев, подобных Иву и Ошу, ни кораблей Вэйхэ.

Ив и Ош, едва корабль стартовал, попытались выяснить, куда он летит. Оба надеялись, что летит он обратно на Савалу; но не похоже было – символ конечной остановки Ошу опять был не знаком.

– Будем надеяться, что летим мы не на Гонвед. – Решил Ош. – Делать нам там нечего.

– У нас не осталось другого выхода. – Решил Ив. – Нужно связаться с Гритом.

– Опасно.

– Знаю, но выбора нет. Мы не в состоянии контролировать этот корабль, и не сможем справиться с Вэйхэ там, куда он летит – второй раз нам не повезёт так, как на Чотал. Я сделал передатчик из своего браслета, надеюсь, нас услышат.

Пока Ош пытался совместить компьютер корабля и найденные чипы, Ив активировал свой браслет, используя энергию корабля, чтобы усилить сигнал, и объяснял Гэвэнто, что это такое.

– Если бы это был волновой сигнал, – говорил он, – то такой сигнал мог бы блуждать по Вселенной десятки лет и заглохнуть, так никому и не доставшись. Но это – сигнал особого рода. Это мой личный сигнал, и его уловит только тот, кто ждёт этого и постоянно прослушивает Вселенную, ожидая его. Выгода такого сигнала в том, что через минуту после того, как я его дам, его можно будет уловить соответствующими приборами в любой точке Вселенной. Он слабый, но усиливается возле жёлтых звёзд, что странно, но факт. Случайно его засечь почти невозможно. Я надеюсь, что Грит ждёт моего сигнала, и узнает его. А вот когда и где он сможет нам помочь, и сможет ли, я не знаю. Я ведь даже не знаю, где мы.

– Ну, вот. – Закончив хлопотать с браслетом, сказал он наконец. – Я послал сигнал, теперь осталось только ждать.

Грит пребывал в неуверенности и расстройстве; и в таком

же состоянии пребывал его экипаж. Ва и Тайнар настаивали на том, чтобы искать терминал, на котором кипы держали Шена, так как его же искал сам Ив, и логично было ждать его там. Анна была против – она боялась, что придёт сигнал от Ива, когда они будут в гипере, и они не смогут отреагировать мгновенно.

– А что делать? Ждать неизвестно, чего? Торчать на месте? – Горячилась Ва. Кейв, который принципиально был против Ва, предлагал искать не терминал, а корабль Странников, на котором Ив покинул Гонвед. По его мнению, ждать просто так неизвестно, чего, тоже смысла не было.

– Мне кажется, ждать недолго. – Возразила Анна Кейву. – У меня такое чувство, словно вот-вот что-то произойдёт. Честно. Не знаю, что, когда и как, но думаю, что произойдёт всё-таки. Меня с утра мандрожит, у меня такое бывает только перед каким-то важным событием.

– Можно попросить полететь к тому терминалу и поговорить со Странниками Тарву Заэм. – Посоветовал Тайнар. – Адрия будет лететь туда гораздо меньше времени – она сейчас возле Корты, а это ближе почти на неделю. Думаю, она не откажется.

После долгих и бесплодных споров – спорили они уже просто потому, что все устали, от космоса, от поисков, от тревоги, – всё-таки приняли этот вариант. Тарва, после сеанса короткой связи, согласилась на этот полёт и эту беседу, хотя и не скрывала своего недовольства. Грит остался возле

выбранной звезды. Ожидание чего-то, что должно вот-вот произойти, мучило только Анну; остальные ничего такого не чувствовали, и уже не знали, как убить время. Анна же не знала, куда себя деть. Сколько бы она потом не думала над этим, понять, что именно заставляет её предчувствовать такие вещи, она всё равно не могла, знала только, что подобное чувство никогда не обманывало её.

— Мне кажется, Анна, — сказал ей Грит, когда она, не находя себе места, нарезала уже пятнадцатый круг по крипту, — что я поймал сигнал моего капитана.

— Почему кажется?

— Он слабый, и немного отличается от того сигнала, каким был бы прежде. Я делаю поправку на его изменившееся физическое состояние, и мне кажется, это он.

— Он в беде! — Воскликнула Анна. — Он не подал бы сигнал, не нуждаясь он в помощи! Где он?!

— Очень далеко. За пределами Известной Вселенной, так далеко, что я не могу пока определить даже приблизительно. Но я ищу.

— Вызови всех! Я знала, что это случится! — Сердце её бешено забилось. — Я чувствую, что это, наконец, произойдёт! Мы его найдём!

На этот раз момента выхода заметил не занятый ничем Гэвэнто. Ив с Ошем с головой ушли в сложные расчёты последнего, и не видели, как волна прошла по обзорным экранам

корабля, стирая серую муть и открывая звёздную бездну.

– Эй, что это? – С тревогой воскликнул он. Ив поднял голову.

– Мы вышли. – Сказал рассеянно и снова склонился над панелью, почти касаясь синей макушкой золотистой макушки Оша; вдруг сообразил, толкнул кинтанианина:

– Мы вышли! Эй!

– Не «эй», а лорд Ош. – Возразил тот, поднял голову. – Однако, и правда, вышли. Знать бы ещё, куда.

– Планета, – полуносхищённо, полуиспуганно сказал Гэвэнто. – Похожа на Чотал.

– Корабль опять садится. – Заметил Ив. – Ох ты, а это что?!

Из черноты космоса, бесконечно раскрываясь само из себя, вылуплялось Нечто, огромное и пугающе-непонятное.

– Гонвед! – Воскликнул Ош, сообразив это первым. – Сами пожаловала! Есть смысл вопить «Караул!» на всю Вселенную! Даже Лига лучше!

– Может, успеем сесть… – Пробормотал Ив, глядя на стремительно приближающуюся поверхность планеты. Пугающее чувство катастрофы возникло в нём. Из этой ситуации не могло быть выхода. У них не было ничего, ни подходящего оружия, ни лекарств, ни защитных костюмов; они были больны – не смотря на стерильный воздух космического корабля, процесс, запущенный на Чотал, продолжался, не смотря на все старания Оша. Сверху была Гонвед; внизу на-

верняка их ждали. Не может им повезти опять так же, как на Чотал! Мысли неслись с той же скоростью, с какой корабль приближался к поверхности. Он опять попадёт на Гонвед, его опять убьют, вырастят нового офта, что ещё? Что будет с Ошем, с Гэвэнто? Что будет с Гритом, который прилетит за ними?

Ош включил передатчик прежде, чем корабль сел: ни о какой конспирации уже речи не было, теперь одна была надежда, что Грит успеет их спасти. Невероятно, но им опять повезло, хотя бы в том, что в круглом помещении, куда их выпустил корабль, полном воды, бликов света, сделанном из какого-то блестящего камня, было только четверо Бехидже. Они то ли не получили никакого сигнала от Гонвед, то ли не ожидали такого натиска: Ив начал стрелять прямо от шлюза, упав на одно колено, Ош сразу устремился вниз, и они смогли прорваться из этого помещения в тёмные галереи с множеством тонких колонн. Только там Ош остановился, откинулся к стене, зажмурился, скрипнув зубами. Лицо его было серым и блестело от пота; одежда на левом боку обуглилась, сквозь чёрную корку ожога сочилась ярко-алая кровь. Правой рукой он пытался залезть в кармашек с остатками лекарств, но пальцы не слушались. Ив, отдав оружие Гэвэнто, сам расстегнул клапан, вынул всё, что там было. Ош указал на ампулу и жёлтую салфетку:

– Заверни ампулу в ткань и раздави... Намокла? Лепи на рану. – Вскрикнул и стукнулся затылком о стену, когда Ив

приложил мокрую салфетку к ожогу. Задышал часто, неглубоко, ожидая, пока утихнет самая сильная боль.

– Надо уходить. – Виновато сказал Ив. Ош молча отстранился от стены и пошёл вперёд.

Галереи вывели их на террасу, грубо вырубленную прямо в скале, над глубочайшей пропастью. Затянутая туманом, внизу простиралась лесистая равнина: плоские вершины деревьев выступали над поверхностью туманного моря.

Гэвэнто первый, пока Ив, поддерживая Оша, потрясённо смотрел вниз, заметил немного в стороне спуск. Вырубленные в скале ступени опасно уходили в пропасть, без каких либо перил и без какой-либо защиты.

– Справишься? – Спросил Ив, Ош сверкнул мимолётной улыбкой:

– Легко!

Ступени оказались крутыми, но надёжными, и это только сверху казалось, что они ничем не защищены: лестница была проложена так, что её прикрывали то камни, то кустарник от ветра, посторонних взглядов и от пропасти, которая неизбежно заставила бы закружиться самую крепкую голову. И, тем не менее, Ив почти не верил, что им удастся спуститься – перед глазами продолжал стоять жуткий ожог на теле Оша, он не мог забыть, что тот двигается с ЭТИМ. К тому же, там, наверху, могли остаться живые; да и Гонвед была слишком близко. Но никто не помешал им спуститься, и не попытался напасть. Они очутились внизу раньше и легче, чем рас-

считывал Ив; Ош не отстал и выглядел лучше, чем в первый момент – обезболивающее уже действовало. Они оставили в расщелине всё, что могло выдать их поисковым системам, оставив при себе только холодное оружие и браслет Ива, который был их единственным шансом на спасение. Ни Ош, ни Ив даже представить себе не могли, что за мир перед ними, но оба были уверены, что здесь есть маяк. Это был очередной мир двойников; размах эксперимента Шитахи поражал воображение: зачем ему это?! Сколько времени, сил, риска – ради чего? Ради одного – единственного двойника? Так чего же он от него хотел? «Он не оставит Анну в покое! – С ужасом думал Ош. – Если он пошёл на такие затраты и жертвы, чтобы получить её, он ни перед чем не остановится! Пока он жив, Анна будет в опасности всегда и везде».

Он отдал Иву и Гэвэнто пакетики с двумя шариками и сказал спокойно:

– Это всё, что осталось. Когда их действие кончится, нам конец. Надеюсь, много времени не пройдёт, и умрём мы не очень мучительно. Молитесь кому-нибудь или чему-нибудь, чтобы Грит нашёл нас прежде, чем процесс станет необратимым.

Ив молча обнял за плечи погрустневшего Гэвэнто и увлёк его на тропу между камней.

Какое-то время они шли в тумане, не видя дальше метра вперёд, и стараясь не потерять тропу; но скоро, по мере того, как местное солнце поднималось всё выше, туман начал та-

ять, обнажая всё большее пространство. Это было красивое и дикое место; разнообразная и причудливая зелень свидетельствовала о том, что это место жаркое и влажное, и находится в тропической зоне; очень много было воды: ручьи, речки, водопады, озёра и родники повсюду, очень чистые, в большинстве своём мелкие, с множеством цветных и белых, сверкающих на солнце, камней. Очень быстро Гэвэнто снова захлюпал носом; у Оша покраснели и воспалились глаза. Он тяжело дышал и часто отступался и спотыкался, но от поддержки Ива пока отказывался. К этому моменту они уже одолели спуск в долину среди камней и скал, и очутились на берегу мелкого озера с чистейшей водой, в которое низвергался небольшой водопадик. Вокруг озера обильно цвели алыми и белыми цветами невысокие, но густые кусты, над которыми порхали мелкие цветные птички, мелодично посвистывая и щебеча. Ош сел на камень, широко расставив длинные ноги, и уронив голову на руки. Гэвэнто присел рядом, набрал в пластиковый пакет воды и приложил холодный пластик к щеке Оша. Тот, не открывая глаз, подставил под холодное лоб.

Ив не сел. Запрыгнув на другой камень, он напряжённо оглядывался и прислушивался. Его тревожило, что нет никаких признаков погони; не было и признаков того, что где-то сел, или собирается садиться космический корабль. Признаков присутствия человека не наблюдалось тоже, а значит, они оказались в совершенно дикой местности, где можно бы-

ло запросто ожидать нападения диких зверей. Достаточно было вспомнить некоторые образчики кортианской и даже кинтанианской фауны, чтобы тревожиться не на шутку.

— Нездоровая какая-то хрень происходит. — Озвучил он, спрыгивая с камня. — Как ты? — Обратился к Ошу.

Тот поднял голову и посмотрел — и только. Выглядел он плачевно. Обычного человека такой ожог свалил бы с ног; Ош тоже переносил его с трудом. К тому же, он страдал от сильнейшей аллергии и от предыдущего ранения. Ив, оценив его вид, присмотрелся к нему внимательнее. Обманчиво-худощавый, Ош сделан был из железа; тащить его будет трудным делом!

Но пока он шёл сам. Тропа привела их на каменную дорогу, давно заброшенную — растения уже начали разрушать её, но идти по ней было намного легче, чем по тропе. Ослепительно-жёлтое солнце клонилось к закату, когда дорога привела их в очень странное, величественное и даже немного пугающее место.

Сначала они увидели статуи: заросшие выюющимися лианами и слегка повреждённые временем, они выглядели всё ещё внушительно и грозно. Два существа, по виду — ящеры, стоявшие на задних мощных лапах, в передних они держали странного вида жезлы, в виде фигур карликов с длинными носами и узкими злыми глазками. Хвостов у ящеров не было, они выглядели человекообразно, и в то же время ужасающе реалистично. Ноги их попирали какие-то фигуры, ко-

торые было не опознать под лавиной растений и цветов, но почему-то все трое подумали о людях. Зрелище было неприятное. Пройдя под статуями, они очутились на открытом месте – относительно открытом, перед самым величественным зданием, какое им всем до сей поры приходилось видеть.

В скале был вырублен храм, к которому вёл веер ступеней; высота толстенных колонн достигала доброй сотни метров. Камень был чёрный, с розовыми прожилками, образующими благородный и странный рисунок; а самое странное заключалось в тонком водяном занавесе, скрывающем недра храма. Древние строители ухитрились вывести по карнизу водопад таким образом, что он проливался вниз широкой, почти сплошной лентой, стекая по ступеням в бассейн в центре площади перед храмом. Посреди бассейна была ещё одна статуя: опять ящер, на этот раз сидящий почти в человеческой позе и державший на коленях каменное блюдо, которое сразу наводило мысль об алтаре и подношениях. Выражение глаз и морды ящера свидетельствовало о том, что вряд ли это были цветы и фрукты. Орнамент по краям бассейна из человеческих черепов косвенно подтверждал эту мысль.

Дойдя до этого бассейна, Ош без сил опустился на его край и сказал:

– Всё. Дальше я не могу. Это место не хуже других для того, чтобы ждать.

– Может, войдём внутрь? – Ив показал на храм. – Там мы хоть будем не на виду.

– Я не люблю чужие храмы. – Ош устало прищурился на водяные шторы. – Тем более, такие. И кто тебе сказал, мероканец, что местная фауна не обжилась там?

– Защитное поле?

– Энергия кончилась. Ещё на Чотал.

– Я поменяю салфетку. – Негромко предложил Гэвэнто.

Ош приподнял руку, Ив поддержал его, и Гэвэнто осторожно заменил салфетку. Кровь уже не шла, но ожог выглядел страшно. Кожа сгорела до мяса, на участке больше человеческой ладони. Обычный человек в таких условиях не выдержал бы одной только боли.

– Мне здесь не нравится. – Наставал Ив. – Мы слишком на виду. И тихо здесь – там были птицы, насекомые, зверьки всякие, а здесь никого нет! Ош, здесь близко; мы с Гэвэнто тебе поможем. Давай, поднимайся.

Они дошли до ступеней, с которых вид на водопад и колонны стал вообще подавляющим. Колонны были украшены резьбой: черепа, звери, поедающие человеческие сердца, крылатые змеи, маски какого-то бога со звериными клыками, в общем, довольно навязчивые мотивы смерти и жертвы. Прекрасные барельефы, изображающие свирепых воинов, вооружённых каким-то ритуальным оружием и украшенных перьями; снова ящер с фигуркой карлика, головы каких-то химер, иероглифы, что-то рассказывающие на неведомом языке. Всё это было очень древним, слишком древним. Это был очень старый мир. Ив и Гэвэнто, поддерживая Оша, под-

нялись по ступеням и миновали водяную завесу, и правда, очень тонкую – они даже не успели намокнуть.

И попали в целый лес тонких, как в памятной галерее, колонн. Потолок терялся во тьме, если он был; колонны и их тени, и сумерки вокруг – не видно было ни стен, ни окончания зала. Когда-то всё это, конечно, освещалось огнём, но сейчас здесь было страшно.

Ош видел лучше: он видел статуи во мраке, за колоннами, всё того же ящера, видел впереди вход в святилище, по обе стороны от которого стояли такие же статуи, и во мраке святилища – ступени и нижнюю часть алтаря. Что на алтаре, ему знать не хотелось.

– Наверное, мы и правда, зря сюда сунулись. – Сказал Ив, и слова его отозвались эхом где-то далеко вверху, откуда с шелестом расползлись по всему залу. Ощущение было странное, от которого мурашки поползли по всему телу.

– На самом-то деле, – признался Ив, – я надеялся найти здесь небольшое помещение, где легче, если что, обороняться.

– Это не их размерчик. – Хрипло произнёс Ош. – Они по мелочам не прикальывались.

В конце концов, они устроились у стены сразу возле входа, под защитой статуи какого-то воина. Ош с облегчением вытянулся на полу и закрыл глаза. Почувствовал дрожь в камнях, на которых лежал, и слабо усмехнулся.

– Земля того… – Прошептал через несколько минут Гэ-

вэнто, перестав жевать гематоген. – Трясётся!

Ив замер, прислушиваясь.

– Гонвед? – Тихо спросил Ош.

– Сиди здесь. – Сказал Ив Гэвэнто. – Держи нож. Я выгляну наружу. – И, взяv в каждую руку по ножу, с которыми Ош так и улетел с Чотал, двинулся к выходу.

Изнутри сквозь водяную завесу видно было всё прекрасно. С той же стороны, откуда пришли они сами, от статуй, широкими шагами приближался ящер – не такой, как статуи, но тоже грозный. Как и тот ящер, он передвигался на мощных задних лапах, но у него был хвост, и морда была вытянутой. Сильно загнутые углы пасти и вытаращенные глаза придавали ему комичный вид, этакую идиотскую ухмылочку, но зубы из пасти торчали такие же опасные, какими были когти на передних лапах. Ящер остановился возле бассейна, понюхал опрометчиво брошенную ими салфетку, вытянул шею, встряхнулся, мотанув складками серой, с красным узором, кожи и протяжно свистнул. Ив вздрогнул, приходя в себя. Ящер был огромный, метров шести в длину с хвостом, и четырёх, не меньше, в высоту. И, тем не менее, Ив уже машинально прикидывал, как и куда будет бить, сильнее сжимая рукояти ножей. Зверюга принюхивалась, смешно поводя идиотской мордой, замерла, уставившись прямо на Ива. Горло её надулось, издав стрёкот и треск, она припала к земле, а потом, оттолкнувшись задними лапами, одним прыжком преодолела всё расстояние до лестницы! Ив был

так сосредоточен на предстоящей схватке, что не замечал того, что браслет на его руке ожил и мигает зелёным и оранжевым огоньками вызова; он не сводил глаз с ящера, приближающегося к нему. Неожиданно сверху стремительно налетела тень, синие и жёлтые сгустки плазмы и огня вспороли хищника в мгновение ока, отшвырнув в сторону ещё до того, как Ив услышал звук выстрелов. Изящная боевая машина, похожая на наконечник копья, опасно скользнула над ступенями и взмыла вверх. Остановилась на небольшой высоте, и стала подавать какие-то сигналы, которых Ив понять не мог. Несколько секунд он стоял, глядя на неё, потом краем глаза уловил мигание, перевёл взгляд на руку – и включил браслет.

– Меня кто-нибудь слышит? – Услыхал он женский голос. – Ош, Ивайр, вы живы? Это вы? Отвечайте!

– Это я. Ивайр. – Сказал он. – Мы в храме, за водопадом. Ош сильно ранен, ему срочно нужна помощь.

– Поняла! – Взволнованно ответила женщина. – К вам лягут катер, сейчас вас заберут. Держитесь! Я здесь, если что.

Ив бросился к Гэвэнто и Ошу.

– За нами прилетели! – Воскликнул он, склоняясь над Ошем.

– Он без сознания. – Испуганно ответил Гэвэнто. – Как ты ушёл, он попытался подняться, сказал, что здешнему богу достаточно будет его одного, а потом упал и отключился.

– О, нет! – Падая на колени, воскликнул Ив. – Только не это! – Схватил в ладони голову Оша, встряхнул легонько,

позвал. Проверил пульс и едва не закричал от отчаяния — сердце почти не билось, лёгкие и слабые удары были прерывистыми, не ритмичными. — Беги к выходу, — велел Гэвэнто, — сейчас там приземлится катер, встречай их и торопи!

Гэвэнто бросился к выходу со всех ног, и успел увидеть приземление катера. Плоская красивая машина мягко опустилась на землю возле бассейна, поднялись вверх люки, и наружу выпрыгнули мужчина и женщина в чёрной одежде.

— Сюда!!! — Завопил Гэвэнто, размахивая руками, — он умирает!!! — И они со всех ног бросились к нему.

Ва, первой оказавшись возле Оша, упала на колени и, глянув на ожог и проверив пульс, нажала что-то на своём браслете. Тот выбросил крохотную жёлтую ампулу, которую Ва быстро прижала к венам на запястье Оша.

— Это поддержит сердце. — Сказала. — Быстро, в катер его.

Они погрузили по-прежнему бесчувственного Оша в катер, и Ив сел рядом с ним, чтобы поддержать, если будет нужно, а Гэвэнто пристроился поближе к пилоту — молодому гардианцу с синими глазами. Тот так интересно управлял катером! Часть операций он совершал, как все, на терминале, манипулируя различными цветами и очень небольшим количеством символов; часть — чертил пальцами прямо на экране перед собой. Гэвэнто показалось, что и в воздух он поднял катер, проведя рукой плавную дугу. Мгновенно промелькнуло внизу весь их трудный путь, галерея в скале, горная гряда, за которой потянулась каменистая пустыня, какие-то раз-

валины, останки древней дороги. Катер ненадолго приостановился, Тайнар включил антигравитатор, и они стремительно ринулись в космос. Мгновенно раскрылась полная огня и мрака бездна, в которой они увидели корабль. Нет, Корабль! Гэвэнто никогда не видел рукотворного сооружения таких размеров – он родился в колонии, где всё ещё было компактно; Ив догадывался, что Грит необыкновенен, но не представлял себе, насколько. Несколько машин, таких же, как и та, что спасла его от ящера, казались крохотными искрами, ловя солнечный свет на фоне поверхности Грита; при виде катера они перестроились и составили какую-то фигуру.

- Это приветствие капитану. – Пояснил синеглазый пилот.
- И кто капитан? – Спросил Ив.
- Ты, Кайл Ивайр. – Ответила Ва. – Зацени.
- Этого не может быть! – Растерянно возразил Ив. – Каким образом?
- Мессейс отдали его тебе, потому, что пока он принадлежит им, он принадлежит и Л'вару. Они хотели обезопасить себя и Союз. Вот и... а в итоге мы всю Вселенную прочесали в поисках тебя, потому, что без тебя корабль неуправляем.
- Но почему я раньше этого не знал?! Ты мне почему не сказала??
- Тогда я ещё не знала; а так-то нельзя было. Представь, что началось бы, узнай все остальные, что капитан Грита не на Грифе, а так, в свободном полёте? А если бы Шитаха узнал?

– Кстати, – вспомнил Ив, – здесь была Гонвед?

– Была. Благодаря ей мы тебя и нашли, сигнал был слишком слабый, а расстояние до сюда оё-ёй, какое, мы так далеко, что и представить невозможно. Как он? – Она перевела взгляд на Оша. – Дышит?

Ив коснулся пальцами артерии на шее.

– Не… – Начал было, но пальцы уловили слабое движение, и он перевёл дух. – Дышит.

– Прибыли. – Успокоила его Ва. – Сейчас в реанимацию, и всё будет в порядке.

– А что шипит? – Рискнул спросить Гэвэнто, когда катер прошёл шлюз.

– Горячий пар. – Объяснил Тайнар, так охотно, что притихший было Гэвэнто воспрянул духом. – Мы же из космоса, где немного холоднее, чем в шлюзе. – Улыбнулся Тайнар. – Мы наружу даже носа высунуть не смогли бы, пока эта штука не остыла.

– Понятно! – Совсем, как Анна, ответил Гэвэнто.

Анна очутилась в ангаре раньше них, и выпрыгнула из кабины истребителя, когда Оша только-только начали выгружать наружу. К ним уже спешил Кейв с пневматическими носилками; опередив его, Анна бегом бросилась к катеру. Первый её порыв был посвящён именно Ошу; смуглого синеволосого мужчину, бережно поддерживающего голову и плечи кинтанианина, она заметила мельком. Схватила Оша за руку, спросила тревожно:

– Что с ним такое?!
– Пулевое ранение, ожог, отёк лёгких и отравление. – Сказал смутно знакомый голос. – Многовато даже для мутанта.
– Многовато… – Вздохнула Анна, отпуская руку Оша и оставляя его Кейву и роботу-носильщику. И вдруг не просто заметила, а физически ощутила говорившего. Каждая клеточка её тела содрогнулась и замерла. Преодолевая внутреннее сопротивление, она повернулась к нему всем корпусом и заглянула сразу же в глаза, до боли знакомые, лунно-серые, в пушистых синих ресницах.

– Ив? – Спросила толи у него, толи у себя.
– Ты Анна. – Утвердительно произнёс он с каким-то странным выражением в глазах. – Конечно.
– Похожа на него, да? – Отступив на шаг, спросила она с вызовом.
– Я об этом знал. – Возразил Ив.
– Ош рассказал?
– Вычислил логически. – Он усмехнулся краешком рта. – Я уже знаком с двумя Мессейс.

У него была приятная усмешка, без надменности, честная и симпатичная. Анна растерялась. Она ко всяkim вариантам развития событий себя готовила; но ничего подобного всё-таки не ожидала. Он был и тот же самый, и совсем другой. Немного ниже ростом, чем раньше – с высокой Анной он был теперь почти наравне, а на каблуках она определённо будет его выше, – но в то же время его стало больше. Этот

мужчина был мужчиной настолько, что у Анны мурашки побежали по телу от его близости. Спокойный, естественный, исполненный внутренней силы, которую не выпячивал, но и не прятал, со смелым взглядом, с приятной шершавинкой в низком голосе, с улыбкой в линии рта, по-мерокански большого, но интеллигентного; с морщинками у глаз и искоркой в глазах. Формально он по-прежнему был не в её вкусе, но теперь вопрос вкуса даже не стоял. Он мог быть в её вкусе, а мог и не быть, это уже абсолютно ничего не меняло.

— Добро пожаловать на Грит, капитан. — Чуть изменившись голосом, но вполне владея собой, произнесла она. — Я провожу тебя в карантин, если хочешь.

Ив медлил, слишком переполненный эмоциями, чтобы вот так просто пойти за ней.

— Вот так значит, да? — Спросил чуть хрипловатым от напряжения и пережитого голосом. — Добро пожаловать на Грит, капитан, провожу тебя в карантин? И всё?

— А что ещё? — С вызовом спросила Анна. — Литавры, трубы, поклоны? Что?

— Ты двойник.

— И что?

— За вами должок. Вы оставили меня Шитахе как кого? Как выкуп, как плату? Ты знаешь, что я там пережил?!

— Знаю. — Глаза Анны потемнели. — Раньше догадывалась, а теперь знаю — мне рассказала Ва.

— Не будь я капитаном Грита, стали бы вы вообще меня

искать?!

– Сперва карантин. – Помедлив, сказала Анна. – Объяснения после.

И вот странно: она и прежде переживала, понимая, что Ив думает и чувствует именно так; стремилась поскорее вывести его из этого состояния, найти, объясниться, помочь. И вот – нашла. И первое, что почувствовала, так это нешуточную злость пополам с обидой. Ничего она ему не хотела объяснять, она вообще с ним больше говорить не хотела! Это был другой человек, с другим голосом, с другими амбициями; он больше не принадлежал всецело ей одной, и как же её это взбесило! Он больше не был слугой, зависимым от неё, от её благородства, он был сам по себе. Не нужны были ему её одолжения, её забота...

Но она действительно переменилась. Если прежняя Анна, когда-то покинувшая Землю, позволила бы злости, разочарованию и ревности принять вид оскорблённой добродетели и утешилась этим, то теперешняя Анна, пока Ив был в карантине, призналась себе в том, что не права, и что движет ею только ревность и разочарование, а ещё – страх. Страх перед тем, что теперь, находясь с ним на равных, она больше не сможет сблизиться с ним, и что её друг безвозвратно потерян для неё. Это было больно; и, как всегда, боль рождала злость и агрессию. Пока Ив проходил лечебные процедуры, Анна постаралась справиться с этими чувствами и провела Оша.

Ив тоже чувствовал злость, но, в отличие от Анны, считал себя правым. Она была такой холодной, такой чужой, и такой красивой! Она не возмутилась в ответ на его упрёк, не стала возражать, и тем ранила его в самое сердце. Всё это время он надеялся, что не прав, и что забрать его с Гонвед Гриту помешали какие-то роковые обстоятельства. А получалось, что он прав. И только уже внутри камеры он подумал: «Странно. Я даже не заметил, куда делись Ош и Гэвэнто. И сейчас не спросил».

На самом деле странным это показалось ему одному. Когда они с Анной оказались рядом и посмотрели друг на друга, между ними не то, что искра пробежала – воздух затрепетал от напряжения, и молнии забили. Пришлось Кейву заняться Ошем, а враз погрустневший Тайнар взял под своё покровительство Гэвэнто. Не рискнув побеспокоить поглощённую друг другом парочку, остальное население Грита занялось рутинными делами, ожидая момента, когда капитан освободится из карантина и настанет момент для знакомства. Все были возбуждены и заинтригованы. Долгожданный капитан успел произвести впечатление; пилоты бурно обсуждали его появление, его внешность и символ Нападающего Волка, который он нёс.

Напряжением был пронизан весь Грит насквозь, ведь сильнее всех ждал сам корабль. Остальные просто изнывали от любопытства. Некогда было лишь Кейву и Ва, которые

вдвоём вынуждены были взять на себя заботу об Оше и Гэвэнто – этим двоим требовалась срочная помощь.

Как ни странно, стойкая неприязнь, которую они питали друг к другу, работать вместе им не мешала. Оба они были профессионалами, и прекрасно дополняли друг друга: Кейв, отлично знающий биохимию и освоивший автоматику и компьютеры Грита, и Ва, блестящий диагност и практик. У неё, как и у остальных Вера, было медицинское образование помимо основной профессии – две-три профессии были нормой для представителей мероканских Высоких Домов. У них было общее прекрасное качество: личная неприязнь никак не влияла на их отношение к делу и не мешала оценить по достоинству даже того, кто вызывал у них негативные эмоции. Начав работать, они на время совершенно растворились в этой работе, и их короткие реплики и обмен мнениями по существу были лишены обычных колкостей и неприязненных интонаций. Ва прекрасно понимала Кейва, даже до того, как он заканчивал свою фразу, это было не лишним в отношении Оша – его сердце так и норовило остановиться, не выдерживая отравления, повреждения печени, ожога и отёка лёгких. Последние препараты он делил между Ивом и Гэвэнто, и переоценил собственную выносливость. Кейву и Ва пришлось запускать все лечебные программы одновременно: ничто не могло ждать второй очереди.

– Ещё немного, и ничего нельзя было бы поделать. – Заметила Ва, дождавшись благоприятного прогноза. – И так

потрясно, как он это вытерпел.

– Четверть часа, и ничто бы его не спасло. – Согласился и Кейв. – Интересно, чем это ему так разворотило печень? Такое впечатление, что внутри что-то взорвалось. Входное отверстие чистое.

– На Барде пользовались когда-то огнестрельным оружием. Похоже на раны от него, но ты прав: внутренние повреждения слишком велики. Кто пользуется такими ужасными вещами?..

– Очнётся – расскажет. Как там наш мальчик?..

С Гэвэнто оказалось гораздо легче: кроме отравления и аллергии у него ничего не было.

– У вас, Мессейс, хорошие гены. – Заметила Ва. – Удивительно здоровый подросток. Кейс смотрел на Корте Анну, так он тоже восхищался: прекрасная наследственность. Вы очень выносливые и крепкие мероканцы.

– Спасибо Шитахе. – Хмыкнул Кейв. – Уж он постарался, чтобы мы выжили любой ценой и пригодились ему.

– Думаешь, дело в этом?

– В основном.

Гэвэнто ещё оставался в карантине, когда Ив вышел из своей камеры, здоровый, злой и полный решимости, но, как и Анна, прежде проведал Оша. Его к нему не пустили, естественно, и он очутился возле Анны, тоже наблюдавшей за процессом сквозь прозрачную стену. Заряд встретился с за-

рядом, и воздух явственно запах озоном, когда он спросил:

– Так как насчёт объяснений?

Анна быстро глянула на него и кивнула:

– Поехали. С Ошем всё в порядке, с мальчиком тоже. – И первой пошла в лифт. Давно уже она не чувствовала себя так странно! Она не дрожала, а как-то вибрировала вся, в унисон своим ощущениям. В лифте, очутившись с Ивом в тесном пространстве один на один, она вдруг поняла то, что остальные поняли ещё в ангаре: между ними что-то происходит. Что-то, чёрт побери, такое, от чего по коже бегут змейки разрядов и сам воздух дрожит от напряжения, и нет больше никого и ничего в этом мире, кроме них двоих.

В чём заключается привлекательность? Ответить на этот вопрос невозможно потому, что в каждом отдельном случае ответ будет другой. Анне когда-то нравился её муж – не долго, но был объектом её грёз и желаний; немного дольше она любила доктора Нежданова. Потом её взволновал Гиссар – совсем ненадолго; за ним Ош, который будоражил её чувства до появления Тайнара. И всё это было бледной немочью по сравнению с тем, что она чувствовала теперь. На близость Ива откликалась каждая клеточка её тела, кожа стала, как огонь, губы высохли. В крови бродили миазмы хмеля, каким-то волшебным образом образовавшегося там само собою, который подстрекал её к безумию: толи броситься и начать тормошить его, толи закричать во весь голос что-ни-

будь, толи его ударить... Потому, что злость не ушла, смешавшись со страстью.

Ив в этот момент чувствовал примерно то же самое; но для него всё усугублялось памятью о пережитой в наркотическом бреду близости. Он знал, что это была Анна, всегда. Потому так страшно было вспомнить лицо, лицо Лавайра, вот только... Не было Лавайра больше. Это лицо, этот голос, эти жесты и интонации теперь навеки принадлежали только Анне, и только она одна могла так взбудоражить его кровь, превратив её в смесь огня и хмеля. Всё ещё злясь, всё ещё щетинясь, он безотчёtnо потянулся к ней, и так же потянулась она к нему. Наверное, следовало сказать какие-то слова, обставить всё подобающими церемониями, как это водится между мужчинами и женщинами всех миров. Но между ними в этот миг и так всё было предельно ясно. От природы страстные и щедрые на любовь, они волею судьбы до сих пор не тратили этой любви ни капли, и вдруг ощутили себя переполненными до краёв. Ив коснулся Анны первый, бережно провёдя пальцами по скуле и виску, и тогда Анна схватила его за ворот и рванула на себя. В следующий миг они целовались так самозабвенно и неистово, словно от этого зависела их жизнь. И в сущности, так оно и было. И даже утолив первую вспышку страсти, оторвавшись друг от друга они были не в силах, продолжая трогать друг друга, целоваться и прерываться на какие-то сбивчивые объяснения, на полуздохе прерывающиеся поцелуями. Каким-то непостижимым обра-

зом, не прерывая этого занятия ни на секунду, они очутились в апартаментах Анны, где продолжили уже более спокойно и более осознанно, успокоившись настолько, что начали понимать себя и друг друга.

— Как ты мог, — говорила Анна, — как ты мог подумать, что я бросила тебя! Убила бы... Убила бы!!!

— Сам не знаю. — Признавался Ив, теперь и правда не понимающий собственного безумия. Не иначе, что-то было с головой. — Что с тобой было? Где ты была?

— Мы полетели воровать у Л: вара пска, и нас там здорово жахнуло. Мы еле-еле унесли ноги, но отремонтировать Гри-та оказалось почти невозможно... Я тебе потом всё... расскажу. Сначала покажу кое-что. Всегда хотела показать.

— Погоди. — Остановил её Ив. — Ты полетела к Л: вару?..

— Мы. Я и Кейв. У нас был отличный план. Шитаха потребовал за тебя тысячу гран, а где нам было ещё их взять?.. Не было ни одной секунды, — она взяла лицо Ива в ладони, — когда бы я не думала о тебе и о том, что ты должен переживать. Я сделала всё, что могла.

Такое счастье, какое охватило Ива, когда он понял, что Анна только что сказала ему, не мог испытать, наверное, человек, не познавший до конца глубины отчаяния и разочарования, как это произошло с ним. Только пережив сомнения и почти уверившись в предательстве, он смог так взлететь и ощутить такое облегчение! И смеясь, и жмурясь от подозрительной рези в глазах, он обнял Анну вновь, крепко, словно

боялся, что и впрямь улетит. И правда – как он мог?!

Они вместе вышли в коридор, и Анна послала сигнал остальным, что могут подтягиваться в бывшие апартаменты Л: вара.

– Мы привыкли уже там собираться, – объясняла она по пути Иву, – хотя ещё и не переделали их под общую гостиную, или как это называться будет. Там достаточно места, и ничто не отвлекает, кроме аквариума. Я покажу тебе их, остальные подтянутся позже, все вместе; потом познакомишься с кораблём, и я покажу тебе твои апартаменты. Когда мне становилось совсем немоготу, я шла туда и занималась их дизайном. Хотела сделать тебе приятное.

– Спасибо.

– Не за что пока. – Улыбнулась она. – Ты же их не видел.

– Я не прихотлив. Было бы, где спать и где мыться, и я буду доволен.

Лифт раскрылся напротив апартаментов Л: вара, и Анна первой прошла туда.

– Погоди! – остановила Ива, направившегося прямо к аквариуму. – Как только подойдёшь, включится проектор, и увидишь его голограмму. Ужасное зрелище...

– Такого, каким он стал сейчас? – Переспросил Ив.

– Да. Поверь мне, это ужасно.

– Верю. – Пожал плечом Ив и подошёл к аквариуму. Анна следила за ним во все глаза. Она даже представить себе не могла, что он сейчас чувствует – ведь когда-то он любил

Л:вара, был его другом, и для него эта встреча должна была быть...

Ив несколько секунд стоял неподвижно, рассматривая возникшего рядом с ним монстра. Глаза его потемнели и сузились, но лицо было спокойным и даже суровым.

– Ради чего это всё? – Спросил он. – Зачем?..

– Если ты спрашиваешь меня, то я не знаю. – Сказала Анна. – И ты не знал. – Подошла, выключила голограмму. – Жуткое зрелище. Но кое-что мы выяснили; правда, как связать концы с концами, мы пока не знаем. Но на пару загадок ответы есть. И в основном, благодаря Кейву; он очень много работает над всем этим.

Ив заметил какую-то неуверенность, с какой Анна говорила про Кейва, и взял это на заметку. Кейвар Мессейс был высокий мероканец, сильно похожий на Лавайра и Анну, но не как близнец, а как родной брат – слишком он отличался от них, и от Шена, какой-то холодный, высокомерный, невыносимо-далёкий. Ив видел его мельком, в ангаре и лаборатории, но запомнил отлично. Ещё при первом взгляде на него что-то колнуло в сердце, тень какого-то воспоминания, ледяное дуновение на лице. Неуверенность и какое-то робкое выражение на лице Анны, тоже мгновенное, какое-то смущение были вторым звоночком: что-то было между ним и Кейвом прежде, теперь он был в этом уверен.

– Что-то не так? – Спросил он у Анны, почему-то уверенный, что она ответит. – Кто такой этот Кейв?

– Всё нормально. Теперь. – Быстро ответила она. – Он был недоволен, что я отдала тебе Грита, и хотел, чтобы корабль был передан ему. Он был прав... логически. И ты так считал.

– Но?

– Иди сюда. – Попросила Анна. Он быстро повернулся, сделал шаг к ней.

– Смотри. – Она постучала по стенке аквариума. – Видишь зелёный огонёк?.. Ты отдал мне этот стержень, чтобы я могла сама, без тебя, передать Грита Кейву. Искушение было велико; я много раз почти решалась на это, особенно, когда ты пропал, а мы были на краю гибели. Тогда я просто взяла и забросила его сюда. И будь что будет. Кейв не знает; когда-нибудь я расскажу ему. А тебе рассказываю теперь.

Они стояли очень близко к аквариуму и друг к другу, так близко, что Ив почти касался рукой её руки. От ощущения близости кожа вновь покрылась мурашками, словно в озне-бе, не смотря на огонь, горевший под нею по-прежнему. Ив уже почти решился вновь поцеловать Анну, но за долю секунды до этого нано-стены растаяли и в помещение вошли пилоты.

Последними поднялись Кейв, Ва и Гэвэнто, только что покинувший карантин. Он выглядел прекрасно, как и сам Ив; Ошу же, как самому пострадавшему, предстояло провести в камере сутки. Ив обвёл взглядом свою команду: трёх Мессейс, двух Волков и одну странную девочку, кажется, тоже волчонка; нескольких мероканских пилотов разных Каст,

сказал:

– Все в сборе? Хорошо. Будем знакомиться. Вы знаете меня, но я не знаю вас; раз я капитан этого корабля, будем исходить из этого. Мне немного сложно, – тут он рискнул посмотреть на Анну, почувствовал, что не сможет после этого вернуться к разговору, быстро отвёл глаза, – представить вам себя, но я попробую. Я Кайл Ивайр, Кровь Вера, родился в год Иеш шестидесятого цикла, в Москере, на Мераке. Сейчас год Волка семьдесят седьмого цикла, и о том, что со мною было четыре с лишним сотни лет, я знаю только с чужих слов, но сам ничего не помню. – Он снова быстро глянул на Анну, добавил:

– Почти ничего. Некоторые из вас знают меня лучше, чем я знаю себя, я же всех вас, кроме Ва, вижу впервые.

– Мы можем рассказать о себе. – Предложил Кейв.

– Разумеется. Немного позже; я сначала хочу услышать о себе. И ещё. Я пока не собираюсь покидать орбиту этой планеты; здесь есть что-то очень странное, и я хочу это выяснить. Мне нужно уточнить, кто из вас чем займётся, когда мы начнём изучать эту планету. А потом я собираюсь найти своего друга и вытащить его с тюремного терминала кипов, но здесь вам решать, будете вы в этом участвовать, или нет.

– Шейнан – наша Кровь. – Напомнил Кейв. – Мы всё равно искали бы его сами.

– Хорошо. – Кивнул Ив. – Теперь Гэвэнто. – Он кивнул подростку. – Это тоже Мессейс, которого мы с лордом Ошем

нашли на планете под названием Чотал. Эта планета не контактирует с Союзом и является колонией незнакомой нам человеческой расы; у Вэйхэ там была база, но об этом будет отдельный и долгий разговор. Гэвэнто будет жить на Грите, и после – где угодно на Корте, как мероканец и Мессейс, я думаю? – Он посмотрел на Кейва, тот кивнул:

– Мы с Анной о нём позаботимся.
– Хорошо. – Ив помолчал. – Сначала я хочу пообщаться со своим кораблём, потом с Анной, потом с остальными. Спасибо, – улыбнулся мягко, – что нашли и вытащили нас. Это было вовремя.

В крипте он поднялся один. Опустился в кресло, как это делал Шен на Ариге, сказал негромко:

– Здравствуй, Грите.
– Здравствуй, Кайл Ивайр. – Ответил корабль. – Ты изменился.
– Я больше не машина.
– Это правда. Но я узнаю тебя и готов выполнять твои приказы.
– Я хочу изучить эту планету.
– Что именно ты хотел бы изучить?
– А что ты можешь, Грите?
– Я могу всё. Я один заменяю целый научный терминал. Что ты хочешь знать? Я всё – выясню.
– Ты можешь выяснить самостоятельно, что за цивилизация

ция существует на этой планете?

– Да, Кайл Ивайр. Что ещё ты хотел бы узнать?

– Как ты узнаёшь меня?

– Я сканирую сетчатку глаза, реагирую на тембр голоса, его тональность. Я ощущаю твоё биополе. Оно изменилось, но основные характеристики остались прежними.

– Я больше не киборг. Тебя это не смущает?

– Мой прежний хозяин был солевым мутантом, а они всё время меняются. Я создан так, чтобы принимать любые изменения, реагируя только на то, что остаётся неизменным.

– Что ж. – Усмехнулся Ив. – Спасибо тебе, Лавайр, хоть на этом.

Ситуация требовала общения – всем хотелось высказать своё мнение о капитане. Пилотам он понравился; они считали, что он наведёт порядок, и Грит теперь будет настоящим боевым кораблём. Кейвар согласился, что капитан из бывшего киборга будет отличный, и Тайнар его поддержал.

– Кипы ничего не смогут с ним сделать, – добавил он, – у него – Грит, а это сила, с которой даже они будут считаться, хочется им этого, или нет. Вот только он не военный, и у него нет чина.

– На Мераке он был капитаном разведывательного корабля. – Напомнила Анна. – Исследовавшего Дальний Космос.

– Что ж, это укрепляет его позиции. Знаешь, – Кейв посмотрел на Анну, – я когда-то злился на тебя за то, что ты

отдала Грита ему.

– Я помню.

– Ты была всё-таки права. Это было рискованно, и грозило в случае неуспеха большими неприятностями нам всем, но в случае успеха твоя правота очевидна. Он лучший капитан, чем были бы я или ты, или кто-то ещё.

– Что там, интересно, такого, на этой планете? – Вспомнила Ва. – Анна, ты что успела увидеть? Лично я мало что помню, хотя этот храм – зрелище то ещё.

– Я тоже мало что запомнила. Там странный ландшафт: огромная пустыня с руинами, потом цепь гор, полукругом, обрыв, и начинается зелень, вода, деревья. Эффектно так. Единственно, что странно… Я видела только руины, хотя пролетела достаточно. Хотя это ещё ни о чём не говорит. А храм, конечно, впечатляет. Камень красивый, чёрный, блестящий, с розовыми кляксами этими.

– Капитан приказал, значит, будем работать. – Усмехнулся один из пилотов.

– Пойдём, Гэвэнто, – когда пилоты стали расходиться, сказала Анна подростку. – Найдём тебе апартаменты по твоему вкусу, я расскажу тебе немножко о нас, чтобы ты понял, куда попал, и к кому. Это Туи Асте, наша Кровь, вы ровесники, может, с нею тебе будет интереснее. Она потом тебе покажет всё здесь, да, Асте?

Девчонка в майке, почти не скрывавшей тела, оглушительно щёлкнула, так, что Гэвэнто вздрогнул, и сказала:

– Конечно.

– Мне придётся вас оставить, я спущусь к лорду Ошу, он скоро проснётся, я не хочу, чтобы он проснулся один. Ты устраивайся, Гэвэнто, ты теперь дома, вот и будь, как дома. Это мои апартаменты, вот эти мы с Гритом подготовили для Ивайра, там дальше живёт Кейв, а через две секции – лорд Ош. Остальные живут немного дальше, почти напротив, но с нами всеми легко связаться через твою обслугу. – Анна открыла первые свободные апартаменты по соседству с Кейвом, и Гэвэнто решил остаться там. Анна попросила Асте помочь ему, и они с Кейвом наконец смогли поехать вниз.

Ош открыл глаза и увидел улыбающуюся Анну. Сморгнул, улыбнулся в ответ:

– Я умер и перенёсся в рай, или вы всё-таки нас спасли?

– Мы вас спасли. – Улыбнулась Анна в ответ. – Хотя и в самый последний момент.

– Что с мероканцами?

– Они прекрасно себя чувствуют; Ивайр уже познакомился с командой и общается со своим кораблём.

– А ты по-прежнему прекрасна. – Заметил Ош, и Анна порозовела от удовольствия:

– Льстец!

– Что ты, это констатация факта. Ты уже познакомилась с Ивайром?

– Да. – Анна нагнулась и поцеловала Оша в щёку. Про-

шептала:

– Спасибо, что вернул его мне.

– Я старался. – Улыбнулся одними глазами Ош. – И в основном ради тебя.

– Спасибо. – Повторила Анна уже громче, сжала его руку в обеих ладонях, такую большую, что её длинных пальцев едва хватило, чтобы обхватить её. – Я никогда в жизни не забуду того, что ты сделал для всех нас. Добро пожаловать домой, лорд Ош; наш дом навсегда теперь и твой.

– Спасибо. – Искренне ответил и он. – Наверное, он же и единственный мой дом теперь. Но я не жалею. И если всё вернуть назад, я поступлю точно так же.

Оставив Оша с Кейвом, Анна поднялась в крипт, остановилась за креслом. Ив изучал голограмму Грита, не отрывая от неё глаз, изредка пробегал контактами по панели, изменения ракурс или увеличивая какой-то фрагмент.

– Боевой потенциал впечатляет. – Сказал задумчиво. – Я не могу понять, что это вот такое...

– Мы и сами не очень-то понимаем. – Сказала Анна. – Это оружие; Грит впервые опробовал его возле Биэлы, это впечатляло. Какое-то новое изобретение Л'вара, такого в Известной Вселенной ещё нет.

Ив замер ненадолго, потом стёр голограмму, встал, повернулся к ней.

– Ты закончил? – Спросила Анна. – Я пришла проводить

тебя в твои апартаменты.

– Почти закончил. Есть очень хочется. – Признался со смущённой улыбкой. – Я уже неделю ем только брикеты. Надеюсь, здесь кортианская еда есть?

– Какая хочешь. – Улыбнулась Анна. – Поехали.

– Я долго жил на Корте в детстве. – Говорил он, когда они ехали вниз в лифте. – Поэтому мне не нужно проходить курса адаптации. Ребёнок адаптируется быстрее и полнее, и это уже навсегда.

– Я уже была на Корте. – Похвастала Анна. – У нас там вилла, на острове в Луане. Ты был в Луане?

– В моё время мероканских городов на Корте не было. – Напомнил Ив, и она смутилась:

– Да, конечно, я забыла. Поверь, там так красиво. Есть ещё Мелара...

– Ва мне рассказывала. Это не совсем то, что я хотел бы видеть на Корте. – Он сказал это очень мягко, но Анна его поняла, вспыхнула:

– Конечно. Я понимаю. Мы приехали. – Она первой вышла из лифта. – Мы с Гритом подготовили тебе апартаменты, ещё тогда, когда собирались забрать с Гонвед. Надеюсь, тебе понравится, мы очень старались. Но ты всегда можешь что-нибудь поменять.

– Я не прихотлив. – Повторил Ив, входя и останавливаясь на пороге. Анна выбрала для него серые, белые и рубиновые

оттенки, и смотрелось всё просто роскошно. Масса зелени, аквариум, почти такой же, как у самой Анны, но с биониками яркими и причудливыми, как бабочки.

— Ты рассказывал, что любил подводное плавание, я выбрала биоников, похожих на коралловых рыбок.

— Спасибо. — Ив постучал по поверхности, как это делают практически все люди во всех мирах, заглядывая в аквариум; выпрямился.

— Знакомься с обслугой, переодевайся, и я отведу тебя поесть. — Сказала Анна. — Тебе нравится?

— Мне бы всё понравилось. — Признался Ив. — Я же говорю, я не прихотлив, я всю жизнь почти прожил в корабельных каютах. Но мне очень нравится сочетание: серый и рубиновый.

— Я старалась. — Улыбнулась Анна не разжимая губ, так, что на щеках обозначились ямочки. — Переодевайся. Я жду у себя.

Какая странная всё-таки штука: жизнь! Чего только она не придумала себе, представляя их встречу, чего только не боялась, на что заранее не обиделась, чего не испугалась — и всё было мимо! Истины она не угадала, хотя уверена была, что хорошо знает себя, и неплохо успела узнать его. Теперь она даже предполагать боялась, как будут развиваться события дальше, машинально, по привычке, строила какие-то планы, моделировала ситуацию, и тут же ловила себя на том, что

поступает глупо: она совершенно не знала этой его стороны. Знала она только одно: теперь всё изменилось окончательно и бесповоротно. Она нашла, наконец, свою родину и флаг; она отдала своё сердце целиком и навеки, и так была счастлива при этом, что хотелось плакать, или крикнуть на всю Вселенную, что у неё есть любимый мужчина, или ещё что-нибудь глупое сделать... У неё есть любимый мужчина, с упоительно-смуглой кожей, тёмно-серыми глазами и синими волосами, с которым она сейчас пойдёт ужинать...

— Ликаон! — Встрепенулась она. — Мне срочно нужно переодеться, я иду ужинать!!!

Кейв ушёл в «Цветок ветра», попросил Илот. Он не находил себе места. Всё складывалось слишком хорошо. Он знал, что произойдёт что-то, что всё нарушит! Едва он, как и Тайнар, увидел лицо Ива, смотревшего на Анну, как понял, что произойдёт — не сегодня, так завтра, послезавтра, через неделю, но случится, и сведёт на нет все его мечты о возрождении Дома, его престиже и влиянии. Анну не остановить, когда её ведут чувства, это он узнал слишком хорошо. Офт стерilen; этот брак будет скандален, бесплоден и губителен для Мессейс. Ему понравился Ивайр; но как бы он хотел видеть Анну женой Тайнара Гема! Он уже успел полюбить мысли об их семье, о возрождении Дома, о своей роли во всём этом... Всё возвращалось на круги своя, и будущее опять виделось серым и неопределенным.

Как только Тайнар увидел, как смотрит на Анну Ивайр, как он тоже всё понял – в сущности, никого не было тогда в ангаре Грита, кто не понял бы, что происходит между Анной и Ивайром. Он даже не думал что-то предпринимать, кто он был такой, чтобы вставать на пути ТАКОГО чувства? Но было больно. Ему нравилась Анна; более того, он был в ней влюблён. Он тоже успел полюбить мысли о будущем с нею. Хоть прямо они не говорили об этом, но он видел, что ей нравится находиться рядом с ним, и что она ждёт его и ищет сближения. Это нельзя было выдумать, как бы ни хотелось ему, чтобы это было так. Возможно, не найди они капитана, рано или поздно они с Анной составили бы хорошую пару? Но настолько сильная любовь – как источник, она пробьёт себе дорогу и вырвётся на волю, минуя любые запреты и препоны. Тайнар был Волк и знал об этом. Его Каста верила в такую любовь, идеализируя её, а теперь он видел воочию, как это выглядит со стороны. Между Ивайром и Анной не то, что искры – между ними были молнии и трещал воздух. Всё это было настолько сильнее, нежели их дружелюбная симпатия и деликатный флирт! Тайнар ни в чём не винил Анну, но ему было всё-таки больно, и он не пошёл ужинать. Несколько часов он летал в тренажёре, чтобы успокоиться и усталостью заглушить тоску и разочарование.

Гэвэнто крепко спал. Ва играла с обслугой в малый магр.

Ош поднялся в крипт, и долго смотрел на звёзды и на затянутый облаками край неизвестной планеты, где чуть не умер; Асте работала с компьютером, продолжая моделировать работы по очистке Мерака. Грит наблюдал за происходящим, недоумевая: люди по-прежнему оставались для него большой загадкой. То, что происходило между его капитаном и Анной, их самих сделало счастливыми, но явилось причиной страдания для Кейва и Тайнара – людей, любящих их. А ведь Ивайр говорил ему, что счастье – когда любимый счастлив? Он опять ничего не понял. Зато его капитан был с ним, был с Анной и был счастлив, и сознание этого в полном соответствии с логикой делало счастливым самого Грита.

Глава одиннадцатая.

ЭТО.

Следующий день Ив начал с того, что переговорил со всеми членами команды Грита по очереди. Первым он пригласил Кейва, в «Хинаян»; в бывших апартаментах Л: вара он уже приказал начать перестройку. В общих чертах Ив знал историю Кейвара Мессейс от Оша и Анны; но своего мнения пока не составил. Ему показалось, что и Анна не имеет ещё чёткого мнения о нём; похоже, она его любила, не совсем представляя при этом, кого любит. Общаясь с Кейвом, он понял, что этого не знает и сам Кейв. Гордый, замкнутый, своенравный, он не скрывал этих своих качеств,

сразу дав понять, что обиды не забудет, недоверия и пренебрежения своей гордостью не стерпит. В нём было слишком много кинтанианского, через чур много для человека с таким опасным огнём в глазах и с таким пылким сердцем. Он был как нестабильная система, начинённая опасной энергией, и слишком похож на Г'норма, кортианского ягуара, самого опасного хищника в Известной Вселенной, которые, как известно, не приручаются и не живут в неволе. Может, – думал потом Ив, – проживёт всю жизнь сжатой пружиной, так и не расправившись, а может, сорвётся с крючка и порушит что-нибудь возле себя, но в любом случае он очень опасен, как для окружающих, так и для себя самого.

Впрочем, Ив сразу же понял, что на его работе и на исполнении долга это никак не скажется: работу свою Кейвар будет выполнять по-кинтански скрупулезно и требовательно к самому себе. Личные переживания останутся под семью замками. Лучшего члена команды в этом смысле Ив, как капитан, и желать себе не мог.

На личные темы Кейв говорил неохотно и сдержанно; вообще предпочитал односложные ответы. Но о том, как и где учился на Кинтане, как служил с Ошем в Челюсти, как попал на Пскем, рассказывал охотно и не без удовольствия. Про Анну говорил, когда Ив затронул эту тему, чуть напрягшись. Подружиться с ним, как понял Ив, будет нелегко.

Тайнар был следующим. Кейву он был полной противоположностью. Стопроцентный мероканец: открытый, друже-

любный, приветливый, но знающий себе цену и полный чувства собственного достоинства. Всё было просто прекрасно; Ив, который давно не общался с равными себе, был рад беседе, но чувствовалась какая-то лёгкая натянутость со стороны Тайнара, которая его опечалила и даже расстроила. Он решил, что это связано с прошлым киборга – Видимо, Тайнар Гем потерял кого-то из близких по его вине. Но Ва, следующая, его просветила:

– Он влюблён в Анну. – Объяснила она. – И между ними даже что-то такое наклёпывалось, кажется, или ему так казалось. Но теперь, конечно, и думать нечего. Все, кто вас видел, с первых же секунд всё поняли. Тай это переживёт. Вот братец её, Кейв, тут я даже не знаю, что сказать. Скорее всего, не переживёт. Он мечтает о возрождении Дома, о престиже, о месте в Совете.

– Жаль разбивать чьи-то мечты, но решать не ему, решать Анне. – Довольно холодно произнёс Ив.

– И я про это. Но знаешь, он мне чем-то интересен. Он, конечно, тормознутый, и дури в нём до фига, но что-то в нём такое есть. Знаешь, я бы им занялась. Его нужно растормошить; может, разозлить, чтоли. В общем, он должен сбросить с себя броню эту. А уж что-что, а это я умею! – Самоуверенно заявила Ва. – Я так его могу взбесить...

– Лучше не надо! – Попросил Ив. – Не знаю, как нужно ломать человека его Касты, чтобы получился кип, но думаю, что в душе его много такого, что не стоит выпускать наружу

в гневе. Надо бы как-то осторожно, потихоньку, на тормозах.

Кажется, Ва он не убедил. Личные взаимоотношения! Как не просто было лавировать между ними в длительных полётах, как много кораблей и экипажей пострадало на этих рифах! Как просто было с людьми, которые флиртовали со всеми понемногу, никому не оказывая предпочтения, и как всё становилось взрывоопасно, когда складывалась пара! Любовные многоугольники разбивали в космосе не только сердца. А Волки и Реалисты, между прочим, издавна создавали самые романтичные союзы, где всего было через край: и эмоций, и страсти, и ревности. У него же в команде было, как по заказу, три Реалиста и четыре Волка, и одну из них безумно любил он сам.

Но по-настоящему его потрясла встреча с Асте. Как большинству мужчин, и мероканских в том числе, девочки возраста Асте казались Иву существами из иного измерения, совершенно непонятными и даже пугающими. Еёзывающая сексуальность была заключена в ауру невинности, надёжно, словно под непробиваемое стекло; вызов в поведении и голосе, самоуверенность юного существа, смелость, бессознательное кокетство, и неприкрытый интерес: ну, и как я вам?.. Всё это в первый миг Ива слегка смутило, но и заинтересовало: в Асте было что-то неуловимо родное, напоминающее кого-то так сильно, что он с первых же секунд отнёсся к ней как-то по-особому, словно к члену семьи.

– Я тоже твоей Крови. – Заявила ему Асте после обмена

первыми фразами. – Мой Предок был правнуком твоей сестры.

У Ива перехватило дыхание. Так вот в чём дело! Асте напоминала ему сестру – не то, чтобы одно лицо, но какие-то общие черты, общие контуры лица, выражение глаз, форма губ, манера улыбаться – кровь давала знать о себе даже и в этом поколении, и это было самым лучшим открытием этого дня.

– Я твоя пра-правнучатая племянница, – смеясь, заявила Асте, и он ответил:

– Пусть будет просто племянница, идёт? – И она пожала плечами, что означало, что в целом она согласна.

Едва она начала рассказывать о своих планах относительно возрождения Мерака, и поняла, что Ив искренне заинтересовался и откликнулся на её мечту, как всякие остатки настороженности исчезли, она была вся, с потрохами, предана ему. В несколько минут он стал её кумиром, даже не приложив к этому особых усилий. До сих пор она встречала только непонимание и откровенную насмешку, или, в лучшем случае, отговорки относительно её возраста и наивности. Ив же был целиком с нею согласен, захотел посмотреть её проект, и дал понять, что сам мечтает о том же самом.

– Я всё посчитала, – торопилась Асте, – ты сам увидишь; а Предок всю жизнь изобретал такие способы очистки поверхности, которые бы работали идеально…

– А куда девать шлак и сплавы? – Поинтересовался Ив.

– Это не просто шлак, – покраснев от волнения, пояснила Асте. – Это пепел мероканцев и всего живого, что населяло Мерак. Мы решили, что на орбите будет создан третий спутник Мерака, мавзолей, куда будут помещены эти останки. Такая символическая братская могила…

– Гениальная мысль. – Без тени иронии сказал Ив. – Просто потрясающе. А что по этому поводу говорят Мессейс?

– Анна вроде бы согласна со мной. – Снова пожала плечами Асте. – А Кейвар меня слушать не стал, сказал, потом, сейчас не до того. Анна тоже считает, что сейчас не время, а ведь на ГRITE есть биоматериал с Мерака… И антивирус мероканской чумы. Можно было бы уже с чего-то начать…

– Я посмотрю, что можно было бы запустить уже сейчас. – Пообещал Ив. – Изучу твой проект, и мы вместе посмотрим. Знаешь, если нам это удастся, я буду считать, что всё, что со мною случилось, было не зря.

– Ну, конечно, удастся! – Сияя, воскликнула Асте, преданно глядя на Ива. – Я ведь от столького отказалась ради этого, если надо, я всю жизнь буду над этим работать, сама буду чистить, но добьюсь своего!

– Как ты похожа на Кайлов! – Улыбнулся Ив. – На моего отца, на мою сестру… Воистину, Кровь – это святое.

Анна пришла после всех, когда он решил, что узнал на первый раз достаточно для того, чтобы сделать выводы и первые распоряжения, и отправился посмотреть, как идут рабо-

ты в бывших апартаментах. Она была, как обычно, в чём-то белом и светло-зелёном, подчёркивающем фигуру, волосы собраны в узел, концы их свободно падают на шею, волнистую-длинную.

— Можно теперь мне поговорить с тобой? — Спросила она. — Или время для меня ещё не настало?

— Твоё время давно настало. — Возразил Ив, безотчёtnо протягивая к ней руку. — На всех остальных я отвлекаюсь от тебя.

— Звучит приятно и лестно, капитан. — Она улыбнулась, прошла мимо, мимолётно сплетя свои пальцы с его движением почти таким же безотчёtnым. — Наверное, это не правильно?

— Любовь — как песок в раковине. — Ответил он. — Это неправильно, но это — жемчуг.

— Здорово. — Она повернулась к нему вся, остановившись у аквариума. — Ты сам придумал?

— Да. — Смущённо улыбнулся он. — Сегодня, когда думал о нас.

— Ты думал, что это не правильно?

— Ну, да. Только мне было всё равно. Я чувствовал, что это бесконечно важнее всего правильного и разумного, только не мог себе объяснить, почему. А потом подумал про жемчуг. Это разные вещи, но это правильное сравнение. Правильное для меня. Ты, может быть, чувствуешь это иначе.

— Я такое чувствую... — Призналась она. — Ты даже пред-

ставить себе не можешь, это безумие какое-то. Мне хочется идти и рассказывать всем, что я люблю тебя, взахлеб, как девочке-подростку; это, наверное, смешно.

— Нет. — Ив встал, двинувшись к ней, и она подалась к нему, чувствуя его желание и отвечая ему таким же. Каждое их движение в эти моменты было естественным и безотчётым, как дыхание; они прикасались друг к другу, не задаваясь бесполезным анализом своих поступков и координацией движений. Анна прильнула к нему, вся, и он в ответ поцеловал её так, как она и хотела — и так, как хотел он сам. Они хотели одного и того же, что редко бывает даже между искренне любящими друг друга людьми, и даже не замечали этого.

— И это не правильно? — Спросила Анна, близко заглядывая ему в глаза. Он улыбнулся: глазами, всем лицом, губами:

— Конечно. Только кому нужна раковина без жемчуга?

Анна ещё подумала — пока могла думать, — как это странно, и в то же время как щекочет нервы: целоваться в бывших апартаментах Л'вара, целоваться ей, его двойнику, с его заклятым врагом. А потом забыла об этом и о многом другом, потому, что правильно это было, или нет, но ничего более важного с нею никогда ещё не происходило.

Ночь прошла почти без сна для влюблённых, и довольно спокойно для всех остальных. Грит сканировал поверхность планеты, бесконечно счастливый от того, что выполняет приказ своего капитана, и нет больше неопределённости и тос-

ки. Ему было интересно то, что он делал – не смотря на то, что это было заложено в него, он никогда не делал ничего подобного прежде и всегда считал, что нет ничего интереснее сражений. Он фотографировал поверхность и не торопясь, обстоятельно, разбирал её по атому: химия, радиация, следы облучений, вулканический пепел, возможные следы человеческой цивилизации… Руины, следы поселений, химия, радиация… К утру, когда Ив поднялся в крипт и потребовал результаты, Грит выдал ему такой подробный анализ, какой команда разведчиков со Старого Мерака, капитаном которой был когда-то Ив, делала бы месяц, не меньше. Просмотрев его, Ив, весьма озадаченный, вызвал свою команду на верх.

– Во-первых, – начал он, когда все собрались, превратив стены крипта в экран, иллюстрирующий его слова, – по всем признакам это – стандартная человеческая планета; она мало чем отличается от Мерака, Кинтаны, Корты или Барда, настолько, что все мы, пройдя совсем простой курс акклиматизации, смогли бы жить на ней. Всё говорит за то, что эволюция шла здесь тем же путём, что и на всех известных нам человеческих планетах. Во-вторых, эту планету выбрали своей базой Вэйхэ, и не просто так, это как-то связано с Мессейс и маяком. Я был уверен, что здесь существует человеческая цивилизация, похожая на нашу; и те руины, которые мы видели, вроде бы, подтверждают это. Но Грит выяснил, что цивилизация, которая, действительно, существует

вала здесь, исчезла пять тысяч лет назад. Сейчас здесь нет не только людей, но и вообще млекопитающих крупнее крысы. Я бы предположил, что это какой-то феномен эволюции, если бы не это: – Он кивнул на экран, где крупным планом показан был берег реки, размытый течением, которое обнаружило целую россыпь костей крупных млекопитающих.

– Этим костям тоже пять тысяч лет. – Продолжал Ив. – Пять тысяч лет назад здесь погибли все млекопитающие, в том числе и люди; только вот не понятно, что, в таком случае, заставило Вэйхэ создать здесь базу? Разве что это. – Он указал на стелу, покрытую затейливой росписью, где Грит выделил крупным планом несколько фрагментов. – Этот иероглиф – древняя форма написания имени Мессейс. Он встречается здесь, и в долине храмов, где вы нашли нас, много раз на таких вот стелах; сами иероглифы лишь напоминают мероканские, но этот иероглиф совпадает до малейшей чёрточки. Я уверен, что это – не совпадение.

– Пять тысяч лет назад мероканцев на Мераке ещё не было. – Заметил Тайнар. – Может, это и есть планета Озакх?

– Озакх покинули свою планету и эмигрировали на Мерак; но здесь никогда не существовало техники сложнее водяного колеса и клепсидр. На этом пол галактики не пролетишь. Железо они, правда, умели изготавливать, Грит обнаружил его остатки в руинах. С этими руинами тоже что-то очень странное. Нигде на планете они не сохранились; Грит находил их, только сканируя состав почвы и производя про-

свечивание поверхности. Но в той долине, где вы нашли нас, они в идеальном состоянии, практически не повреждены, хотя им, несомненно, точно так же пять тысяч лет. Отчасти это из-за свойств местного чёрного камня, который крепок, как алмаз; но они и не похоронены под песком и джунглями, что необъяснимо.

– Вэйхэ используют их давно?

– Это единственное объяснение. – Кивнул Ив. – И это – тем более повод попытаться выяснить причину этого. У нас два дня. За это время мы, конечно, много не выясним и не узнаем, но успеем снять всё, что я отметил, подробно, и изучим в пути, а то, что не сможем, я надеюсь, изучат специалисты на Корте. Три места: вот это «кладбище» на реке, туда полетят биохимик Кейвар и ксенобиолог Ва; Бан, Тики и Эл прикрывают их с воздуха. Особое внимание обращайте на крупных рептилий, они слишком быстры и очень опасны.

Кейв возмущённо вскинулся, но промолчал; Ва насмешливо улыбнулась. Ив намеренно сталкивал их – этот антагонизм далеко мог их завести, а Ив хотел, чтобы они научились работать в команде. Если есть какие-то взрывоопасные нюансы, пусть они проявятся сразу же, и их можно будет как-то прояснить и решить. Иначе такой, как Кейв, дай ему время, скроет их в своей душе, взлелеет и вырастит в таких драконов, с которыми не справиться никому.

– Ош и Тайнар полетят исследовать террасу. Это опасно, там вполне могут быть какие-то ловушки или даже не уби-

тые нами Вэйхэ, поэтому будьте крайне осторожны. С вами полетит всё Крыло Кейра; поддержит вас с воздуха. Мы с Анной отправляемся в храмовую долину, с нами полетят Дина и Ом. Асте и Гэвэнто будут следить за нами с Грита; особое внимание обращайте на пространство вокруг планеты на предмет появления Лиги или Вэйхэ, и на то, что происходит на поверхности вокруг нас. Предупреждайте обо всём: возможности природного катаклизма, приближении дождя, ветра, крупных животных. Особенно животных. В ваших руках наши жизни.

Гэвэнто, потемневший лицом, чуть заметно кивнул. Он был уверен, что Ив возьмёт его с собой – он же был уже там! – и не мог скрыть разочарования. Асте же не собиралась лететь на незнакомую планету. Единственная планета, интересовавшая её, – это Мерак, она не стремилась даже по Корте путешествовать. Она совершено равнодушно смотрела, как остальные готовятся к посещению руин, которые не имели отношения к Мераку, а потому её не волновали. С приборами слежения она работала виртуозно, ухитряясь объяснять Гэвэнто так, что он понимал её с полуслова. Ив и их соединил с определённой целью. Они были одного возраста, и уже успели выразить друг другу свойственную разнополым подросткам агрессию; но ясно было, что дай им время и возможность, и они подружатся. Ив им такую возможность давал. Асте была умненькой, и, не смотря на зацикленность на одной идее, коммуникабельной девочкой, а Гэвэнто был Мес-

сейс, и Ив лучше всех знал, что это за характер. Да, они были разные; но и похожи были ужасно, и он был уверен: Гэвэнто не исключение. Общая работа и её важность сблизят их с Асте, а остальное уже дело техники. Два подростка всегда найдут себе занятие на таком уникальном корабле, как Грит, в котором возможностей здорово проводить время.

Необходимые препараты, защищающие их от чуждой среды, мероканцы приняли ещё накануне, и полетели, приняв минимум защитных средств. Всё говорило за то, что эта планета близка к Мераку и Корте, как никакая другая, некоторые химические параметры совпадали почти идеально. При необходимости мероканцы могли бы адаптироваться к ней и жить здесь; и такие мысли приходили в голову практически каждому из них. В конце концов, на Корте они были только гости, а Мерак потеряли...

Планета выглядела многообещающе. Именно такая, какая понравилась бы мероканцам: тёплая, зелёная, с множеством морей и океанов, рек и озёр, островов и архипелагов – мероканцы любили селиться именно по островам и побережьям. Практически у всех, кроме, разве что, Асте и Гэвэнто, была на уме именно мысль о возможности для мероканцев колонизировать эту планету. Поэтому за изучение все, даже Кейв, которого напрягало присутствие Ва, взялись с энтузиазмом. Пилот – Интуитор Шива Ом доставил их всех к поверхности на большом грузовом корабле, внутри которого поместились три катера на воздушной подушке, необходимое оружие и

оборудование, и выпустил в нужных местах – Кейва и Ва в западном полушарии, на плато в окрестностях «кладбища»; Оша и Тайнара – в пустыне, на подступах к террасе; Ива и Анну – в долине, на берегу извилистой, мутной, широкой реки. Ив уселся на место водителя, а Анна устроилась на бортике, положив на колени мощное лазерное ружьё. Пробежавшись по панелям терминала, Ив включил негромко музыку, ответил на приветственный жест Ома и направил катер к реке, чтобы без помех двигаться над её поверхностью. Анна с удовольствием подставила лицо свежему ветру, наслаждаясь свободой, простором и движением. Вдоль реки тянулись изумительной красоты пейзажи, над которыми нависали близкие огромные скалы, подёрнутые сизой дымкой, поросшие зеленью, дышащие свежестью; звонко порхали над водой голоса птиц, населяющих плоские кроны высоких причудливо изогнутых деревьев. Довольно скоро река скрылась под сенью джунглей, обступивших её со всех сторон и сомкнувших над нею свои кроны. Здесь царил сумрак; лианы, обвивающие стволы и ветви, свисали над водой, украшенные цветами и эпифитами. С шумом срывались где-то в путанице ветвей с деревьев птицы, всплескивали какие-то загадочные речные существа, журчала вода. Сам катер двигался бесшумно, музыка не заглушала голосов джунглей. Ароматы здешних цветов были нежными и тонкими, как духи истинной леди: ветер, обдувающий лица, лишь слегка задевал обоняние, заставляя с удовольствием принюхиваться к себе.

– Обычно запахи чужой планеты неприятны. – Заметил Ив, когда Анна сказала об этом. – Здесь всё так странно.

– А может, это, всё-таки, и есть родина мероканцев? Многое говорит в пользу этой версии.

– Кроме одного: эта цивилизация не строила космических кораблей и не могла совершить космический перелёт.

– А если их кто-то подвёз? Как мы когда-то пеллиан.

– Боюсь, в таком случае мы никогда не найдём доказательств этого, и нас вечно будут терзать сомнения.

– Ты знаешь, все уже думают об этой планете, как о возможной колонии для мероканцев.

– Знаю. – Ив помолчал. – Собственно, потому мы сейчас и здесь. Только знаешь, мне безразлично – что Корта, что этот мир. Я мероканец. Где же эта дорога?.. – Он искал дорогу, по которой надеялся добраться до храмовой долины, по пути осмотрев места, где Грит обнаружил следы человеческих поселений.

Дорога нашлась намного ниже по течению, у разрушенного моста, который немного задержал их: даже в руинах он был полон величия. Архитектура уже совершенно ничего не напоминала Анне, зато Ив смотрел на него с неуверенным чувством узнавания – такой мост, вернее, его останки, кажется, были на Мераке... как он жалел, что не любил историю!

– Возле вашего моста есть интересные руины. – Сказал в наушниках Гэвэнто. – Выше по течению – остатки дамбы,

или плотины – вы их не увидели; а здесь был какой-то храм, слева от вас, под джунглями.

– Я хочу, чтобы вы скопировали и попытались реставрировать этот мост. – Сказал Ив. – Мне кажется, я видел такой на Мераке, и что-то такое с ним было связано.... Не помню, но что-то интересное крутится в голове.

– Будет сделано... – Пробормотал Гэвэнто. Он на самом деле легко учился общаться с новыми для него технологиями; помочь Асте ему уже была почти не нужна. Копировать изображение, передаваемое с планеты, ему не стоило вообще никаких трудов, совместить его со схематическим изображением, подаваемым со сканеров Грита – тоже; задав программу реставрации, он снова переключился на Ива и Анну.

Анна попросила Ива подъехать поближе к опорам моста, и с восхищением рассматривала барельефы, на которых изображены были странные и неожиданно реалистичные существа: полуживотные, полулюди, в пышных и сложных головных уборах, с невероятно сложными и непонятными предметами в руках. Чёрный камень, из которого было построено всё в этой долине, был весь в трещинах – тонюсеньких и пошире, словно покрыт сеткой. Анна протянула руку и осторожно коснулась его поверхности.

– Это была великая цивилизация. – Сказала мечтательно. – Если, как ты говоришь, они не знали ничего сложнее водяного колеса, то всё это делалось руками и самыми примитивными инструментами. Как и на Земле когда-то...

– Смотри. – Перебил её Ив.

Мост покоился на четырёх каменных опорах, две из которых стояли не в воде, а у обрыва, густо оплётённого ползучими растениями и белыми, как звёздочки, цветами. На отмели у самой опоры из песка прступал скелет странного существа: огромного, но совершено отчётиво антропоморфного; откинутая в сторону рука была почти совсем человеческой, с правильным большим пальцем, только по сравнению с нею даже большие руки Оша были бы руками ребёнка.

– Гэв, – Ив быстро помечал схему, которая напрямую передавалась на Грит, – просвети вот это место, здесь какие-то странные останки.

– Ни фига! – Быстро отреагировал Гэвэнто, дав нужную команду. – Да в этом кренделе было метра три росту! Гляньте, красавец какой: ни одна косточка не сдвинута с места.

Асте, которая рядом с ним следила за передвижениями Оша и Тайнара, на миг отвлеклась, чтобы посмотреть, кого нашли Анна и Ив, ойкнула:

– Ой, что, они тут такие были?!

– Это не человек. – Сказал Ив, изучая переданную с Грита картинку, высоветившую и то, что было скрыто песком и илом. – Очень похож, но не человек. Кости не человеческие, вообще не млекопитающего, хотя с виду, наверное, он от людей практически не отличался. Странное создание...

– Он упал с моста. – Вдруг сказала Анна. – Его поза... Он упал или уже мёртвый, или без сознания, и умер, не приходя

дя в себя. Здесь не было воды тогда; потому тело осталось лежать в том же положении, как упало. Вдобавок, его засыпало...

– Чем?

– Обломками моста. Вот они, вокруг, остальные, наверное, уже размыла и унесла вода. Всё-таки пять тысяч лет прошло. Тебе ничего не кажется странным?

– Вообще-то, мне странно всё; что именно ты имеешь в виду?

– Состояние моста и всех остальных руин.

– Все остальные – в идеальном состоянии.

– Вот именно.

– На это может быть масса причин, и река – главная из них.

– А мне кажется – это связано с этим вот телом. Не знаю, почему, но у меня такое странное чувство... – Она мечтательно взглянула вверх, на мост. – Как в детской игре: Тепло, теплее, горячо.... Знать бы ещё, что именно нужно искать, и ответы на какие вопросы перед нами вот здесь, конкретно – здесь. – Голос её упал, она снова смотрела на мост. Ей не давало покоя узнавание момента, навеки запечатлённого в последнем движении упавшего с моста тела. Инстинктивно, как все тонко чувствующие люди, она мысленно повторила это движение сама, и прониклась пониманием – и состраданием.

– Его убили. – Уверенно сказала она. – И сбросили с моста.

ста, который в это время уже разрушался.

– Ну, и битва, наверное, здесь была. – Заметил Ив. – На кого-кого, а на мирную зверушку он не похож.

Если бы это действительно была детская игра, то сейчас Ив услышал бы громкое: «Горячо! Обожжешься!» – Только крикнуть это было некому. Они с Анной были близки к ответу не только на вопрос, что произошло на этом мосту, но и к ответам на многие другие вопросы – в том числе и к разгадке тайны двойников. Правда, они знать этого не могли, и, осторожно подобрав кости руки, позвоночника, черепа и таза, поднялись вдоль обрыва на дорогу.

Из-под солнца они вновь окунулись в сумрак и ароматную прохладу. Древние строители, стремясь защитить дорогу от джунглей, подняли её на высокую и широкую насыпь, выжгли подлесок вокруг, выкопали рвы и вдобавок сложили каменную невысокую стену. Всё это сгинуло под зелёной и пёстрой порослью, только Грит дал примерное изображение, просветив поверхность. Но каменная кладка сохранилась, и даже не очень-то и заросла. Кое-где были целые участки, практически не повреждённые, над которыми катер скользил быстро и бесшумно. Через пару километров им стали попадаться остатки поселений – от дороги уходили в стороны отростки и заканчивались у каменных столбов – остатков ворот; за ними обычно была большая площадь, колодец, большой, метра три – четыре в диаметре, тоже из камня и, возможно, когда-то имеющий крышу. Вокруг пло-

щади хаотично располагались еле видные холмики – остатки домов на сваях, примерный облик которых ещё предстояло реставрировать с помощью соответствующих программ; а напротив ворот стояла храмовая пирамида – эти сооружения, сложенные из местного чёрного камня, практически не были тронуты временем, хотя и сильно заросли. Таких поселений на пути к главной пирамиде они насчитали четырнадцать. Джунгли кончились, местность начала повышаться, скалы нависли прямо над головами, с облаками, зацепившимися за их склоны и застрявшими в густой растительности, покрывающей их. Силовое поле раздвинуло нависшие над дорогой ветви и лианы, взметнувшиеся над головой, словно занавески на ветру, и катер очутился на краю площади, прямо напротив пирамиды. В этот миг на связь вышел Ош, спросил, что на террасе нет ничего, особенно интересного – просто база Вэйхэ, такая же, как на Савале и на Чотал. Есть любопытные фрески и статуи, но они с Тайнаром уже засняли их; предложил помочь, и Ив согласился.

– Мы идём во дворец, – сказал он, – потом к пирамиде; может, присоединитесь?

– Легко. – Согласился Ош. – Говорят, вы нашли какие-то любопытные останки?

– На Грите посмотрим. – Ив остановил катер у подножия широких и длинных ступеней, ведущих к площади перед дворцом, как ни странно, совершенно свободной от нахосов земли и от растений. Множество невысоких, с челове-

ка, и тонких, как иглы, обелисков, покрытых надписями, отбрасывали тени, исполосовавшие каменную площадь и сделавшие её клетчатой. Высоко поднявшееся над горизонтом солнце начало ощутимо припекать, и войти в широкий проём дворцовых ворот оказалось приятно: там ещё царили прохлада, лёгкий полумрак и сырость. Откуда-то явственно доносились звуки бегущей воды.

Дворец представлял собой довольно большой прямоугольник зданий с открытым внутренним двором, предназначенный, видимо, для каких-то церемоний – там имелось что-то вроде трибуны, украшенной восхитительными барельефами, статуями и восхитительными изображениями животных, пленников и цветов. Все они сохранились прекрасно, Анна не увидела ни одного изъяна, проходя под ними. Посреди внутреннего двора находился обязательный, видимо, для этой культуры фонтан с прекрасным изображением воина с двумя зигзагами кривых мечей в руках. Воин был в доспехах, напомнивших Анне китайские, эпохи Воюющих Царств, но его головной убор был пышным и богатым, как украшения вождей майя. У ног воина иззыпал гибрид змея и кошки, из его оскаленной пасти, должно быть, когда-то текла вода.

– Наверное, здесь было красиво когда-то. – Сказала Анна, и голос её прозвучал гулко и странно. – Хотела бы я посмотреть.

– Очень много мотивов смерти и жертвы. Человеческой. –

Возразил Ив. – Я бы не хотел жить в то время и быть одним из них.

– А со мной? – Повернулась к нему Анна. Он улыбнулся, моргая от солнца, светившего ему в лицо, но не жмуряясь.

– Ты знаешь, что я отвечу.

– Мне нравится это слышать.

– С тобой я хотел бы жить где угодно. Но здесь я боялся бы за тебя.

– Не смеялся надо мной, но мне кажется, что я знаю эту жизнь.

– А она точно знает тебя. – Покачал головой Ив. – Здесь есть твоё имя.

– Что значит «Мессейс»?

– Я не знаю. Это домероканский Дом; все мероканские слова, как ты знаешь, имеют ударение на первый слог. Возможно, значение этого слова было утеряно давным-давно, я не удивлюсь.

– Я хочу посмотреть весь дворец. – Анна взяла его за руку, ненадолго переплетя свои пальцы с его. – Ты не представляешь, как мне здесь нравится, я хотела бы здесь жить. Я думала, что никогда не смогу по-настоящему забыть Землю и Сибирь, но здесь я забуду о них. Я чувствую. Наверное, даже на Мераке мне никогда не было бы так хорошо.

Ив промолчал, идя вслед за ней, но в глазах его появилось какое-то тревожное выражение. Он начинал бояться того, что они могут здесь найти – словно это каким-то образом

встанет между ними.

В тысячи километров от них, на другом материке, в сумерках наступающей ночи, Кейв и Ва добрались до «кладбища» на берегу реки, успев поспорить и поругаться всего раз пять. Они спорили из-за всего: кто будет вести катер, а кто будет держать оружие; как следует исследовать окрестности, откуда лучше попасть в долину костей, какой скорости придерживаться, и стоит ли вернуться на Грит до наступления в этой местности утра, или продолжить исследования. Что бы Ва ни предложила, Кейв встречал в штыки, и так же наоборот. Тем не менее, именно они сделали несколько удачных съёмок крупных ящеров, травоядных и хищных, ухитрились заснять охотящегося ящера и гнездовые больших белых птиц. Когда заканчивались пререкания, они действовали на удивление профессионально и слаженно, но как только непосредственно работа заканчивалась, начинались бесконечные пререкания, чем более бессмысленные, тем более ожесточённые. Асте, деликатно покашливая в переговорное устройство, прерывала их иной раз на самом интересном, напоминая, что они находятся в опасном месте, где следует быть начеку – если бы не эти напоминания, они, возможно, вообще бы никогда не вспомнили об этом, и пошли на обед какому-нибудь ящеру, не переставая ссориться. Кейва нервировала Ва, причём не столько то, что и как она говорила и делала, сколько то, как она выглядела, но в этом он не при-

знался бы ни за что даже самому себе. При всём при том она была профессионалом самого высокого класса, и это раздражало Кейва ещё больше, вопреки всей логике вещей. Всё, что она делала, получалось у неё ловко и грамотно, но если бы она хоть раз промолчала и не похвасталась этим! Каждый раз, когда она открывала рот, чтобы похвастать своим очередным несомненным достижением, Кейва выворачивало наизнанку. Но кинтанианская выдержка и вежливость в обращении с леди не подводила его, не смотря ни на что. Он stoически переносил всё это, позволяя себе лишь вежливые и не выходящие за рамки приличия споры, не смотря на то, что Ва, вспылив, выражений и слов не выбирала и манер не соблюдала. Я намеренно передаю её выражения не буквально, а используя земной сленг – чтобы ясно было, как она выражалась, в принципе и по сути, не дословно. Подросткам Асте и Гэвэнто было до неё далеко. Иногда она позволяла себе выражения и вовсе на грани цензурного, что вгоняло Кейва в краску; в ответ на такое он уже не возражал, а возмущённо и демонстративно молчал. В таком вот настроении они добрались-таки до кладбища животных.

Собственно, кроме самих костей здесь и исследовать-то было нечего. «Интересное», на что время от времени отвлекался Гэвэнто, было как раз не то, что они находили, а то, что происходило между ними. Просто Асте иногда толкала приятеля в бок и давала послушать препирательства Кейва и Ва. Тихо хихикая, подростки слушали ожесточённые спо-

ры двух взрослых мероканцев о такой, в сущности, ерунде! По крайней мере, была от этих споров и польза – это окончательно сблизило Гэвэнто и Асте.

Хотя вряд ли бы это утешило Кейва! Как он страдал, этого не в состоянии вообразить себе, пожалуй, никто. Ва злилась, а злость, как известно, действует на организм благотворно. Кейв же не только злился, но и мучился, и нервничал, и страдал, не понимая сам себя и сходя с ума от этого. На самом деле ему нравилась Ва, то есть, нравилось её тело, но в этом он никогда бы себе не сознался, относясь к этим чувствам по-кинтаниански – то есть, с презрением. Это презрение он проецировал на Ва – ему казалось, что он презирает не свои чувства по отношению к ней, а её самое. Недостатков своим требовательным кинтанианским оком он в ней видел столько, что хватило бы на целый женский батальон. К его счастью, Ва истинной подоплёки его ерничанья не видела; иначе не миновать бы им скандала более существенного и опасного, чем все предыдущие и последующие!

Кладбище млекопитающих их разочаровало. Отыскать следы трагедии, которая разыгралась здесь, возможно, пять тысяч лет назад, было нереально. Их просто не было. Понять по костям даже очень крупных, размером с земного мамонта, животных, от чего они скончались, тоже было невозможно. Взяв несколько костей на анализ, Кейв и Ва опять заспорили. Кейв хотел продолжить поиски – вдруг, да обнаружится что-то интересное? – но едва это же предложила Ва, как он за-

протестовал, просто из чувства противоречия. В то же время, как с самого начала их конфликтной экспедиции, крепко усвоенное почтение к леди снова заставило его уступить – и ещё более, если это возможно, расстроиться от этого. В результате они поехали в сторону гор, вверх по течению, туда, где Грит обнаружил плохо сохранившиеся руины каких-то храмов и дворцов совершенно иного, нежели на юге другого материка, типа. Эти руины были более готическими, что ли, во всяком случае, Анна назвала бы их так; хотя в строгом смысле слова они на готические постройки Земли походили мало.

Даже разрушенные, они подавляли своими размерами, массивностью и грубой мощью. Огромные каменные блоки, из которых они были сложены, вызывали недоумение: с одной стороны, каким образом цивилизация, не успевшая изобрести ничего более сложного, нежели водяная мельница, сумела возвести такую постройку, а с другой – зачем это вообще понадобилось, ведь для обороны от естественных врагов, в том числе и людей, достаточно было крепости, в половину меньшей?

Почти сразу же стало очевидным, что эти руины облюбовали ящерицы, причём самые, что ни на есть, хищные, но самым странным и диким было то, что ящерицы эти были покрыты перьями, и вид имели чудной и жуткий. Сопротивление защитного поля не давало им приблизиться к катеру, но их суэта вокруг напрягала. Не было никакой возможности

покинуть катер и исследовать руины так же, как в этот момент это делали Ив и Анна; Кейв и Ва только снимали всё, что казалось им интересным и многообещающим. Надо ли говорить, что по поводу того, что интересно, а что нет, у них всякий раз разгорались жаркие споры!

В принципе, если бы хоть один из них был склонен к поиску компромисса, им вообще быстро удалось бы прийти к какому-нибудь общему знаменателю, но тут, что называется, нашла коса на камень. Уступать не хотели оба. Если Ва говорила: «Какие красивые развалины!» – Кейв ворчал, что она слишком много времени тратит на ерунду; если Кейв замечал: «Может, заглянуть туда?» – Ва сварливо возражала: «Видно же, что ни фига там нет путного!» Просто удивительно, как, тем не менее, они ухитрились выполнить свою задачу до конца и вполне профессионально! Решив отправиться в храмовую долину, как Ош и Тайнар, на помощь к Анне и Иву, они на диво быстро договорились по этому поводу. Им казалось, что Анна и Ив взяли на себя всё самое сложное; к тому же, по словам Асте, которая помогала им и вела, Ив с Анной обнаружили уже что-то очень интересное – какие-то фантастические останки. На катере добираться было слишком долго, и они вызвали Ома.

Что не вызвало со стороны Кейва никаких возражений – так это слова Ва по поводу красоты этой планеты. Пролетев над прекрасной горной страной, цепью синих, как небо, озёр и степью, покрытой высоченными шёлковыми травами, они

летели над океаном, по которому сильный ветер гнал волны, увенчанные пенными коронами; какие-то крупные животные или рептилии стремительно плыли поперёк волны, время от времени взлетая над нею по очереди, словно играли в какую-то игру. Ва снимала океан, изредка бросая замечания на счёт увиденного.

- По-моему, это вполне реально. – Сказала она вдруг.
- Что именно? – Нахмурился Кейв.
- Колонизировать эту планету, разумеется. Ты же прекрасно понял, о чём я.

– Только что ты разглагольствовала о подводной охоте. – Заметил Кейв. – Откуда я знаю, что ты перекинулась на другую тему?

- Прекрати, склочник. Я уже объяснила, про что я.
- Не надо приписывать мне эмоции и намерения, которых у меня нет.

– Я тоже считаю, что эта планета – идеальное место для мероканцев. У нас должна быть своя планета, не вечно же нам быть гостями Корты. – Дипломатично вступил в спор Ом, и, не давая спорщикам открыть рта, продолжал говорить ещё минуты три на эту тему.

- Здесь уже жили люди. – Заметил Кейв, когда он замолчал. – И им крупно не повезло.
- А может, как раз наоборот! – Дерзко возразила Ва.
- Ну, да. – Мрачно усмехнулся Кейв. – И где они теперь?

— Где же они теперь? — Спросила Анна, осторожно касаясь рукой губ огромной каменной маски, одной из двух, охранявших вход в главные залы дворца.

— Умерли в любом случае. — Откликнулся Ив. — Пять тысяч лет — не шутка.

— Я не могу поверить, что все они умерли от какой-то катастрофы — и всё. Они ничего не оставили? От них ничего не осталось?

— Почему ничего? — Ив окинул взглядом пышный двор, прежде чем скрыться в полумраке парадной залы. — А это, вот это всё?..

В залах было грязно, пыльно; там, где крыша была повреждена, под лучами света росли деревья и лианы. Анна почему-то представляла себе руины как-то иначе — более нарядными, чтоли. А ещё, ей казалось, что они только войдут сюда — и увидят какие-то такие вещи, которые непременно расскажут им всю правду о том, что здесь произошло, причём подробно и красочно. Но на деле оказалось, что ничего здесь нет, а если есть — так просто это не найти и не увидеть. Всё сожрало время, смыли дожди, разрушили деревья. Пять тысяч лет! — Анна думала об этом, с отчаянием оглядываясь вокруг. Старше египетских пирамид, древнее китайских преданий, забытые всей Вселенной, эти руины и сами всё позабыли. Они были абсолютно немы... Или нет?.. Во тьме одного из небольших залов, что анфиладой шли сквозь северное крыло дворца, Анна первой увидела на стене боль-

шой кусок хорошо сохранившейся фрески и испустила радостный крик. Фреска была великолепна. Яркие краски, не известно, каким чудом сохранившимися, создавали праздничное, феерическое впечатление. Двое мужчин и одна женщина в пышных причудливых одеждах и головных уборах отдохали в саду, на фоне стилизованных изображений деревьев и цветов; слуги в набедренных повязках обмахивали их веерами и подносили напитки; три молодые девушки играли в тени пышного дерева на крохотных струнных инструментах с очень длинными грифами. Всё было сочным, свежим, почти не повреждённым, скорее всего, потому, что здесь царила абсолютная тьма, и все краски ожили только при свете плывущих вместе с Анной и Ивом шаров-осветителей.

– Ив, какая прелесть!

– Смотри, у них светлые волосы. И вот, смотри! – Он коснулся рукой в перчатке текста, красиво обрамляющего рисунок. – Это иероглиф «Мессейс».

– Что значит это имя?

– Не помню. А может, и не знаю, ведь это домерокансское имя. Его значение могло быть утеряно. Но думаю, это важно – то, что ты спросила. Возможно, значение слова «Мессейс» что-то прояснит?

Буквально в следующем зале они снова обнаружили фреску, правда, сохранившуюся немного хуже, где опять присутствовала уже знакомая им троица. На этот раз они охотились на пятнистых зверей явно кошачьей породы, коротко-

хвостых и длинноухих. В руках у женщины был лук, мужчины были вооружены зигзагообразными клинками; одежды их были ещё более пышными и затейливыми, нежели на первой фреске. Здесь опять несколько раз повторялся иероглиф «Мессейс», но настоящий сюрприз ожидал их в девятом по счёту зале. Здесь опять была хорошо сохранившаяся фреска, на которой уже знакомые им персонажи играли в магр.

— Это же магр! — Первым догадался Ив, присмотревшись к фигурам, стоявшим на доске. — Это действительно мероканцы — потрясающе! Нет, я верю в совпадения, но не настолько! Анна, я уверен: мы действительно нашли Озакх, иначе просто быть не может! Иероглифы; магр; база Вэйхэ! И я, Кайл Ивайр, первым обнаружил это!

Чувства, переполнившие его, требовали выхода, и выход нашёлся — благо Анна была рядом. Несколько секунд они сознательно целовались, не замечая ничего вокруг, пока Анна, в поисках опоры, не скользнула рукой по стене и не нанесла на слегка выступающий камень. Дворец так ощутимо содрогнулся, что они отпрянули друг от друга, схватившись за оружие. Низкий угрожающий гул раздался где-то совсем рядом, посыпалась штукатурка, стены задрожали. Ив метнулся к Анне, в безотчётном стремлении защитить её сразу от всего и отовсюду; крикнул в передатчик:

— Гэв, что это?!

— Ничего? — Удивлённо откликнулся Гэвэнто, — а что случилось?

- Дворец трясётся!
- Оба! Нет, землетрясения нет, и ящеров поблизости нет тоже. А я слышу! – Возбужденно воскликнул он, и даже привстал перед мониторами слежения. Асте, на миг оторвавшись от своих мониторов, тоже заглянула к нему. – Ух ты! Что это?
- Не знаю… – Всё прекратилось, только несколько раз что-то дрогнуло, и стихло. Тихо продолжал осыпаться потолок. – Я сейчас… посмотрю. – Ив двинулся к проёму в противоположной стене, откуда и доносились все звуки. Анна пошла за ним, на всякий случай, держа оружие наготове. В соседнем помещении стояли клубы пыли, и явственно виден был проём в стене, ведущий во мрак.
- Нашли секретную локацию. – Сказал Ив. Это была фраза из компьютерной игры, и Анна глупо хихикнула.
- А что вы сделали? – Спросил Гэвэнто.
- Не знаю. – Ответил Ив.
- Я на что-то надавила. – Вспомнила Анна. – Если это, конечно, и повлияло. Может, оно от времени обрушилось, а нам повезло?
- Я проверяю. – Ив включил сканер, и на экране браслета появились контуры помещений и стен. На той стене, возле которой они стояли с Анной только что, явственно видно было ярко-синее пятно. Ив подошел и коснулся сильно выступающего камня:
- Ты на это надавила?

– Да. Кажется, да. Да нет, точно да! – Анна коснулась камня. – Он здесь один такой. Пять тысяч лет, Ив!!!

– Она и не отодвинулась до конца. – Ив вернулся к проёму. – Застряла, помнишь, как дёргалась?.. Смотри, проход должен был быть во всю стену. А там… – Он посветил вниз. – Лестница. Крутая.

– Я не боюсь. – Тут же сказала Анна.

– Ребята, а может, Оша дождёться, а? – Занервничал Гэвэнто. – И Ва с Кейваром к вам летят…

– Ош, ты далеко? – Поинтересовался Ив в передатчик.

– Мы уже возле храма. – Ответил тот. – Нужна помощь?

– Мы нашли тут кое-что, но нужно будет спускаться под землю. Не присоединитесь?

– Через четверть часа будем с вами. – Тут же ответил Ош. Ив снова включил сканер, но его поля действия на всю протяжённость лестницы не хватало, а то, что просвечивалось,казалось вполне безопасным. Никаких синих пятен на лестнице не было, никаких предметов и препятствий – тоже. Пустота, ведущая куда-то глубоко под дворец.

– Тебе просто потрясающе везёт. – Заметил Ив, с тревожной нежностью глядя на Анну. – Я никогда не видел такого везения.

– Видел, – улыбнулась Анна, – я же рассказывала тебе.

– Точно. Только это всё равно поражает. – Он оглянулся. – Как и всё, что мы здесь видим. Тебе не кажется, что здесь слишком хорошо всё сохранилось для пяти тысячелет-

них руин?

- Не знаю, я никогда руин не видела.
- Поверь мне, здесь слишком всё в порядке. И эти фрески – словно их специально кто-то сохранил для нас.
- Для нас?.. – Переспросила Анна, и вдруг вспомнила свои подозрения, свои видения, и озноб заставил её явственно содрогнуться. Они думали на Л'вара, на Грит, на пска. А на самом деле, возможно, всё было заключено здесь, на этой планете, в этом дворце?..

Она даже не подозревала, как близка она к разгадке. Что они с Ивом стоят на пороге тайны, пожалуй, самой важной и самой потрясающей в Известной Вселенной. Она не знала, что прикосновение именно к этой тайне выжгло мозг мероканца Лавайра и превратило его в чудовище; но чувство чего-то важного, пожалуй, даже какой-то катастрофы, у неё было. В какой-то момент ей даже захотелось предложить Иву уйти оттуда, но голоса и шаги возвестили о приближении Оша и Тая.

Первым делом Ив показал им магр. Прекрасно сохранившаяся фреска не оставляла места для сомнений – женщина в пышных одеждах со светлыми длинными волосами играла в магр с таким же светловолосым мужчиной в одеждах ещё более пышных; третий мужчина, небрежно развалившись в кресле, наблюдал за игрой. В руках у женщины был платиновый ферзь, которого она собиралась поставить куда-то на поле противника – этот нюанс углядел Тайнар.

— Анна случайно нажала на этот кирпич, — Ив не упомянул о том, почему она это сделала, но чуть покраснел, помня об этом, — и началось! Мы думали — землетрясение. А потом оказалось — отошла часть вот этой стены.

— Тебе опять повезло. — Заметил Ош, заглядывая внутрь. — Невероятно. Однако, здесь глубоко.

— Ещё бы. — Ив проверил заряды. — Спускаемся, или пустим зонд?

— Пустим зонд, а сами пойдём следом. — Решил Ош. — Скорее вечер, я не стал бы здесь шариться по темноте. Думаю, не будь там чего-то важного, вряд ли понадобился бы секретный рычаг; с другой стороны — это может быть могила их самого козырного персонажа, а может, и всех этих троих, — он кивнул на светловолосую троицу, — коли вы говорите, их изображений здесь много. Я в юности увлекался археологией, и даже участвовал на Корте в исследованиях покинутых городов. Кстати, им тоже около пяти тысяч лет, и что-то в них есть такое... напоминающее. Эти фрески нереально хорошо сохранились, мероканцы. Я крепко задумался бы над этим на вашем месте.

— Мы уже говорили об этом с Анной. — Согласился Ив. Он первым пошёл вниз, и настоял, чтобы Анна шла между Ошем и Тайнаром. Он всё больше боялся за неё. Это был странный, иррациональный страх, с которым он пока что пытался даже справиться, но чем дальше они углублялись в подземелье дворца, тем сильнее он боялся, и ничего с этим

поделать не мог. Он всё время слушал её шаги, её дыхание, её редкие реплики по поводу глубины подземелья, её тихое чертыханье время от времени, когда она оступалась или не видела, куда идёт. Он настолько был поглощен ею, что почти не реагировал на реплики Оша и Тая, на окружающее и на длину спуска.

Сканер всё время давал контуры лестницы – они спускались уже минут двадцать. Время от времени им попадались ниши по обе стороны лестницы; более продвинутый в этом отношении Ош сделал предположение, что они служили для засады и охраны: из этих ниш, имеющих и вполне объяснимые защитные перегородки, удобно было обороны лестницу от имевших бы наглость сунуться сюда врагов. Почти достигнув дна – сканер показал большое прямоугольное помещение, – они наткнулись на баррикаду из камней и давно истлевших досок. Здесь же лежали и первые найденные ими человеческие останки: груда костей и мятого металла, в котором Ош сразу же опознал доспехи и оружие. Людей было четверо; черепа свидетельствовали, что это были мероканцы, либо кто-то очень на них похожий.

– Мужчины, – сказал, осматривая кости, Ош. – Молодые. Мероканцы, скорее всего: видите, какие зубы, и как вытянут череп? Оружие странное: ножи вполне узнаваемые, а вот мечи, или что это? – Он поднял искажённый чёрный кусок железа, в котором с трудом можно было угадать зигзагообразный клинок, уже виденный ими на фресках. – Неудобное,

однако.

– Если рассуждать логически, – подал голос Тайнар, – это был их последний спуск сюда. С кем-то они здесь сражались, только кого защищали и от кого? Наверху-то всё было закрыто.

– Кто-то остался снаружи и закрыл тайник. – Предположил Ив. – Пожертвовал собой.

– Ради четырёх человек?

– Я не удивлюсь, найдя внизу груду костей... Или проход ещё куда-то.

– А я думаю, там могилы. – Снова сказал Ош. – Тех трёх. Не знаю, почему, но я уверен в этом.

– А баррикада?

– Не знаю. – Повторил он. – Что тут стряслось. Может, грабители могил?..

Преодолев неожиданную преграду, уже практически разрушенную временем, они очутились в интересном помещении, несомненно, мероканском: мероканцы любили разноуровневые помещения и часто использовали ступени, чтобы создать своего рода галерею вокруг основного зала. Так же редко они использовали колонны, и в этом зале, опоясанном галереей, на которую вели во все четыре стороны длинные ступени. Потолок здесь поддерживали только по паре колонн в каждом углу. Там же, в углах, находились большие, от пола до потолка, лица то ли богов, то ли людей, в громоздких и сложных головных уборах и с пустыми глазницами. Четыре

энергетических шара ярко осветили всё помещение, как если бы здесь включили электричество; скорее всего, так ярко это помещение не освещалось никогда. Прямо напротив лестницы были три проёма, когда-то защищённых деревянными дверями. Дерево давно истлело, и хитроумные запоры бесполезно валялись на камнях в кучах трухи и пыли. За ними на каменных постаментах стояли каменные же саркофаги, повторяющие форму человеческого тела, украшенные, возможно, золотыми или из другого ценного металла масками.

— А я прав. — Заметил довольный своей проницательностью Ош, первым поднимаясь к средней из могил. — Здесь погребение, и, скорее всего — той троицы. Я уверен в этом.

У каждой из дверей лежали кости и доспехи — эти гробницы когда-то защищали воины в полном вооружении. Теперь невозможно было разобраться, где что, хотя Тайнар нашёл мало деформированный шлем — его форму, по крайней мере, можно было угадать, — некоторые из костей и металлических предметов поместили в контейнер на воздушной подушке, который плыл, как привязанный, за Тайнаром.

— Это женщина. — Сказала Анна, склоняясь над маской центральной гробницы. — Наверное, лорд Ош, ты прав — это та самая, смотри, у неё и здесь волосы светлые... — Анна потёрла металл рукой в перчатке, и вдруг крышка легко ушла в сторону. Анна взвизгнула и отшатнулась; Ив бросился к ней, едва не сбив с ног Тайнара. На несколько мгновений глазам

их предстало потрясающее зрелище: лицо молодой женщины, светловолосой, красивой, как ангел, тонкое, правильное, и похожее...

Доступ воздуха мгновенно разрушил тело: на глазах кожа почернела и скокожилась, провалились глазницы, обнажились зубы. И тем не менее Ив произнёс чуть слышно, на выдохе:

— Она похожа на тебя...

— Я заметила. — Прошептала Анна. — Ты успел снять?

— Не знаю.

— Я успел. — Сказал Ош. — Вы правы — она похожа на Анну.

— А это что? — Анна взяла из чёрных, скрюченных рук нечто, напоминающее звезду. Она была сделана из платины и украшена зелёными и прозрачными камнями. Не понятно было, что это — ни на заколку, ни на какой либо из разумно применимых предметов звезда не походила, но Анне она показалась такой красивой, что она решила взять звезду себе. Никто не возразил, и она аккуратно спрятала находку в сумку.

— Чтож, — подвёл итог Ош, — мы нашли массу косвенных подтверждений тому, что это ваши предки, мероканцы. Девяносто из ста, что это Озакх. По-прежнему не ясно, что здесь делали Вэйхэ, хотя, с другой стороны, раз это ваша прародина... А главное, здесь мы нашли упоминание о Мессейс... В общем, материала для изучений и раздумий сколько угодно.

В этот миг на связь вышел Кейв – они с Ва успели подняться на пирамиду, и ждали их там.

Остальные поднялись туда уже в сумерках. Созданная каким-то чудесным, не иначе, образом – ведь местный камень можно было обрабатывать только сверхпрочными инструментами, недоступными местной цивилизации, – пирамида была высотой не менее тридцати метров, и с неё открывался фантастический вид на площадь, дворец, джунгли и малые храмовые пирамиды окрестных посёлков. Сумерки сгущались стремительно в каменной чаше, окружённой кудрявыми зелёными горами, хотя небо ещё горело золотом и бирюзой, ярко освещая вершины самых высоких гор. Джунгли громко приветствовали ночь, видно было, как в вершинах деревьев снуют какие-то существа, издающие резкие крики. Анна поднялась, держась за руку Ива – она немного устала, но была очарована происходящим. На вершине пирамиды было пусто: ровная площадка, шириной метров шесть на шесть, камни абсолютно целые, даже не утратившие свой блеск.

– На остальных пирамидах, – сказала Ва, – на вершине стоит культовое сооружение, жертвенник и статуя, а здесь ничего.

– Но когда-то было. – Ош, присев, поковырял камень. – Вот эти камни, в центре, они чуть выше остальных, словно постамент. Уверен, если просканировать ближайшие окрестности, всё отыщется...

– Вы правы, – раздался у всех в наушниках голос Асте, – здесь же, у подножия пирамиды, валяются обломки, которые по форме вполне годятся на роль статуи и жертвенника... прикольно.

– Зато теперь, – заявил Ив, – эта площадка здорово подходит для того, чтобы нас отсюда забрали. Ты где, Ом?

– Уже лечу, капитан.

Анна обернулась напоследок. Ей так не хотелось улетать отсюда, что сердце сжалось. Всё здесь было каким-то родным, узнаваемым, словно привет из детства: водяная пыль водопада на лице, запахи, очертания деревьев, прикосновение ветра и солнца к коже. Сумерки принесли с собой смутную тоску по вечернему уюту, по запаху жареного мяса и бобов, журчанию и стрёкоту джунглей, мягко светящемуся прямоугольнику занавешенной тканью двери в дом... Тряхнув головой, она прижалась к Иву, удобно устроившись в кресле.

– Устала? – Спросил он

– Нет... – Ответила она. – Не хочу улетать. Словно прошла мимо дома. Там уютно, поесть готовят, тепло, люди разговаривают... А я прошла мимо и иду в ночь. В самую тьму. – Последние слова она произнесла совсем тихо, так, что Ив едва расслышал их. Мурашки побежали по коже, он крепче прижал к себе Анну, успокаивая её и успокаиваясь сам. Решил:

– Мы все устали от космоса и от проблем. Устроим-ка мы

себе пикник!

Ва, начав изучать кости странного трёхметрового существа, встала в тупик.

– Я не знаю, кто это. – Призналась она. – Это одновременно и человек, и рептилия, и что-то ещё. У него странная деформация в костях таза и рук; как будто они были намеренно изменены, но каким образом, я вам не скажу.

– Интересно, для чего?

– Для того чтобы выглядеть, как человек. Оно выглядело в точности, как человек, возможно, только ноги были мощнее и длиннее. Примерно, вот так… – Ва забегала контактами по панелям. – Вот…

Перед ними возникло странное существо, данное в сравнении с обычным человеком; высокое, с длинными и мощными, как у конькобежца, ногами, и очень правильными, как у итальянской маски, чертами лица. Сложением оно напоминало кинтаниан – стройное, изящное, тонкое, но мускулистое.

– По строению костей можно вычислить примерный вес существа, – поясняла Ва, – учитывая гравитацию данного мира, конечно. Он был вот таким с большой долей вероятности.

– Он?

– Полагаю, он. Строение таза… хотя, мы же не знаем, кто это. Он был родственником рептилий, но теплокровным и

с нормальной, не чешуйчатой, кожей. Лицо видите, какое? Хорошо, что вы захватили череп, иначе программа бы просто такого нафантазировала...

– Красивый. – Сказала Анна.

– Да ну! – Живо возразила Ва. – Лицо такое... мёртвое.

Как кортианская маска смерти. Нет, что ли?

– Анна права – лицо красивое. – Конечно же, сказал Кейв. – А что кажется мёртвым, так какое оно и есть?.. Что про животных?

– Погоди. Я не закончила с этим существом. Костей немного, но с большой долей вероятности я могу предположить, что оно было убито очень жестоким образом. Ему проломили голову и переломали кости – среди тех, что вы привезли, нет ни одной целой.

– Его завалило обломками моста. – Напомнила Анна.

– Переломы были сделаны ещё при жизни. Он умер, скорее всего, от них. И потом... Его кости – они не могли быть сломаны обломками моста, будь даже каждый из них весом в пару тонн. Это потрясающие крепкие кости, и при том – гибкие. Он не переломал бы их, даже упав с небоскрёба. В их основе не кальций. Смотрите, какая странная структура... – Ва показала им срез кости на молекулярном уровне. – Такой я не видела никогда в жизни, даже у гуманоидов – другая. Я не побоюсь сказать, что это существо – из другой Вселенной. Не из Неизвестной, а вообще из другой. Понимаете, про что я?

— И он подверг себя изменениям, чтобы не испугать своим видом людей? — Быстро спросил Ив.

— Не знаю. Может быть, просто чтобы выжить в человеческом мире.

— А что тогда переломало его супер кости и сбросило это супер существо с моста?

— То же, — тихо сказала Анна, — что разрушило сам мост, тоже, что уничтожило всё живое крупнее крысы на этой планете.

— Брр. — Содрогнулась Ва. — Я не хочу верить, что подобная тварь существует. Всё равно, это только предположения.

В то время как вся команда Грита, включая пилотов, заставив дыхание, следила за реконструкцией живых существ с планеты, специальная программа работала с иероглифами, массу которых сняли все три группы. Грит медлил на орбите предполагаемой Озакх — чтобы была возможность ещё раз посетить её, если появится такая надобность; все работали над добытыми материалами. Даже Ликаон — он взялся сделать для Анны из добытой в гробнице звезды заколку для волос. Кстати, звезда оказалась вещью не менее загадочной, нежели ЭТО: для того, чтобы сделать её, у существовавшей здесь цивилизации не было необходимых технологий. Даже на теперешней Земле изготовить такую было бы проблематично. Большая, с ладонь, она была необыкновенно лёгкой и изящной, а камни были подобраны так, что казалось, они никак не закреплены, и у них нет никакой оправы. До этого у

Анны не было никаких драгоценностей, тем более, настолько роскошных и прекрасных, и она просто наглядеться на неё не могла. Мероканцы спокойно относились к драгоценным металлам, золото их не интересовало вовсе, драгоценные камни пользовались умеренным интересом. Они любили платину и драгоценности органического происхождения: янтарь, жемчуг, образующиеся в желудках одного из видов кортианских черепах красные, как рубины, переливающиеся кораллы. Достаточно высоко ценилось серебро из-за его лечебных свойств; считалось, что это металл Мерц, и приносит удачу и расположение этого неприветливого демона. Но то, что нашла Анна, было драгоценностью по всем меркам: и земным, где тоже высоко ценилась платина, и мероканским, и любым другим просто потому, что это было удивительно красивое произведение искусства. В восторге был даже придирчивый Ликаон.

Анну так переполнили события и впечатления этого дня, что о сне и нормальном отдыхе и речи быть не могло. Они с Ивом снова и снова, уже лежа в постели в её апартаментах, говорили, обсуждали, строили предположения и не могли прийти к общему знаменателю.

— У меня такое чувство, — призналась Анна, — что всё это имеет прямое отношение ко мне. И я не могу забыть того моста, он стоит у меня перед глазами, и я чувствую какой-то страх... Мне страшно, что я его увидела, понимаешь?

— Нет? — С лёгким недоумением откликнулся Ив.

– Бывают ситуации... – Тщательно подбирая слова, попыталась объяснить Анна, – когда... Когда что-то пережитое не ушло, а притаилось, и любое напоминание может его воскресить. Как было у меня, когда я в лесу успокоилась, перестала мучиться, начала жить. И вдруг – появление уфологов, и всё всколыхнулось, словно и не уходило. Сейчас – такой же страх. Словно что-то забытое, но не изжитое, не отболевшее, готово вновь на меня обрушиться и разрушить моё... Наше с тобой счастье.

– Что может ему угрожать? – Спокойно возразил Ив. – Это просто невозможно.

– Надеюсь. – Прошептала Анна, теснее прижимаясь к нему. Это было близко, так близко, что ей хотелось зажмуриться и спрятаться куда-нибудь. Сверкание водных бликов, смуглое плечо, бронзовые волосы. Чёрные глаза без белков. Мокрый песок под босой ногой. Ты моя любовь. Ты моя смерть. Запах мяты и корицы. Ты моя смерть...

Во сне она бежала по дороге к мосту. Ей было больно, она задыхалась, прижимая к правому боку липкую от крови руку, охваченная страхом не успеть, а земля то ли содрогалась под ногами, то ли это она сама уже теряла силы и качалась на ходу...

Она так закричала во сне, что Ив взметнулся в постели, проснувшись мгновенно, и мгновенно же метнувшись к оружию. Включилась защитная система апартаментов, на Ива нацелились боевые устройства, он замер, приподняв руки.

Анна тяжело дышала, по лицу её ручьём бежали слёзы.

– Это не сон... – Прошептала она. – Это не сон!!!

К вечеру следующего дня был воссоздан облик животных, кости которых нашли Ва и Кейв, людей, охраняющих лестницу в склеп, и загадочного существа, найденного под мостом. Так же были восстановлены в первоначальном виде тесноты и оружие, что Ив и Анна привезли с собой. А к вечеру были восстановлены и переведены тексты, и ради них все вновь собрались в бывших апартаментах Л:вара.

Среди текстов много было восхвалений правителям, сообщений о битвах, свадьбах, смертях одних монархов и восцарении новых. Народ, создавший храм из чёрного камня и построивший дворец, любил и умел воевать – сообщения о победах и захваченных ценностях, пленниках, землях и животных повторялись часто. Однажды попалось страшное в своей лаконичности сообщение о болезни, уничтожившей «Третью часть всех людей» (людьми они называли только сами себя, остальные были, в лучшем случае, проклятыми варварами), но, кажется, это не стало причиной порабощения этого народа другими – возможно, у их соседей ситуация была так же плачевна. Наконец, пришёл черёд текстам из дворца. Ош был прав – трое с фресок были правителями этой земли. Надписи утверждали, что они были близнецами – родились в один день, – и их отец и жрецы не посмели разделить их, и назначили их правителями одновременно. Одна из

стел сообщала о начале их правления; можно было даже попытаться выяснить дату. Тексты во дворце повествовали об их правлении и достоинствах – они были, судя по надписям, прекрасными охотниками, замечательными воинами, искусными игроками в магр, и прочая, практически, самими совершенствами во всём. И только надпись в гробнице несла какую-то информацию, впрочем, совершенно обескуражившую всех. Там рассказывалось, что женщина, которую везде называли Дар – Ахи, в то время как её братьев называли Дар – Эген и Дар – Ивор, однажды встретила незнакомца, который попросил у неё пить на берегу реки. Она нагнулась и зачерпнула ему воды, которую он выпил у неё из ладоней. Лаконично и трогательно древний автор сообщал: «На другой день Дар – Ахи пришла туда снова, и он был там, и она опять дала ему воды из своих ладоней. И она стала туда ходить тайком от братьев своих и жрецов». Разумеется, нашлись добрые люди, которые сдали Дар – Ахи жрецам и братьям. Женщину судили и приговорили к казни. В момент казни на площади появился незнакомец, который встречался с Дар – Ахи. «Он поцеловал её, – сообщал далее автор, – и обернулся страшным драконом, глаза которого поглощали свет, с клыков которого капала кровь, а из ноздрей вырывалось пламя. Он разорвал на части всех, кто был на площади, и Дар – Эгена тоже, а Дар – Ивор бежал прочь, проклиная своего брата. А дракон скрылся в джунглях, и был он быстр и страшен, и стрелы ломались об него. И стали приходить ве-

сти о деревнях и городах, которые стали добычей этого зверя, и нельзя было спастись от него, и люди стали просить Дар – Ивора спасти их. И Дар – Ивор... повелел найти женщину, похожую на Дар – Ахи, и она нашлась, её звали Двара Мессах. И привели её на мост, и оставили там, чтобы зверь пришёл и взял её вместо Дар – Ахи. Через три дня она вернулась, невредимая, и сказала, что зверь не уйдёт, и победить его нельзя, и принесла камень, который даровал спасение».

– Двара Мессах. – Сказал Ош. – Хм. Звучит обнадёживаше, но про зверя, конечно, чушь собачья. Видно, нам никогда не узнать, что здесь произошло на самом деле. Хотя девчонку, Ахи, жалко. Так трогательно это сказано: «И она стала туда ходить...» Наверное, и правда, была там какая-то любовная история, окончившаяся так плачевно. У нас есть история о тайной любовнице лорда Понтифика, в древности была такая, ещё до дней Гнева. Его взяла в мужья богатая и знатная леди, а он был молод и не любил её, ну, и, разумеется, встретил в конце концов женщину, которую полюбил. Очень печальная и даже страшная история. Там тоже были птицы, которые унесли их сердца на небо. Это, как вы понимаете, метафора, так же, наверное, как зверь.

– Её отвели на мост. – Напомнила Анна.

– Ага, и она уделала в хлам того монстра, а потом спокойненько вернулась во дворец? – Хмыкнула Ва. – Лорд Ош прав, мы никогда ничего не узнаем. Что в этой истории правда, что метафора – никто уже не расскажет просто потому,

что некому это сделать. Гораздо большего я жду от останков воинов: первичные анализы подтверждают их родство с мероканцами. Других доказательств, кроме этого анализа, я думаю, и не требуется.

– Видимо, да. – Неохотно согласился Ив. – Мы улетаем сегодня ночью.

– На Корту? – С надеждой спросил Тайнар.

– Нет. – Немного подумав, покачал Ив головой. – Нужно найти Шена и вытащить его, а для этого мы должны отыскать Вая Атта.

– Зачем?

– Чтобы он рассказал, почему и с чьей подачи он устроил ту бойню на Въерре. Только так мы сможем оправдать Шена.

– Вая Атта надо бы найти и не только ради Шена. – Мрачно сказала Ва. – Его боевики убили Тина у меня на глазах. И кто бы ни был в этом виновен, он ответит!

– Тогда, – холодно сказал Ош, – вам следует поторопиться и найти его раньше, чем найдут те, кто заставил его сделать это. – Повернулся и вышел. Мероканцы переглянулись.

– Ходит упорный слух, – сказала Ва, – что это – прямой приказ Лорда Понтифика. А Ош ему родственник.

– Он не помешает нам в поисках. – Возразил Ив.

– Но и не поможет? – Приподнял бровь Тайнар.

– Я и сам не потребую от него такого. А между прочим, он прав, и странно, что мы сами до сих пор не подумали об этом. Нам нужно поторопиться.

– Рон! – Напомнила Ва. – Рон Леа, он может узнать всё, и в самые короткие сроки. У него есть друзья на Биафра, даже среди клопов, и среди кипов, как ни странно, тоже. Он очень дружен с лордом Корином, полукровкой, а тот вместе с Кором в оппозиции Понтифику.

– Значит, свяжемся с Роном Леа. – Решил Ив. – Ва, это на тебе. А мы летим на Въерру.

Он поднялся в крипт, чтобы дать приказ Гриту, и застал там Анну – она сидела на полу, скрестив ноги, и смотрела на планету. Не поворачивая головы, сказала:

– Какая красивая, правда?.. Я хочу там жить. Как бы мне не нравилась Корта, я чувствовала, что Землю, Сибирь, не забуду никогда. А здесь, мне кажется, я могла бы её забыть, и быть счастливой. Здесь так красиво! Ив, может быть, мы не полетим отсюда прямо сейчас? Нам же можно находиться там вообще без всякой защиты? Может, проведём вечер на каком-нибудь море, поедим шашлычков, зажжем костёр, искупаемся, а?

– Вообще-то… – Ив колебался. – Вообще-то, я… не знаю. Мне кажется, что здесь опасно.

– Мы примем меры предосторожности. Грит будет следить, и корабль, тот, маленький, оставим рядом. Чтобы, если что, быстро улететь оттуда?

– Думаю, – всё ещё колеблясь, уже соглашался Ив, – думаю, это можно сделать. Это будет неплохо, для всех для нас, мы слишком давно в космосе. Расслабиться не помешает.

Идею члены команды восприняли с энтузиазмом. Место выбирали все, и выбрали: роскошный белый пляж на берегу небольшого острова в океане, поросшего джунглями, с небольшой, но шикарной лагуной. Джунгли тщательным образом проверили на предмет крупных хищников, никого не нашли, и высадились на острове все, не оставив на Грите никого. Ив понимал, как они рискуют, но нельзя было в такой ситуации обделить кого-то одного. Он оставил себе прямую связь с Гритом, приказав кораблю следить за космосом и особенно – за Вэйхэ, и положился на судьбу.

И оно того стоило! Проведя необходимую чистку пляжа и лагуны, мероканцы установили силовые щиты, разбили пару пляжных шатров, поставили баллоны с холодными напитками, жаровни, выкопали яму для жаркого – никаких андроидов, всё вручную, – и, включив в членоке музыку, отдались веселью и безделью. Ив ещё напрягался немного, получая сигналы от Грита: метеорит в атмосфере, морское животное поблизости от щита, – а остальные забыли обо всём на свете, веселись так, как умели, пожалуй, только мероканцы, не употребляя при этом ни капли спиртного. Пилоты играли в мяч – практически, один в один земной волейбол, – Асте учила Гэвэнто кататься на доске; Ош, который, оказывается, не умел танцевать и играть в мяч, умел зато божественно готовить мясо и рыбу. Ва взялась помогать ему в этом, пока все остальные развлекаются, а Анна сидела между ними и Ивом, и общалась со всеми сразу.

– Вот если добавить стружку корня т’ве, – Ва, как обычно, всё про всё знала и всё умела лучше всех, – будет офигенный вкус!

– Замечательно. – Соглашался покладистый Ош. – Но стружки-то нет. И как быть?

– В смысле?

– Как ты думаешь, станет кто-то это есть?

– Ну, мясо всегда мясо, так ведь?

– Ты такой камень у меня с души сняла!

– Да ну тебя! Ты смеёшься!

– Ни боже мой. Никогда.

– Ты смеёшься! – Ва не обижалась на Оша нисколечко. – Ты, в самом деле, не умеешь танцевать?

– Нет. Лорду неприлично кривляться. Артисты показывают под музыку всякие трюки, ну, и женщины – Артистки, хм... стоит посмотреть, если ты мужчина, конечно. Особен-но, если она это делает у шеста. Я в раннем детстве хотел стать гимнастом.

– Представляю, как тебя за это желание ваши дамы позорили! Ай, не мотай головой, я-то знаю ваших дам!

– Я мотаю в том смысле, что не представляешь.

– А-а! Ну, да. А как вы расслабляетесь?

– Я плавал.

– Тоже ничего себе расслабон!

– После наших тренировок двигаться не тянет. – Они с Ва, не переставая трепаться, (в процессе чего Ош ещё успе-

вал прижать к себе Ва, полуслугливо, полуусерёз), так слаженно и даже красиво занимались приготовлением мяса, что смотреть на них было одно удовольствие.

– А что такое барабан?

– Это определённый набор движений под барабан. Только входишь в этот ритм, как он меняется, становится рваным, совершенно непредсказуемым. А ты должен успевать, иначе получаешь по ногам, да больно так – до сих пор помню. Получишь пару раз, и на ногах синяки, а то и вывих, а ты прыгай, пока время не выйдет.

– Жуть!

– Угу.

– Давай, подержу, пока поливаешь… Ух ты, Ош, ты такойекси! Анна, правда ведь, онекси?

– Осторожнее с такими словами и телодвижениями, я ведь мутант.

– Ты пусенька, я тебя не боюсь.

– Секси, пусенька – да я скоро возгоржусь!

– Ты снова смеёшься надо мной! – Восторженно смеялась Ва. – Ты, бессовестный! Я тебе леди, или где?!

– Ну вот, то пусенька, а то бессовестный…

– Одно другому не мешает. – Подмигнул ему Ив.

– Вот, попробуй. – Ош протянул на двузубой вилке исходящий соком кусок готового мяса, и Ва осторожно и немногокартинно сняла его крупными белыми зубами. Подышала, промямлив сквозь него:

– Горячий!!! Ох, вкуснятина! Ош, ты разбиваешь мне сердце!

Веселясь, они совершенно не замечали Кейва, который сидел немного в стороне, один, делая вид, что наблюдает за игрой. Поведение Ва было острым ножом ему в сердце. Символическое бикини и прозрачное кортиянское парео демонстрировали её фантастические формы, так сказать, без купюр; внешностью и статью она не уступала красивой, как статуя, Анне. Скрученные в небрежный хвост пышные кудрявые волосы открывали стройную длинную шею и прекрасные точёные плечи, на смуглых руках, даже на вид упругих, блестели кортиянские браслеты и цепочки из серебра, золота и кораллов; браслеты были на щиколотках, и на тонкой талии блестела платиновая цепочка с камнем в виде слезы ярко-голубого цвета. Бюстгальтер, бело-бирюзово-синий, так искусно и сексуально обнимал её высокую пышную грудь, что совсем без него, наверное, было бы даже не так вызывающе и не так красиво. Парао она завязала на бедре таким убийственным узлом, что он один способен был вернуть потенцию дряхлому старцу. Яркие цвета оттеняли от природы очень смуглую, позолоченную загаром кожу и притягивали взгляд – и пилоты, и Тайнар, и даже Ив, не скрываясь, любовались высокой Волчицей с осанкой королевы и формами богини. Но только Кейв так яростно страдал при этом. Она вела себя, на его взгляд, совершенно разнузданно, даже развратно: прижималась к Ошу, обнимала, позволяла обнимать

и прижимать себя, и говорила такие вещи!

– Ты такой Пуся на ощупь, Ош, так бы тебя и затискала!
Гладенький, твёрденький, офигеть!

– Всю жизнь мечтал об этом.

– Не против?

– Я что, больной?

– Я от тебя без ума!

– Смотри, поверю. И сердце моё разобьётся.

– Что ты! С твоим сердечком я буду бережно-бережно.

Иначе Ив и Анна меня порвут, да?

– Легко! – Фыркнула Анна.

– Мясо готово! – Громко оповестил пляж Ош. Пилоты потянулись к жаровне, запыхавшиеся, довольные, в блестящих крупинках песка на разгорячённой коже; сразу стало тесно, шумно, сверкали улыбки, капал мясной горячий сок, и кто-то громко реагировал на это, но больше было смеха. Тайнар, оттесняя Оша, обнял Ва, требуя, чтобы она и его назвала пусей; та хихикала и притворно толкалась. Кейв поднялся и пошёл к воде. Его ломали и мучили самые противоречивые, неопределённые и бурные эмоции и чувства. Он определённо ненавидел Ва, и в то же время ему мучительно хотелось её внимания. Кажется, он возненавидел Оша – во всяком случае, осуждал его за некинтанианское поведение и поощрение разврата. Обижался на Анну и Ива, которые тоже поощряли это безумие. Совершенно точно ненавидел себя за то, что происходило в нём самом. Когда Ва тискала Оша, он не

мог не думать о том, что он ничуть не хуже, и не представить себя на его месте – и от этого его переполняли возбуждение и ярость, и стыд за самого себя. К Ва он не чувствовал ни симпатии, ни уважения, как человек, она для него не существовала – это была только эротика, только желание.

Зайдя по пояс в воду, он боролся и с желанием, и с яростью, и с эротическими видениями, в которых то Ош был с Ва, то он сам, причём грубо, даже жестоко. Его знобило и бросало в жар, и больше всего на свете он боялся, что кто-нибудь поймёт его состояние. Анна звала его, Ив и Ош – тоже; он отвечал, что не хочет есть, холода от страха: сейчас кто-нибудь подойдёт и всё увидит... Если кто-нибудь приблизится, – решил про себя, – поплычу в море. Лучше морскому ящеру в пасть, чем этот позор!

Хвала небесам, никто не подошёл. Кейв, воспользовавшись тем, что все отвлеклись, спрятался в катере, лёг, свернувшись в клубок. Анне сказал, что скверно себя чувствует, и она попросила его обследоваться. Он пообещал, молясь про себя, чтобы она к нему не прикасалась. Обошлось. Вот только Ив, кажется, что-то понял. Он оказался слишком наблюдателен и умён – чего нельзя было сказать на первый взгляд, слишком красивым и мягким он казался поначалу. От внимательного взгляда его тёмно-серых глаз не укрывалось ничто; он успевал увидеть малейшую тень на лице собеседника и правильно растолковать её в доли секунды. Он понял, что происходит с Кейвом, хоть и не до конца, и по-

нял причину – впоследствии он больше никогда не старался сталкивать его и Ва, ничего никому не объясняя. И с Кейвом говорить на эту тему он не стал – не был уверен, что сможет пройти по лезвию бритвы и сохранить мир между собой и братом любимой женщины. Другой человек, менее благородный, возможно, пренебрёг бы этими нюансами, поставив Анну в положение меж двух огней, заставил бы её метаться между двумя врагами, каждый из которых был ей дорог, но Ив так не мог. Кейв – мог, и сделал бы это, даже не думая, что поступает плохо, но Ив не дал ему такой возможности, искусно уходя от столкновений. Каждый день он, как капитан прежде всего, с напряжением ждал, что произойдёт взрыв – а что что-то произойдёт, он был уверен. Ва беззастенчиво и беззаботно флиртовала с Ошем и Тайнаром на глазах у Кейва, женским безошибочным чутьём угадывая, что того это задевает – не родилась ещё женщина во Вселенной, не почуявшая бы это, – а Ив не мог объяснить ей, почему этого делать нельзя. Он и сам до конца не понимал, потому, что сам был далёк от подобных чувств и проблем, и был счастлив в любви. Как все мероканцы, он не знал стыда в сексе; религии Мерака не знали первородного греха. Он не афишировал свою любовь, но и не скрывал её, наслаждался ею в полной гармонии с собой, и мог только догадываться, какой ад царит в душе человека, которого всю его жизнь учили стыдиться самых естественных и невинных чувств и потребностей. Ош был совсем другим потому, что леди Арина,

воспитывавшая их обоих, особо боялась мероканской чувственности Кейва, которая, по её мнению, могла его выдать, и боролась с нею особенно жестоко, пресекая на корню все его подростковые фантазии и мечты. Ош в этом смысле был, как и большинство мужчин Кинтаны и Земли: понимал, что грешит, но любил этот грех и снисходительно прощал себе его. Сравнивая их, и не зная нюансов, Ив склонялся к мысли, что у Кейва что-то не в порядке: может, с потенцией, может, ещё с чем-то, что мучает его и заставляет злиться. Ради Анны он пытался оберегать Кейва, старался больше не сводить его с Ва, давал им задания в разных уголках Грита, и избегал всяких разговоров на фривольные темы в его присутствии. И понимал при этом, что возникшую проблему так просто не решить.

Покидая орбиту планеты, все собрались в крипте, чтобы посмотреть на неё в последний раз.

– Я уверена, нам здесь будет хорошо. – Высказала общую мысль Ва. – Это мероканская планета, это точно!

– Мы ещё сюда вернёмся. – Пообещал Тайнар. – Как мы назовём эту звезду и планету?

– Я думаю, правильно будет назвать эту звезду именем той несчастной девушки, которую казнили. – Сказал вдруг Ош. – Ахи. Она это заслужила. Я, знаете, часто думаю об этой истории; она почему-то не даёт мне покоя. Жаль, что я не писатель, я написал бы эту историю. Это же так... так здорово! Представляете, он целует её, и её кровь превращает его

в дракона, который мстит всем за свою любовь...

– Её... кровь?! – Воскликнул Ив.

– Ну, да, а что?

– Вы что, никогда не слышали легенды об анху?!

– Что-то такое... – Прищёлкнула пальцами Ва. – Что-то

в детстве...

– Это легенда о ящерах, – сказал Ив, – которые жили миллионы лет назад в каком-то пра-мире. Они были супер быстры, супер сильны, супер кровожадны, и быстро уничтожили всё живое в своём мире. И встали перед выбором: либо погибнуть, либо измениться. И они изменились. Превратились в анху, расу защитников и целителей. Но стоит анху попробовать живой крови, как он превращается в кровожадное чудовище, которого невозможно остановить. Это только легенда, но теперь я понимаю, откуда она возникла. Мы и правда, потомки тех людей! Они принесли эту легенду с собой. Я согласен с лордом Ошем: звезду нужно назвать именем той девушки. Она это заслужила, хотя бы уже тем, что дала жизнь такой красивой легенде.

– Ты капитан. – Сказал Тайнар. – Как скажешь, так и будет.

– Значит, эта звезда носит имя Дар – Ахи. – Решил Ив. – Ну, а планета, планета, конечно, Озакх. Тут тоже двух мнений быть не может.

– Представляете, мы нашли Озакх?! – Воскликнула Ва. – Да все обалдеют просто от такого! Тысячи лет это была ле-

генда, миф, в который не верил почти никто! И вдруг мы её нашли! Да это... Это сенсация!!!

Планета тем временем превратилась в крохотный, с копеечную монету, диск и исчезла совсем. Снова перед Гритом распахнулась пылающая бездна космоса, и много дней пути к теперь уже конкретной и значительной цели. Правда, теперь его пассажиров и экипаж ждало нечто более трудное – влиться в чужой для некоторых из них мир и попытаться стать там своими. Обременённые тайнами и открытиями, способными перевернуть мир, они испытывали страх и беспокойство, но черпали силы и надежду друг в друге. Они были вместе.

Глава двенадцатая Арена.

Появление Дома Мессейс; то, что бывший киборг, пропавший вместе с Гритом, оказался Кровью мероканского Дома Вера, и готовность этого самого Дома взять его под свою защиту; наконец, странные события на Въерре и непонятное даже младшим лордам Кинтаны поведение Понтифика – всё это взбудоражило Кинтану так, как эту спокойную планету не лихорадило с последней войны. Происходили какие-то неслыханные и опасные вещи. То, что мероканские Дома будут мстить Понтифику, если окажется, что события на Въерре происходили с его ведома, казалось очевидным всем, кро-

ме, кажется, самого Понтифика – а о чём думал он сам, оставалось тайной даже для его жены. Она знала о пагубной страсти своего мужа, и каждый день со страхом ждала, что это будет раскрыто; но теперь он переходил все границы. Ужасное это было чувство: знать, что происходит, и не иметь никакой возможности что-то исправить. Ей казалось, что Союз в тупике, выхода из которого нет. Мероканские Дома не уступят; кортиане подержат их; Бард и Шхар только и ждут, чтобы Корта откололась от Союза, и последуют за ними. Союз распадётся, и Лига набросится на них, легко уничтожив по одному. Без мероканского космического флота Кинтана не сможет защитить и себя, и Савалу, и беззащитную Раббе, жители которой не строили кораблей и не умели воевать. Мероканцы не придут на помощь Кинтане, если выяснится, что кинтаниане повинны в гибели мероканцев на Въерре.

А самое ужасное – она не знала, насколько эти упорные мерзкие слухи о причастности к трагедии её мужа правдивы! Она не была уверена в нём. Он вышел из – под её контроля и постепенно превращался в безумца, готового рухнуть в пропасть самому и увлечь за собой целые миры. Она винила себя, как всякая благородная леди. Когда она просмотрела момент, в который он начал принимать пска?.. Она сделала, что могла, узнав правду; но теперь поздно. Пятеро детей! Алита сумет позаботиться о себе, но как быть мальчикам?! Сыновья такого отца – это же клеймо на всю жизнь!..

Осень заканчивалась; в садах острова Факиа пахло горе-

чью отцветающих трав. Леди Факиа всегда любила это время, тихое, покойное, туманное, золотистое; но теперь всё, что она прежде любила, только сильнее подчёркивало, чего она может лишиться в любой момент. Всё, что доставляло удовольствие, теперь причиняло боль. Каналы; одиночные изящные деревья, изогнувшие свои ветви так картично и изысканно; скользящие по безмятежным гладким водам узкие лодочки с высокими носами – всё это казалось чужим и даже враждебным. И если бы не мучительные мысли о детях!..

Появление в саду сестры Арины облегчения не сулило. Проблема лорда Оша, племянника, была одной из самых тяжёлых; в последнее время ясно стало, что она тесно связана с остальными, и обсуждать её леди Факиа не хотела. Теперь она понимала, что Ош с самого начала знал и про Мессейс, и про Кайла Ивайра; он понимал, чем это грозит, и не сказал никому и ничего! Впрочем, вряд ли это что-то изменило бы. Если бы он открыл на Савале, кто был с Ва Вера, что произошло бы? Она много раз думала об этом, пытаясь смоделировать ситуацию, и каждый раз приходила к выводу, что скорее всего, это обернулось бы катастрофой для всех. Мероканцы всё равно поднялись бы против Кинтаны, так как Вера взяли этого преступника, Кайла Ивайра, под свою защиту, как свою Кровь, и покушения на священные права Озакх не стерпели бы. Кипы и так поторопились – ой, как поторо-

пились! – с этим Шейнаном; если бы она знала, что задумал её муж, она остановила бы его! Да, он двойник Л: вара; но изолировать его можно было бы иначе, не привлекая к этому отпетого преступника Вая, не устраивая такой шумихи, не вступая в смертельную конфронтацию с мероканскими Домами. Такое было чувство, что Понтифик сделал это... намеренно; да, намеренно, чтобы поссориться с мероканцами и развалить Союз на пороге войны. От этой мысли было так страшно, что внутренности свёртывались в узел и начинали мелко трястись.

Но она была леди; на лице её не отражалось ни тени настоящих чувств, даже перед сестрой. Она протянула к той руки и улыбнулась нежно, по-родственному, встречая сестру в гостиной с раздвинутыми створками окна-двери от пола до потолка. В её доме царила тишина, в отличие от мероканских домов, где всегда было шумно, играла музыка и за окнами голосили гленки; на гладкий пол террасы, опоясывающей дом, и частично – гостиной, падали изумрудные блики света, проникающего сквозь листву густо оплетающих решётку террасы цветущих лиан. Тишину нарушали только щебет и пение птиц и насекомых, тихие и мелодичные. Обе леди были в белом; леди Факия была по-домашнему, в белом платье без украшений, подчёркивающем её угловатую некрасивую фигуру, леди Арина была в белом брючном костюме. Как настоящие кинтанианки, они не красились, не делали причёсок, не пытались никак подчеркнуть свои достоинства или

скрыть недостатки – это считалось среди них вульгарным и низким, не достойными настоящей леди ухищрениями. Но не смотря на полное отсутствие каких-либо украшений, они выглядели внушительно и стильно, благодаря величавости и надменности своего облика. Леди Арина, когда-то сильно пострадавшая в Геште, до сих пор носила шрамы, рубцы и швы на всём теле, в том числе и на лице, но никто не посмел бы назвать её уродиной, настолько гордо и уверенно она держалась и несла свои увечья.

Усадив гостью, леди Факиа приступила к церемонии приготовления традиционного напитка, подаваемого близким родственникам; это было настояще священное действие, во время которого жестами своих больших, но очень изящных рук она задавала тон будущей беседе и всей встрече. Непосвящённый был бы просто заворожен красотой движений, но леди Арина читала их, как книгу. Она видела, что сестра её подавлена и грустна, и не хочет беседовать на серьёзные темы. Деликатность не позволяла ей пренебречь желанием сестры; но она уверена была в то же время, что поможет ей своим советом, снимет напряжение и смягчит боль. Она прекрасно понимала, что творится с сестрой, и так же боялась поступков своего зятя; но так же она понимала и страх сестры за детей, и то, что если они скажут ЭТО вслух, даже наедине, пути назад не будет. Нужно было искать другие пути, и будучи прекрасно воспитанной и образованной кинтани-анкой, она этот путь нашла.

Приняв напиток обеими руками, как чашу с причастием, она произнесла только что сочинённую похвалу изумрудным бликам света на полу – настолько тонкую, что я даже не буду пытаться её перевести. Короткая и ёмкая, как японские танка, она несла в себе массу намёков, скрытых течений и имела даже не двойное, а тройное и далее, дно. Леди Факиа, как опытный в этом смысле дайвер, почти мгновенно ответила таким же глубоким и тонким воспоминанием о капле росы в сердце паутины, сотканной на засохшем цветке.

– Эта печаль, – пригубив напиток, сказала леди Арина, грустно и нежно улыбнувшись сестре, – похожа на ту, что я испытала, глядя на голубые травы Мехротры, волнуемые ветром. Это очень печальная планета, не смотря на покой, что царит там вечно. Вечный покой печален, ведь его желают умершим.

– Мехротра, – даже не дрогнув, ответила леди Факиа, – действительно, очень печальная планета. Я не была там никогда, но в моём сердце отпечатался облик печальный, таинственный и немного странный. Но в то же время я связываю его в моём сердце с надеждой. Ведь Мехротру почитают все, даже мероканцы.

– Как странно. – Заметила леди Арина. – Вчера я размышляла над тем, что эти друзья-соперники Кинтаны даны нам Провидением не случайно. Мудрость Провидения несомненна, и они возможно, учат нас терпению, способности не терять надежду и идти на компромисс?

– Возможно... – Задумчиво ответила леди Факиа. – Благодарю тебя за прекрасные слова, Арина. Как раз сегодня они были мне так нужны!

Визит был завершён, как положено, со всеми необходимыми церемониями и положенными фразами. Леди Факиа чувствовала даже лёгкую дрожь, как в юности, от радости и воскресшей надежды. Мехротра! Словно сквозь тьму и холод отчаяния забрёзжил огонь. Ведь это выход, и какой!..

Связавшись с Роном Леа, Ив знал уже через четыре дня, где скрывается Вай Атт. Теперь осталось самое сложное: как добыть его оттуда, получив при этом неоспоримые доказательства его преступной деятельности? Сдать его кипам они не хотели; в таком случае сложно было бы рассчитывать на то, что они когда-нибудь позволят мероканцам его увидеть и с ним говорить. Нужно было сделать так, чтобы мероканцы, а не кипы, арестовали Вая, и желательно с таким доказательством его вины, с каким ничто не могло бы поспорить. Это был самый быстрый и надёжный способ оправдать и вытащить Шена, так, по крайней мере, казалось Иву и Кейву с Анной. Ведь формально кипы держали его в тюремном терминале как раз за те преступления, в которых его якобы обвинил и за которые пытался задержать Вай; если же останется только родство с Л: варом, то за это кипам придётся задержать и остальных Мессейс, чего они сделать в создавшейся ситуации не решатся. Всё казалось просто, и дело было

за малым: как получить эти самые доказательства? С этим возникла проблема.

Вообще-то, теоретически всё и здесь было просто: нужно было купить у Вая либо пска, либо, что надёжнее, клона женщины-мероканки. Только вот практически осуществить это было почти нереально. Мероканцу Вай никогда такого клона в здравом уме и твёрдой памяти не продаст. Нужен был либо шхарианец, либо гаранин; никого похожего в данный момент под рукой не было. Ив подумал про своих приятелей с Ариги, но Арига находилась в месяце пути от нужного места, а времени было мало. Прыгнуть через пространство Гроома с Агой и раббианами на борту Арига не могла; расчитывать на них было нечего. Ив, тем не менее, выхода другого не видел, и тут Кейв предложил отправить на терминал к Ваю Оша. С того момента, как Ва назвала Оша сексуальным, Кейв вообще начал смотреть на друга косо; между ними возник холодок. Ош, как человек гордый и довольно-таки замкнутый, после единственной безуспешной попытки выяснить, что происходит, сам отдалился от Кейва. Но оба они это не афишировали, и странное их отчуждение стало заметно только в момент обсуждения создавшейся ситуации. Даже Анна посмотрела на Кейва с изумлением, когда он вдруг сказал:

— А что мы гадаем и мучаемся, у нас ведь есть кинтанианский лорд, который пожил на Савале и узнал вкус подобных развлечений. Его желание заполучить достойную замену са-

валянке вполне естественно.

– Ты о чём? – Ив единственный не понял, о чём он.

– О женщинах особого склада, конечно. Тех, которые относятся к мужчине, как к своему господину, и всё такое. Ни на одной из развитых человеческих планет такую не найдёшь.

Ив вспыхнул и вскинулся, но Ош опередил его; лицо его потемнело, но сказал он совершенно спокойно:

– В этом есть резон. Мне Вай может и поверить.

– Я против этого. – Категорично заявил Ив. – Это издевательство!

– Почему? – Приподнял бровь Кейв. – Ош сам говорит: в этом есть резон. Ему лучше знать!

– Я был там! – Воскликнул Ив. – А ты не был!!! Женщины особого склада...

– Ивайр! – Перебил его Ош. – Так думают все, кто там не был; Кейв прав. Вай Атт наверняка думает так же, и поверит мне.

– А если не поверит?.. Этот терминал принадлежит гарянской мафии; ты вынужден будешь прилететь туда совсем один!

– Если не поверит – тем хуже для них. – Спокойно сказал Ош. – Или ты сомневаешься в способности клык-офицера справиться с такой ситуацией?

– Да ведь дело не в этом... – Растерянно произнёс Ив. – Дело ведь в тебе!

— Я переживу. — Ош встал. — Всё так; кроме меня всё равно этого сделать некому, и дело с концом.

Анна молча смотрела на Кейва и на Оша, не совсем понимая, что происходит. Её встревожило и испугало происходящее, но она пока боялась вмешиваться. Ив явно был рассержен, и это пугало её ещё больше; с самого начала она боялась размолвки между Кейвом и Ивом. Теперь она видела и могла оценить тонкую политику Ива, который ухитрялся балансировать на грани и сохранять дружеские отношения с Кейвом, но это понимание и было сутью её страха. Она видела, сколько делает Ив, видела, что это ради неё, была бесконечно благодарна ему за это, и тем сильнее был её страх, что Кейв всё равно всё испортит. Ей тогда придётся умирать от стыда за него, метаться между ним и Ивом, в тщетных попытках что-то вернуть. Именно в тщетных. Ни Ив, ни Кейв не были людьми, готовыми поступиться своими принципами и своим достоинством. Она уже жила так, метаясь между мужем и друзьями, пока постепенно не лишилась друзей, а потом и мужа. Теперь она изменилась, очень сильно, стала сильнее, твёрже, последовательнее, лучше умела постоять за себя, меньше боялась обидеть... Но любила по-прежнему слепо и яростно. Ну, знала она, кто такой Кейв, знала лучше, чем Ив! Но именно поэтому в любви её к нему была какая-то фанатичность. Она готова была защищать его от всего мира, ведь больше никто не стал бы этого делать. Он был клык-офицер, сильный, практически, супермен, но

у него было хрупкое сердце, кусок льда, который так легко было разбить, и это было бы уже навсегда! Она видела, что его никто не любит. Пилоты не относились к нему с открытой неприязнью, но и не баловали дружелюбием. Он словно в вакууме находился, с ним никто не стремился сблизиться, в общей компании он был один. Он никак не показывал, что для него это хоть что-то значит, но Анна чувствовала, что он сознает свою обособленность и где-то в глубине души страдает и сильнее ожесточается. Где-то глубоко подо льдом тлела искра тепла, и вот за эту искру Анна и готова была биться один на один с любым врагом, с любой бедой, с любыми помехами. Вот только объяснить этого даже Иву не могла, потому, что всё это было так тонко, так смутно, на уровне интуиции и подсознания. Она просто безумно жалела и любила своего брата, и стремилась его защищать.

Ив с Ошем и Тайнаром уже обсуждали детали предстоящей операции, а Анна всё не могла прийти в себя. Ей хотелось сразу же поговорить с Кейвом, но она не решилась уйти вслед за ним – а Кейв ушёл сразу. Ош сделал вид, что не заметил этого, только Ив проводил его непонимающим и недовольным взглядом. Анна пыталась слушать, что говорят Ош и Тайнар, но не могла сосредоточиться.

А они спорили. Ив настаивал на том, что Ош полетит не один, а Ош возражал, что тогда лучше вообще не лететь. Тайнар предложил сделать так: Ош прилетит на терминал, а через полчаса после него возле терминала выйдет Грит. Ив не

хотел оставлять Оша одного даже на полчаса; но в итоге ему пришлось уступить – и согласиться даже продлить время до часа, так как получаса Ошу могло не хватить на то, чтобы договориться с Ваем и совершить покупку. Вместе они отправились в ангар, готовить корабль для Оша, оставив Анну наедине со своими сомнениями и страхами.

Терминал, на который прилетел Ош, был небольшой отдалённой станцией, которой пользовались только те, кто летел со Шхара на Биафра. Шхар был самой криминальной планетой Священного Кинтанианского Союза; законы, принесённые сюда кипами, не распространялись за пределы крупных мегаполисов. Жёсткий матриархат, царивший на Шхаре, как и его противоположность на Савале, разворачивал одних – властью, других – бесправием. Гаране чувствовали себя на Шхаре, как дома, не смотря на достаточно крутые и жёсткие меры кипов; и этим маленьким и отдалённым терминалом открыто владел гаранин, Мел Саар.

Раса древняя, как раббиане и мероканцы, гаране имели собственный, весьма своеобразный облик. Довольно высокие, но коренастые и громоздкие, гаране чем-то походили на мифических земных гномов: с крупными чертами лиц, большими руками и ногами; но уродливыми их нельзя было назвать. В грубо сделанных и смело вылепленных лицах самых красивых гаран было своеобразное и непередаваемое очарование; а цвет глаз у них бывал и вовсе неве-

роятным: тёмно-фиолетовым, сиреневым, ярко-жёлтым. Эти цвета были их отличительной чертой – как чёрный и карий цвета, свойственные только землянам, лунно-серый, свойственный только мероканцам, пепельно-коралловый, встречающийся только среди кинтаниан, или оранжевый, свойственный только шхарианцам... Мел Саар был обладателем ярко-фиолетовых глаз, тёмно-рыжих волос и смуглой, золотисто-оливковой кожи; родился он в космосе, на терминале, давно, ещё во времена его детства, разгромленном и «очищенным» кипами, потому отличался от гаранцев, родившихся на Шхаре или Савале (где они тоже неплохо чувствовали себя), более изящным и тонким сложением. В общем и в целом, его могли счесть красивым без всякой натяжки на любой человеческой планете. Повадками и мимикой он очень сильно напоминал сытого наглого кота; больше всего он походил на Джона Траволту в его самых отрицательных ролях. Лорда Оша он пригласил к себе сам, сразу же, едва тот покинул шлюз и появился в накопителе. Встретил, развалившись в кресле, кошачьей улыбочкой и наглым мурлыканьем:

– Самый знаменитый и скандальный кип Вселенной – на моём терминале и без охраны! С ума сойти! По какой нужде? И как тебя величать теперь, когда лордства твоего ты почти лишился?

– Можешь называть меня Свари ох'нер Тэют ох'Калькхэн, если хочешь.

– Хм. – Глаза Мела смеялись. – В конце концов, «почти» –

не считается, лорд Ош, не так ли?

– Может, хватит приветствий?

– Как скажешь. Выпьешь? Закусишь?

– Спасибо, сыт. Но если случится заглянуть тебе в мой дом, я и выпью, и разделяю стол с тобою. – Ош ясно выразил собственные мирные намерения и своё неверие в благожелательность Мела, и тот оценил – разулыбался ещё более сътой, ещё более наглой, но при том и обаятельной улыбкой:

– Ну, и правильно, никому верить нельзя. Оружие-то сдал?

– Уж ты-то знаешь, что это фикция для нас, кипов.

– Знаю. – Глаза Мела на миг смеяться перестали. – Говори. Я не кинтанианка, церемонии разводить и изъясняться намёками не намерен; ходить вокруг да около не стану. Что привело тебя сюда?

– Мне нужна женщина. – Непринуждённо ответил Ош. – Такая, к каким я привык на Савале: послушная, я бы даже сказал, покорная, без амбиций и претензий. Я теперь временно веду жизнь скитальца, и по известным причинам приобрести такую на Въерре или другом большом терминале не могу.

– И с чего же ты взял, что такую можешь найти именно здесь? – Прищурился Мел.

– Умоляю, Мел, раз уж мы заговорили без обиняков, не виляй зря! Всей Вселенной уже известно, что именно здесь находится Вай Атт; я на твоём месте уже давно перепрятал

бы его. Но пока ты этого не сделал, я хотел бы воспользоваться его услугами в деле приобретения, скажем так, утешения в моих печалях. Он мог бы хорошо подзаработать – я на всякий случай ещё с Пскема прихватил солоночку. А посреднику я, пожалуй, шепнул бы на ушко кое-что такое, о чём хотелось бы знать каждому мало-мальски соображающему живому существу в этой Вселенной.

– С чего бы я поверил тебе и тем паче, стал посредником? Ты – кип.

– Я – беглец. Преданность и честь – вещи святые, но они совершенно не окупаются. Все мои попытки осться чистым ни к чему не привели. Я ещё не определился: может, последую за Рэном и его подобными, но уже точно не вернусь на Кинтану. И ты же должен понимать: в моём случае такой мелочью, как подстава Вая, себя не реабилитируешь. Я хочу того, чего хочу: приобрести клона. Поможешь? Если не поможешь – я поищу другое место.

Мел думал. Слова Оша были абсолютно логичны: Мел не видел никакого изъяна, но чувствовал. Он хорошо чувствовал людей, а Ош не был похож на человека, ушедшего в отрыв. В нём не было надлома, какой был в тех редких кипах, что, как печально известный лорд Рэн, рвали с Кинтани и шли на корабли контрабандистов. Напряжение и злость были, а надлома – не было. Ош оставался самим собой, и это настораживало. Но сведения... Это был такой товар, ради которого в данный момент можно было рискнуть всем.

- Сведения. – Наконец сказал он.
- Женщина. – Возразил Ош.
- Хорошо. – Мел шевельнул ладонью, и активировал голограммическую панель внутреннего вызова, непрозрачную со стороны – так, что Ош никак не мог увидеть, что на ней изображено. – Вай, спустись ко мне с образчиком товара... Конечно. – Он помолчал, наблюдая за происходящим на экране, потом спросил, обращаясь к Ошу:
 - Тебе всё равно или девственницу?
 - Последнее. – Не дрогнув, ответил Ош. – Я, знаешь ли, подержанными вещами брезгую.
 - Прихвати не початый товар. – Сказал Мел. Ещё несколько секунд понаблюдал за происходящим на экране, потом сказал:
 - Вай сейчас придёт. Закончит, так сказать, проверять качество... Не хочешь посмотреть?
 - Нет. – Ответил Ош. – В категорию зрителей я ещё не перешёл. Предпочитаю сам.
- Лицо Мела на миг исказилось от злобы, но в следующий миг он снова по-кошачьи улыбнулся:
 - Приятно пообщаться с тобой, кип. Редко среди вас встречаются языкастые – обычно кипы скучны до оскомины. Так-таки и не хочешь выпить? Обижаешь!
 - Волнуюсь перед свиданием. – Ош уселся в низкое кресло, широко расставив длинные ноги и сцепив пальцы перед грудью.

– Яда нет, если что. – Начал выходить из себя Мел. Спокойно наблюдая за ним неприятно понимающим и беспристрастным взглядом, Ош даже чуть-чуть усмехался, что было особенно противно.

– Не смеши меня. Яд для мутанта – средство от запора.

– Я что-то не пойму тебя. – Улыбка окончательно сошла с лица Мела. – Ты не самоубийца?

– Ещё не знаю. – Откровенно ответил Ош. – Я же сказал: не определился. Но тоска по женской ласке говорит об оптимистическом, в основном, настрое.

– А ты слышал, – зачем-то сказал Мел, – что клонов изготавливают из матрицы возлюбленной твоего папаши?

– Слышал. Не волнуйся, у меня нет комплексов по этому поводу. Я родителей не помню. Скорее, даже любопытно.

– Неужели правда, – спросил Мел, – что у кипов нет души?

– Откуда мне знать?

– Действительно… – Пробормотал Мел. Странное чувство его охватило. Это была ЕГО позиция – спокойной иронией выводить из себя ёрничающих перед ним клиентов. Лорд Ош был спокоен, холден, смотрел на него вполне равнодушно, с умеренным любопытством, но Мела не покидало чувство, что в душе он насмехается над ним. Он следил за ним, пытаясь заметить хоть малейший признак нервозности: напряжение, дрожь мускулов, – и ничего не видел даже своим наметанным глазом. Лорд Ош был совершенно спокоен

и, судя по его виду и позе, чувствовал себя комфортно. Мел поверил наконец – Ош вполне его убедил; но теперь получалось, что он сам по себе и уязвим.

Ош услышал приближение тех, кого ждал, задолго до того, как нано-стена растаяла и пропустила Вая Атта и девушку в розовом костюме, высокую, тоненькую мероканку с красными волосами, подстриженными «каре», и яркими синими глазами. Вид у неё был невинный, но чуть выступающая нижняя губа придавала её лицу немного высокомерное выражение, что в сочетании с природным изяществом и своеобразной красотой делало её очень запоминающейся. Ош встал из кресла, едва она вошла, сказал:

– Замечательно. Это именно то, о чём я мечтал всю свою жизнь.

– Сведения. – Повторил Мел.

– После того, как девушка будет в моём корабле.

– А это мы решим после того, как выясним, что такое ты хочешь нам предложить. – Нагло заявил Вай. Его искусственные глаза выглядели совсем, как настоящие; если бы Ош не знал о них, ни за что бы не догадался. И вряд ли Вай догадывался, что Ош знает.

– По-моему, ты чего-то недопонимаешь, Вай. – Широко улыбнулся Ош, уже поняв, что сейчас произойдёт, и почти радуясь этому.

– Боюсь, это ты не понимаешь. – Покачал головой Вай. –

Тебе бы помягче быть, поприятнее. Глядишь, и повезёт.

– Это ты правильно делаешь, что боишься. – Сухо сказал Ош. – Чутьё имеешь, однако.

Вай был уверен в себе, а главное – в него верил Мел. Может быть, Вай несколько раз сталкивался с кипами, которых смог одолеть; Ош знал, что он очень серьёзно тренировался в своё время, как многие его Касты, кому не давало покоя их положение. Но они не знали, кто он – имена и титулы клык – офицеров держались в строжайшей тайне, только офицеры Челюсти и ближайшие родственники, да и то не все, знали истину. Иногда даже такую тайну трудно было сохранить, и информация просачивалась, но про Оша всё-таки известно ничего не было. Слишком высоким было его происхождение, слишком влиятельными – родственники. Он был правнуком и внуком Понтификов, и племянником супруги Понтифика; единственный наследник древнейшего и знаменитого рода правителей провинции Калькхэн, – подобных ему на Кинтане было не больше десятка, и, вполне осознавая собственную значимость, они обычно не рисковали своей драгоценной персоной до такой степени. Лорд Ош был в этом смысле исключением и большой загадкой.

– Здесь очень скучно живётся, Ош. – Сказал Мел. Дёрнул девушку за руку, привлекая к себе. – Ты же понимаешь, Ош, что слухи о том, что таких клонов – сотни, сильно преувеличены. На самом деле то, что продаётся на терминалах всем желающим, это бионики. Безмозглые и недолговечные. На-

стоящий клон, как вот эта крошка, растёт столько же, сколько обычный человек; это дорогой товар, эксклюзивный. Редкий. И стоит такая девушка очень дорого.

– Цена. – Холодно сказал Ош.

– Твои сведения – товар тоже дорогой и важный, Ош. – Продолжал Мел. – Но этим ты оплатишь свой беспрепятственный отлёт отсюда.

– Не понял? – Ещё холоднее спросил Ош.

– А что непонятного? – Не выдержал Вай. – Мы не знаем, насколько твои сведения на самом деле ценные и важные. Может быть, им уже красная цена – копейка? Может быть, об этом уже известно многим? И тебе не жаль проболтаться после того, как ты столько потерял за них и столько молчал. Кто спорит? Но отдавать тебе неизвестно, за что, такой лакомый кусочек, это уже извини.

– Мы понимаем, – мягко, прямо-таки медовым голосом произнёс Мел, – что с материальными ценностями у бедного скитальца туговато. Но, повторяю, здесь так скучно порой, что любое зрелище будет стоить очень дорого. Особенно – аrena.

– Ты хочешь, чтобы лорд провинции Калькхэн дрался на арене? – В глазах Оша зажегся красный огонёк.

– Конечно, хочу! – Вскричал Мел. – И ещё как хочу!!!

– Не боишься? – Поинтересовался Ош.

– Есть немного, но не слишком. – Откровенно признался Мел. – Знаешь, есть ведь необходимые меры предосторож-

ности. Зато девочка будет твоя.

– Я могу отказаться?

– Боюсь, что нет. – Мел источал мёд и млечко. – Так дела не делаются. Ты слишком много видел, и ты сам по себе, уж извини, слишком много стоишь. Так или иначе, ущерб, хоть бы и моральный, я намерен компенсировать. Ты уже соглашайся, Ош.

– С кем драться?

– Желающих целая очередь. Мы отбираем лучших, чтобы зрелище было впечатляющим. Не переживай, мы тебя недостойными соперниками не унизим!

– А если что-то пойдёт не так, – со странной улыбкой спросил Ош, – не закричишь, не заплачешь, мамочке жаловаться не побежишь?

– Это мои проблемы. Очень опрометчиво ты поступил, Ош, прилетев сюда один, без охраны и нормального оружия. Очень!

Меры предосторожности Мел принял стандартные: арена, на которую в лифте поднялся Ош, была окружена нано-стенами. В то же время Оша никто не обыскал; удовлетворившись отсутствием оружия, его отправили сюда одного, что было глупо, а со стороны Вая, уже получившего урок от Шена, глупо вдвойне. «Дети!» – Усмехнулся Ош про себя, оглядываясь посреди овальной ярко освещённой арены.

Впрочем, когда появились соперники, самоуверенность

Мела стала понятна: по его задумке, у Оша не оставалось никаких шансов. Одновременно с разных сторон на арену вышли семеро соперников Оша: высокая рыжеволосая шахрианка с двумя мечами, похожими на японские катаны, вся в ржаво-чёрной замше, густо усыпанной серебром, подчёркивающей, а кое-где и вызывающе открывающей достойные преклонения прелести; два гаранина, массивных, мускулистых, в коже – у одного из них был страховидный двуручный топор невероятных размеров, у второго – две причудливо изогнутых секиры; три кинтанианина Средних Каст, одетые свободно и практично, с оружием простым с виду, но очень опасным: в одной руке широкий кинтанианский нож, почти меч, на другой – либо щиток с магнитными заклёпками, либо «когти» – перчатки со стальными лезвиями. Седьмым был рыцарь Агой, с разномастным пучком волос убитых им соперников на кожаном шлеме и с невероятным по красоте и чудовищным по смертоносности зигзагом белого металла в руке: культовый меч, так называемый «Коготь Сакирш-ш». Такой меч могли носить только Дети Сакирш-ш – высшие воины Агой. Вряд ли этот был из них, подобный воин не вышел бы на арену никогда... впрочем, клык – офицера здесь тоже не должно было быть.

Уверенные в этом, первыми в атаку бросились гаране. Движения Оша можно было проследить только в замедленном повторе: падая под сверкающие лезвия секир и топора, он крутанулся на руке, ножами, выскочившими из косми-

ческих ботинок, ударили по ногам гаранина с топором, свалив его, подхватил в полёте топор; вскакивая и одновременно уворачиваясь от сверкающих катан, он опять крутился между нападающими, топором почти небрежно снес наискось часть черепа вооружённому ножом кинтанианину и выпрямился в стороне, уже вооружённый топором и ножом. Двое убитых ещё умирали в собственной крови; покалеченный гаранин пытался приподняться, отчаянно ругаясь и требуя помощи. Шхарианка, взмахнув катаной, прекратила и его жалобы, и просьбы. С вызовом посмотрела на Оша. Она была очень красива. Матриархат Шхара был иного рода, нежели женская власть Кинтаны – в отличие от кинтанианских леди, шхарианки своей красотой не пренебрегали. Вообще, культ сексапильности и чувственной власти над противоположным полом на Шхаре был так же силён, как и на Земле. Зена, королева воинов, вместе с Рыжей Соней удавилась бы со злости, увидев эту воительницу, в которой сексапильность сочеталась с волей, холодным умом, властью и мастерством. Земные амазонки – одна из распространённых мужских фантазий о дикой воительнице, которая в итоге покоряется сильному мужчине, – в подмётки ей не годились. Она настолько верила в свою власть и в превосходство женщины над мужчиной, что была для Оша менее серьёзным противником, чем могла бы быть.

Не смотря на то, что безоружный кинтанианин только что, не напрягаясь, в мгновение ока убил двоих из них и завла-

дел их оружием, они ещё не поняли, что происходит. Впрочем, насторожиться это их заставило, и во второй раз на Оша напали только гаранин с секирами и двое кинтаниан. Атаку они построили грамотно; будь Ош даже суперменом, ему не удалось бы увернуться и избежать хотя бы одного из нападающих. Он и не уворачивался, а устремился им навстречу. Ему надолго запомнилось выражение лица гаранина, который вложил всю мощь удара туда, где Ош должен был очутиться, продолжая свой стремительный бросок, и со свистом разрубил секирами пустоту. А Ош, застывший в середине стремительного броска, тут же ударил, обеими руками, топором вспарывая грудную клетку гаранина, а ножом пронзая горло одного из кинтаниан. Завершая движение и бросая оружие, в прыжке, разворачиваясь, он ногой сломал шею последнему из кинтаниан и подхватил его нож, уклоняясь от сверкающего вихря, в который превратились катаны.

Всё предыдущее действие заняло не больше двух минут – большая часть которых ушла на приглядывание друг к другу. Теперь все поняли, что происходит, и кто очутился на арене. Только клык-офицеры умели останавливать себя в самом стремительном броске и фиксировать своё тело в любом положении, игнорируя законы физики. Но даже не в этом заключался весь ужас. Они умели не только это, и Мел с Ваем уже жестоко упрекали друг друга за то, что не обшарили Оша получше на предмет не только оружия. А на арене тем временем разыгрывался последний краткий эпизод бойни.

Не смотря на страх перед подобными тому, кто стоял теперь перед ней – а их боялись все в Известной Вселенной, – шхарианка всё ещё верила в своё превосходство, и в то, что мужчина пощадит её тело, которое не могло его не возбуждать. Движения её вдруг сделались очень плавными и дразнящими; обходя Оша по окружности, она откровенно созлазняла его. Она почти уверена была, что он её не убьёт – разоружит, может быть, ранит. И он, как будто, колебался – не спешил нападать, с интересом наблюдая за ней. Если бы она отказалась от поединка и продемонстрировала это, Ош не стал бы её преследовать. Он не испытывал удовольствия от убийства. Но она напала, когда решила, что он достаточно деморализован созерцанием её прелестей, и поплатилась за это. Клинки её со страшной силой, но абсолютно бесполезно рассекли воздух там, где только что был Ош, и в тот же миг в спину ей вонзился нож. С хриплым выдохом шхарианка рухнула ничком на пол, залитый кровью и содержимым чьёго-то желудка. Ош повернулся к Агой, уже вооружённый катанами. Последующие свои движения он рассчитал с точностью до долей секунды. Шаг; разворот, нырок под сверкающий «коготь Сакирш-ш», разворот в обратную сторону и удар наперекор собственному движению. Голова Агой ещё летела по великолепной дуге в сторону, разбрызгивая тёмную кровь, а Ош уже был возле нано-стены. Крохотный карандашик с тонюсеньким «грифелем» прижался к стене, и она растаяла, впустив Оша в коридор, из которого только

что вышли гаране. Голова упала и покатилась; Ош катаной вскрыл потолок над собой и исчез в коммуникациях терминала, где его невозможно было проследить и нельзя было никак помешать.

Обычному человеку, даже самому выносливому и тренированному, без специального снаряжения подобное проникновение было бы опасно. Но кинтанианину не мешали ни адский холод, ни пары азота, ни даже высокое напряжение на отдельных участках. Всё, что сейчас делается Мелом для обеспечения безопасности, он знал наизусть; это позволяло ему отсчитывать время с помощью глупой детской считалочки, в этом непрерывном ритме двигаясь и действуя. Добравшись до одного из энергетических узлов, Ош пустил туда жучка, затем, через три секунды – ещё четырёх; в этот миг перед ним уже начали выстраиваться из кислотных светящихся линий схемы терминала; манипулируя ими со своего браслета, Ош быстро пробежался по ней, отыскал конечную точку, отметил свой маршрут, дал команду четырём жучкам, и только через пять секунд после того, как он закончил, Мел обнаружил вторжение и активировал защиту.

– Дети! – Вслух фыркнул Ош.

Ситуацию сильно осложняло то, что невозможно было использовать оружие, которое хоть немного уравняло бы шансы. Мел родился и вырос в космосе, на терминалах, которые в разное время становились жертвами чистки, проводимой

кинтанианскими Челюстями. Он слишком хорошо знал, на что способны были эти офицеры; он знал и то, что ни разу ни один из них не погиб в подобной ситуации. Это были люди хладнокровные, настолько, что одно это внушало страх; это были люди, прекрасно разбирающиеся в компьютерах, технике, электронике, анатомии, и в массе других вещей; это были... в общем, это были даже и не совсем люди. Мел всерьёз обдумывал возможность улететь с терминала, но подозревал, что не успеет, и не знал, что предпринять. Он не побоялся бы отравить Оша каким-нибудь ядовитым газом, но Вай охладил его пыл, объяснив, что газ, способный отравить кинтанианина, должен быть уже чудовищно ядовитым. Мутанта трудно отравить или покалечить. Можно было применить ещё кое-какие меры, но для этого нужно было установить его местонахождение, а этоказалось невозможным. Ош передвигался слишком быстро; он слишком хорошо знал, что нужно делать ему, что сделает Мел, а главное – когда он это сделает. И хозяин терминала впал в панику гораздо раньше, чем Ош проник обратно в помещения терминала, причём, как показывали средства слежения, проник сразу в четырёх местах. В том числе и в помещении, где находился Мел со своими охранниками, девушкой – клоном и Ваем.

Но если в других помещениях появилась фикция, то в этом помещении появился настоящий Ош. И так силён был страх присутствующих перед клык-офицерами, что шестна-

дцать вооружённых до зубов мужчин подались назад при виде одного кинтанианина. Только боевые андроиды, у которых не было предубеждений, бросились на него с лазерным оружием, чем-то похожим на мечи джедаев из «Звёздных войн». Ош легко, словно играючи, увернулся от двух нападений сразу, двигаясь, как могло показаться, в противоположные стороны; руки его с катанами рубили наотмашь, нога ломала шею и сносила голову. Ещё разворот, и от андроидов осталась куча хлама на полу. Ош, немного рисуясь, картино опустил ногу на место и вытянул в сторону руку с катаной. Сделал другой рукой приглашающий жест:

– Рискнёшь, Вай?.. Ты же такой тренированный и мощный боец. Ничем не уступаешь кипам. Дерзни!

– Вай, не дури! – Крикнул Мел, но Вай уже устремился на Оша. В руке у него был шокер, который он до поры прятал от чужих глаз; но неожиданность ему не помогла – Ош с лёгкостью избежал заряда и ударил эфесом катаны Вая прямо в лицо. Удар был так силён, что вывел из строя искусственные глаза Вая и полностью деморализовал его. А Ош, не теряя времени, устремился в последнюю атаку.

В этот самый миг к терминалу уже приближалась Адрия. Предупреждённые Гритом, мероканцы направлялись арестовать Вая. Немного отставая, из гиперпространства вышел Грит. Адрия состыковалась с терминалом гораздо раньше, как раз в тот момент, когда Ош вывел из строя Вая.

Он схватил девушку и швырнул её в угол, ушёл от выстрелов из парализаторов и шокеров, вихрем крутанулся между нападающими, сверкая катанами и жестоко рубя ими без разбору, догнал у двери Мела и наотмашь ударил, рассекая тело от левого плеча до правой тазовой кости. Наностены растаяли, и из коридора на Оша уставились дула бластеров охранников-кантаниан. Несколько секунд никто не шевелился; кровь быстро собиралась на сверкающих лезвиях в тяжёлые капли, которые срывались и падали на пол. От роскошной обстановки апартаментов Мела ничего не осталось; так же, как и от их обитателей. Только Вай скулил, взявшись в крови и пытаясь куда-то ползти. Девушка сидела в углу тихо, как мышка, молча смотрела на происходящее без особого страха в синих глазах. Ош спокойно смотрел на жерла бластеров, и никто не торопился стрелять... Пока в коридоре не появились мероканцы во главе с Тарвой Зээм. Она ворвалась в апартаменты и тоже замерла. Бойня, открывшаяся её взгляду, ужаснула даже её, не склонную к истерикам. Кровь, внутренности, части тел – рук и ног, рассечённые черепа, мозги... Содрогнувшись, она посмотрела в глаза Ошу.

– Можешь забрать Вая. – Сказал он спокойно. – Он жив и невредим, только со зренiem небольшие проблемы.

– Ты всех их... убил?! – Испуганно спросила Тарва.

– И не только их. – Возразил Ош, вытирая катану. – Ещё, как минимум, десять человек только на этом терминале. А что?

– Ничего. – Очнулась Тарва. – Ничего. Вая мы забираем.

А это... – Она запнулась, увидев девушку. – Это клон?

– Клон отправляется со мною на Грит. – Возразил Ош. – Я дорого заплатил за неё и намерен своей покупкой воспользоваться.

У Тарвы скривилось лицо, но неожиданно для Оша, спорить она не стала. Спросила у девушки:

– Ты-то хочешь с ним пойти?

– Да. – Ответила она на удивление спокойно и твёрдо.

Встала и подошла к нему. – Он мне нравится, и я хочу уйти с ним.

– Гены, что ли? – Сама у себя спросила Тарва. Кивнула на Вая подошедшими мероканцам:

– Берите его. Он обвиняется в том, что выращивал и продавал клонов мероканок для непотребства и издевательств.

Не без некоторого восхищения поглядывая на Оша, мероканцы, осторожно ступая меж убитыми, подняли Вая и повели прочь. Ош повернулся к девушке:

– Не боишься меня?

– Я никого не боюсь. – Был ответ.

– Как тебя зовут?

– Никак. Ты мой хозяин, ты меня и назовёшь.

– Прости, детка, но к моему великому сожалению, твой хозяин не я. Я посредник.

– Хорошо. – Хладнокровно ответила она. – Ты отведёшь меня к нему?

— Точно. Прямо сейчас. — Он боялся посмотреть на Тарву, но пересилил себя. Взглянул ей прямо в глаза, но как бы хорошо он ни чувствовал её, выражения её глаз он понять не мог.

А она восхищалась им. В этот миг — так, как никогда ещё и никем. Стыдилась своего восхищения, ненавидела себя за него, и в то же время любовалась тем, кого всегда ненавидела, всегда завидовала втайне, всегда испытывала тягу. В этот миг эта тяга обострилась, как никогда; она просто больна была ею. Больше всего на свете она, наверное, хотела бы Оша убить; но в какой-то миг мелькнула дикая мысль: если бы он поцеловал её, прямо сейчас, здесь, она бы...

Он бросил на пол катаны, взял девушку за руку.

— Извини, Командор, мне пора. Я и так здесь задержался дольше, чем предполагал.

— Ты не ранен? — Спросила Тарва так мягко, что сердце его сжалось и свернулось в комочек, стало трудно дышать. Как бы он хотел сказать: «Да!» — и увидеть беспокойство в её глазах! Но он покачал головой:

— Ты меня обижаешь.

— Ну, да, конечно. — Она тут же приобрела прежний, официальный вид. — Я забыла. Говорят, у вас нет души.

— Да, я тоже что-то такое слышал. Пока. — Он пошёл прочь, чувствуя себя так ужасно, как никогда ещё. И всё-таки...

Ив отстал от Тарвы совсем немного. Увидев Оша, живого и невредимого, он улыбнулся широко, с облегчением, с ин-

тересом глянул на девушку, и тут же перевёл взгляд на друга:

– Всё в порядке?

– Абсолютно. – Ответил Ош. – Мел убит, правда, но Вай Атт жив и у мероканцев. Вот эта девушка может всё рассказать о лаборатории, и о том, как растут и обучаются клонь. Детка, – он притянул девушку к себе, – того, для кого я забирал тебя с этого терминала, зовут Кейвар Мессейс. Он ждёт нас на Гrite.

– Уверен? – Спросил Ив. Ош только глянул.

Кейв, услышав, что с минуты на минуту на Гrite будет Тарва Заэм, малодушно сбежал в спортзал. Он не знал, как вести себя с нею; она смотрела на него так откровенно! Все её чувства были написаны у неё на лице. Не отвечая на эти чувства, как он мог её обнадёживать? И как поставить себя, чтобы у неё этих надежд не появилось, он не мог придумать, а совета спросить ему было не у кого. Поэтому он прибег к испытанному способу: отправился на тренировку. Потому и проморгал появление в собственных апартаментах моло-денькой мероканки в розовом костюме, которая приветство-вала его шокирующим титулом «Мой господин».

– Ты как сюда попала?! – Спросил он, от неожиданности повысив голос. Ужас на её лице его остудил; в любом случае, обидеть женщину он не мог.

– Я не знала… – Пролепетала она. – Меня сюда привёл твой друг и сказал, что я твоя. Прости меня!

– Ты ни при чём. Всё нормально. Я сейчас... приду.

Он бросился в крипт, где Кайл Ивайр, попрощавшись с Тарвой, отдавал приказ Гриту лететь к Корте. Ворвался туда, злой, как чёрт, воскликнул:

– Кайл Ивайр! В моих апартаментах...

– Я знаю. – Повернулся к нему Ив. – Всё в порядке.

– В порядке?!

– В порядке. Эта девушка не может оставаться без присмотра; она – сущий младенец. Ты о ней позаботишься.

– Почему я?!

– Потому, – в голосе Ива явственно зазвучал металл, – что это была твоя идея: приобрести клона. Ты настоял на том, чтобы Ош отправился за нею и рисковал жизнью, чтобы приобрести её. Ты в курсе, что ему пришлось драться на арене с семью противниками, а потом ещё с охраной Мела, и только своевременное появление мероканцев спасло его от огня бластеров?.. Всё это было твоей инициативой, Кейвар. Расхлёбывай теперь. Это приказ капитана корабля.

– Но женщине будет проще...

– Анне?.. – Приподнял брови Ив. – Это помешает её личной жизни. Она возьмётся за это, если ты попросишь, но я запрещаю тебе просить. Ты сам виноват и сам выкручивайся. Учи её, воспитывай. Чем скорее ты научишь её пользоваться элементарными вещами, тем скорее отделаешься от неё. Может, Ва согласится... – Он пожал плечом. – Хотя я сомневаюсь. У тебя складываются очень ровные отношения

с другими членами команды, не заметил?

– Заметил. – Сказал Кейв. – Это моя вина, но я не могу пока это изменить.

– Так хотя бы имей мужество возиться с последствиями.

– Хорошо. Я позабочусь о ней. И кстати... насчёт Оша. Я тоже клик-офицер. Я точно знаю, что ему там ничего не угрожало. И даже бластеры – мелочь.

– Никто не застрахован от случайностей. Даже вы.

– Тоже верно. – Кейв повернулся и вошёл в лифт, злой, но и чуточку пристыженный. Он на самом деле даже не поинтересовался, как справился со своей миссией Ош. Но тот и отомстил ему, тоже! Чего-чего, но такого Кейв от него не ожидал. «А почему, собственно? – самокритично поинтересовался он у самого себя, возвращаясь к клону. – Что меня так завело?! Что, мэр меня сожри, со мной происходит?!»

Девушка сидела в кресле, несчастная, такая жалкая, что у него сердце сжалось при виде неё. В любом случае, она-то точно ни в чём не была виновата!

– Ну, что с тобой? – Мягко спросил он. – Чего ты испугалась?

– Ты злишься, го...

– Так. Давай, сразу договоримся: Я не господин; я Кейв. Так ты и будешь меня называть, и только так? Договорились?

– Да, Кейв.

– Отлично. Да успокойся ты! Видишь, я не злюсь. Всё нор-

мально. Я просто не ожидал увидеть тебя, и немножко расстерялся. Это был сюрприз для меня.

- Но ты больше не сердишься?
- Нисколько. Как тебя зовут?
- Никак, Кейв. Имя мне должен дать ты.
- Ну... хорошо, я что-нибудь придумаю. Сколько тебе лет?

– Лет?.. – В глазах её снова мелькнул испуг, и он поспешил успокоить её, заверив, что вопрос не важный. Дальнейшие вопросы показали, что она не знает, что такое год, что такое месяц, что такое время, не умеет читать, писать, пользоваться компьютером, нано-стенами, простейшими приборами – её наверняка не учили этому с умыслом, чтобы избежать риска побега. Она действительно была неопытной и беспомощной, как маленький ребёнок, но ребёнок смышлённый, живой, с характером, даже своенравный. Неожиданно – а может, и вполне закономерно, Кейв ощущил настоящий подъём духа при мысли о том, как будет учить её, воспитывать и опекать. Собственно, о чём-то таком он мечтал и насчёт Анны, но та оказалась слишком взрослой, самостоятельной и сильной натурой. Наконец-то сильно выраженное начало наставника, опекуна, даже хозяина в его натуре нашло свою отдушину! Полный приятных предвкушений, он всё простил Ошу и Иву, хоть и не без некоторого осадка в душе, и, придумав девушке имя: Лара, – необычное и звучное, экзотическое, весь с головой ушёл в её проблемы.

А у Анны с Ивом чуть было не случилась первая серьёзнаяссора из-за него. Они даже повысили голос друг на друга – правда, тут же и испугались, оба, одновременно, и, как это пока у них получалось, одновременно же бросились мириться.

– Ош – лорд, – объяснял Ив Анне после примирения. – Он никогда об этом не забудет. Он культурный, милый, образованный, но не забывай – они феодалы, со всеми вытекающими отсюда понятиями о чести, кровной обиде и смерти за неё. Он мог не убивать Мела – но тот заставил его драться на арене, как простого смертного, и вот уже его лордство вне себя от ярости. Он НЕ простой смертный, и никогда этого не забудет, и не позволит забыть другим. Он считает тебя и меня ровней себе, так же и Кейва, с которым дружил с детства, но такое оскорблениекакое нанёс ему Кейв, – да ещё прилюдно! – он нестерпит. И я, по большому счёту, рад безмерно, и мэрэ его знает, какое облегчение испытываю оттого, что он ограничился такой скромной местью! Это даже и к лучшему. У твоего брата серьёзные проблемы с женщинами, и я надеюсь, что клон ему в этом поможет.

– Почему ты думаешь, что у него серьёзные проблемы?

– Потому, что из трёх женщин, с которыми он общается у меня на глазах, только с тобой, сестрой, он может общаться нормально. С Ва они грызутся, как бешеные мэрэ; от Тарвы он прячется. Я готов даже понять его и сделать скидку

на то, что он, мероканец, был воспитан кинтанианкой, и это серьёзно повредило его психику. Но я никогда не забуду и того, кем может стать такой, как он... если на его проблемы вовремя не отреагировать должным образом.

— Я понимаю. И что у него проблемы, я тоже думаю. Но... я же сама такая. Я отвечаю на любое давление всплеском агрессии, я так устроена. Если меня ударить по левой щеке, я исцарапаю обидчику обе. Надо либо дать ему время, либо... не давить. Он в штыки встречает разговоры об этом, так может, не надо это обсуждать с ним?

— Я и не собираюсь. — Легко согласился Ив. — Ради тебя я даже готов ему позволить и дальше дурью маяться. Хотя за Вас мне обидно. После тебя и Оша она — самый мой любимый человечек.

— После меня и Оша? — Поджала губы Анна. — Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь. — Засмеялся Ив.

— Скажи?

— Ну, ты же знаешь!.. — И весь спор их быстро и плавно перерос в любовную сцену — слишком уж они были увлечены друг другом и слишком друг другу подходили, чтобы на долго отвлекаться от собственных переживаний на какие-то там чужие заморочки.

Грит наконец-то взял курс к Корте — окончательно и бесповоротно. И Корта, а за нею и весь Союз, уже знали о его

прибытии. Всё это было связано с таким лихорадочным ожиданием, с таким ажиотажем, вызывало такое любопытство, местами – возмущение, местами – страх; всё это явилось причиной самого серьёзного обострения отношений между двумя расами: мероканцев и кинтаниан, – весь Союз гудел от напряжения в эти последние дни. Самой большой сенсацией, пожалуй, было то, что встречать Грита и его команду прилетела на Корту супруга лорда Гленна, ещё одна высоко-поставленная родственница лорда Оша, леди Шиаз. Это сам по себе случай был беспрецедентный, ведь леди Кинтану не покидали почти никогда. Стало быть, – полагали все, и не только на Корте, – наконец-то и Кинтана всполошилась. Мероканский Совет сильно надеялся, что леди Шиаз летит для поиска компромисса, больно уж ситуация была взрывоопасная накануне войны.

Никто не сомневался, что и Л: вар уже знает обо всём, что происходит с Гритом. Его реакции ждали с особым напряжением: неужели он вот так и позволит присвоить свой корабль мероканцам, не попытавшись ничего сделать? И как он отреагирует на появление Дома Мессейс? Этот вопрос, пожалуй, самих мероканцев волновал больше всего. Если Дом Мессейс решит собраться, явится ли на это собрание Л: вар? И если да, то как отреагирует остальной Союз? А если нет, то как отреагирует новоиспечённый Дом? Нужно было быть мероканцем, или, на худой конец, хорошо знать, насколько

для них важны эти вопросы и как живо и глубоко они их волнуют, чтобы до конца понимать важность именно этой стороны проблемы. Хрен с ним, с Гритом – считали мероканцы, – как он поступит с Домом Мессейс?..

Это был больной вопрос для мероканцев на данный момент, и по всей Корте не утихали споры, прения и дискуссии на эту тему. От реакции Л: вара на Дом Мессейс зависело и то, как дальше будут поступать мероканцы; и то, как они отреагируют на его нападение на Союз, если таковое произойдёт. Адрейн Вера первым во всеуслышание объявил о намерении Дома Вера объявить Л: вару войну, и Дома их Крови Вера поддержали, а это было уже серьёзно.

Вторым по важности событием было, конечно, открытие планеты Озакх. Слух об этом уже просочился на Корту, и хоть точно не было ничего известно, мероканцы, особенно мероканцы Низких Каст, уже строили планы и предположения, а учёные осаждали остров Ваэ с просьбами предоставить хоть какую-то информацию, переданную с Грита. Всё это не могло не тревожить кинтаниан, которые не хотели бы, чтобы мероканцы ушли с Корты – главным образом, потому, что в собственности мероканской Общины находились основные научные, военные и промышленные средства Корты. Помимо этого мероканцы были научной элитой Союза; лучшие врачи, биохимики, генетики и т.д. были именно мероканцы. Поэтому кинтаниане поспешили отнестись к слухам о найденной Озакх скептически и объявить их вздорны-

ми; в общем, в преддверии появления Грита в Союзе было весело. Лига же хранила загадочное молчание – обычно какие-то слухи оттуда в Союз всё равно просачивались, нынче же было глухо. На Биафра тоже всё было смутно – конкретных сведений не было ни у кого.

На фоне всего этого как-то пока не особенно заметны были участившиеся сообщения со всех уголков всех планет Союза о непонятных и тревожных природных явлениях и нетипичных катаклизмах; о гибели деревьев и животных – хотя в другое время, наверное, всё это встревожило бы людей больше. А вот участившиеся сбои в расчётах навигаторов многих насторожили даже не смотря на ажиотаж вокруг мероканцев и Грита. И на Биафра о навигаторах говорили особенно много. В космосе что-то происходило; и наступал момент, когда не замечать этого было уже нельзя.

Долгое время Анне, поглощённой любовными своими переживаниями, кошмары не снились. Она уже забыла, как они мучили её одно время; все её сны были полны Ивом, и только им. Но за три дня до возвращения на Корту ей неожиданно приснился очередной кошмар.

Что напугало её больше всего, так это то, что в кошмаре этом тоже был Ив. Она искала его в каких-то тёмных переходах и лабиринтах, постепенно впадая в отчаяние оттого, что не могла его найти, а какое-то смутное и тяжкое чувство усиливалось и давило грудь нехорошим предчувствием. Почек-

му-то ей казалось, что она внутри какой-то громадной и тёмной машины; было ощущение тяжёлого гула и вибрации, хотя она как бы их и не слышала. Проползая в какие-то тесные и грязные тоннели, Анна постепенно впадала в отчаяние, но упорно продолжала искать, не смотря на незримую, но грозную опасность, присутствующую здесь. Наконец, в какой-то совсем тёмной и тесной конуре она нашла Ива. Он, голый, лежал спиной к ней, свернувшись в комок, и не реагировал ни на какие её уговоры и слёзы. Анна рыдала так, что во сне у неё разболелась голова, но Ив так и остался безучастен к ней и ко всему вообще. Спрятав его, ставшего вдруг крохотным, Анна пошла по берегу моря в поисках чего-то, что могло бы ей помочь, не совсем представляя, что бы это могло быть. «Недосол на столе, пересол – на спине» – с маниакальной настойчивостью вертелась в голове дурацкая присказка. А с неба, побелевшего, как люминесцентная лампа, опять начало изливаться зло, от которого не было спасения. Беззащитная, Анна сама сжалась в комок на песке... и проснулась. Ив склонился над ней, гладил по лицу.

– Что с тобой? – Спрашивал встревожено. – Ты вся съёжилась и заскулила, словно тебе больно...

– Страшный сон приснился. – Призналась Анна, прижимаясь к нему.

– Всё нормально. – Ив продолжал гладить её по голове, уютно устроив у себя на груди. – Ты слишком давно в космосе, нужно отдохнуть.

– Мне уже это снилось... – Сонно пробормотала Анна. – Мне кажется... это что-то значит...

– Конечно. Это значит: пора домой. Под солнышко, на море, на воздух. Скоро уже, родная моя, скоро уже.

– На Корте самые наши проблемы и начнутся. – Возразила Анна ему в грудь. Он усмехнулся.

– Переживём. Пока ты со мной, мне на всё плевать.

– И мне. – Чуть слышно шепнула она.

9 октября 2006 года